

александр дугин

ПОСТМОДЕРНА

ВРЕМЕНА НОВЫХ ИМПЕРИЙ.
ОЧЕРКИ ГЕОПОЛИТИКИ XXI ВЕКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
АМФОРА
2007

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)
Д 80

Автор выражает признательность Н. Агамалян, Г. Гавришу,
М. Гаглоеву, В. Коровину, Н. Мелентьевой
за составление, редактуру и помощь в издании данной книги

Дугин, А.
Д 80 Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / Александр Дугин. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2007. — 382 с.

ISBN 978-5-367-00616-2

Новое произведение известного политолога, основателя российской геополитической школы А. Дугина посвящено проблемам геополитики как таковой и геополитики постмодерна.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-367-00616-2

Вместо введения

«ГЕОПОЛИТИКА ПОСТМОДЕРНА. ВРЕМЕНА НОВЫХ ИМПЕРИЙ»

СХЕМА «НОВОГО МИРА»

1. Геополитика как анализ постоянной части исторического процесса

Геополитика как метод основана на пространственном подходе. А пространство, взятое в самом себе, неизменно, постоянно. Поэтому геополитический подход оперирует с такими реальностями, которые — чисто теоретически — считаются постоянными и не зависят от исторических колебаний. Как в астрономическом календаре существует постоянная и переменная части, первая из которых отмечает расположение на небосклоне неподвижных звезд, а вторая — динамику перемещения движущихся светил, так и полноценный политический анализ международных отношений можно представить в виде двух частей — постоянной и переменной. Постоянная часть — это и есть геополитика. Она исходит из принципа, что государства и цивилизации в своих основах отражают специфику ландшафта, в котором они возникли и развивались.

Великолепный термин предложил для понимания философской сущности этого геополитического подхода русский географ евразиец Петр Савицкий — «*месторазвитие*». Оно описывает и то «место», то конкретное пространство, — включая всю его структуру, и ландшафт, и особенности ведения хозяйства, и символические особенности, — где зародилась государственность или культура того или иного народа, и те области, где эта государственность и эта культура

развивались в дальнейшем, переосмысляя это же изначальное пространство, вступая в диалог с окружающими пространствами или меняя изначальное местонахождение. Все это представляет некоторый постоянный фон, на котором развертывается история народов и государств, и этот фон — по мысли геополитиков — сам по себе диктует глубинную логику того, что происходит с народами, с их политикой, экономикой, международными отношениями, с системами ценностей и верований.

Переменной же частью политической истории будет сама история как таковая, где вступают в действие более подвижные и динамически меняющиеся силы: решения исторических личностей, особенности социального развития, принятие и ниспровержение определенных конфессий и идеологий, факты исторического столкновения с иными народами и культурами.

В западноевропейской гуманитарной науке до определенного момента объектом изучения и внимания оставалась исключительно переменная часть — только *история*. Всю реальность европейцы вкладывали в развитие событий во времени, а на постоянную, фоновую, «парадигмальную» сторону никакого внимания не обращали. И лишь с развитием социологии и политической географии во второй половине XIX века (Ратцель, Челлен, Теннис и т. д.) исследователи стали постепенно все больше и больше уделять внимания тому, *где* именно развертывается то или иное историческое событие и как географический контекст на него влияет. Отсюда родились теории государства «как формы жизни» (Ф. Ратцель) и государства «как пространственного организма» (Р. Челлен). Так «постоянная» часть в форме учета географического контекста стала постепенно входить в систему политического анализа и постепенно, уже в XX веке, — хотя и не без труда и не без сопротивления политологов и историков традиционного склада — прочно вошла в структуру любого полноценного политологического, стратегического и исторического анализа.

2. Суша и Море, Лес и Степь

Общепринятой классификацией, положенной в основу геополитического подхода, стала предложенная англичанином Макиндером концепция выделения в качестве двух основополагающих и первичных форм пространства «Суши и Моря». Позже философски и культурологически диалектику этой пары обосновал в своих трудах немецкий юрист Карл Шмитт. Это стало общепринятым местом в геополитике — поскольку границы между Сушей и Морем практически не изменяются в ходе тысячелетий и анализ истории народов и государств в их отношении к морям (шире: к водным ресурсам, включая озера и реки, что дало потамическую теорию происхождения цивилизаций, согласно которой государства и культуры создаются только там, где водные артерии располагаются в определенном — перекрестном — порядке) может быть продлен в далекое прошлое.

Другой версией геополитического подхода являются теории о дуализме кочевых и оседлых народов, которые принципиально по-разному относятся к пространству и поэтому закладывают в свои культурные, религиозные и политические модели противоположные ценностные установки, что предопределяет их политическую историю. Эту линию применительно к русской истории впервые отметили русские славянофилы, сформулировав концепцию Леса и Степи, описав их диалектические противоречия и обоюдную роль в создании российской государственности. Систематический анализ такого подхода дал в своем фундаментальном труде «Начертание русской истории» русский историк В. Вернадский.

В европейской традиции можно отметить часто встречающееся противопоставление Леса и Пустыни, избранное в качестве основы различия индоевропейской культуры (Лес) и семитской культуры (Пустыня), диалектическим синтезом которых стала (по мнению некоторых европейских геополитиков) западно-христианская цивилизация.

Теоретически могут существовать и более узкие региональные модели — геополитика гор, геополитика льдов и т. д.

В принципе геополитический метод позволяет широкую свободу в толковании основных начал, повлиявших на тот или иной тип государственности или культуры. Важнее всего здесь фактор учета фундаментального влияния качественного пространства, обнаруживаемого в самих первоосновах цивилизации.

3. Три основных исторических цикла

В XX веке произошло не только обогащение политического анализа геополитическим измерением, но и совершилась новая систематизация исторических процессов. Если ранее историки были склонны индивидуализировать исторический процесс, связывать его преимущественно с деяниями конкретных исторических личностей (Карлейль) или отдельных социальных групп (в частности, элит — у Парето, классов — у Маркса и т. д.), то постепенно в концу XX века устоялась типология, выделяющая в каждом обществе три теоретических этапа, которые так же глубинно, как пространственный фактор, но на сей раз из глубины самого времени, предопределяют основные пропорции исторического развития. Если такие пары, как Суша и Море, Лес и Степь и т. д., пытались нащупать изначальные «парадигмы пространства», то в анализе временных закономерностей истории велся поиск «парадигм времени».

Этими «парадигмами времени» применительно к общественным системам стали три модели общества — «традиционное» (или иначе «премодерн»), «современное» («модерн») и «общество постмодерна». В экономических терминах им соответствуют «предындустриальное общество» («аграрное»), «индустриальное общество» («промышленное») и «постиндустриальное общество» («информационное»).

Полностью все три типа общественного уклада прослеживаются в истории Европы и Северной Америки, в остальных же культурах мы имеем дело либо с первыми двумя ти-

пами общества, либо только с первым (в «развивающихся странах» Третьего мира или у отдельных архаических народов, обособленно ведущих хозяйство в составе более развитых государств). Но так как с конца XX века набирает силу феномен глобализации, то элементы западного общества постмодерна неуклонно распространяются и на все остальные страны и народы, порождая повсюду «трехслойное общество», где наличествуют — пусть фрагментарно и частично — все три парадигмы. И в самой отсталой стране есть центры компьютерных технологий и терминалы мировых финансовых систем — т. е. элементы «постмодерна» и «постиндустриальной экономики». Но верно и обратное — рост мировой миграции порождает анклавы традиционных — даже архаических — обществ в самых развитых странах, где — как в современной Франции — можно встретить среди постиндустриального пейзажа кварталы, компактно заселенные либо исламскими фундаменталистами, с минаретами, откуда регулярно призывают к молитве муэдзины, либо африканскими язычниками, чьи ритуальные барабаны не смолкают ни днем, ни ночью, заставляя «постсовременных» и высококультурных французов ежиться и вздрагивать.

4. Планетарная дуэль между атлантистскими США и Россией-Евразией

Дуализм Суши и Моря в XXI веке довольно ясно конкретизирован в двух важнейших планетарных пространствах — Северной Америке (что при добавлении Западной Европы дает нам атлантическое сообщество) и Северо-Восточной Евразии. Если Северная Евразия, на большей части территории которой была расположена Российская империя (позже СССР, а сегодня Российская Федерация — хотя и в сокращенном виде), уже у первых геополитиков признавалась бесспорным ядром цивилизации Суши и приравнивалась к мировому сухопутному полюсу (центру силы), контроль над которым, по словам Макиндера, обеспечил бы

мировое могущество, то полюс Моря в течение XX века сместился от Англии — «владычицы морей» — к США, которые переняли эстафету мирового господства над океанами. Впрочем, первые американские геополитики — такие как адмирал Мэхэн — уже предчувствовали такой поворот событий еще в XIX веке, когда тот же Мэхэн написал выдающийся труд по военной стратегии — «Морское могущество» («Sea Power»), в котором связывал грядущее планетарное возвышение США с развитием военно-морского флота и океанической стратегии.

Таким образом, с середины XX века геополитический дуализм, прослеживаемый геополитиками вплоть до древнейших конфликтов Афин и Спарты, Рима и Карфагена и т. д., окончательно кристаллизовался в противостоянии западного мира (США + страны Западной Европы) и СССР с его сателлитами в Европе и Азии. «Холодная война» и границы между участвующими в ней силами стала идеальной иллюстрацией к теории «великой войны континентов», где цивилизация Моря стремится захватить пространство Евразии «кольцом анаконды», предотвратить выход соперника к «теплым морям» и через контроль над береговыми зонами (увеличивая их к центру континента) удушить его во внутренней стагнации. И противостояние двух блоков в Восточной Европе, и Куба, и, шире, освободительные движения Латинской Америки, и Вьетнамская война, и разделение двух Корей, и, наконец, противостояние советских войск в Афганистане радикальным исламистам, поддерживаемым США, — все это эпизоды позиционной геополитической войны, где идеология играла второстепенную роль, прикрывая собой те же глубинные механизмы, которые действовали и в период «Большой Игры» между Великобританией и Российской империей вплоть до 20-х годов XX столетия. У Великобритании в XIX и XX веках не было никаких принципиальных идеологических противоречий с Российской империей, но геополитическое содержание их дуэли в Европе, на Черном море (Крымская война), на Кав-

казе, в Центральной Азии и на Дальнем Востоке было почти идентичным тому, что мы видели в эпоху «холодной войны». Впоследствии место Англии заняли США, и противостоянию была придана идеологическая нагрузка в виде соревнования двух систем. Однако геополитики также склонны толковать это идеологическое различие как выражение некоторых пространственных тенденций. В советском обществе легко заметить все признаки «сухопутной» Спарты, а в капиталистическом лагере ясно читаются демократические черты «морских», «портовых» Афин.

В любом случае перевес геополитики над идеологией наглядно обнаружился в 90-х годах XX века, когда СССР распался, Российская Федерация отказалась от коммунистической идеологии, и провозгласила себя «демократией», и с распростертыми объятиями двинулась на Запад, ожидая слияния в едином «глобальном общежитии» (теории «общеевропейского дома» эпохи Горбачева и откровенно лизоблюдское западничество Ельцина и его реформаторского окружения). *Слияния, однако, не произошло*, и, напротив, атлантистский блок НАТО не только не распустился после прекращения существования Варшавского договора, но, двигаясь на Восток, стал последовательно занимать те позиции, которые оставляла Москва. Поступая так, Запад руководствовался одним — геополитикой. Об идеологии здесь и речи быть не могло. На первых порах это оправдывалось «опасениями коммунистического реванша», а когда эта формула стала выглядеть смехотворной, то НАТО продолжал расширяться *просто так* — безо всяких объяснений.

Так сложилась сегодняшняя ситуация. Геополитическое наступление цивилизации Моря на цивилизацию Суши продолжается. По периферии России один за другим возникают новые военные объекты НАТО, направленные на стратегическое сдерживание и окружение России. И этот процесс только набирает обороты.

Геополитика, геополитическая методология не только убедительно объясняют эти процессы, но способны досто-

верно предсказать логику дальнейшего развития событий — будущее развертывание «великой войны континентов» в эпоху глобализации.

5. В чем была фатальная концептуальная ошибка Горбачева и Ельцина?

Преобладание исключительно исторического подхода и слепая и некритическая вера в однонаправленный прогресс без учета устойчивости «исторических парадигм» — и особенно устойчивости парадигмы «традиционного общества» — долгое время принуждали политологов анализировать конкуренцию государств между собой исключительно в терминах «модернизации». Считалось, что те общества, которые быстрее перейдут от аграрного к индустриальному уровню развития, и далее к постиндустриальному, получат тотальное превосходство над теми, кто отстанет. Следовательно, единственным полем конкуренции остается «модернизация: «кто более «модернизирован», тот и выигрывает. Приняв эту верную (но не универсальную) теорию, Советский Союз стремился любой ценой «догнать и перегнать» Запад, а когда выяснилось, что это не получается, Москва пришла в отчаяние, опустила руки и пошла к Западу на поклон с просьбой помочь в модернизации страны. Сегодня уже не только в теории, но и на практике очевидно, что из этого *ничего не вышло*. А если бы советское руководство уделило больше внимания геополитическому методу еще в 1980-х годах, когда кое-что можно было еще поправить, то крах таких попыток было бы легко предсказать и, возможно, избежать некоторых позорных страниц нашей новейшей истории.

То, что привело СССР и социалистическую систему к развалу, имело свое концептуальное обоснование. Не уделяя никакого внимания геополитической предопределенности обществ и не подозревая о сухопутной природе СССР и не сни-

маемых ни при каких обстоятельствах противоречиях с цивилизацией Моря (в нашем случае с США), советское руководство, а позже в еще большей степени либералы-реформаторы из окружения Ельцина, анализировали ситуацию только в терминах «идеологического противостояния» и «модернизации». Им казалось, стоит убрать «идеологию», и основные преграды для «модернизации» будут сняты. Но оставалась еще неизвестная им геополитика, которая существенно меняла всю картину. «Идеология» для самого Запада была лишь проявлением геополитического дуализма, и Макиндер ясно описал это в своей книге «Демократические идеалы и реальность», где он подчеркивал, что капиталистическая идеология воплощается в конкретных геополитических условиях, которые во многом и предопределяют идеологические процессы. Поэтому элита Запада действовала не вслепую, как Горбачев и Ельцин, и даже после отмены в одностороннем порядке «идеологического» противостояния (что они не могли не приветствовать, так как победила *их* идеология, а враждебная — самоуничтожилась), Запад не спешил с «модернизацией» России, предпочитая продолжать геополитическое наступление на уже поверженного противника, чтобы его добить. *Вместо* «модернизации» имели место активное наступление НАТО на Восток и отдельные попытки дестабилизировать ситуацию в самой России (отсюда поддержка Западом чеченских сепаратистов).

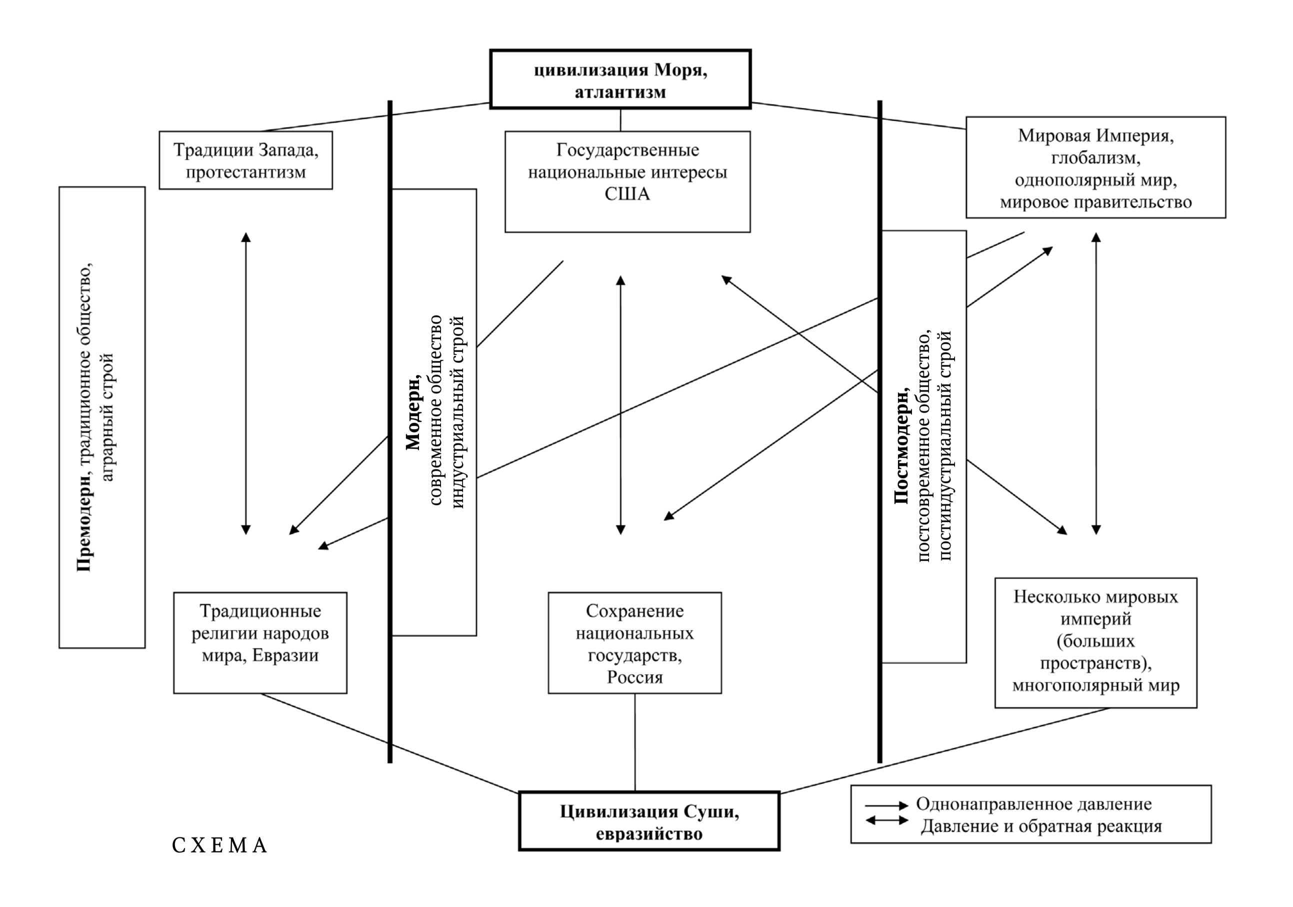
Кроме того, советским (а позднее российским) руководством был совершенно не учтен тот момент, что переход от индустриального общества к постиндустриальному — это отнюдь не чисто количественное продолжение развития, но совершенно новый этап со своей качественной спецификой. И во многом общество постмодерна представляет собой нечто обратное обществу модерна. Переход к постиндустриальной фазе не есть просто следующая, более развитая индустриальная фаза. Это выход за границы привычного представления об обществе, экономике, государственности, человеке, с которым привыкли иметь дело люди эпохи

модерна. Поэтому постиндустриализация в определенных аспектах идет в ином направлении, нежели индустриализация, — в частности, промышленное производство не развивается, а сокращается или переносится в страны Третьего мира, подальше от стран «богатого Севера». С другой стороны, постмодерн своей целью видит полное и радикальное дробление любых обществ на атомарные единицы — вплоть до упразднения государств, наций, национальных администраций, границ и превращения планеты в единое «гражданское общество», управляемое «мировым правительством». А это значит, что, став на путь «постмодернизации», Россия подвергается опасности скорейшей утраты собственной идентичности, растворения государственности и смешения населения с открытым во все стороны миром, что в итоге приведет к «глобальному кочевничеству» (Ж. Аттали). Иными словами, если проводить постмодернизацию без учета геополитики, то даже ее успех неминуемо приведет к исчезновению России как исторического явления.

6. Сводная схема основных парадигм глобальной политологии XXI века

Если мы сведем и исторические парадигмы, и геополитические принципы в одну схему, то получим картину, которая может рассматриваться как *базовая пространственно-временная политологическая карта XXI века.* С ее помощью можно прогнозировать основные фундаментальные тенденции и тренды, отслеживать динамику развития и изменения баланса основных событий, расшифровывать их значение.

На схеме изображена сводная картина исторических парадигм и геополитических полюсов, своеобразная пространственно-временная матрица, описывающая баланс сил в начале XXI века. Мы видим, что, в отличие от упрощенных картин идеологического противостояния или сведения всего к процессу «модернизации», геополитический

цивилизация Моря,
атлантизм
Традиции Запада,
протестантизм
Государственные
национальные интересы
США
Мировая Империя,
глобализм,
однополярный мир,
мировое правительство
Премодерн, традиционное общество,
аграрный строй
Модерн,
современное общество
индустриальный строй
Постмодерн,
постсовременное общество,
постиндустриальный строй
Традиционные
религии народов
мира, Евразии
Сохранение
национальных
государств,
Россия
Несколько мировых
империй
(больших
пространств),
многополярный мир
Цивилизация Суши,
евразийство
Однонаправленное давление
Давление и обратная реакция

СХЕМА

дуализм Суши и Моря существенно усложняет картину, показывая, что линии напряжения могут проходить одновременно по всем трем историческим парадигмам, и в некоторых случаях конфликты могут развертываться в перекрестных направлениях.

Атлантистский полюс в лице США сегодня активно утверждается во всех трех парадигмах. «Традиционному обществу» соответствует основополагающая для американской государственности и американского общества протестантская религия, и распространение протестантских сект со штаб-квартирами в США вполне может рассматриваться как один из инструментов геополитической экспансии. Американоцентричный протестантизм в некоторых случаях является особенно действенным средством укрепления американского влияния, если речь идет о традиционных обществах. В 1990-х годах волна протестантских проповедников и миссионеров захлестнула Россию и страны постсоветского пространства, а в последние годы масштабное наступление протестанты ведут на страны Дальнего Востока. Так, в Южной Корее протестантизм уже является конфессией большинства, и сейчас идет процесс повального распространения протестантизма в Китае. Поскольку именно протестантская этика и система ценностей лежит в основе современных западных капиталистических обществ, то расширение зоны влияния протестантской конфессии вполне может рассматриваться как подготовительная операция по наступлению атлантизма как геополитического явления, хотя в этом случае речь идет о смене одних религий другой, а не о прямой «модернизации» и программе Просвещения, которая делает ставку приоритетно на атеизм и индивидуализм.

На схеме видно, что традиционные конфессии автохтонных народов сопротивляются протестантскому влиянию, но одновременно можно увидеть, что косвенно распространению протестантизма оказывают поддержку и американское государство, и глобалистские фонды, НПО и правозащитные организации. Чаще всего традиционные религии

в той или иной степени противодействуют прямым атакам протестантских миссионеров, но симметрично влиять на американскую государственность или глобалистские сети они бессильны (если не считать атаку 11 сентября 2001 года на Нью-Йоркские небоскребы Всемирного торгового центра, приписываемую «Аль-Каиде»).

На уровне типичных образований модерна мы видим на схеме противостояние интересов США как государства и других национальных государств, чей суверенитет и региональное влияние ограничивают естественным образом зону влияния США. Поэтому атлантизм ведет к постепенной десуверенизации национальных государств. Этот процесс десуверенизации ведется по двум направлениям, отмеченным на схеме стрелками. С одной стороны, США стараются установить прямой контроль над проблемными зонами (Ирак, Афганистан, до определенной степени Сербия) — это противостояние по линии государство (США) — государство (все остальные страны). Здесь речь идет о напряжении в рамках парадигмы модерна. Но в других случаях десуверенизация может проходить под эгидой глобализации, и тогда те же США выступают уже не в роли национального государства, а как наднациональный локомотив глобализации, продвигающий условия «постмодерна» в мировом масштабе, не считаясь с национальными и административными границами.

Как мы видим на схеме, глобализация сталкивается с двумя типами сопротивления — по линии модерна этому противятся (отчасти по инерции) суверенные государства, а на глобальном уровне однополярному миру противостоит многополярный мир, или проект «созвездия новых империй», «больших пространств», что представляет собой ответ в плоскости постмодерна. И наконец, последняя линия напряжения проходит между проектом многополярного мира (евразийским постмодерном) и национальными интересами США как государства.

Нельзя назвать отмеченные двойными стрелками тенденции полностью равнозначными, сила действия и проти-

водействия в геополитике — в отличие от физики — не является тождественной. И в наших условиях все атлантистские (морские) векторы являются более весомыми и активными, более сильными, нежели ответные евразийские (сухопутные). Но так обстоит дело на стартовой позиции XXI века, когда еще дают о себе знать последствия того беспрецедентного поражения и провала, которое потерпела цивилизация Суши в 90-е годы XX столетия.

В будущем вполне можно прогнозировать изменение этого баланса, но силовые линии и основные параметры глобальной политической картины принципиально будут оставаться приблизительно теми же.

Эта схема может быть с успехом применена к анализу как конкретных региональных конфликтов, так и масштабных международных процессов.

7. Атлантистский проект против евразийского проекта

Понимание истоков нынешней геополитической расстановки сил необходимо для того, чтобы действовать в этой ситуации адекватно. Американский политолог Самуил Хантингтон откровенно охарактеризовал общий баланс сил в мировой политике формулой «the West against the Rest» — «Запад против всех остальных». В нашей схеме это будет означать не что иное, как атлантизм против евразийства, или Море против Суши. Но эта формула в нашем мире рассматривается только с одной стороны — со стороны Моря. Создается впечатление, что глобальный Запад, «the West», создает планетарный порядок по своим шаблонам, а «все остальные», the Rest, просто путаются у него под ногами, мешая осуществлять задуманное. Евразийство как метод предлагает посмотреть на ситуацию глазами этих «всех остальных», глазами the Rest. И тогда вместо инерции сопротивления «новому» со стороны «старого» мы видим *со-*

знательное и напряженное противостояние двух разных проектов, двух разных порядков — сухопутного и морского, каждый из которых обладает своей структурой, своими ценностями, своими идеалами и методологиями. И каждый идет к своей цели, в которой учитываются все аспекты, составляющие основу исторической цивилизации — и традиционное общество, и государственность эпохи модерна, и постмодернистский проект будущего.

Оказывается, ситуация далеко не выглядит как противостояние «атлантистского порядка мировому хаосу». Нет, атлантистскому порядку противостоит альтернативный евразийский порядок, а отнюдь не хаос. В конфликте сошлись не прошлое и будущее, но разные версии будущего, произрастающие из разного прошлого.

На этой напряженной линии борьбы находится и наше поколение и будут жить те поколения, которые придут ему на смену. И еще долго — необозримо долго — война между единой планетарной Империей (атлантистский проект) и созвездием многих империй (евразийский проект) будет определять сущность мировых политических процессов.

Раздел I
ПАРАДИГМАЛЬНАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ

премодерн — модерн — постмодерн

Глава 1. Реконструкция парадигм (взгляд из XXI века)

В нашем мире происходит фундаментальный слом парадигм, сопоставимый с тем, который произошел в Новое время. Новое время (модерн) сменило собой «традиционное общество» (премодерн), утвердило программу его полного уничтожения и приступило к ее исполнению. Это была настоящая революция парадигм. Сегодня на наших глазах складывается новая парадигма, которую принято называть «постмодерном». Смысл этого понятия сводится к обозначению нового состояния цивилизации, культуры, идеологий, политики, экономики в той ситуации, когда основные энергии и стратегии модерна, Нового времени, представляются либо исчерпанными, либо измененными до неузнаваемости. Приставка «пост» отсылает нас к состоянию, следующему за данным. Постмодерн наступает только после конца модерна.

Модерн, как парадигма, рожденная Западной Европой в Новое время, была отрицанием традиционного общества. Как альтернативный концепт, он был рожден посттрадиционным и антитрадиционным обществом, выработавшим систему критериев, в которой наука, опыт, техническое развитие, рационализм, критицизм и индивидуализм заместили собой теологию, коллективность, веру, догматику, холизм, интуицию, онтологизм традиционного мира. Программа модерна питалась энергией отрицания, опрокидывания

устоев того, что тысячелетиями казалось непререкаемым абсолютом. Западный модерн распространялся, созидался и укреплялся через борьбу с не-модерном, не-современностью, «премодерном», а также через борьбу с не-Западом (Востоком или Третьим миром). А.Тойнби осмыслил этот процесс в тезисе «The West and the Rest», у С. Хантингтона он превратился в «The West against the Rest». Программа и основной пафос модерна заключались в ниспровержении очевидностей традиционного общества, либерализации и освобождении человека от всего того, что догматически претендовало на роль его коллективной идентификации.

Либерализм изначально был чистым воплощением модерна, отрицавшим последовательно и размеренно онтологию премодерна. Вначале либерализм (буржуазная демократия) последовательно победил монархии и сословные общества. В этом процессе буржуазных реформ и революций, по сути, была сформулирована основополагающая программа модерна: Фрэнсис Бэкон и Адам Смит сегодня звучат абсолютно современно. Отрицая шаг за шагом фундамент традиционного общества, «освобождая» Европу от его нормативов, либерализм двигался широким путем нигилизма. Первый аккорд этого освобождения очевиден: разрушаются формальные структуры традиционного общества, представленные эксплицитно. Этот этап завершается к концу XIX века, когда формально феодальных режимов на Западе более не остается. Отныне нелиберальные идеологии вынуждены принять терминологию модерна, формально облачать свои идеи и тезисы в язык современности. Так, наряду с либералами, которые представляют собой модерн и по форме и по содержанию, сложились течения консервативных революционеров и коммунистов.

Консервативные революционеры, представители идеологии «третьего пути», пытались — довольно прозрачно и осознанно — обернуть консервативный фундаментал (ценности традиционного общества) в оболочку модерна, не просто отвергая модерн, как классические консерваторы,

но пытаясь его перетолковать. Классический пример — Луи де Бональд, утверждавший, что после того как «Французская революция утвердила в обществе «права человека», консерваторы должны утвердить в нем «права Бога». Он делал вид, что не отдает себе отчета в заведомом богоборчестве атеистической программы модерна... Наивная хитрость («теперь мы должны») тем не менее возымела свой эффект, и многие европейские режимы 20–30-х годов XX века поддались на консервативно-революционную стратегию.

Но в середине XIX века сложилось еще одно направление, которое до поры до времени воспринималась как наиболее «продвинутая» форма модерна, как наиболее «модерновое» в модерне. Речь идет о революционной демократии, социализме, коммунизме. Здесь, казалось бы, нигилизм (отрицание традиционного общества) был еще более очевиден, нежели в либерализме, и многие искренне рассматривали это направление как будущее буржуазно-демократического периода. До поры до времени обе тенденции модерна (либерализм и социализм) шли рука об руку, по крайней мере в том, что касалось борьбы с традицией в ее явной (консервативной) или завуалированной (консервативно-революционной) формах. По мере достижения успехов в общей борьбе заострялись противоречия между этими двумя формами.

Таким образом, к началу XX века модернизация шла уже сразу по трем каналам, три идеологии претендовали на ортодоксальное выражение этого процесса: идеология национальной модернизации (фашизм и его аналоги), идеология социалистической модернизации (марксизм) и идеология либеральной модернизации (англо-саксонский капитализм). Все они предлагали свой путь и по-своему трактовали стартовый импульс Нового Времени, все были ориентированы на достижение некоторого финального состояния модернизации, когда ее процессы достигли бы наивысшей стадии. Иными словами, на горизонте всех трех версий модерна сияли три утопии, три версии «конца истории» как завершения процесса модернизации.

Фашистский проект (особенно масштабно воплощенный в мифологии национал-социализма) предполагал создание «планетарного Рейха», где расово-германский элемент был бы венцом и субъектом технической эволюции. Показательно, что здесь апелляции к теме «Reich»'а, т. е. «царства», «империи», были прямыми и, по сути, обнаруживали наличие полуосознанной цели — реставрации условий премодерна в глобальном режиме с преобладанием германского расового элемента. Модернизация в нацизме была диалектическим средством для практической реализации «вечного возвращения», о чем прямо повествовали нацистские мифы.

Германский «планетарный Рейх» рухнул первым. Данный план «модернизации для архаизации» был сломлен.

Второй проект — советский — был более тонким и предпочитал оперировать только категориями модерна, без прямых апелляций к «империи». «Империей» («красной империей») — в полемических целях и в пежоративном смысле — СССР называли только враги. Однако и здесь модернизация должна была достигнуть своего пика с переходом на качественно новый уровень. Этим пределом был коммунизм. История модернизации, осознанная в гегелевско-марксистских терминах, кончалась бы коммунизмом. Исследуя советский опыт уже в 30-х годах XX века, многие прозорливые либералы (К. Поппер, Н. Кон, Ф. фон Хайек, Р. Арон) пришли к выводу, что коммунизм и социализм суть разновидности консервативной революции. Но архаичное, сакральное и традиционное здесь весьма специфично, глубоко завуалировано и подчас невнятно большинству самих коммунистов и социалистов. Речь, по их мнению, шла об эсхатологической версии традиции, абсолютизирующей онтологию будущего. По сути, коммунизм — это постмодерн в советской версии модернизации, точно так же, как «планетарный Рейх» — постмодерн нацистского проекта. Но и эта модель не реализовалась.

Третий проект модернизации — либерально-демократический — остался единственным, который дошел до финиш-

ной черты и тем самым выиграл приз на наследие всего модерна. После Второй мировой войны начался очередной этап очищения модерна от традиции, но уже от тех ее элементов, которые проникли в модерн глубоко и неявно. В этом состоял парадигмальный смысл геополитической и идеологической борьбы между советским и капиталистическим лагерем в послевоенный период («холодная война»). Постиндустриальное (информационное) общество — единственная успешная модель завершения программы модернизации и перехода ее на следующую ступень развития.

Гегелевская философия истории, определявшая логику модернизации во всех вариантах, могла теоретически привести к одной из трех альтернативных версий «конца истории», постмодерна. Об этом много спорили в XIX и XX веках. А. Кожев одним из первых выдвинул гипотезу, что этим «концом истории» станет не коммунизм и тем более не планетарный нацистский Рейх, но именно либерально-модернистическая парадигма. Теоретически постмодерн мог бы быть нацистским, коммунистическим или либеральным. Он стал только либеральным, именно либеральную парадигму следует принимать за образец постмодерна. Переход от модерна на следующую ступень исторически реализовался только в либеральном контексте, и иного формата постиндустриального общества, кроме либерального, мы не знаем. Все остальное — в сослагательном наклонении. Конечно, Ф. Фукуяма несколько поспешил объявить о том, что история закончилась. Но в целом он был прав. Выиграв соревнование с фашизмом и коммунизмом и первым реализовав переход от модерна и индустриального уклада к следующей, постиндустриальной, эпохе, либерализм остался один на один с самим собой.

Сегодня Ф. Фукуяма корректирует свой тезис о «конце истории», т. к. реализация «империи постмодерна» сталкивается с новыми трудностями — например, всплытием затопленных и ранее игнорируемых смысловых и психологических «континентов» премодерна в Третьем мире, в Азии

и т. д., — но теоретически построения американского футуролога безупречны. Раз альтернативные проекты модернизации сорвались и не дошли до следующей стадии (не случайно Н. Хрущев назначил коммунизм на 1980-е — опоздание со сроками реализации «советского постмодерна» создавало реальную угрозу победы Запада, что и произошло), то «конец истории» доказал себя в лице планетарного либерализма.

Победа либерализма нивелирует различия между прежними проектами, стремившимися быть ему альтернативой. Это означает, что к началу XXI века различия между классическим консерватизмом, третьим путем, коммунизмом были практически стерты, а на следующем этапе это коснется и социал-демократии. Все, что оказалось «немодерном» — по форме или даже по глубокому и бессознательному содержанию, — отнесено в разряд политнекорректного, «вечно вчерашнего», «преодоленного».

Глава 2. Постмодерн: Запад, Восток и Россия

Описанная выше схема (премодерн — модерн — постмодерн) взята, однако, по прецеденту (в юридическом смысле): так или приблизительно так обстояло дело с той частью человечества, которая проживала в последние две тысячи лет в Западной Европе или была как-то связана с ней генетически (колонизаторские культуры обеих Америк, в меньшей степени — Африки и Тихоокеанского бассейна). И хотя в самой Западной Европе эта модель также имела множество отклонений и противоречий, тем не менее можно утверждать, что «телос» западноевропейской истории именно таков: от традиционного общества к современному, от премодерна к постмодерну.

Но европейское или европоцентричное сознание отличается «гносеологическим расизмом» и постоянно осуществляет отождествление «западноевропейского», «европей-

ского» и «универсального». Западноевропейский «телос» истории берется как универсальный «телос» истории человечества, на основании которого вырабатывается «универсальная» система оценок, критериев и шаблонов. Путь от традиционного общества к современному (и «постсовременному»), который прошел и продолжает проходить Запад, считается универсальным путем для всех стран, культур и народов. Их история рассматривается лишь как процесс «модернизации» и «вестернизации».

«Вестернизация» и «модернизация» — понятия не тождественные, но в то же время тесно связанные между собой концептуально. «Современность» оценивается со знаком плюс только в прогрессистской западной парадигме, поэтому этот термин заведомо несет на себе ее отпечаток. «Модернизация» (в широком смысле) имплицитно постулирует универсальность «исторического телоса», по сути скалькированного с «телоса» именно европейской истории.

Очевидно, что история традиционных обществ (а к этой категории до сих пор принадлежит подавляющее число жителей земли!) выпадает из такой телеологической парадигмы, движется по совершенно иной траектории. Следовательно, в глазах Запада «история» большинства человечества игнорируется в ее содержательном измерении, а внимание фокусируется лишь на тех ее фрагментах, где дают о себе знать признаки «европейского телоса», т. е. «элементы модернизации».

Для написания учебников по всеобщей истории такой подход чрезвычайно удобен: все общества, культуры и страны ранжируются в соответствии с упрощенной исторической схемой, выстраиваемой согласно априорно заданной телеологии. Далее задача приобретает чисто технический характер — в зависимости от уровня учебника более или менее нюансируются иллюстрации (любопытно, что марксизм в значительной мере наследует западноевропейский «гносеологический расизм»).

Вне подобной историцистской парадигмы говорить о «постмодерне» (равно как и о модерне) бессмысленно. Вне

западной цивилизации есть «модерн», принесенный туда с Запада (по логике колониальной парадигмы), и в какой-то момент это привитое явление переходит (может перейти, перейдет) в новую стадию — в ту, куда постепенно переходит само западное общество, следуя за своим «телосом». Если рассмотреть культурно-цивилизационный контекст, отличный от западного, то качество т. н. незападного модерна явно обнаружит свою двусмысленность.

«Модернизация» России в XX веке шла чрезвычайно оригинальным («марксистско-ленинским») путем, и сейчас еще предстоит выяснить, чем был по сути «советский эон». В чем «советизм» был «модернизацией», в чем — «псевдомодернизацией», в чем, «антимодернизацией»? Иными словами, «советский модерн» — это открытая тема. Но если в России сложился очень сомнительный «модерн», то «постмодерн» наверняка будет еще более странным.

Постмодерн основывается на предпосылке, что модернизация традиционного общества успешно завершена, что сакрального измерения в социально-политической и экономической сферах более не остается. Так или почти так обстоит дело на Западе (по крайней мере, таковы фундаментальные декларации западной власти и интеллектуальной элиты, таковы приметы преобладающего цивилизационного стиля). Контроль Запада над планетой сегодня велик как никогда, и налицо полная иллюзия успешного введения в контекст «модерна» всех региональных элит незападного человечества. В этих условиях наблюдается интересное явление: весть о «постмодерне» постепенно делегируется Западом незападным элитам. Это обозначение новой парадигмальной территории, которая призвана постепенно сменить «модернистические» установки после того, как они эффективно и окончательно лишат последних традиционных черт недостаточно современные общества. «Постмодерн» — это своего рода «масонство» XXI века, которое в полузакрытой среде оперирует чистыми парадигмами политико-цивилизационных установок и дозированно транслирует их (в адаптированных формах) незападным элитам.

Проецируя указанные тренды на Россию, можно легко заметить, что наша страна в 1990-х гг. оказалась на новом витке колонизации. Явно не до конца «модернизированное» общество получило императив освоения не просто либеральной модели, но либеральной модели в ее наиболее рафинированном, кристальном виде. В России и с модерном-то было все не до конца понятно, а тут нагрянул постмодерн. Это породило серьезную концептуальную сумятицу.

В российском «постмодерне» можно выделить две основные линии. Первая является чисто «колониальной». Западный «постмодерн», примененный через «компрадорские» интеллектуальные элиты к России, был призван создать четкий вектор для процесса ускоренной модернизации — быстрыми темпами демонтировать все то, что было по сути «немодерном» в российском «псевдомодерне». Так постмодерн был индикатором правильности курса модернизации. Традиционная психология русских весь XX век перетолковывала «модернизацию» в архаическом ключе (например, переплавив марксизм в хилиастическую эсхатологию), и естественно, эти тенденции мгновенно остановить было трудно. Поэтому «постмодерн», а точнее, «постмодернизм» играл важную роль на этом этапе либеральной модернизации. Реформы экономики в духе классического (индустриального, а иногда и предындустриального капитализма) сопровождались реформами сознания в духе постклассического, постиндустриального капитализма (посткапитализма). В этой своей функции постмодернизм в России 1990-х годов являлся ультраколониализмом. Он жестко насаждал «свершившийся телос» Запада в страну, вся история которой была направлена на то, чтобы от этой логики увернуться (а то и опровергнуть ее). Отсюда естественное и вполне оправданное недоверие к постмодерну у консервативно настроенной российской интеллигенции. Однако эта функция постмодерна в России далеко не завершена.

Следует учесть еще одно обстоятельство. Постмодерн в западном контексте снижает деструктивный пафос «мо-

дерна» в отношении «остатков» традиционного общества, так как эти остатки считаются качественно преодоленными. В постмодерне Традиция вызывает уже не ненависть, и даже не безразличную иронию, но эфемерный десемантизированный развлекательный (псевдо) интерес. Третий Рейх и Сталин (выставка тоталитарного искусства «Москва—Берлин») идут на одном дыхании, вместе с историей первой топ-модели Твигги, перипетиями кинокарьеры Мэрилин Монро или Мадонной (постмодерн уже в «пике»), играющей Эвиту Перон (жену латиноамериканского диктатора, национал-социалиста) в популярном крупнобюджетном мюзикле. В постмодерне модерн настолько побеждает премодерн (Традицию), что уже не видит в Традиции никакого содержания, забавляясь ею наряду со всем остальным. Традиция отныне не враг, но элемент зрелища на равных основаниях со всем остальным. Постмодерну теперь все равно. Окончательно все равно. Он готов рециклировать все и вся: в новых условиях ничто не может выступить его антагонистом — ни экономическим, ни социальным, ни психологическим, ни цивилизационным. Даже «злодей» Бен Ладен интегрируется в спектакль: его племянница — это потенциальная поп-звезда с гарантированной карьерой.

Адольф Гитлер — идеальный диджей. Геббельс — ведущий ток-шоу. Сталин — чудесный брэнд для продажи табака или грузинских вин. Че Гевара рекламирует сотовые телефоны. И Традиция, и Революция включены в постмодернистический спектакль без особых проблем. Они существуют виртуально именно потому, что они более невозможны в реальности. Впрочем, в постмодерне виртуально все: деньги, наслаждения, культ, труд, общество, власть...

Когда такая парадигма переносится в «недосовременную» Россию, она мобилизует проколониальную элиту, дает ей парадигмальные ключи и стилистические коды контроля. Но есть у русского постмодерна и совершенно иной аспект. На уровне политического бессознательного русское общество не принимало западный «телос», всякий раз ста-

раясь перетолковать навязанные парадигмы «модерна» в «премодернистском» ключе. Этот тонкий процесс связан со структурой коллективного бессознательного русских. Сложно детально описать этот процесс, он заведомо остерегается внешней рационализации, ускользает от нее. Этот пласт коллективного бессознательного представляет собой гигантский психический потенциал, некий активный диспозитив реинтрепретационных, ресемантизационных стратегий, диспозитив перетолковывания.

Диспозитив перетолковывания у русских существенно отличается от аналогичных инстанций традиционных культур (например, азиатских) тем, что он располагается гораздо ближе к поверхности сознания, стучится в двери рассудка, пытается выбраться на поверхность. Азиатские культуры, модернизируясь, игнорируют корневые парадигмы этого процесса, пряча архетипы в глубины психики. Японский философ-кантианец легко остается законченным и совершенным буддистом, даже не подозревающим, что Кант имел в виду что-то другое. Пласты архаического диспозитива у японца фундаментальны, как гранитный цоколь. Азиаты, подчиняясь «модерну» внешне, не обращают на него, по сути, никакого внимания, оставаясь сами собой. Русские же, смутно и непрямо, стремятся концептуализировать свою внутреннюю позицию. Это переводит диспозитив ресемантизации в основу национального мессианства.

Евразиец П. Савицкий в рецензии на книгу Н. Трубецкого «Европа и человечество» заметил, что только русские способны обобщить архаический потенциал традиционных обществ Азии в активную контридеологию, в альтернативную парадигму. Евразийцы признавали за русскими возможность активного противостояния модерну, модернизации как вестернизации. Именно активный антимодерн, в свою очередь, вел к «модернизации» без «вестернизации», т. е. к такой модернизации, которая была бы направлена на противостояние парадигме Запада, его «телосу». Исторической иллюстрацией этого явления служит весь период со-

ветской истории (понятый, вслед за М. Агурским, в духе «национал-большевизма»), а максимальная рационализация его обнаруживается в интуициях евразийцев. Речь идет о том, что у России был (и отчасти остается) не просто архаический диспозитив коллективного бессознательного, но и вектор к рационализации программы «антимодерна» или «иного модерна».

Вот здесь-то и заключается самое интересное. Искусственное колонизаторское внедрение в современную Россию парадигмы постмодерна, за счет безразличия и игрового, зрелищного (псевдо) интереса Запада к табу, приоткрывает русским новые возможности. Постмодерн не видит в премодерне опасности, так как он есть «реализовавшийся» (а не «реализующийся»!) «телос» модерна, возникающий только тогда, когда все альтернативы модерну действенно сняты. Будучи примененным к иной контекстуальной среде, это может дать непредсказуемые результаты...

В западном контексте постмодерн размывает упругость модернизационной стратегии, так как «телосу» уже ничто не угрожает. В Азии постмодерн все равно не поймут, как не поняли модерн, перетолковывая его как-то по-своему (но в целом безобидно). А в России постмодернистский эзотеризм, выйдя на улицы, грозит стать брешью в стихии западного «телоса», его «антитезой», его «темным дублем». Если прозападная, компрадорская элита видит в Че Геваре брэнд мобильной связи, то антизападные, евразийские массы, иронично поймав нить игры, могут превратить мобильник в средства Революции (ведь, согласно постмодернизму, означающего и означаемого больше нет, есть только знаки). Точно так же у массы, в отличие от элит, не Сталин брэндирует «красное вино», но после «красного вина» рождается великая ностальгия по Сталину. В каком-то смысле народный массовый постмодерн в России может породить «антителос», стать топливом нового рывка евразийского мессианства и превратить рециклирование алеаторных кодов змеиного контроля системы в экстатическую имперскую практику Вечного Возвращения...

Глава 3. Эволюция социально-политических идентичностей в парадигмальной системе координат

Какое бы социальное явление мы ни рассматривали, следует точно локализовать его в парадигмах исторического процесса по линии «премодерн» («традиционное общество») — «модерн» (Новое время) — «постмодерн». Очевидно, что смена парадигм происходит не мгновенно, а занимает довольно растянутый исторический период. В этом качественная содержательная нагрузка исторического процесса: модерн, с его революционной повесткой дня, элиминацией метафизики, освобождением индивидуума, разрушением старых социокультурных, политических и религиозных форм, вытесняет премодерн постепенно, а тот («традиционное общество»), в свою очередь, упорствует, ищет новых воплощений, стремится одновременно прямо противостоять ему и проникать изнутри, имитируя «модернизацию». Сложность картины смены парадигм никогда не позволяет однозначно определить, когда модерн победил, а премодерн исчез. Нельзя спешить с выводами: премодерн очень устойчив, жизнеспособен, глубок и способен прорасти сквозь рациональную программу модерна, как трава сквозь асфальт. Иррациональное, мифы, чувства, сны, интуиции ведут против модерна свою тайную работу, не останавливаясь ни на мгновенье.

Проследим цепи парадигмальных эволюций на примере трансформаций идентичностей — социальной, политической, индивидуальной.

Премодерн знает следующие основные идентичности:

— империя;

— этнос;

— религия;

— иерархия (каста, сословие).

Империя объединяет в общий рациональный проект несколько этнических групп, универсализируя определенный

культурный тип, который ложится в основу выработки системы особой имперской рациональности, всегда подчиненной высшей, сверхрациональной, трансцендентной цели (imperium sacrum). Империи, как правило, открыты к ассимиляции определенных культурных элементов различных охваченных ею этносов, что делает имперский механизм чаще всего надэтническим. Это справедливо как для классических персидской, греческой или Римской империй, так и для кочевых империй гуннов, тюрков или Чингисхана. Имперская идентичность воспринимается гражданами Империи как соучастие в общности универсального проекта, в общности судьбы. Политически возвышаясь над этносом, человек премодерна попадает в Империю, вступает в активное взаимодействие с «legacy of empire». Империя для человека традиционного общества не данность, но задание.

Этнос — это, напротив, данность. Это матрица культурной, языковой, психологической, родовой, кровной, но и социальной природы человека. Рождаясь в премодерне, человек попадает в этнос и чаще всего остается в нем до самой смерти. Этнос — это непосредственная идентичность человека традиционного общества, откуда он черпает все — язык, обычаи, психологические и культурные установки, жизненную программу, систему возрастных и социальных идентификаций и т. д. Этнос также обладает рациональностью, но эта рациональность, в отличие от имперской, локальна, имеет ограниченный ареал применения. Этническое мышление неразрывно связано с языком. Через язык человек интегрируется в этнос, получает имя, определяет свое место в мире. Эта органичная идентичность в традиционном обществе намного превосходит индивидуальное начало: человек этнический есть элемент единого целого, понятого (холистски) как неразделимое единство, главный и непоколебимый диспозитив онтологии. Человек в «традиционном обществе» есть в той мере, в какой он есть русский, грек, татарин, германец и т. д.

Религия — особая форма идентичности премодерна. В некоторых случаях она совпадает с этносом (иудаизм).

В других случаях она опирается на стратегический потенциал империи (римское язычество, позже христианство в Византии). Иногда религия сама способна консолидировать различные этносы, превращая их в единое стратегическое целое (исламский халифат). И наконец, религия может формировать общую надэтническую идентичность в отрыве и от этноса, и от империи (буддизм в Китае, Японии и т. д.) Религия является также диспозитивом идентичности и онтологии, который, однако, сообщает свое качество иначе, нежели естественная этническая среда или жесткие силовые императивы империи. Религия обращается к индивидууму непосредственно, возводя его к соучастию в особом уровне существования, где он становится элементом особого духовного процесса, определяемого в разных религиях по-разному (спасение в христианстве, освобождение в индуизме, нирвана в буддизме и т. д.).

Кастовый (или, смягченно, сословный) принцип характерен для большинства типов традиционного общества. Почти все они основаны на иерархии, где высшие касты соответствуют духу, низшие — материи. Человек премодерна отождествляет себя со своей кастой, которая дает ему обоснование для социальной жизни и самопозиционирования. Иерархия — дословно «священновластие» — является неотъемлемой чертой традиционного общества.

Модерн сознательно нацелен на то, чтобы сокрушить и ниспровергнуть идентичности премодерна. Его программа состоит в последовательном опрокидывании пропорций «традиционного общества». Модерн предлагает свою систему идентичностей:

— государство (état-nation) — вместо империи;

— нацию — вместо этноса;

— светскость — вместо религии;

— равенство индивидуумов, граждан (права человека) — вместо иерархии.

Государство мыслится модерном как антиимперия. Это особенно очевидно в теориях Маккиавелли, Бодена, Гоббса.

В империи ими критикуется принцип трансцендентности, особой сверхрациональной телеологии, линия великой судьбы. Государство, в современном понимании, рассматривается как чисто рациональный аппарат, имеющий не столько позитивную (мессианскую) нагрузку, сколько механическую задачу не допустить «войны всех против всех» (Гоббс), сбалансировать эгоистические, хаотические и противоречивые импульсы «автономных индивидуумов». В разработке концепции Государства большую роль сыграло протестантское учение — с его резкой индивидуализацией духовного начала, критикой католических традиций и церковных институтов.

На место органического кровно-культурного родства в модерне приходит нация как искусственно организованный конгломерат граждан конкретного государства. Создание наций и государств уничтожает этносы, переверстывает их под единый формальный шаблон. В нации органические кровнородственные и культурные связи распадаются, заменяясь механически выстроенной формализованной системой. Происходит унификация граждан под шаблон Государства.

Институт традиционных религий маргинализируется, модерн утверждает идеал «светскости», секуляризма. Религиям отводится место на периферии общества, они превращаются из действенного фактора организации коллективной идентичности в личное дело каждого, никак не влияющее на структуру общественного целого. Лаицизм настаивает на этом эксплицитно.

Иерархическая модель модерном также отвергается, индивидуумы считаются принципиально равными, разделенными на классы лишь произвольностью личной судьбы. Правители и простые граждане ставятся на одну онтологическую и антропологическую плоскость, демократия релятивизирует системы власти — теоретически каждый индивидуум может занимать в обществе и государстве любой пост. Какая бы то ни было связь власти с онтологией отрицается, власть десакрализируется.

Идентичности модерна являют собой антитезу идентичностям «традиционного общества». Переход от системы старых идентичностей к новым и составляет основное содержание современной европейской истории.

К концу XX века модерн с этой программой справляется, его идентичности полностью вытесняют и замещают собой идентичности премодерна. По мере того как этот процесс завершается на Западе, сам Запад отвоевывает себе доминирующие позиции в остальном мире, устанавливая идеологическую гегемонию в планетарном масштабе — через культурную, стратегическую, экономическую или политическую колонизацию. Запад становится хозяином дискурса, обрекая остальной мир на шепот, вскрики или рыдания. Запад (вполне по-расистски) приравнивает свой процесс развития, эволюцию своей цивилизации (от премодерна к модерну и постмодерну) к универсальному курсу «всемирной истории». Но переход от модерна к постмодерну, являясь безусловно логичным на Западе, создает применительно к остальному человечеству некоторую двусмысленность, на прояснении которой, впрочем, современные западные философы предпочитают не останавливаться.

При переходе от модерна к постмодерну обнаруживается интересное явление: когда процесс модернизации принципиально завершен, сами идентичности модерна начинают на глазах менять свое качество, утрачивая raison d'être. Не случайно многие философы отождествляют процесс модерна с «процессом критики» (подразумевается критика традиционного общества и его пережитков). Когда объект критики исчезает, трансформируется сама критическая тенденция. Это и есть ситуация постмодерна, которая неожиданно дает нам веер новых идентичностей.

Постмодерн выдвигает проекты:

— глобализации (глобализма) — против классических буржуазных государств;

— планетарного космополитизма — против наций;

— полного индифферентизма или индивидуального мифотворчества в контексте неоспиритуализма — против строгой установки на секулярность;

— произвольность утверждения абсолютным индивидуумом своего отношения к «другим» — против гуманистической стратегии «прав человека».

Глобализация расплавляет государства; «новое кочевничество» и планетарный космополитизм подвергает декомпозиции нации; светскость, традиционные религии и экстравагантные культы уравниваются в статусе, открывая путь произвольным и индивидуальным парарелигиозным конструкциям («нью-эйдж»); виртуальное наделение своего «эго» произвольными качествами, спроецированными на виртуальный клон киберпространства, порождает ультраиндивидуализм.

Появляется новая идентичность — человечество. Так как любая идентичность предполагает наличие пары «свой-чужой» (психология), «друг-враг» (К. Шмитт), человечество в эпоху глобализации создает своих внутренних и внешних оппонентов — «изверги-террористы» («нелюди») внутри, «инопланетяне», «aliens» — вовне. Фобии НЛО и инопланетян, столь распространенные, к слову, в США, самой авангардной стране глобализационного проекта, все более занимают массовое сознание, порождая распространенные культурные сюжеты, своего рода «архетипы постмодерна».

Вместе с тем появляется новая «каста» париев — иммигранты, вовлеченные в поток «нового кочевничества», обездоленные массы «Третьего мира», Евразии и Восточной Европы. Они качественно отличны от традиционных общин: их культурная, религиозная, этническая принадлежность размывается, экономическая функция становится относительной (в отличие от предшествующих фаз развития капитализма, заинтересованного в перемещении в зону промышленного развития дешевой рабочей силы). Иммигранты образуют особую общность, коллективная идентичность которой находится сейчас в стадии становления.

Неоспиритуализм, экстравагантные секты, культы и хаотические фрагменты традиционных религий (восточных и западных) образуют постепенно особый настрой, в котором нет ни строгости догматов премодерна, ни последовательного атеизма и лаицизма Просвещения. В постмодерне человек свободно оперирует с произвольными сегментами совершенно не сочетающихся мировоззрений, дискурсов, языков. В области духа нет никаких ограничений, но и никаких ориентиров, никаких вех. Каждый волен верить во что угодно, считать себя и других кем угодно, декларировать что угодно.

Индивидуализм достигает в постмодерне своего логического предела. Человек настолько автономизируется, освобождается от общества и любых форм коллективной идентичности, что постепенно вообще теряет из виду «другого». Все больше проводя времени в виртуальных мирах компьютера, в сети Интернет или компьютерных играх, перемещая постепенно туда и труд, и досуг, люди постмодерна привыкают к обладанию игровой идентичностью, выбирая себе маски, ники, роли, стратегии. Мало-помалу их «я» эвапоризируется, растворяется в смутных импульсах полностью фрагментарного существования, что усиливается постоянно расширяющимся пристрастием к наркотикам, весьма способствующим экзистенциальному стилю. В конечном счете стратегия социальной интеграции — иерархической или гражданской — подменяется стратегией индивидуальной галлюцинации.

У постмодерна, в отличие от модерна, нет программы, он не стремится преодолеть или ниспровергнуть модерн. Для постмодерна все ценности модерна, весь пафос его критики, все напряжение «духа Просвещения» глубоко безразличны. Постмодерн не активен, но пассивен.

Интересно следующее: при сдвиге парадигм — от модерна к постмодерну — открываются затопленные континенты «традиционного общества», казалось бы, давно преодоленные и рассеянные установки. Премодерн — особенно в Третьем мире, но и не только — пользуется критической фазой

перехода для того, чтобы снова напомнить о себе. Так, как это ни парадоксально, все чаще дают о себе знать архаические идентичности: в политологическом языке снова употребляется термин «империя» или «империи» (во множественном числе); этносы напоминают о себе после столетий подавленности со стороны национальных государств; религии (в частности, ислам) вновь становятся фактором мировой реальной политики, а секты и радикальные политические организации воспроизводят параметры древних иерархий.

Так складывается в нашем мире сложная мозаичная система идентичностей. Сегодня мы легко можем обнаружить — причем на одной и той же плоскости — следы всех перечисленных нами парадигмальных эпох. Часть человечества живет в постмодерне, часть — в модерне, часть — в премодерне, причем эти эпохи в пространстве локализуются недостаточно четко: элементы модерна и премодерна встречаются и на постмодернистическом Западе, а сам постмодернизм проникает в толщи архаических социальных зон Востока и Третьего мира. В этом заключается уникальность нашей эпохи: переход от модерна к постмодерну позволяет проявляться любым, логически не связанным и концептуально конфликтующим друг с другом идентичностям. Именно так, совершенно неожиданно для многих, в современном политологическом дискурсе вновь появилось понятие «империя».

Глава 4. Политическая география постмодерна

«Империя» как концепт постмодерна

Политология Нового времени записала имперский концепт в разряд категорий «предсовременного», традиционного общества (премодерн). В политологии модерна «империи» места не было, на ее место пришли «государства-нации» как продукт распада или реорганизации прежних

империй на принципиально новых условиях. Концепции Бодена, Локка и Макиавелли, творцов концепции современной государственности, отвергали «империю» и ее политическую онтологию. Политическая логика модерна была направлена на «преодоление империи» как в теоретическом, так и в практическом смыслах: разрушение последних империй — Австро-Венгерской, Российской и Османской — стало поворотным пунктом окончательного вступления европейского человечества в политический модерн.

Новое обращение к категории «империя», причем без традиционно уничижительного или чисто историографического подтекста, стало возможным только в условиях постмодерна, когда повестка дня политического модерна была исчерпана и от «традиционного общества» не осталось и следа. Обращение к терминологическому арсеналу, отвергнутому на пороге вступления в модерн, в свою очередь, стало возможным лишь тогда, когда процесс модернизации полностью завершился; это обращение приобрело отныне «ироничный» смысл. Свобода обращения с тем, что было главным противником на прежнем этапе, обретена за счет абсолютности этой победы. Как же надо «отстать» от ритма развития политологического процесса в западном контексте, чтобы автоматически прикладывать распространенный сегодня термин «империя» как к современным явлениям, так и к политическим формам премодерна...

Постмодерн свидетельствует не о том, что кто-то просто «проспал» модерн, но о том, что модерн настолько успешно выполнил свою задачу, что его бывший противник — премодерн — представляет отныне не большую опасность, чем мышка для кошки. Не понимать этого — все равно что искренне принимать изображение Че Гевары на рекламном плакате мобильной связи за «призыв к социальной революции». Че Гевара здесь выполняет ту же функцию, что и обращение к «империи» в современной политологии: инкрустация его в маркетинговый ряд показывает фундаментальность победы рынка и капитала над социализмом

и пролетарской революцией. Отныне капитал настолько уверенно себя чувствует, что иронично предлагает себя через свою антитезу — теперь он может себе это позволить. Не просто наивно, но идиотично считать, что таким образом капитал пропускает удар и невольно конституирует альтернативу себе. Он, очевидно, делает нечто прямо противоположное, разлагая демонстрацией своего всевластия тщету и игровой, фиктивный характер любой альтернативы. Че Гевара в маркетинговой компании мобильной связи — демонстрация того, что Че Гевары больше нет, не может быть и, по сути, никогда не было. Это декомпозиция Че Гевары, его постмодернистическая десемантизация.

Точно так же дело обстоит с «империей». Обращение к ней в постмодернистическом контексте, конечно же, не означает никакого пересмотра политологической установки модерна на ликвидацию этой самой «империи» и ее идейных оснований. «Империя» в актуальном (постмодернистическом) понимании — это концентрированное воплощение отрицания содержания империи в историческом смысле как интегрированной системы общества премодерна. Поэтому, когда мы говорим об «империи» применительно к реалиям сегодняшнего дня, а не к историческим эпохам, относящимся к премодерну, мы должны отчетливо понимать, что речь идет о совершенно новой реальности, устроенной по особому образцу и подчиняющейся совершенно иным законам.

«Империя» в контексте постмодерна является сетевой (а не пространственной) структурой. Эта «империя» отнюдь не противоположна «гражданскому обществу», но практически совпадает с ним. Она основана на абсолютизации либеральных ценностей и принципов, а отнюдь не на архаических системах иерархий. Она продолжает модерн, а не отрицает его, переводя на новый, качественно более высокий уровень, а не предлагает какую-либо альтернативу. Эта «империя» фактически представляет собой синоним глобализации.

«Империя» в современном понимании прямо противоположна не только империям традиционного общества,

но и «красной империи» или «империи зла». В этом полемическом ходе либералы критиковали наличие архаических элементов (т.е. скрытое наследие премодерна) в СССР, и к такому явлению относились без иронии и снисхождения, но с мобилизованной ненавистью. «Советская империя» не реабилитируема в условиях постмодерна, так как она была жесткой альтернативой тому, что называется «империей» сегодня. Пока существовала «советская империя», постмодерн еще не наступил и не мог наступить. Именно она и мешала ему. И до 1991 года никто не применял термин «империя» к западному миру и США. Только конец СССР и восточного блока сделал возможной «империю» в постмодернистическом смысле. «Империя» в таком контексте может существовать только в единственном числе. Только единственное число этого термина является политкорректным и относится к конвенциональному языку постмодерна. Термин «империи» во множественном числе произносить нельзя.

Новая география: «ядро» и «провал» Т. Барнетта

Установление «империи постмодерна» по-новому структурирует планетарное политическое пространство. Все это пространство становится отныне для «империи» внутренним пространством. Отсюда актуальность темы глобализма, «мирового правительства» и т. д. Возникает новая политическая география — карта глобализма. Ее структурное описание дает американский политолог Томас Барнетт. Глобальный мир, по его мнению, разделяется на глобальное «ядро» («the Core»), «зону подключения», и «провал», «зону неподключенности» («the Gap», «the zone of disconnectedness»).

«The Core» воплощает в себе центр ретрансляции когнитивных, экономических, онтологических парадигм, составляющих содержательный аспект глобальной информации.

Но в условиях постмодерна информация не делится более на форму и содержание, она транслируется как методология, т. е. главным содержанием того, что получают индивидуумы в «зоне подключенности», является это само состояние подключенности и методологии подключения. «The global Core» транслирует не столько дискурс, сколько язык, т. е. обобщенную плазму постмодерна, не подлежащую селекции на производство и потребление. Секрет «империи» состоит в том, что она ассимилирует в себя «подключенных» как свои динамические элементы, становящиеся участниками общей игры в информацию, а не простыми потребителями информации, как представляла себе пропаганда эпохи модерна. «Подключенность» дает информацию обо всем вместе и одновременно интерактивно вбирает информацию от «подключенного». Смысл «подключенности» в самом факте передачи, опосредованной быстротой сетевой коммуникации. В «империи» все идентификации размыты, все «субъекты» растворены. «Подключенность» определяет правила, но также открывает возможность их произвольно менять. Сеть — это жизнь «империи». Ее задача — укрепиться как единственная планетарная реальность, как единственное содержание жизни. По сути, в «империи» вся реальность с ее структурами переходит в виртуальность, а виртуальность, в свою очередь, становится единственной реальностью.

Единственной оппозицией «империи» в такой ситуации становится «the Gap», «провал», территории, отказывающиеся от «подключения» и, следовательно, виртуализации и правил игры. Это островки того, что застряло в условиях незавершенного модерна или даже раньше, в премодерне, и упорствует в своем отказе. Это — проблема для «ядра», так как такое поведение создает конфликт для функционирования всей сети, всей «империи». Отсюда главная повестка дня «империи» — сузить зону «провала», «подключить» все, что возможно. В конечном счете, следует ликвидировать «the Gap» как факт.

Ликвидация «the Gap» и есть то концептуальное противоречие, которое отличает оптимизм раннего Ф. Фукуямы

от пессимизма С. Хантингтона. По оптимистическим прогнозам, «зона неподключенности» ликвидируется сама собой, «рассосется» и «подключится»: «конец истории» станет свершившимся фактом. По пессимистическим оценкам (Хантингтон), «the Gap» окажется сильнее, чем представляется, и приготовит «империи» много неприятных сюрпризов, проявляясь в недобитых идентичностях незападных «цивилизаций», в архаичных остатках не до конца стертых империй прошлого, а также в недоассимилированных Западом внутренних элементах империи (последняя книга С. Хантингтона посвящена «опасности» латино-католической идентичности в самих США). Но это спор не принципиальный, а тактический. Это диалог внутри империи, который ведется между ее безусловными сторонниками, апологетами и строителями.

Модель В. Парето применительно к глобальной системе

Продлевая логику исследования парадигмальной географии глобального мира, можно применить к ее анализу схему В. Парето, разработанную им для изучения обобщенной структуры политических процессов. У Парето фигурируют понятия «элиты», «контр-элиты», «антиэлиты» и «неэлиты» (массы). Это сугубо инструментальные термины, ничего не говорящие об идеологическом содержании каждого из элементов. Все они легко идентифицируются в различных обществах, но в каждом конкретном случае выступают под совершенно различными лозунгами и знаменами.

Элита представляет собой властных, активных, деятельных, волевых, расчетливых людей, способных к осуществлению властных функций, желающих их осуществлять и осуществляющих на практике в силу своего положения.

Контр-элита состоит из точно такого же типа — деятельных, волевых, расчетливых людей, способных к осуществлению властных функций и желающих их осуществлять,

но лишенных этой возможности по каким-то причинам. Контр-элита выступает против существующей элиты в том случае, если последняя не может в нее интегрироваться эволюционным образом. Если же ротация проходит безболезненно и правящая элита достаточно открыта, то этого протеста не происходит.

Антиэлита, по Парето, состоит из активных, творческих и неординарных людей, выступающих против элиты и ее правил на основе индивидуального анархического бунта. Антиэлита не находит себе места ни в каком обществе и совершенно не готова к власти, несмотря на пассионарность, талантливость и высокую активность. Этот тип характерен для творческой богемы, криминального сообщества, анархистски ориентированных групп. Антиэлиты отличаются от контр-элит, с которыми они солидаризуются во время революционных фаз, тем, что не имеют ответственности и позитивной повестки дня.

Наконец, не-элиты, массы — это социальный тип, принципиально не способный к осуществлению властных функций, с невысоким уровнем воли и рациональности, податливый и адаптирующийся к любым формам властного контроля, обладающий пониженным уровнем пассионарности и узким кругозором, не допускающим обобщений или ответственных решений.

В глобальном мире новой политологии паретовской элите соответствует «империя». Это глобальное «ядро», «the Core». Синонимом его может быть «богатый Север», «золотой миллиард», «Запад», «атлантизм», «однополярный мир», США, «постмодерн». Однако сам центр в глобальной системе не привязан жестко к реальной географии. Это понятие виртуальное, равно как и «Запад» и «американизация» означают сегодня не географические понятия, но определенный политико-экономический и социально-культурный стиль.

В таком случае возникает интересный симметричный термин — «контр-империя», — пока трудно расшифровываемый, но, по аналогии с паретовской моделью «контр-

элиты», призванный описывать явление, сопоставимое с устройством и структурой «ядра», то есть способное ассимилировать и понять непростые условия «постмодерна» и наделенное волей к инсталляции планетарной языковой парадигмы в пропорциях, аналогичных стратегиям «империи». Этот термин будет совершенно корректен в формате новой политологии, так как он описывает явление, принадлежащее к той же структурной и временной формации, что и «либеральный постмодерн». Вместе с тем это явление не так легко вычленить и обозначить, аналогично тому как выявление «контр-элиты» в конкретном обществе всегда представляет собой определенную трудность (правящая элита всегда стремится затушевать этот феномен). При этом контр-элита смешана с антиэлитой вплоть до неразличимости, и селекция происходит только тогда, когда революция заканчивается успехом и способные к последующему властвованию отделяются от способных лишь к восстанию. «Контр-империя» более всего соответствует концепции современного евразийства, которая, собственно, и претендует именно на эту роль в глобальной системе координат. И некоторая расплывчатость евразийства, отмечаемая многими авторами, свидетельствует о том, что, как и явление контрэлиты, она ускользает от четкого определения из-за стараний «элиты» («империи»), направленных на ее замалчивание, и от смешения со сходными внешне, но сущностно дифференцированными тенденциями.

«Антиэлите» соответствует «антиимперия», тоже вполне корректный термин, описывающий современное явление антиглобализма — от левых и экологических организаций до террористических ультраисламистских групп Бен-Ладена. Отрицание «империи», подчас пассионарное и талантливое, здесь сопровождается отсутствием внутренних квалификаций для осуществления альтернативного проекта. «Антиимперия» отрицает «империю» активно и последовательно, но в качестве альтернативы выдвигает либо чисто деструктивные, либо заведомо невыполнимые проекты. Антиимперия в глубине не понимает «империю», будучи ей

совершенно чуждой, равно как антиэлита не понимает элиту в силу глубинного различия в структуре властного инстинкта и рационально-психологического устройства. Антиимперия может переплетаться с контр-империей, но разница между ними существует всегда, а в случае успешной революции — как правило, интегрирующей все имеющиеся в наличии протестные элементы — эти группы существенно расходятся и антиимперия снова уходит в вечную анархическую оппозицию. Антиимперия формирует сознательный планетарный «провал», «the Gap».

«Массам» Парето соответствует то, что можно назвать «глобальной „неимперией“. «Неимперия» в данном случае — это не обязательно «провал» в географическом смысле, т. е. страны, сознательно отказывающиеся от глобализации. «Неимперия»в глобальном контексте постмодерна может сосуществовать с «империей» в одном физическом и политическом пространстве, но форма отношения к виртуальной парадигме будет качественно иной. Как массы в политически иерархизированном обществе воспринимают власть как нечто внешнее по отношению к ним, так и «неимперия», даже будучи включенной в систему постмодерна, остается на внешней стороне виртуальности, являясь объектом информационного общества, а не его субъектом и тканью. «Неимперия» обрабатывается постмодерном, как природные ресурсы: из нее выбиваются жизненные импульсы, эмоции и внимание, а все остальное отправляется в шлак. Это своего рода «дешевый постмодерн», бессмысленное перелистывание рекламных предложений потребителя с нулевой покупательной способностью, хаотическое брожение по порнографическим сайтам Интернета, с перескакиванием на случайную и произвольную ассоциативную сеть ресурсов. От «неимперии» в принципе требуется соучастие в «империи», но оно может быть растянуто во времени. Задача в том, чтобы сделать героя музыкального клипа или телепередачи совершенно взаимозаменяемым с рядовым телезрителем — видеокамеры, реалити-шоу, интернетизация позволяют перемолоть в рамках виртуального постмодерна всех.

Однако «империя» всегда сохраняет дистанцию от «неимперии», играя с ней по специфическим законам и постоянно оказывая на нее разнообразные виды давления, не особенно отличающиеся от самодурства древних деспотов. Одним из инструментов стратегии прощупывания силы властвования над умами подданных, подобной предложению императора Калигулы по обожествлению его коня, является мода. Явление моды является тем водоразделом, который отделяет «империю» от «неимперии». «Империя» не подвержена моде, а «неимперия» не подвержена ничему, кроме моды. Именно здесь проходит новая граница постмодерна: «империя», «контр-империя» и «антиимперия» одинаково нечувствительны к моде, сохраняя тем самым фундаментальный онтологический и гносеологический зазор, позволяющий им верстать структуры власти и управления в условиях постмодерна, устанавливать и распознавать реальные стратегии и элементы «имперского порядка».

В антиутопии Оруэлла «1984» тайный агент системы говорит главному герою: «На пролов не надейтесь, Уинстон!». То же можно сказать и о «неимперии». Качественно отличаясь от «империи», она не имеет в себе завязи альтернативы и никогда не может стать основой нового «ядра». Весь подлинно революционный потенциал такой новой политологии следует искать только в сложном и ускользающем от прямой фиксации явлении «контр-империи».

Глава 5. «Империя»: глобальная угроза

«Империя» как интеллектуальный императив

В 2000 году вышла в свет книга Антонио Негри и Майкла Хардта «Империя», моментально ставшая самостоятельным политологическим концептом XXI века (наряду с текстами С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» и

Ф. Фукуямы «Конец Истории»). Во всех трех случаях речь идет об обобщении основополагающих тенденций развития мировой истории, о содержании и судьбе «нового мирового порядка», об «образе будущего». Лаконичность, афористичность и программный характер всех трех работ делает их своеобразными интеллектуальными вехами нового глобального мира. Но если Фукуяма — оптимист глобального либерального проекта, а Хантингтон — пессимист, то Негри и Хардт выступают его идеологическими противниками, признавая, тем не менее, его фундаментальность и историческую обоснованность. По сути, имена Хантингтон, Фукуяма, Негри стали на заре нового века основными вехами интеллектуальных дискуссий: это имена-концепты, и поэтому знакомство с ними является категорическим императивом.

Авторы «Империи»

Из двух авторов книги «Империя» А. Негри известен гораздо больше: старинный деятель крайне «левого» анархо-коммунистического европейского движения, он активно сотрудничал с «Красными бригадами», считаясь их идеологом, опубликовал много книг и статей, был тесно связан с французскими гошистами и «новыми левыми». Биография в данном случае важна: она фундаментализирует позицию автора, удостоверяет серьезность и обоснованность его критики «нового цикла капитализма». Негри за это заплатил. Его соавтор М. Хардт менее известен: это философ, академический деятель, профессор, знаток постструктуралистской философии. Скорее всего, ему в данной работе принадлежат историко-философские пассажи, наиболее трудные, впрочем, для читателя.

Как бы то ни было, авторы «Империи» жестко позиционируют себя как «критики», «противники Системы». И обращаются они к таким же, как они, «обездоленным», «множествам», «бедным», «новому пролетариату», т. е. к эксплу-

атируемым и угнетаемым «новой капиталистической системой», к тем, кто «лишен наследства» в ней. Восторженно встреченная левыми книга Негри и Хардта была поспешно окрещена «постмодернистической версией Коммунистического Манифеста». Сами авторы «Империи», видимо, замышляли свой труд как краткие тезисы антикапиталистической теории в эпоху постмодерна.

Что такое «Империя»?

В книге детально описывается концепция «Империи», отражающая представление авторов о качестве новой эпохи, связанной с постиндустриальным обществом и постмодерном. Негри и Хардт стоят целиком и полностью на постмодернистских позициях, считая исчерпанность идеологического, экономического, юридического, философского и социального потенциала «модерна» свершившимся и необратимым фактом. «Модерн» закончился, наступил «постмодерн».

Авторы наследуют, в основных чертах, марксистскую модель понимания истории как борьбы Труда и Капитала, но убеждены, что в условиях постмодерна и Труд, и Капитал видоизменяются почти до неузнаваемости. Капитал становится настолько всесильным, могущественным и побеждающим, что приобретает глобальные черты, отныне становясь тотальным явлением, всем. Он и есть «Империя». Итак, «Империя», по Негри и Хардту, — это очередная (скорее всего, последняя и наивысшая) фаза развития капитализма, характерная тем, что в ней капитализм становится тотальным, глобальным, безграничным и вездесущим.

Труд, бывший на индустриальной стадии качеством промышленного пролетариата, сегодня рассредоточен, децентрирован и разлит по нескончаемым единицам тех, кто находится в подчиненной позиции перед лицом вездесущего и утонченного контроля «Империи». Носителем Труда

в эпоху постмодерна становится не рабочий класс, но «множество» (multitude). Между «Империей» и «множеством» развертывается основной сценарий противостояния.

В постмодерне все изменилось: по-новому выступает Капитал, по-новому — Труд, по-новому развертывается противостояние между ними. Вместо «дисциплины» Капитал использует «контроль», вместо политики — «биополитику», вместо «государства» — планетарные сети. Капитализм в Империи замаскирован, освобожден от тех атрибутов, которые считались существенными в индустриальную эпоху. Растворяется государство-нация, отменяется строгая «иерархия труда», стираются границы, упраздняются межгосударственные войны и т. д. Тем не менее «Империя» все держит под контролем и продолжает изымать у «множества» продукты его творчества. Этот контроль имеет планетарные формы и одинаково касается всех.

Негри и Хардт настаивают, что «Империя» не имеет ничего общего с «империализмом». Классический «империализм», как он описан у Ленина, есть экспансия буржуазных национальных государств в экономически слаборазвитые страны и зоны. Такой «империализм», приращивая подконтрольные территории, не меняет качества самой метрополии: само буржуазное государство лишь эксплуатирует колонию как нечто «постороннее», «внешнее». Кроме того, «империализм» одного государства неизбежно сталкивается с «империализмом» другого — что мы и видим в драматической истории мировых войн XX века.

«Империя» в постмодернистическом смысле — это нечто иное. Ее структура такова, что включает любую зону, попавшую под контроль «Империи», наряду с другими пространствами. «Империя» децентрирована, она не имеет метрополии и колоний, она заведомо и изначально планетарна и универсальна. «Империя» не знает никаких границ, она является мировым явлением. Глобализация и есть утверждение «Империи». При этом «Империя» сохраняет генетическую и историческую связь с «модерном»: она лишь абсо-

лютизирует потенции, заложенные в буржуазной системе изначально, доводит их до логического предела.

«Империя» имеет одновременно три уровня контроля, соответствующие монархической, аристократической и демократической формам правления. Монархии соответствует концентрация «ядерного оружия», дамокловым мечом висящего над головой «множества», в едином центре. Аристократия империи представлена владельцами крупных транснациональных корпораций. Демократия подменена планетарным спектаклем, воплощенным в системе масс-медиа.

По мнению Негри и Хардта, «Империя», в отличие от классического капитализма, сегодня присваивает не столько «прибавочную стоимость», т. е. результаты «производительного труда», сколько саму ««жизненную энергию» «множества». В новых условиях технического развития грань между производительным, непроизводительным трудом и простым воспроизводством стерта, считают авторы. Эксплуатации сегодня подвергается сама неструктурированная жизненная сила, равномерно разлитая в человеческом коллективе и свободно проявляющаяся в стихии желания, любви и творчества.

Суть «Империи» в коррупции. Коррупция (разрушение) как принцип является прямой противоположностью «генерации» (порождения). «Множество» порождает, «Империя» только коррумпирует. «Империя» есть вечный кризис, она разлагает жизнь, остужает ее кипение, узурпирует для своего функционирования через тонкую систему контроля стремление «множества» к свободе, его желание, его креативность.

Так как умственный труд сегодня играет центральную роль в экономическом развитии, роль средств производства существенно видоизменилась. Главным средством производства становится человеческий мозг, следовательно, машина, интегрированная в человеческое тело. С другой стороны, новые технологические средства — компьютерная

техника, к примеру, — становятся необходимой частью человеческого тела и в скором будущем смогут быть в него интегрированы. Отсюда теория «киборга» как основного субъекта «Империи». «Киборг», по мнению Негри и Хардта, — это существо, в котором субъект труда (человек) и орудие труда интегрированы и слиты до неузнаваемости. Поэтому современному капиталу недостаточно собственности над средствами производства, а прямые дисциплинарные инструменты властвования классического полицейско-экономического типа оказываются неэффективными. «Империя» должна контролировать всю сеть, элементами которой являются люди, представители «множества».

Планетарная Америка

Создание «Империи» тесно связано с историей США и их политической системой. Согласно Негри и Хардту, политическая структура США, федерализм и американская демократия изначально представляли собой матрицу той социально-экономической модели, которая сегодня становится (стала) глобальным явлением. Постмодернистический принцип «Империи» был заведомо заложен в основе американской «политической науки». На этом Негри и Хардт останавливаются подробно.

«Томас Джефферсон, авторы журнала «Федералист» и другие идеологические основатели Соединенных Штатов вдохновлялись древней имперской моделью; они верили, что строят на другой стороне Атлантики новую Империю с открытыми, расширяющимися границами, где власть будет создаваться по сетевому принципу. Эта имперская идея выжила и вызрела в истории американской Конституции и сегодня проявила себя в планетарном масштабе в полностью реализованной форме», — пишут авторы. Важно обратить внимание на понятие «расширяющихся границ». Сам Джефферсон говорил о «расширяющейся империи»

(«extensive empire»). Вера в универсальность своей системы ценностей лежит в основе политической истории Соединенных Штатов.

Негри и Хардт подробно останавливаются на уникальности исторического опыта США, которые сделали именно эту страну матрицей, воспроизводимой сегодня в глобальном масштабе. Европейские державы, двигающиеся в том же направлении «модерна» с его индивидуализмом, индустриальным и техническим развитием, капитализмом и т. д., были ограничены своей историей и своим пространством. Их движение к «идеалу» модерна постоянно натыкалось на внутренние социальные, сословные, этнические, экономические преграды, что усугублялось враждебностью и конкуренцией соседних держав. И время, и пространство стран Европы на пути к реализации проекта Просвещения были ограничены, наполнены преградами. Создатели США, как носители европейского проекта в чистой форме (мессианский протестантизм и либеральная демократия), оказались в радикально иной ситуации: они действовали с нуля (история осталась в Старом Свете) и на пустом пространстве.

Негри и Хардт уточняют, что северо-американское пространство было на самом деле не таким уж пустым — на нем существовала древняя индейская цивилизация. Но энергия колонизаторов и их решимость осуществить лабораторный проект общества «чистого модерна» легко преодолели это препятствие: индейцев приравняли к «недолюдям», к своего рода «природным явлениям», «колючкам» и стали вести себя так, как будто их нет (в определенных случаях прибегая к прямому массовому геноциду). В этом логика постмодернистской «Империи»: она способна состояться только на «пустом месте», «с нуля», расширяя свои пределы во всех направлениях.

Когда американцы захотели отвоевать Калифорнию и Нью-Мексику, они заговорили о «Manifest Destiny», т. е. «явном предназначении», которое состояло в том, чтобы «нести универсальные ценности свободы и прогресса диким народам».

В истории США Негри и Хардт выделяют четыре периода вызревания концепта «Империи».

1. От принятия Декларации независимости до Гражданской войны.

2. Так называемая эпоха Развития, и особенно постепенный переход от «классической» (европейской по типу) империалистической теории Теодора Рузвельта к интернациональному реформизму Вудро Вильсона.

3. От эпохи «New Deal» и Второй мировой войны до середины 60-х годов XX века (пик холодной войны).

4. От социальных трансформаций США 60-х гг. до распада Восточного блока и СССР.

«Каждая из этих основополагающих фаз истории развития США представляет собой шаг в сторону реализации Империи», — заключают авторы.

Американская модель социально-политического и экономического устройства отражает основные черты постмодерна. И не случайно именно США становятся историческим лидером всего капиталистического мира, оставляя Европу и другие страны далеко позади. США создали общество, в котором «модерн» существует в своем чистом — почти утопическом — виде, это лабораторная реализация идеала Нового времени, капитализм в его чистейшей стадии. Поэтому «Империя», будучи по определению планетарной и сетевой, генетически связана с США. По сути, США есть ее генетическая матрица.

Негри и Хардт подчеркивают тесную взаимосвязь политических основ США с идеей «экспансии» и «открытых границ». США не могут не расширять своего контроля, так как представление об «открытых границах» и «универсальности» собственных ценностей является важнейшей чертой всей системы. Когда североамериканское пространство было освоено, перед властями США встала серьезная дилемма: либо действовать как империалистическое государство (линия Рузвельта и правых республиканцев), либо — и здесь самое интересное! — рассматривать мир как «пустое место»,

подлежащее интеграции в единую структуру сетевой власти (эти идеи были сформулированы президентом Вудро Вильсоном и поддерживаются демократической партией). Планетарная сетевая власть не ставит перед собой задачи прямого колониального завоевания — просто различные зоны включаются в общую систему ядерной безопасности, систему свободного рынка и беспрепятственной циркуляции информации. В таком случае «Империя» не борется с «другим», не переламывает иную систему ценностей, не подавляет сопротивление, не переделывает и не перевоспитывает «побежденного», но поступает с ним, как с индейцами, — «вежливо игнорирует» их особенность, их качество, их отличие. «Через инструмент полного невежества относительно особенностей национальных, этнических, религиозных и социальных структур народов мира «Империя» легко включает их в себя». Империалистический подход модерна унижал противника (колонизируемые народы), но все же признавал факт его существования. Постмодернистическая Империя безразлична даже к этому факту, она не уделяет ему внимание: все пространство планеты является открытым пространством, и выбор «Империи»: ядерная мощь, свободный рынок и глобальные СМИ — представляется само собой разумеющимся. Чтобы включить страну, народ, территорию в рамки «Империи», их не надо завоевывать или убеждать, им надо просто продемонстрировать, что они уже внутри нее, так как «Империя» самоочевидна, глобальна, актуальна и безальтернативна.

Роль США в создании «Империи» двойственна. С одной стороны, «Империя» созидается США и основывается на их матрице. Этому способствует и то, что основы национальной политики США с момента основания точно совпадают с той моделью, которая отныне утверждается как нечто планетарное. Но «Империя» вместе с тем и преодолевает национальные американские рамки, выходя за пределы «классического империализма». США укрепляются как проект, расширяясь далеко за рамки национального го-

сударства. Америка перерастает Америку, становится планетарной.

Весь мир становится глобальной Америкой. И здесь можно наметить тему (не освещенную авторами «Империи») о противоречиях в американском истеблишменте между сторонниками «империализма» и «Империи» в новейших условиях (жесткость этих противоречий особенно обнаружилась в период правления президента Буша-младшего).

Восстание «большинства»

Что противопоставляют Негри и Хардт «Империи»? Как предлагают бороться с ней? Их предложение можно разбить на две составляющие. Вслед за другими новыми левыми — Бодрийяром, Делезом и т. д. — они справедливо утверждают, что характер изменений, запечатленных в эпохе постмодерна, необратим и объективен. «Империя» и ее могущество не случайны, не произвольны. Они обусловлены логикой развития человечества. Это не девиация прогресса, но его кульминация. Западноевропейское человечество, двигаясь по траектории своего философского, социального, экономического и политического развития, не могло не прийти к Просвещению, к капитализму, к империализму, и, наконец, к постмодерну и «Империи». Следовательно, «конец истории» в глобальном рынке вполне закономерен, вытекает из самой структуры истории. Тем, кто ужасается чудовищным горизонтам тотального планетарного контроля и новым формам эксплуатации, Негри и Хардт советуют обратить внимание на настоящее и прошлое: можно подумать, что капитализм был более гуманным и справедливым на иных стадиях. Главный вывод: «Империи» избежать нельзя, затормозить ее становление, укрыться в «локальном» невозможно. Буржуазные государства-нации не являются альтернативой «Империи», они — просто ее предшествующие стадии. Следовательно, противники «Империи» должны

распрощаться с привычными клише, отбросить устаревшие концептуальные инструменты и расстаться с ностальгией. Мутация модерна в постмодерн, а также качественные видоизменения Труда и Капитала — это свершившийся факт, с которым нельзя не считаться. «Империя» — это реальность. В этом смысле с Негри и Хардтом едва ли можно спорить, даже если они немного забегают вперед. Не сегодня, так завтра.

Но в отношении позитивной альтернативы авторы намного скромнее. Она описана крайне приблизительно, и сами авторы постоянно оговариваются, что пока не знают ответа. По их мнению, аналогом рабочего класса как объекта эксплуатации и субъекта революции в классическом марксизме сегодня являются просто люди — «большинство». Так как в условиях технического развития и глобализации капитала разница между производительным и непроизводительным трудом стерта, то трудом следует признать саму жизнь и ее телесные мотивации — желание, воспроизводство, креативность, случайные влечения. Разница между работой и отдыхом, полезными и бесполезным, делом и развлечением постепенно исчезает: остаются только живые люди перед лицом коррупционной системы. «Множество» само и есть сегодня Труд. А «Империя» — капитал.

Методы борьбы против «Империи» Негри и Хардт предлагают совсем уж смешные: отказ от последних половых табу, креативная разработка эпатажных образов, пирсинг, ирокез, транссексуальные операции, культивация миграций, космополитизма, требование от «Империи» оплаты не труда, но простого существования каждого гражданина земли, а гражданами земли должно стать все «множество». Сами авторы «Империи» показывают, что позиция «множества» в условиях постмодерна по сути совпадает с «Империей» — именно «Империя» дает «множеству» быть самим собой, она эксплуатирует «множество», с одной стороны, но и учреждает, поддерживает его, способствует его дальнейшему освобождению, с другой. В «Империи» «множество» нахо-

дит, таким образом, многие положительные черты, «возможности», которые оно призвано использовать для своих интересов. Авторы в качестве параллели такому повороту мысли приводят отношение Маркса к капитализму, который признавал его прогрессивность по отношению к феодальному и рабовладельческому строю, но вместе с тем выступал от имени пролетариата как его самый непримиримый противник. Так Негри и Хардт относятся к «Империи»: они показывают ее «прогрессивные» стороны по отношению к классическому индустриальному капитализму, но полагают, что она несет в себе свой собственный конец.

Одним словом, их проект сводится к тому, чтобы не тормозить «Империю», но, напротив, подталкивать ее вперед, чтобы быстрее оказаться свидетелем и участником ее финальной трансформации. Эта трансформация возможна через новое самосознание и самочувствие, через обретение нового онтологического, антропологического и правового статуса жизненным и созидательным хаосом раскрепощенных мировых толп, «большинства», которое призвано ускользнуть от тонкой и жесткой коррупционной хватки планетарной «Империи».

Мир, где нас нет

Для россиянина знакомство с такими трудами, как «Империя» Негри и Хардта (равно как и текстами Хантингтона, Фукуямы, Бжезинского, Волфовица и т. д.), подобно освежающему душу. Это оздоровительное, терапевтическое чтение. Когда мы читаем о мире, который то ли уже состоялся, то ли вот-вот состоится, нас одолевает здоровая оторопь. Постойте-постойте, о чем это они? А мы? А как же мы? А наши проблемы?

Да, действительно, ответственная мировая мысль, озабоченная реальными и весомыми процессами, все чаще забывает делать реверансы в сторону «локальных» жителей,

погруженных в свои частные проблемы, обдумывающих аксиомы прошлых эпох, оперирующих терминами, утратившими всякое соответствие с исторической реальностью. Авторы «Империи» уделяют СССР несколько строк, название России вообще не упоминается. Противников «Империи» мы отныне не интересуем. Еще менее интересуем мы ее апологетов.

А между тем на глазах вырастающий глобальный мир — это совершенно реально и всерьез. И, как справедливо показывают Негри и Хардт, этот мир создается «как бы на пустом месте». «Локальности», «особенности», «национальная, этническая, культурная» самобытность — все это вежливо игнорируется либо рассматривается как фольклор, либо помещается в резервацию, либо, увы, подвергается прямому геноциду. «Империя» создается на пустом пространстве, в ее сеть включаются только те, кто ей же и постулируются. Иными словами, «Империя» не имеет дело с государствами и народами, она предварительно крошит их до качественного «множества», а потом включает в потоки миграции. Апологеты «Империи» пытаются упорядочить миграцию, ее противники — такие, как Негри и Хардт — сделать абсолютно свободной. Но для русского человека и то, и другое в целом мало привлекательно...

Мы как-то постепенно, не отдавая сами себе в этом отчета, оказываемся в совершенно новом для нас пространстве и в совершенно новом времени. В «Империи» киборги не фантастика, а реальность новой антропологии, мировое правительство — это не конспирологический миф, но общепризнанный правовой институт и т. д.

«Империя» приходит не извне, она прорастает сквозь, она обнаруживает свои сетевые узлы сама собой, и мы интеллектуально, информационно, экономически, юридически, психологически оказываемся интегрированными в нее. Но эта интеграция означает полную утрату идентичности. О том, что проект «Империи» означает постепенную утрату этнической, социальной, культурной, расовой, рели-

гиозной идентичности, Негри и Харт говорят вполне определенно. Но, по их мнению, «Империя» способствует этому процессу недостаточно быстро: «революционный проект» требует более ускоренного превращения «народов» и «наций» в количественное космополитическое большинство. Но даже если отвлечься от такой «революционной» позиции, сама «Империя» основана на том, что не признает никакого политического суверенитета ни за какой коллективной сущностью, будь то этнос, класс, народ или нация. На то она и «Империя», чтобы постулировать тотальность и вездесущесть своей власти.

В то же время Негри и Хардт правы в том, что простая ностальгия ни к чему не приведет. Да, сегодня мы, русские, живем в России. Пока еще русские, пока еще в России. Сколько еще это продлится?

«Империя», однако, уже здесь. Здесь и сейчас. Ее сети пронизывают наше общество, ее лучи нас регулярно сканируют, ее передатчики планомерно и непрерывно ведут свое вещание.

Революционный проект Негри и Хардта, их альтернатива, их отказ нам явно не подходят. Нам нужен иной отказ — Великий Отказ, нам нужна иная альтернатива — могучая и серьезная, соответствующая нашему духу и нашим просторам. Нам нужна не больше, не меньше как Иная Империя. Своя. Без нее нам не нужно ничего... Совсем, совсем, ничего...

Глава 6. Россия как демократическая империя (постмодернистский жест)

Постмодерн заставляет нас по-новому взглянуть на все — в том числе и на международную политику. Еще вчера мы оперировали такими понятиями, как «прогресс», «государственный суверенитет», «логика истории», «поступательное развитие» и т. д. На заре XXI века мы видим, что

прогресс в одной области может легко сочетаться с регрессом в другой в рамках одного и того же общества, и что бывают государства без суверенитета, а история подчас отклоняется от своего якобы очевидного курса на 180 градусов. Приходится пересматривать почти все из того, что вчера было очевидно. Поэтому вполне уместно задать вопрос: что будет представлять собой Россия в новом столетии? Будет ли она вообще? И даже: а зачем она, собственно, нужна, и если нужна, то кому и в каком качестве?

Россия изначально была чем-то наподобие империи. Она объединяла своей государственностью разные племена и народы, которые никогда так и не превратились в однородное гражданское население. С первых дней Рюрика и по настоящее время Русь—Россия—СССР—РФ сохраняла полиэтничность. Русский народ жил в своем государстве всегда вместе с другими народами. Мы так и не стали «нацией», т. е. однородным культурно-политическим, языковым, гражданским образованием. Это принцип всех империй — единое стратегическое пространство, интеграция поверху и этнокультурное разнообразие внизу.

Логика модерна заставляла нас осмыслять эту особенность так: Империи соответствуют древнейшим формам традиционного общества. Распадаясь, они образуют государства-нации. В них этносы перемалываются в однородных граждан. Позже эти государства-нации освобождаются от сословий и религиозных институтов и становятся (резко или постепенно) буржуазными. Буржуазные государства постепенно переносят акцент с государственного принципа на общество. И, наконец, государство как таковое полностью растворяется в гражданском обществе — в «открытом обществе». Коммунисты и социалисты добавляли к этой схеме травматизм перехода от буржуазного государства к социальному, т. е. революцию. Они очень спешили с переходом к открытому обществу и предрекали скорый распад буржуазной государственности. В последние десятилетия поправка на социализм была снята, и советский

эксперимент был признан лишь тупиковым отклонением от магистрального курса.

Итак, следуя логике модерна, Россия как империя должна распасться на составляющие, превратиться в государство-нацию, утратить этническую самобытность, развить рассудочность, логистику и экономику, а потом то, что от нее останется, будет интегрировано в открытое общество «единого мира». Если рассматривать советскую эпоху как блуждание по кругу и новое издание империи, то получается, что нам надо пройти историю заново: после распада СССР построить на базе РФ государство-нацию, потом его модернизировать, сформировать из россиян «гражданское общество» и благополучно раствориться в общечеловеческой цивилизации. Такова логика модерна, и она для нас крайне непривлекательна: чтобы хоть как-то приблизиться к странам «богатого севера», нам надо начать и кончить, построить нечто небывалое (национальную государственность) и построить это только для того, чтобы затем как можно скорее растворить. А западные коллеги еще и посмеиваются: ничего у вас, ребята, не получится, лучше и не пытайтесь. «Евразийские Балканы», по выражению Бжезинского, это гигантские поля распада — такими нас видят пессимисты и недоброжелатели. А оптимисты поощряют: скорее стройте Россию, чтобы потом ее еще скорее распылить на атомарные единицы «гражданского общества». Это пределы России в логике модерна, и ничего иного, увы, не остается. Чтобы выйти на иной путь, придется отбросить модерн как таковой. Это звучало бы вызывающе, если бы не постмодерн. Он-то и приходит нам на помощь.

Россия в оптике постмодерна совершенно не обязательно должна развиваться по строго определенным историческим траекториям. В некотором смысле, она свободна идти в любом направлении — и в будущее, и в прошлое, или же вообще не идти никуда. Она может оставаться империей и вбирать в себя высокие технологии, может жить законами традиционного общества и внедрять демократические

институты, может сочетать авторитаризм и свободу, этническую самобытность и систему Интернет. Постмодерн может выбирать иные пути — там, где их никогда не было, ведь основной закон этого стиля — «сочетание несочетаемого», тонкая ирония, дистанция прямого повторения. Че Гевара, рекламирующий мобильную связь, — это постмодерн. В геополитическом смысле постмодерном является Евразийский Союз как «глобальная контр-империя» (если использовать терминологию Бернетта—Парето).

Евразийский Союз — это изящный обход системы почти непреодолимых исторических препятствий, корректный отказ от участия в состязании. Не желая двигаться по предписанной логике, — тем более к непривлекательной цели, — Россия предложит в таком случае свою собственную логику. В ней — как и везде — миф будет сочетаться с рассудочностью, привычные методики расчета и анализа — с креативным новаторством, учет реальностей — с волевым произволом. Надо максимально верно использовать наш исторический шанс.

Россия еще не вступила по-настоящему в современность, она топталась в преддверии, грезила, прикидывалась, старалась, но продолжала стоять там, где и была, — на своем неизменном евразийском месте. И, расширяя пределы, Россия не менялась по существу — лишь простирая свою внутреннюю неуверенность, свою задумчивость, свою геополитическую вопросительность на народы и просторы, которые попадали в русскую зону. Мы отвечали на жесткие вызовы Запада, мимикрируя под его стандарты, но неизменно оставались сами собой.

Постмодерн открывает России уникальную возможность: мы можем ринуться в него и встать впереди «цивилизованного европейского Запада», который, пыхтя, только-только добрался туда и выстроил Евросоюз. Мы же можем, опустив промежуточные этапы, сделать резкий и неожиданный бросок — причем в направлении, где трассы еще не проложены, ведутся строительные работы. Россия

в невыгодном положении, если рассматривать историю как железнодорожное путешествие, но, как внедорожник, она имеет все шансы на победу. Это не по правилам, но воля к победе важнее.

В начале прошлого века мы, кстати, поступили сходным образом: чтобы не тратить время на долгий путь муторного строительства капитализма, мы шагнули в коммунизм — переступив через формацию. В этом уже был элемент постмодерна. И в целом это дало весомые плоды. Смысл проекта Евразийского Союза в том, чтобы повторить эксперимент на новом историческом витке. И ключ к этому — в «*демократической империи*», такой же демократичной, как Евросоюз, но вместе с тем такой же внимательной к сохранению геополитической субъектности и бережно относящейся к самобытности этносов, как Византия или эйкумена Чингисхана.

Постмодерн заморозил историческое время. Недаром Ф. Фукуяма провозгласил «конец истории», а француз Ж. Бодрийяр объявил о начале «пост-истории». Для них это результат триумфа и цивилизационной усталости одновременно. Для нас — приглашение к новым стратегиям и креативным прорывам. В империи тоже нет истории, империя священна, а потому в некотором смысле вечна. Пространство в ней важнее времени.

Демократическая империя — это слияние противоположностей. В этом есть и холодный геополитический реализм взвешенной стратегической оценки постсоветского пространства, и романтизм континентальной воли; партнеры на Западе и на Востоке и опора на собственный опыт; мобилизационный проект и снисходительность к сугубо российским особенностям, которые делают нас такими, какие мы есть. Чтобы стать «демократической империей», России надо просто сказать самой себе «да». Это будет самым постмодернистическим жестом, какой только можно придумать. Евразийство на этом пути — единственная надежда...

Глава 7. Евразийская версия постмодерна: эсхатологический вызов

Немецкий консервативный революционер Артур Мюллер ван ден Брук написал в свое время очень глубокие слова: «Вечность на стороне консерватора». Вечность на нашей стороне. Полюса великих мировых столкновений народов, культур, цивилизаций, религий, идеологий являются проекцией архетипического состояния — битвы ангелов. Это — небесная рать добра, ведущая бой с демонами зла. Это вертикальная, вечная надвременная ось великой драмы. Бой ангелов — вне времени, он ведется всегда. Он впечатан в вечность, как структурирующая парадигма.

Тень великой битвы падает на историю, давая времени смысл, содержание, ориентацию. Так история становится священной — иероисторией. Многие знаки и образы указывают на то, что сегодня мы подходим к решающей черте этой напряженной драмы. Ведь и предание говорит, что в «последние времена» битва ангелов, в которую вовлечены люди, народы и царства земные, вспыхнет с особой силой, достигнет гигантских масштабов, приблизится вплотную к развязке.

Люди — со-ратники (в этимологическом смысле — т. е. «те, кто сражаются вместе») ангелов. В литургических православных ирмосах говорится: «немногим умалил Бог человека от ангелов».

Большинство традиций и религий мира ставят сегодня нашей цивилизации однозначный диагноз. Глобализм, глобализация, «новый мировой порядок», «однополярный мир», готовящееся «мировое правительство» — это все более очевидный оскал «князя мира сего», стратегическая конструкция «врагов Бога».

Разные религии дают глобализму и глобализации разные имена: христиане отождествляют «новый мировой порядок» с «антихристом», мусульмане — с «даджаллом», ортодоксальные иудеи — с «великим смешением» («эрев

рав»). Для индуистов — это полчища кали-юги. Для буддистов — демон Мара и иллюзия.

По ту сторону различия в догматах, доктринах и ритуалах существует особая традиция — традиция архангела Михаила, который в истории монотеистических традиций играет важнейшую роль. Он архистратиг, предводитель ангельских войск. Эта традиция — «михаэлический» тайный свет. Это тонкая принадлежность человека к иероистории, право (и обязанность) занять конкретное место в войске одной из противоборствующих сторон. Это «военный призыв» под начало небесного архистратига. Те, кто слышат его, спешат исполнить.

Евразийство в своем высшем духовном измерении — это проекция михаэлического начала, вертикального сверхвременного светового столпа на историю в ее финальной, редемпционной стадии.

Часто в иконописи архистратиг Михаил изображается с мечом в одной руке и весами в другой. Весы — символ суда.

У немецкого философа М. Хайдеггера в книге «Holzwege» содержится очень важный для нашего дела разбор стихотворения Райнера Марии Рильке. Там речь идет о «передаче весов из рук торговца в руки Ангела».

Эту формулу следовало бы взять как ключевой девиз евразийства. «Передача весов из рук торговца в руки Ангела». «Новый мировой порядок», глобализм, «однополярный мир» — это торговый строй, в нем преобладают рыночные ценности, мировой рынок. Это порядок торговцев, которые задают в нем тон, устанавливают критерии и парадигмы.

Мы живем в эпоху постмодерна. Это значит, Новое Время, modernity, закончилось. Все, что было заложено в эпоху Просвещения, — социальные, культурные, идеологические, политические, научные и экономические модели — исчерпало себя. Мы вступили в иной мир, в эпоху постмодерна, и это необратимо.

Постмодерн — это глобализм, ультралиберализм, доминация однополярного мира, главенство сетей, отмена всех

традиционных форм идентичности — государств, религий, наций, этносов, даже семей и полов. Вместо государства приходит «открытое общество», вместо традиционных конфессий — сектанство и индифферентность, вместо народов — индивидуумы, вместо полов — клоны, киборги и продукты трансгендерных операций.

Сегодня постмодерн достиг исторической победы. На сей раз не только над традиционным обществом, но и над самим модерном. И снова, как и в эпоху Просвещения, можно противостоять постмодерну. На сей раз, правда, и архаические консервативные идеологии, и преодоленные идеологии модерна оказываются по одну сторону баррикад. На практике это противостояние выражается в том, чтобы отстаивать:

— национальное государство против глобализации;

— геополитический дуализм суши и моря против «мирового потопа» в виде тотальной победы атлантизма;

— традиционную семью и органическое воспроизводство детей против свободы трансгендерных операций, однополых браков и клонирования;

— общественную идентичность против тотальной атомизации индивидуумов;

— мир вещей и действий против мира «изображений» и «экранных фальсификаций»;

— реальную экономику («старую экономику») против финансизма, виртуальности, неоэкономики и т. д.

Те стороны модерна, которые не попали в постмодерн, оказались, по сути, продолжением Традиции, и сегодня все это по одну сторону баррикад. Это, кстати, делает возможным альянсы консерваторов и социалистов и т. д.

Вспомним теперь о тех тенденциях, которые на самой заре модерна предпочли инвестировать свою внутреннюю энергию в идеологии, модернистские по форме, но немодернистские по содержанию. Именно эти инвестиции и составили основной нерв современной политической и социальной истории, содержание всего Нового Времени.

Нечто подобное наблюдается и сегодня. Перед лицом постмодерна останки традиционного общества (например, традиционные конфессии) и элементы модерна (например, социализм, реальная промышленность, национальное государство) оказались по одну сторону в положении формальной антитезы постмодерну. Это новое состояние дел требует тщательного осмысления. На поверхности очевидным остается только одно — простой импульс сопротивления постмодерну. Чистая реакция, отторжение. Уже неплохо, но этого далеко не достаточно.

Уникальность евразийства как политической философии (из разряда консервативно-революционных) состоит в том, что оно понимает уникальность новой ситуации быстрее других мировоззрений и (это самое важное!) не ограничивается сопротивлением, но предлагает инвестировать внутреннюю энергию в новый проект, принимая вызов постмодерна, стремясь освоить его формальную структуру, с готовностью поместить в чудовищный язык глобализации радикально иное содержание, уходящее корнями в глубины премодерна, в Традицию. Это значит не просто отстаивать старое, но отстаивать Вечное.

Артур Мюллер ван ден Брук, выдающийся теоретик Консервативной Революции, друг Мережковского и переводчик на немецкий язык трудов Достоевского, в своей книге «Третье Царство» писал: «Раньше консерваторы противились Революции, мы же должны Революцию возглавить и увести ее в ином направлении».

Точно так же мы, евразийцы, должны поступить с постмодерном. За нашей спиной и преодоленная модерном Традиция, и проигравшие стороны самого модерна. Они нуждаются в защите не сами по себе. Мы должны сохранить верность тайному смыслу, вечности, михаэлическому свету. И для этого можно пожертвовать формой. Чтобы спасти содержание.

Итак, евразийство есть постмодерн, но с радикально иным содержанием.

Мы принимаем вызов глобализации, «нового мирового порядка», и согласны с тем, что назрели и неизбежны иные правила игры. Мы не цепляемся за старое — ни в политике, ни в экономике, ни в культуре. Но мы имеем оригинальный и самобытный сценарий будущего: именно будущего, а не прошлого.

Принципы евразийского постмодерна таковы:

— пусть отмирает национальное государство, но пусть на его место придет не единая «глобальная Империя», но несколько континентальных империй (созвездие «империй» против «Империи»);

— пусть сухопутное начало оторвется от конкретных границ и станет столь же глобальным, как и «атлантистские ценности», с претензией на универсальность (это значит, что мы должны противостоять глобализму не локально, но глобально), вместо водного потопа — гераклитовский «экпюрос», который высушит мировые воды;

— пусть изменится этика полов, но через возврат к архаическим формам и в творческом неосакральном эксперименте;

— пусть индивидуум прорвется к высшим аспектам внутреннего «я» через радикализацию опыта одиночества или волевым образом утвердит новые формы коллективной идентичности — экстатические и имперские (здесь действует принцип «экстатической империи»);

— пусть «знаки» и плоские тени экранов заменили собой вещи — мы должны стать господами зрелища, захватить власть над диспозитивом знаков, подчинив себе режиссуру спектакля постмодерна;

— пусть виртуальная экономика вытеснила реальную — мы должны пробиться в святая святых электронных мозгов мировой биржи и замкнуть как раз те проводки, которые ни в коем случае не рекомендуется замыкать (операция «Сорос по-евразийски», обвал мировых валют, но не для наживы, а ради Великой Идеи)...

Мы должны прорасти сквозь постмодерн, как живая трава сквозь мертвый асфальт. Это проект евразийской ризо-

мы, клубневой (и клубной) системы. Мы в ином тысячелетии. Странно оказались мы за непроходимой чертой миллениума и теперь с тяжелой аскетической радостью осваиваем его язык. Этот язык ужасен, но мы хотим произнести на нем такое слово, чтобы операционная система пришла в логическое противоречие и мировой компьютер необратимо заглючило.

Евразийство — это михаэлические световые токи, радикально иной взгляд на судьбу мира, на его смысл и значение. Евразийство — это переоценка всех ценностей, «передача весов из рук торговца в руки Архангела», «Пурпурного Архангела» (Сохраварди). Евразийство — это смена современной парадигмы на михаэлическую парадигму духа и вечности. Евразийская глоссалалия народов, культур и традиций — это шелест ангельских крыл.

Глава 8. Евразийство как альтернативная сеть в системе постмодерна

Интеллектуалы

Политология постмодерна предполагает в качестве главного субъекта политической реальности *фигуру интеллектуала*. Несмотря на видимость понятности, это совершенно новая политологическая и социальная реальность. Интеллектуал постмодерна качественно отличен от своих предшественников в фазе модерна — от интеллигента и ученого. Интеллигент занят поиском смысла жизни, бытия, общества. Он увлечен разгадкой моральной, этической, онтологической и эстетической проблем. Эти проблемы довлеют над ним, составляют суть его бытия и действий.

В отличие от интеллигента, интеллектуал постмодерна полностью свободен от этой проблематики: он не ищет смысла, он оперирует смыслами. Он свободен от этических

и эстетических коннотаций. Он, как DJ, сводит различные смысловые модели, различные теории и концепции в общий интеллектуальный ритм. Он интересуется различными системами смыслов, но отстранен от каждой из них. В отличие от интеллигента, он безразличен к пафосу интеллектуальной системы, понимая в общих чертах разные и подчас противоречивые интеллектуальные модели, он не выносит никакого предпочтительного суждения относительно их содержания. Он скорее осведомлен, нежели ангажирован, скорее «в курсе», нежели «верит».

Отличие интеллектуала от ученого в следующем: ученый ищет истину, инвестирует свою жизненную энергию в постижение того, какова реальность. Интеллектуал постмодерна считает «истину» чем-то излишним, выносит ее за скобки. Это лишь преграда, помеха, энтропия. Истина и поиск ее неэффективны, они отвлекают от главного. Интеллектуалу научная истина безразлична. Он обращается к ней только «иронически». Ницше писал, что «последние люди» при произнесении слова «истина» моргают и говорят: «что есть истина?» Это об интеллектуалах. Они, скорее, зевают.

Интеллектуалы постмодерна отличаются следующими фундаментальными качествами: они *дисперсны* и *сингулярны*. Дисперсность означает, что они не интегрированы ни в какие структуры. Интеллектуал может занимать высокую управленческую должность, а может и не занимать. Может быть интегрированным в социальные структуры, а может пребывать на их периферии. Это ничего не меняет в его функции: он остается главным decision maker'ом постмодерна в обоих случаях. В системе он представляет индивидуальность, на периферии — системность.

Сингулярность интеллектуала постмодерна связана с тем, что он *никого не представляет*, кроме самого себя. Он есть «ad hoc» явившееся рационализирующее, диджействующее существо, манипулирующее смыслами. За ним нет ни класса, ни интереса, ни базы. Он чистая автономная надстройка,

свободная от всякого фундаментала, как «цена» фондового рынка, которая, как мы знаем, «discounts everything». Он учитывает только тренды, но одновременно и порождает их. Убрав его (чисто теоретически), мы выключим свет и звук политической истории (постистории).

Телемассы

Если интеллектуалы — это субъект постмодерна, то телемассы — объект. Массы в постмодерне переходят в новую плоскость. В традиционном обществе масс не было, были элиты. В обществах модерна массы есть и играют роль субъекта. Модерн создан для масс. Вспомним «societé des masses» и Ортегу-и-Гассета.

В постмодерне массы есть, но их нет. Они все, но они и ничто. Они переходят в новую реальность, они становятся *виртуальными массами*. Виртуальная масса состоит из телезрителей. Все, чем они живут, это плоскость телеэкрана. В этой плоскости есть потребление, событие, желание, вожделение, фрустрация, наслаждение, насыщение, выбор, борьба, победа, поражение. В этой плоскости их жизнь. «Телевизор — это судьба», — говорят телемассы (говорят телемассам!). Все, что делают телемассы, делает за них телевизор. Это дистанционная игра. Никогда ранее в истории массы не были точными эквивалентами физического определения массы, которая характеризуется одним качеством — инерцией. Телемассы в этом смысле идеальны, кроме инерции, у них ничего нет. Вместо классового интереса базиса или остатков коллективного бессознательного, связанного с культурой и традицией, у телемасс лишь следы прошлой передачи. Они прикованы к экрану, как говорил Ги Дебор, крепче, чем каторжник к кандалам. Они даже потребляют виртуально: «Кока-кола» или «Пепси-кола»? Это «быть или не быть?» телемасс. Вопрос глубинный: даже никогда не пробовав ни один из этих напитков, телемассы

проводят жизнь в постоянном выборе. О, нет, они не дадут себе засохнуть! Телелучи бодрят.

Телемассы — чистый объект. Они сделают все, что захотят диджеи-интеллектуалы, но те не хотят ничего. Они лишь синтезируют желание, производят нескончаемый ремикс политического либидо. Они рециклируют «старые песни о главном» и больше ничего не могут и не хотят. Телемассы открывают жадные жаркие зрачки и созерцают ничто. Телемасс нет.

Сетевые

В политологии постмодерна существует промежуточная инстанция между интеллектуалами и телемассами. Это — сетевики. Сеть Интернет — это инструмент виртуальной десингуляризации интеллектуалов и индивидуализации телемасс. Когда телемассы переходят от пассивного восприятия спектакля к интерактивности, они становятся сетевиками. Сетевики — это телезрители, стремящиеся постоянно активно реагировать на потоки полученной информации. Они как бы сообщают телецентру: холодно, горячо, задело, мимо, да-да, да-нет, нет-нет и т. д. Сетевик — это активный телезритель, он экзальтирует свою пассивность до уровня «мнения». Сетевик — это непрерывная шутка, он ищет каналы покруче, порно пооткровеннее, слова погрубее. Он не соображает, как интеллектуалы, но и не безмолвствует, как телемассы. Он издает сетевое шипение, повествующее о том, как его организм переваривает образы.

Образец — «live journal». Это и есть квинтэссенция «сетевых». Каждый постинг в «live journal» — это ровно посредине между сингулярной наглостью клипмейкера (интеллектуала) и запрограммированной предсказуемостью телемассы. Сеть (в ближайшем будущем Web-TV) — это реализованная бесконечность каналов, как неисчерпаемая вариативность порно-поз.

Сетевик может задать вопрос интеллектуалам: Бжезинскому, Фукуяме, Павловскому. И они, вполне вероятно, ответят. Демократия.

Глобализация как проект постмодерна

Глобализация действительна только в той степени, в какой действителен постмодерн. Глобализация совершенно реальна на уровне контактов мировых интеллектуалов. Почему? Потому, что их очень мало. Интеллектуалы — это думающий класс (уже планетарное меньшинство), из которого вычли интеллигентов (людей с совестью) и ученых (людей со склонностью к поискам истины, «ботаников»). Остается горстка на каждую из стран. Их можно собрать на пятачке, они по-настоящему космополитичны, так как не представляют никого, кроме самих себя. Все сингулярности мира легко усядутся в зал на тысячу мест в любой из мировых столиц — от Нью-Йорка или Лондона до Тель-Авива, Парижа, Бангкока, Пекина или Бишкека. Только пригласи.

На уровне телемасс глобализация также совершенно реальна, так как спектакль СМИ легко становится планетарным: CNN, BBC и MTV реальны и реально усвояемы телемассами в любом уголке планеты. Они мурлыкают под нос одну и ту же песню, потребляют одни и те же шампуни, смотрят одни и те же матчи, соболезнуют одним и тем же пандам. Массы остаются различными, но телемассы — интегрируются. Глобализм здесь стал фактом.

О сети и говорить не приходится. Она задумывалась как планетарный интерактив, таким она и является. Ведь паутина по определению «world wide».

То, что реальность совершенно не глобализирована и не хочет быть таковой, не имеет никакого значения: реальность — пережиток модерна. Постмодерн оперирует в виртуальности. Отныне реально только то, что показано по TV. Того, что не показано, попросту нет.

Яд в лекарство: постмодерн на службе евразийства

Как использовать постмодерн для реализации проектов евразийской интеграции? Реальная интеграция стран СНГ в новую политическую модель чрезвычайно трудна. Все, что мы имеем, основано на центробежной тенденции. Но все это — модерн, его компетенция. Государства-нации, «национализмы», «ressentiment», хозяйственные системы, валюты, языки и т. д. Предлагается вынести все это за скобки.

Евразийская интеграция может быть осуществлена легко, просто и без всяких проблем, как только мы примем методики постмодерна.

Для этого достаточно:

— интегрировать интеллектуалов стран СНГ (ЕврАзЭС),

— запустить единый «интеграционный канал» (где телемассы Евразии будут созерцать непрерывный «спектакль интеграции»),

— зарегистрировать домен .ea (E-r-A-sia) по аналогии c.su (S-oviet-U-nion). (Ведь есть же домен .su. Советского Союза нет, а домен есть.)

Итак, проект таков. Соединяем евразийских интеллектуалов в одном месте, например в Астане, сажаем на пароходик, плывущий по Ишиму, и заставляем их сингулярности интегрироваться. Всего-то горсть...

Интегрируем Первый канал РФ с Хабаром, украинским ТВ и т. д. Это будет «обществом евразийского зрелища». Первый канал—Евразия, как в Казахстане сейчас.

И наконец, «live journal» на виртуальной территории .ea. Задай вопрос Павловскому, Дариге Назарбаевой, Путину или Дугину. И ты получишь ответ. Рано или поздно, но получишь...

«GEOPOLITICS ON-LINE»

Приложение 1

Заколдованная среда новых империй

Интервью А. Дугина В. Мизиано — «Художественный журнал». 2004. Июнь. № 54

«Художественный журнал»: *Последнее время интеллектуальный и художественный мир проявляет интерес к теме Империи. Можно сказать, что тема эта стала даже дурной модой. Нам бы хотелось лучше понять ваше понимание этой проблематики. Ведь именно вы первым заговорили на эту тему многие годы тому назад!*

Александр Дугин: На мой взгляд, проблематика Империи не может быть понята вне тематики постмодерна. При этом важно иметь в виду, что постмодерн, ставший актуальным с конца 70-х, не исчерпан и до сих пор. И это несмотря на то, что все уже не первый год постмодерн хоронят. Когда некоторые критики объявляют конец постмодерна, они, как мне кажется, не понимают, что, собственно, провозглашают. А провозглашают они ни много ни мало как конец света. Ведь модерн как стиль, как исторический тренд, вобрал в себя всю историю. Модерн явил собой, в том числе и в изобразительном искусстве, некое суммирование всего предшествующего в преодоленном, снятом виде. К 70-м, на мой взгляд, возобладало ощущение, что подразумеваемый модерном историцизм развития цивилизации дошел до своего пика, до своего акме, не предполагая при этом никакой «золотой осени», плавного скольжения вниз, в уютный маразм старости. Процесс постмодерна — это процесс осознания исчерпанности модерна как такового. По сути дела, в момент возникновения модерн провозгласил себя единственным наследником всей истории — за ним (в прошлом) была выжженная земля, так как все ценное было уже в нем самом. Новое время, несмотря на провозглашенный индивидуализм, было универсалистским, и модерн как стиль в полной мере вобрал это в себя. Когда в модерне начался кризис жанра, когда он был десемантизирован как художественный процесс, не было сделано (возможно, и не могло быть

сделано) парадигмального выбора в ином направлении. Дискуссия по постмодерну рассыпалась шрапнелью по воробьям. Фундамент смыслового континента, который постмодерн хотел изменить, остался нетронут.

Я полагаю, что в постмодерне существуют два направления. Первое — «гипермодерн» или «ультрамодерн», т. е. продление модерна, остающегося самим собой, к своему собственному пределу, без его преодоления. Гипермодерн принимает формы тотального нигилизма, полной десемантизации содержательного исторического процесса, когда сам человек упраздняется, но не заменяется при этом ничем, становясь отжившей маской упраздненных смыслов.

Второе направление в постмодерне развивает то, что было отброшено на пороге Нового времени, — т. е. перелицованный премодерн. Это наивное, сакральное мировоззрение является подоплекой человеческого существования, его подсознанием, телесностью, в общем — архаикой. В сущности, речь идет о том, что в результате своего рода nettoyage par le vide, «очищения пустотой» (термин Жана Парвулеско), фундамента человеческой культуры начинают проступать фундаментальные архаические черты. Это чревато тем, что может быть названо le retour des Grands Temps (также термин Жана Парвулеско и название его недавнего романа) — «возвращением Великих Времен», т. е. возвратом к премодерну и к ревалоризации всего, что было отброшено на пороге модерна. И тут мы вплотную приближаемся к тематике Империи. Ведь идея Империи была отброшена именно на пороге Нового времени вместе с созданием буржуазных государств-наций (États-Nations). Империя сущностно принадлежит к премодерну, она задает свой баланс между индивидуальным и универсальным, причем баланс этот основан на довольно архаичном отношении к онтологии, социуму, культуре.

Итак, постмодерн — это процесс, который, с одной стороны, завершает модерн и утверждает его последний аккорд — нигилистический гипермодерн, с другой же стороны, он предполагает вкрапление архаических элементов в область, выжженную модерном, он ставит вопросы, которые на протяжении всего Нового

времени оставались за гранью политкорректности. В этом аспекте постмодерн не исчерпан: на новом витке осмысления он подошел к проблеме премодерна с совершенно новым знаком. Если модерн — это процесс десемантизации и дезонтологизации традиционной системы ценностей, то постмодерн — это напряженная, ироничная, пусть двусмысленная, но все же ревалоризация всего забытого на пороге Нового времени, особенно того, что в это Новое время оказалось нелегальным. Это ревалоризация вытесненного, стыдливо убранного, сокрытого…

В этом смысле постмодерн и его наступление есть событие колоссальной важности: он ультранасыщен и повлечет за собой изменения в структурах исчезающих смыслов. Мы стоим на пороге глобальной консервативной революции, на пороге нового человечества, смены самого антропологического кода. Пока этот процесс отображается игровым, хихикающим образом. Но вспомним, что представляли собой первые ячейки коммунистов, социалистов или фашистов, где политика была перемешана с искусством, футуристами, парадоксалистами, поэтами и художниками-декадентами. Брюсов, Стефан Георге, Готфрид Бенн, Маринетти, Маяковский, Хлебников… Да, начиналось это все смешно — вот только кончилось совершенно не смешно. Это очень несмешная, очень серьезная вещь — «возвращение Великих Времен».

Вот почему отнюдь не случаен интерес современных художников к премодерну вообще и к имперскому проекту, в частности. Характер интереса к архаике переходит сейчас от ироничной стадии, свойственной ультрамодерну, к новой серьезности. И мой покойный друг Тимур Новиков хорошо чувствовал эту серьезность. Его Академия является переходным звеном от модерна к новой проблеме постмодерна как новой аватары премодерна.

«ХЖ»: *Если мы рассматриваем Империю как производное от редукции к условиям премодерна, то тогда мы связываем с Империей ценности иерархии, подчинения частного целому. Однако Тони Негри, известный теоретик новой Империи, постулировал обратное. Он говорит о современной Империи как о структуре сетевой, как о последней стадии капитализма, лишенной единого центра, основанной на сложном балансе разных цент-*

ров власти. Протестует против Империи такая же сетевая по своей структуре «множественность» — «multitude». Отсюда, с его точки зрения, и обреченность Империи — она не может подчинить себе множественность, так как сама имеет сетевую структуру.

А. Дугин: Но что такое иерархичность? Фуко, например, вслед за Ницше понимал всю историю человеческого устройства как баланс, игру власти. В то же самое время любой дискурс строится по законам принуждения. Любая фраза, даже «Я сегодня пойду в кино» или «Хотите выпить кофе?» несет в себе иерархию отношений, субъектно-объектное подчинение и т. д. Человеческая природа сама по себе иерархична — у нас два глаза, а не пятнадцать, мы стоим вертикально, а не горизонтально. А человеческое устройство, в свою очередь, отражается во всей человеческой культуре. Что касается делезовской анархической попытки с помощью ризом или сетей деструктурировать общество, то, в конечном итоге, на практике аналогичные стратегии в реальности лишь создают новую иерархическую модель — возникает контрсистема, которая реорганизует систему властных функций. Любая попытка абсолютной свободы всегда приводит к абсолютной иерархии, стремление освободить все и вся кончается ГУЛАГом и приходом новой элиты на место старой. И это явление не только политическое, но и культурное, религиозное и т. д.

Что касается конкретно Негри, то «Империя», которую он описывает, — это мондиальный, однополярный мир, глобалистский, с американской системой ценностей в качестве главенствующей идеологии, с ультракапитализмом как экономико-философской моделью. «Империя» Негри — это акме ультрамодерна, его апофеоз. Теневая сторона «множества» — эта нигилистическая сторона ультрамодерна, его темная основа, а никак не альтернатива. Можно ли сказать то же самое в отношении «коммунизма» Маркса? Не знаю… Не готов однозначно ответить. Мы, реальные постмодернисты, читаем Маркса по-другому, «справа», если хотите: он для нас пророк экстатической Империи золотого века…

У Негри и «Империя», и «революционный класс множества» суть сетевые структуры, продолжающие, каждая на свой лад,

тренды обычного модернизма, лишь доведенные до логического предела в двух версиях — в версии порядка (турбокапитализм мирового правительства) и хаоса (пирсинговые трансвеститы-халявщики и полоумные мигранты Тони Негри). И то и другое — последняя агония модерна. Это все еще XX век и попытки спроецировать его в XXI век и в бесконечность. Империи XXI века будут иными. Они будут более премодернистскими. Возникать они будут в Черной Африке, Латинской Америке, даже в Европе, где хотя бы есть история, в отличие от США — этого лабораторного и ультрамодернистского эксперимента. Возможно, это будет Евразийская империя, с шаманами и церквями, или империя Исламская, или Китайская. Я уверен, что расцвет империй придет после заката «Империи». Империя как попытка создать мировое правительство с критической ассамблеей сетевиков — это судороги ультрамодерна. Эти судороги уже заглядывают в тот мир, где их не будет, и отсюда появляется элемент макабра в виде Бен Ладена, отключения электричества в Нью-Йорке, эстетических хэппенинговых интуиций «нового мирового порядка» вместе с его критической антитезой, которые истошно вибрируют на пороге того, куда они не попадут. За пределом постистории уже брезжит «le retour des Grand Temps», «время новых империй».

А о какой Империи мы вообще думаем, мечтаем? Империя — это специфическое сочетание универсального и частного. Внутри Византийской империи было много различных царств. Мысль об Империи — это относительно универсальная рациональность. Сетевые структуры в новых империях превратятся в этнос, возникший на основе ассамблеи типовых физических и умственных особенностей: например, может возникнуть этнос из байкеров, футболистов, художников или компьютерщиков. Такие новые этносы, наряду со старыми и классическими, будут включаться в состав новых империй по языковому, географическому принципу, как раньше включались по религиозному. И они принесут с собой особый рационализм. Таким образом, в новых империях истинного постмодерна будет много рациональностей — в противоположность монорациональной «Империи» ультрамодерна. Тем самым будет достигнут премодернистический эффект, когда был

многополярный мир с разными рациональностями в основах больших цивилизаций. Теперь это не обязательно будет религиозная рациональность — кто-то (если, конечно, захочет) может обожествить Канта, как сейчас в одной из «новых религий» в Бразилии поклоняются Вольтеру и Руссо.

Дыхание премодерна чувствуется уже в самом возвращении термина «империя». Это возвращение премодерна после модерна порождает специфическую иронию, которую наиболее проницательные люди слышат в этой претензии на становление «нового мирового порядка». Что-то иронично-фашистское можно услышать в словах Буша: «The God said me — strike Iraq». Нельзя сказать, чтобы это было позитивным, но уж точно — до боли знакомо из эпох до Нового времени. Да, пока все это еще пародия, прикрывающаяся лозунгами вроде «свободы» и «демократии», в духе extensive empire Джефферсона (о чем пишет Негри), но это уже что-то явно из прошлого. Буш-младший, душка, знаковый персонаж постмодерна, в своем либеральном фанатизме похож на Бен Ладена, в нем есть что-то безумное и симпатичное. Говорят, он идиот и закодированный синяк, дипсоман… Может быть, после своей отставки он даже примкнет к нашему проекту… Я вижу его марширующим в рядах «Евразии», снова в дупель пьяного…

«ХЖ»: *Но насколько совместимы «Империя» и империи? Ведь «Империя» всегда предполагает имперскую нацию. Так, Римскую империю населял римский народ — populus romanum. Правящая идеология нашего времени постулирует глобализацию всех процессов, а в художественной среде авторитетно мнение, что современное искусство — это западное изобретение и никакого другого современного искусства не существует*.

А. Дугин: Думаю, что «Империя», как глобализм, требует некой универсальности стиля. В той «Империи», что строится сейчас, то есть в западноцентричной мондиалистской Империи, существует ярко выраженная идеология, которая, как продемонстрировал на приеме в Кремле в моем присутствии американский посол в РФ Вершбоу, может быть сформулирована за 60 секунд: «глобальный мир», «все для индивидуальности», «свобода как универсальная ценность», «национальные администрации под

слом» и так далее. (Молодец посол Вершбоу, мне это начинает нравится...) Средством построения этой Империи служат не только нефтяные монополии или ВС США, но и MTV, и мондиальная культура в целом. Поэтому до какого-то момента участие русских художников в мировом процессе современного искусства оказывается своего рода сотрудничеством с колониальной администрацией: люди искусства как полицаи... Это помощь оккупантам в деле колонизации, в освоении нашего культурного пространства. Ведь при однополярном мире включение в мировой художественный контекст — это, по сути, процесс подчинения других полюсов, их растворение. А сотрудничество с полицаями бывает разное, не все бегают по лесам с собаками и ловят партизанов — некоторые еще и агитационные плакаты рисуют. И участие, повторяю, именно участие в современном художественном мире — это сотрудничество с оккупантами и предательство собственной идентичности.

Но тут возникает интересный момент. Даниэл Бэлл в одной из своих книг высказывает интересную мысль: в нынешней Империи культура должна отмереть, поскольку, по сути, это проект, альтернативный технологическому развитию. Ведь культура и искусство — это завуалированный премодерн, базирующийся на тех иррациональных сторонах души человека, которые явно не попадают в «список Вершбоу». В Империи есть только «свобода от», т. е. «liberty», но никак не свобода сама по себе, не «свобода для», т. е. «freedom». А в искусстве есть и то, и другое. Свобода как содержательное понятие, то есть «freedom» — ценность премодерна, свобода как отрицательное понятие, то есть «liberty» — это уже концепт модерна. И потому культура, по мнению строителей «Империи», должна быть изжита, как, впрочем, и пол. Не зря же Жан Бодрийяр говорил, что наличие в половом акте двух субъектов — это уже непозволительный архаизм. В стерильном мире глобализма все должны порождаться однополо — простым делением, как клоны, инфузории или раковые клетки. Хотя, конечно, первоначально все было наоборот — свобода нравов была модерном по отношению к традиционной семье. Сегодня половой акт двух существ — тем паче разного пола — это настоящая

«консервативная революция», своего рода «черносотенное» действо... Политкорректны лишь асексуальность, овца Долли, белесый инфантильный импотент-миллиардер Билл Гейтс и т. д.

Поэтому вовлечение в мировую художественную среду представителей художественной России — это не только их включение в процесс колонизации. Они могут, если сообразят, что к чему, принять участие и в революционном процессе. Отстаивание иррациональности, эротики, архаики — это и есть путь их возвращения в проект премодерна. Но только для этого художнику надо провести очень сложную процедуру — заглянуть за предел, увидеть что-то там, где — как всем кажется — ничего нет. И на стороне русских художников может встать то обстоятельство, что, включившись в общество ультрамодерна, они все же имеют консервативные корни — и такое сочетание может изменить их и сделать из пособников оккупации и колонизации важными фигурами революционного движения. Но это очень тонкий и сложный процесс, тут нужно учитывать изменение понятий во времени. Если когда-то гетеросексуальный либертинаж был, по сути дела, «левым» процессом, то после всех сексуальных революций он превратился в процесс весьма «правый» и даже «консервативный» в сравнении с однополой любовью и тотальным унисексом. А бывшие непримиримые враги и противоположности — коммунизм и фашизм — после того как модернизм их преодолел, слились. Разницу между ними вычленить сегодня сложно: вот, например, Хаким-Бей, он кто — ультратрадиционалист или радикальный левый анархист? И потому так велик революционный потенциал «возвращения Великих Времен» — туда можно записать очень и очень много «преодоленных модерном» элементов.

«ХЖ»: *Как вы себе представляете новое имперское искусство? Имеется в виду не искусство единой «Империи», а искусство противостоящих ей новых империй. Можно ли воссоздать его поэтику? Будут ли они соответствовать традиционным чертам имперского искусства?*

А. Дугин: Я думаю, основным принципом будет отсутствие иронии, т. е. новая серьезность. Вместо улыбки — гримаса, вместо смешной шутки — шутка страшная. Фундаментальность появит-

ся во всем, хотя фундаментальность не обязательно подразумевает громоздкость. Даже лучше употребить термин «тяжесть», так как традиционная империя (не «Империя» Негри) всегда сопряжена с тяжестью, с бременем. Вместо игры со смыслами появится символистическое включение этих смыслов в возвращенную онтологию. Искусство империй будет сочетать те виды искусства, которые раньше не сочетались или сочетались, но с иронией, например, натюрморт и перформанс. В новых империях будет тотальная эклектика: там найдется место телеграфам, маскам шаманов, скоростным поездам TGV, японскому шумовому террору, минимализму Руссо и горловому пению. Но эклектичность эта не будет смешна, наоборот, она будет ультрасерьезна, в ней будет корениться новый имперский неогностицизм. Причем включение в «новую серьезность» возможно не только у вещей серьезных, но и, казалось бы, таких странных и даже глупых явлений, вроде какой-нибудь программы «Белый Попугай». Новое имперское искусство должно вобрать в себя все, показать свою безальтернативность. Здесь будет иметь место то же переваривание истории, что и в ультрамодерне, но со знаком плюс.

«ХЖ»: *В одном из последних номеров «ХЖ» Борис Гройс говорит о последней утопии, которая осталась в неолиберальном мире, — утопии денег. Именно деньги, с его точки зрения, есть последнее универсальное начало — универсальный эквивалент, гарантирующий единство все более распадающемуся на частности современному миру. Возникает вопрос: в какой мере эти «новые империи» смогут вести между собой диалог? На какой основе? Есть ли у них между собой что-то общее, универсальное? Разумеется, кроме общего противостояния единой «Империи».*

А. Дугин: Как говорил Гегель, «не будем недооценивать великой силы отрицательности». Отрицая нечто, мы что-то формируем. Поэтому факт противостояния потенциальных «новых империй» нынешней актуальной «Империи» конститутивен: по крайней мере понятно, что они вместе отрицают. А отрицают они ультрамодернистское понимание искусства, отрицают «свободу от» вместо «свободы для» и так далее. Консолидирующим мифом «новых империй» станет именно борьба с неолибераль-

ной «Империей» — так консолидирует христиан для борьбы с грехом миф о дьяволе. Да, отрицание в какой-то момент предполагает и создание альтернативы. Если все будут против рыночной экономики, то в каждой империи обязательно возникнет что-то свое, чтобы рыночные отношения заменить. Причем это будет даже не выдумывание чего-то нового, а ревалоризация того, что у нас уже есть. Допустим, в России деньги сохранятся, но универсальной ценностью вновь станет русский балет.

«ХЖ»: *Тогда получается, что «новые империи» лишены собственной идентичности, они питаются лишь негативом, он и гарантирует им конституирующий принцип. По сути, получается, что империи вступили в тайный сговор с «Империей».*

А. Дугин: Да... как дьявол у Элиаде тайно симпатизирует Богу.... Причем не какой-то там мелкий бес, а глобальный исторический черт, преодоление которого в каждом конкретном случае вырабатывает свои пути спасения. Вызов общий — ответ частный. Как в свое время соблазнительное строительство Вавилонской башни конституировало возникновение народов. Да, у всех был общий язык — но говорить на нем в какой-то момент стало нечего. Всех разогнали, и вместо языка возникли языки. И когда нынешняя «Империя» в качестве онтологического вызова будет преодолена, она станет фокусом конституирования «новых империй». Но это будет не множество разрозненных «сингулярностей» (откуда Негри взял идею, что индивидуум автоматически тяготеет к «солидарности», идиот!), которое есть сетевая составляющая нынешней «Империи», чей революционный потенциал фиктивен. Это будет локальный рационализм, рациональность, ограниченная конкретным «большим пространством». На территории каждой из «новых империй» будет свой общий язык, но в нем будет множество диалектов.

«ХЖ»: *А нет ли тут тайного замысла «Империи»? Ведь «Империя» все 90-е говорила о «политической корректности», о «правах меньшинств», о «принятии другого». И за всем этим стоял тонкий расчет — политэкономия позднего капитализма требовала новых брендов, в том числе и этнических?*

А. Дугин: Отчасти это справедливо. На каком-то этапе «Империи» становятся нужны уже не только разные этносы, но и ма-

ленькие квази-империи. На определенных условиях «Империя» легко переваривает локальное: на парижских выставках бедуин за стеклом совершает намаз, племянница Усамы бен Ладена — солистка исламской рок-группы.

Власть «Империи» не только прагматическая, она еще и идеологизированная, она разлагает любые холистские ансамбли. Поэтому этническое как факт поддерживается, но до определенной степени, как инерция. В определенный момент, рано или поздно, этническое выходит из-под контроля «Империи». Этническое как таковое никогда не может быть включено в «Империю», так как не совпадает с ее рациональностью. Этническое — это «анти-Империя». Судьба русско-советского искусства на Западе — тому прекрасный пример. Первоначально Запад приветствовал бывший нонконфморизм, так как видел в нем «пятую колонну» в СССР, сколок общего «имперского» глобалистского искусства. Но затем включиться на равных в общий культурный обмен русскому искусству дано не было, так как сквозь его универсализированный язык стала просвечивать этничность. И русских художников послали... Где и что они теперь? Ничто! Их функция исчерпана... И они теперь будут в наших рядах, либо они никому не будут нужны...

«ХЖ»: *В свое время интерес на Западе к советскому неофициальному искусству совершенно явно был вызван геополитической борьбой «Империи» с СССР. Сейчас мы можем констатировать в Европе симптомы нового интереса, который, похоже, вызван общим противостоянием США со стороны Франции, Германии и России.*

А. Дугин: Безусловно. Теперь Европе хочется посмотреть, что же мы из себя представляем в этнокультурном плане. Тут может играть свою роль евразийский элемент — ведь франки пришли из наших степей. И мы воспроизводим им кусок земли, по которому шли их предки из Крыма. Мы можем вернуть им предшествующую стадию их этногенеза, утраченный фундаментал. И настоящее евразийское или консервативное искусство должно родиться среди авангардного направления...

«ХЖ»: *Кстати об авангарде. Как вы понимаете связь искусства новой серьезности, т. е. искусства «новых империй»*

с инновацией? Русский — и не только русский — авангард также апеллировал к этничности, к первородным корням, и при этом был устремлен к новаторскому порыву, к отказу от канона. Имперское же искусство — по определению статичное, традиционалистское.

А. Дугин: А к чему сводится инновация для модерна? Инновация для модерна — это форма преодоления, т. е. это не созидательная вещь. Открытие новых горизонтов — это на самом деле свержение старых авторитетов, преодоление табу. Все проекты модерна — проекты «свободы от». Поэтому от инновации в ультрамодерне перешли к стереотипу. Основной ценностью стало серийное, а не индивидуальное. В отношении высокого модерна нельзя говорить о реальной креативности — это лишь рециклирование нигилистических pattern'ов. Выход в «новую архаику» не может быть инерциально консервативным; он осуществим лишь через осознание нигилистической сущности ультрамодерна. Все консервативное, что не осознало модерна, заражено им изнутри. Вспомните слова Ницше о «выздоравливающем»... Ценен не «здоровый», он просто «еще не больной», ценен «больной», но «выздоравливающий»... «Бывший больной»... Все подвергается десемантизации модерна изнутри. Простой инерциальный консерватизм всегда идет в паре с модернизмом, причем модернизм непременно побеждает — он впереди, по крайней мере в нынешнюю эпоху. В «le retour des Grands Temps» имеют больше шанса пробиться сами модернисты — они ближе к бездне, они знают, что дальше пути нет и надо взлетать. А консерватор всегда уверен, что еще есть твердая почва, и не хочет идти к бездне. Но модернист всегда тащит консерватора к этой бездне, а тот упирается... Потому дело творения искусства «новых империй» — это дело модернистических художников, которые на самом деле аутентично пережили драматический опыт бездны. Здесь очень важно, что в процесс современности вовлечены сейчас японцы, русские, арабы, т. е. этносы, органически принадлежащие к традиционному обществу. Нигилизм должен отмыть все консервативные предрассудки, чтобы обнаружился глобальный, тоталитарный фундаментализм. Мы построим «экстатические империи» — ведь только экстатичностью можно противостоять технократической и бюро-

кратической «Империи». «Новые империи» возникнут только от резкого порыва вперед, но никак не от попыток отстоять что-то по инерции...

«ХЖ»: *Искусство «новых империй» — как Вы его описываете, т. е. полное новой серьезности, чурающееся модернистского стереотипа, экстатичное, такое искусство, похоже, не совместимо с массовой продукцией. Экстатический объект должен быть уникальным. Но как тогда это искусство сможет выполнять идеологическую функцию? Как оно сможет повелевать массами?*

А. Дугин: Я думаю, что определенный эзотеризм в искусстве был всегда, есть он и сейчас. Причем вне зависимости от того, идет он к массам или нет. Другой вопрос, что формат этих отношений изменится с появлением «новой серьезности». Сейчас художник должен быть пропагандистом, он должен включать зрителя в свой контекст. Потому сейчас нужен герменевт, комментатор, повествователь, объясняющий массам смысл произведения, которое может быть и картиной, и клипом, и песней, и симфонией, и пьесой... Но необходимо делать это серьезно, создавать новую мифологию. Массы должны вовлекаться в «новое имперское сновидение», в премодернистическое-постмодернистическое бытие, почувствовать себя там уверенно. Пока же у нас есть только имитация мысли о культуре — канал «Культура». Но даже она уже заставляет человека задуматься, заинтересоваться этой сферой жизни.

Я думаю, что в процессе модерна происходил сложный диалог художника с материалом, а это весьма непростой процесс. Если помните, Хайдеггер писал об этом: «Когда творец создает мир, он выставляет землю». «Wann der Schoepfer ein Welt aufsteht, stellt er die Erde hervor». У него это было объяснением, почему ботинки на картине Ван Гога в земле. У творца всегда есть материал, с которым он работает. И по ходу движения к современному обществу происходило постепенное расколдовывание — desenchantement — окружающей среды, вплоть до ее полного исчезновения. В «Империи» Негри нет среды — там есть средства коммуникации, деньги, технологии. Здесь нет зрителя, массы — это реципиенты, ничего не стоящие, потому что труд уже давно потерял цен-

ность. Капитализм может существовать и без эксплуатации, и без налогоплательщиков — всегда найдется какой-нибудь Тайвань, где все сделают дешевле и сами потом заплатят дороже за произведенное барахло с наклеенной европейской маркой. Потому нет и подлинного спроса — есть симуляция спроса, «спровоцированная жизнь» («das provozierte Leben» Готфрида Бенна). Зритель (потребитель) уже не нужен. Рейтинги — игра, имитированная капиталом. Население «Империи» с ее тотально-технологическим характером уже по сути отменено. Население лишено онтологии. А нет онтологии — нет и среды. Есть индивидуальное, но нет человеческого. Перформансы 90-х — яркие выразители этого отсутствия среды, так как у художника уже нет ни материала, ни внутреннего мира, а остается только прыгать, визжать, пускать пузыри... Художник тотально одинок (индивидуален), и ему нечего сказать — вот основное содержание художественного мира ультрамодерна, ведь среда уже расколдована, а значит — десемантизирована.

Новому имперскому искусству предстоит найти заново заколдованную среду. Пусть художник и травмирован, но обращаться он будет не к психоаналитику или в общество анонимных алкоголиков, а туда, где он может обрести «околдованную среду». И совсем не обязательно такой средой должна быть природа — это может быть и социальная среда, это может быть другой человек. Новая империя вернет массы, заставит обрести иррационального Другого, новое понимание материи, новую субъектность — пророческую, терапевтическую, герменевтическую. Противостоять технократичной и максимально настроенной на утилитарность «Империи» можно витализмом и кажущейся неутилитарностью, луддизмом. Только луддизм этот должен быть избирательным — он оставит все позитивное. Пусть это будет выглядеть странно — изба с Интернетом, но это будет встроено в среду. А автомобили все сожжем к чертовой матери! И нефти больше не будет! И газа! Только Интернет! И солнце будет работать... И рис расти, и японцы... И китайцы построят нам дома, а турки их раскрасят, а сербы придут и сделают отличную черепицу... Сменится парадигма технического, изменится характер войн — и все из-за изменения отношении к материи. Это не означает возвращения в прошлое, это

скорее, по Леви-Стросу, открытие себя Иному. Художники — паладины пустоты должны найти Грааль среды, осознать новую диалектику. И после трех столетий существования в ницшеанской пустыне это уже попадание в оазис. Хотя оазис этот пока все еще нереальный, это мираж, так как для появления настоящего оазиса необходимо осуществить геополитическую революцию.

Приложение 2

Ультрамодерн, эпоха империй, закат государств

Интервью А. Дугина В. Тимошенко —
журнал «Бизнес и инвестиции». 2003. Июнь

В. Тимошенко: *Александр Гельевич, похоже, что современный мир входит в точку бифуркации, после которой может последовать его развитие, устойчивость, порядок или хаос, неустойчивость, разупорядоченность?*

А. Дугин: Я рассматриваю нынешнюю международную ситуацию как предельно логическую и предельно понятную. Точка бифуркации — это открытая возможность протекания процессов становления будущего в двух направлениях. Эти процессы имеют свою логику и прекрасно просчитываются современными математическими методологиями. В самой теории хаоса, полной неопределенности, если есть элемент непредсказуемости, то вместе с ним граничные условия заданы. Теория хаоса — это одна из вполне корректных и научных моделей понимания реальности. В обыденном сознании хаос представляет собой нечто полностью спонтанное и случайное, но с позиции точных наук хаос предсказуем и описываем. Неизвестно лишь, в каком именно из двух возможных направлений пойдет развитие, пройдя точку бифуркации, развилку.

Что же происходит в современном мире, если описывать систему в терминах современной физики? Мир действительно подошел к точке бифуркации. Перед нами два варианта общественного развития мирового сообщества. Старая система миропорядка рухнула, и процесс просто не может протекать и дальше в тех параметрах и в том направлении, в котором он протекал до

этого. Выбор пути дальнейшего развития человечества стоит так остро (бифуркационно) именно потому, что инерциальное продолжение прежней траектории развития невозможно.

Развитие двухполюсного мира во второй половине XX века предопределяло структуру международных институтов, блоков и групп государств — НАТО, Варшавского договора, ООН и т. д. Ялтинский мировой порядок просуществовал до начала 90-х годов. Затем одна из несущих конструкций этого двухполюсного мира (в лице Советского Союза) развалилась под давлением извне и из-за внутреннего гниения. Эта система стала недееспособной. Она была обречена.

Вторжение американцев в Ирак — это финальный этап распада Ялтинского мира. Сегодня основные международные институты предшествующего миропорядка — ООН, НАТО, ЮНЕСКО, различные региональные организации — перестали быть стабилизирующим фактором мировой политики, утратили свой смысл.

Отныне мир может развиваться по двум равновозможным сценариям.

Первый вариант: однополярный мир с безусловной и неограниченной доминацией США. В таком случае все международные институты превратятся в провайдеров американской мировой гегемонии. Такое развитие приведет к тому, что вся планета превратится в «Соединенные Штаты Мира», а американская система ценностей будет спроецирована на все человечество, несогласные с этим порядком вещей будут подвергаться уничтожению — что мир и увидел в Ираке.

Но есть и другой вариант мирового развития. После прохождения точки бифуркации может возникнуть многополярный мир, где полюсами будут объединенная Европа, Евразия, исламский мир, тихоокеанский японо-китайский кондоминиум и, в перспективе, транссахарская Африка и т. д. Многополярный мир, состоящий из интегрированных «больших пространств» — это вторая возможность развития человечества.

В нынешней мировой системе продолжение сохранения международной системы в «старом духе» исключается. ООН сегодня не может выполнять те функции, которые возложены на нее уставом. Мы стоим на пороге выбора. Старого мира больше нет, но за

образ нового, складывающегося на наших глазах мира идет ожесточенная борьба.

Рушится даже не столько Ялтинская система, сколько сама модель государств-наций. Сегодня нет надежды на сохранение суверенных государств — это элемент предшествующего этапа социально-политического развития. В нынешнем мире возможны: либо глобальный мир без государств вообще, либо государства, объединенные в некие большие блоки («большие пространства») в рамках многополярности. С суверенитетом, и всеми политическими атрибутами буржуазной государственности придется расстаться.

Те коллективные политические организмы, которые ранее выступали в истории как суверенные государства, сегодня подлежат существенной трансформации, по большому счету — растворению и исчезновению. В будущем мире, и по первому и по второму сценарию, не будет ни государства Россия, ни государства Франция, ни государства Украина, ни государства Германия. Будут цивилизационные геополитические блоки, основанные на иных принципах, нежели нормы классической государственности (концептуализированные Боденом, Маккиавелли и Монтескье). И именно эти геополитические блоки — империи нового типа — будут носителями суверенитета. Либо будет «единое мировое правительство» в лице американской администрации.

В. Тимошенко: *Причины таких гипотетических процессов лежат в объективной плоскости либо предопределяются субъективными началами, где одна воля навязывается другим. «Золотой миллиард» будет определять будущее, заставлять остальной мир работать на себя?*

А. Дугин: Логика мировой истории движется от традиционного общества к современному, от религиозного мировосприятия к светскому, материалистическому, точнее, прагматическому. Смена различных формаций, эволюция политических парадигм человечества имеют очевидную векторную направленность, поэтому то, что происходит сегодня, нельзя свести к «злой воле» богатого севера или последствию революционного развития информационных технологий. Глобализация — процесс, логически завершающий путь развития европейского человечества, начиная с Нового времени, с эпохи Просвещения. И нравится ли это кому-то или

нет, но США, шире, либеральная демократия, сегодня — это естественный и последовательный результат применения принципов «современного мира», «модерна» к истории. Другое дело, что сам вектор десакрализации и материализации человечества может быть воспринят на «ура», а может быть категорически отвергнут. Глобализм — это такая же идеология, как марксизм или нацизм. В него надо верить, с ним надо морально солидаризироваться. Да, это пик модерна, но и модерну, современности можно сказать категорическое «нет». Сегодня вопрос стоит очень жестко: либо глобализм как самая продвинутая фаза «модерна», либо многополярность, которая, по сути, означает радикальную переоценку ценностей, мировоззренческий переворот, планетарную консервативную революцию, поскольку сторонники многополярного мира, в той или иной степени, оказываются в лагере защитников традиционного общества, религиозной культуры, этнических и национальных традиций перед лицом американского «melting pot», всеобщей унификации и нивелировки.

В. Тимошенко: *Ни к заговору сионистов...*

А. Дугин: Знаете, я исследовал разные версии конспирологии — «теории заговоров», написал на эту тему монографическое исследование. В конце концов я пришел к выводу, что это не более чем гротескно упрощенная форма объяснения сложных явлений. Штампы конспирологического сознания занятны с точки зрения социологии, гносеологии, часто — психопатологии, но это специальная тема разговора. Объяснение проблемных моментов истории с помощью версии «заговора злодеев», «масонов», «сионистов» или «неофашистов» — это не слишком содержательный способ исторического исследования, хотя, повторяю, весьма занятный для социолога.

Сегодня выбор стоит очень серьезный, и он брошен самой природе человека, его исторической идентификации. Начиная с эпохи Просвещения, европейцы (а за ними неохотно, упираясь, и остальное человечество) инвестировали свое бытие в прогресс, в становление, в развитие. Они порвали с Традицией, осмеяли ее константы, ее метафизику. Человек сказал прогрессу и современности «да». В правильности такого морального выбора в течение нескольких веков у большинства сомнений не было.

Сегодня мы сталкиваемся с доведенными до логического конца последствиями этого выбора: виртуализация пространства, разрушение семьи, глобализация технологий и массовых коммуникаций, пролиферация легитимизированной содомии и трансгендерной хирургии, вал наркозависимости, экологические катастрофы, генная инженерия и, как логически завершающий аккорд, появление «нового человека», идеального субъекта глобального общества — человеческого клона. Все это воплощено в США, либерализме, атлантизме.

Здесь у многих возникает глубокий вопрос. А так ли уж хороша современность, раз она приводит к такому результату? Так ли хорош отказ от традиций и верований? Обязательно ли человеку избавляться от своих корней, этнической идентичности, языка, культуры? Многие — перед грозным лицом Джорджа Буша-младшего и его автоматических солдат, цинично танцующих на танках рэп перед иракскими детьми, чьих родителей они только что расстреляли, — делают выбор в пользу Традиции. Если мы хотим быть последовательными, то, отвергая глобальную диктатуру США, мы должны пересмотреть наше отношение к «модерну» вообще, а значит, к Новому времени, к его мировоззренческим и философским установкам. То, что мы имеем сегодня, это не извращение прогресса, это его прямое и закономерное следствие.

В. Тимошенко: *Но ведь трудно отказаться от этатистских традиций. Государство всегда было высшей ценностью самоорганизации общества. Сегодня существуют огромные государства, которые не пожелают гегемонии одной, даже очень могущественной страны.*

А. Дугин: Безусловным символом и флагманом мирового развития является США, которые представляют собой не просто удачливое государство или ловкий народ, а пик развития современного мира, основу «золотого миллиарда». Но огромное количество населения Земли продолжает жить традиционными ценностями. Индусская, исламская, славянская, китайская, евразийская цивилизации — фактически весь мир — не готовы конвертировать свой исторический потенциал в эту систему «ультрамодерна» («ультрасовременности»), которую олицетворяют собой США и их «новый мировой порядок».

Дело даже не в том, кто остается за бортом, а кто попадает в «золотой миллиард». Как только мы начинаем мыслить в таких категориях, мы попадаем в концептуальный капкан. Критерии материального качества жизни, преуспеяния, экономического развития и т. д. заведомо навязаны нам обществом «золотого миллиарда», в этих критериях уже неявно содержится их положительная моральная оценка. Так, рассуждая вроде бы о технических и прагматических вещах, мы подпадаем под гипноз идеологической обработки.

В традиционном обществе «бедные» не хотят всегда оставаться бедными, но они не оценивают богатство как абсолютный нравственный критерий и способны делать выбор между богатством и честью, богатством и верностью, богатством и достоинством. В либерально-капиталистическом обществе «бедность есть порок», а «богатство — святость»; это вытекает из «протестантской этики», как показал Макс Вебер. Эта этика лежит в основе «золотого миллиарда». Тот, кто с этим согласен из традиционных обществ — является «агентом влияния» либерализма и глобализма. Но подавляющее большинство человечества совершенно к этому не готово. Потому мы имели такую жесткую реакцию, в том числе и европейского сообщества, на то, что происходило в Ираке.

Война в Ираке стала окончательным наступлением ультрамодерна, ультрасовременности на остатки традиции. Не ислам, не фундаментализм бросает вызов США, а все традиционное человечество не согласно с теми путями, которыми идут США, или, по меньшей мере, с темпами, которыми они идут.

В. Тимошенко: *Может быть, правильнее: не ислам бросает вызов США, а наоборот?*

А. Дугин: Я это как раз и подчеркнул. В Ираке не было фундаментального исламизма. Саддам Хусейн обратился ко всем своим союзникам, в том числе и к мусульманам, с лозунгами воевать с США, но не нашел поддержки.

Ситуация сегодня особенно обострилась из-за того, что президент Буш-младший не делает различий между атмосферой внутри американского общества, где у его позиции есть много приверженцев, и мировыми внешнеполитическими процессами. Он очень домашний президент, глобалист локального разлива.

Буш убежден, что насаждение американских ценностей по всему миру — это факт сам собой разумеющийся. В силу специфического техасского идиотизма он не долго думая отождествил американские либеральные ценности с современными общечеловеческими ценностями. По сути он прав, и точно так же думает любой глобалист, но по форме он проводит эту линию столь неуклюже и одиозно, что фактически разоблачает страшный смысл происходящего, срывает фиговые листки глобалистских приличий, проявляет оскал американской гегемонии в неприглядном и откровенном виде. Это есть синдром чрезмерного и даже несколько простодушного «американского мессианства» Буша-младшего.

Буш действовал в Ираке так, как он действовал бы против своей внутренней оппозиции. Например, Билл Клинтон или Альберт Гор действовали бы иначе, хитростью добились бы от ООН определенной поддержки и т. д. Буш не антитеза Клинтону и демократам, он прямолинейно выдает единую сущность американской глобальной политики.

Буш не может вызывать симпатий, но надо признать, что он помогает человечеству разобраться, «в чем дело», он срывает маски, активно дискредитирует либерализм, американизм и глобализм в глазах народов, и это уже хорошо. Буш воплощает в себе откровенность американского зла.

В. Тимошенко: *Американскому лидерству никто не может бросить вызов в современном мире?*

А. Дугин: В одиночку США сегодня никто вызов бросить не может. Ни Китай отдельно, ни Европа отдельно, ни, тем более, Россия или исламский мир. Если мы предложим гипотетическую биполярность в прежнем, классическом ключе, у нас ничего не получится. Америка использует тогда региональные противоречия. Китай получит конфликт с Индией и Вьетнамом, Европа будет воевать с Россией и с исламским миром. Принцип старый: разделяй и властвуй. Америку может остановить только консолидированная позиция всего человечества, солидарно выступающего за многополярность. Бороться с США можно только всем вместе, любые другие попытки противостоять США будут провалены.

Россия должна сегодня стать активным и последовательным сторонником процессов региональной глобализации. Я привет-

ствую объединение Европы, в первую очередь Франции и Германии, и считаю, что необходимо усилить внимание к СНГ. Государств, в старом понимании, ни в многополярном, ни в однополярном мире просто не будет. Некоторые элементы административного устройства останутся, но национально-государственной администрации не будет. С США можно бороться, только объединившись в цивилизационные блоки. Только так можно локализовать гегемонистские устремления США. Американская цивилизация имеет право на существование, на процветание, на лидирующие позиции в мире, но только наряду с другими цивилизациями. Поэтому сегодня задача локализовать американскую экспансию в рамках атлантического и тихоокеанского пространства, замкнуть США между океанами, вернуть их к доктрине Монро. Это не только наша стратегическая задача, это задача Китая, Европы, исламского мира.

В. Тимошенко: *Если американский вектор мирового развития победит и станет определяющим, тогда рухнет система национальных государств, национальных культур, национальных языков?*

А. Дугин: Знаете, Америка строилась как страна, в которой не существует национальных культур, либо они не отражены в правовых нормах. США строились на отсутствии коллективной идентичности. Это логика либерализма, естественный результат развития англо-саксонской номиналистской философии, англосаксонского протестантского духа. Эти же тенденции сформировали философию современности, структуру модерна. В этом смысле американцы даже не понимают, что что-то можно разрушать. Они искренне считают, что если кто-то не воспринимает их систему ценностей и правил как высшее благо, тот просто недоразвит. Американцы не воспринимают другое, альтернативное устройство, как нечто существующее, с чем надо спорить, что надо опровергать, критиковать и т. д. Они просто сносят это с лица земли и ставят силой то, что им близко, понятно. Американцы не стоят перед нравственным выбором: нужно ли подавлять, разрушать, уничтожать другое. Другого для них нет, так как нет, по большому счету, и своего. Они говорят: «цивилизовать», «развить», «включить в современный мир», «привнести демократию»,

«дать свободу информации». Это типичный американский бессознательный расизм. Американцы искреннее считают себя пиком развития человечества, его вершиной. Все остальное человечество — это просто недо-Америка.

При таком мировом порядке возникает угроза не только национальным культурам, языкам, религиям, этносам. Это, прежде всего, угроза человеку. Человек без качеств — не настоящий человек. Житель будущего американского однополярного мира — это человек без подсознания, без культуры, без психики. Он не естественный, но искусственный человек. Отсюда и идея клонирования людей, это технический метод создания «людей без свойств» (Роберт Мюзиль), чей приход и так подразумевается логикой развития ультрамодерна.

Реальным существом без свойств, без подсознания, без совести и исторических корней является клон. Будучи произведенным искусственно, он получает программу поведения целиком извне.

Эта идея не новая. Еще Джон Локк рассматривал сущность человека как «tabula rasa», «чистый лист». Но человеческая «tabula rasa» в реальности постоянно наполняется неконтролируемым спонтанным содержанием — языком, культурой, знаниями, генами. Прервать эту связь со своей культурой, человеческой антропологической матрицей призвана генная инженерия. Американский порядок, по мере его глобализации, потребует в скором времени антропологического скачка, и приход «нового человека» будет неизбежен. «Новый человек» глобального мира, его идеальный субъект — это клон.

За всем американским — милыми безделушками и технологичными приборами, дешевыми окорочками, быстро обслуживаемыми макдональдсами, вездесущим телевидением, технично снятыми боевиками, экстравагантной масс-культурой — проглядывает идея пришествия «искусственного человека», «идеальной машины», клона. Я видел где-то интересную карикатуру: на ней изображен человек с телевизором вместо головы, который смотрит внимательно в другой телевизор.

О конфликте между технологией и культурой прямо говорят многие теоретики постиндустриального общества, например,

Даниэл Белл. Он прямо утверждает, что культура, будучи резервуаром иррационального, традиционного, душевного, мешает динамичному развитию технологий. По Бэллу, подлинно технологическое общество возникнет тогда, когда культура, религиозная, национальная и даже светская, будет ликвидирована, подвергнута своего рода «геноциду».

Причем Белл не стремится кого-то напугать такой перспективой, это говорится сухим спокойным тоном, как констатация. Культура нам мешает, мы должны рационализировать общественную жизнь. Начать следует с языков. Многообразие языков затрудняет коммуникации, мешает бизнесу. Давайте отменим языки, и все будем говорить на английском, предлагают глобалисты...

В. Тимошенко: *Но единство в многообразии, говорил Аристотель...*

А. Дугин: Единство в многообразии — это сегодня революционный лозунг сторонников многополярного мира. Это жестко антиглобалистский и антиамериканский тезис, как и сам Аристотель, которого либерал Карл Поппер давно зачислил в разряд «врагов открытого общества». Для глобалистов место Аристотеля где-то рядом с Бен Ладеном и Саддамом Хусейном.

Человечество должно отстоять себя перед лицом нового мирового порядка и его клонов. Многие наши современники, увы, уже сегодня «протоклоны». Человечеству как единству многообразия брошен серьезнейший вызов. Американская парадигма — это однообразие в единстве, полная административная унификация индивидуальных молекул, людей, сведенных до атомарного уровня. Это и есть единство однообразия.

В. Тимошенко: *А как Россия может вписаться в многополярный или монополярный мир? Классически только в рамках государственности общество может самоорганизоваться, а культура — получить развитие.*

А. Дугин: Рассматривать Россию вне многополярного и однополярного мира нельзя только потому, что сегодня абсолютно все взаимосвязано. У России нет возможности просто продолжать быть тем, что она есть сейчас. Она должна сделать выбор в нынешней точке бифуркации — тот или иной, но какой-то должна сделать обязательно. Либо мы принимаем американский

проект, однополярный глобализм, и безвозвратно исчезаем как национальное государство, особая культура, соцветие этносов и конфессий, либо находим место в многополярном мире как один из суверенных полюсов наряду с другими. В многополярном мире для России есть место, есть степень свободы, есть возможность отстоять свой собственный выбор, но Россия должна стать чем-то большим, чем она сама, Сверх-Россией, Россией-Евразией, ядром демократической Евразийской Империи.

Многополярный мир — это необходимое условие существования и развития России. В однополярном мире (и влиятельнейший идеолог однополярного мира Збигнев Бжезинский это четко показал) для России места нет. С его точки зрения, было бы рациональнее и технологичнее, чтобы России не существовало как единого целого вовсе.

Многополярный мир — это не только вопрос, но и ответ. Отстоять такой мир для нынешней России есть главная задача. На решение этой задачи надо бросить все: ресурсы, идеологию, всю структуру внешней и внутренней политики, социальную стратегию, экономику, партнерские отношения по поставке энергоресурсов и т. д. Многополярный мир — это уже основа стратегии внешнеполитического и внутриполитического развития России. Если мы делаем такой выбор, мы автоматически попадаем в один контекст. Если соглашаемся с однополярностью — в другой. Если откладываем выбор — то ни в какой не попадаем, как сейчас. Мы не можем заниматься ни одной насущной проблемой внутри России — ни реформой административной системы, ни ЖКХ, ни приватизацией РАО ЕЭС, пока не определимся относительно точки бифуркации, о которой мы говорим. От этого фундаментального выбора зависит все: состоится ли у нас альянс с Европой, с Китаем, с США или с Японией; надо ли нам наращивать вооружения или ликвидировать их вовсе, а если наращивать, то какие; на чем следует поставить акцент в развитии политико-партийной системы и что является второстепенным и т. д.

Все это напрямую зависит от принципиального выбора. И решив эту задачу тем или иным образом, мы получим граничные условия, в которых придется действовать и жить долгие десятилетия, если не века.

В однополярном мире России просто не будет, но, несмотря на это, в окружении президента, в нашей российской элите многие продолжают настаивать на сближении с США. Эти агенты влияния представляют собой «партию клонов»...

Выбор же многополярности как вектора мирового развития ведет к необходимости, несмотря ни на какие затраты, идти на интеграцию на постсоветском пространстве. Разговор, который Россия начинает вести с позиции силы то с Грузией, то с Украиной, в такой ситуации просто исключен. Россия более всех заинтересована в многополярном мире и должна мирно и по-хорошему объяснить другим молодым странам СНГ, что и им в однополярной системе места не предвидится. Поэтому мы спасемся только все вместе. Однако прежде чем кому-то что-то объяснять, надо вначале понять самим.

В. Тимошенко: *Но не имея государств, этносы быстро растворяются, ассимилируются...*

А. Дугин: В империях этносы живут веками, тысячелетиями. Примеры — царская, советская империи. Во Франции триста лет назад жило 120 народностей, а сегодня не осталось ни следа от этих этнографических групп. В России же тысячелетиями живут многочисленные этносы. Это национальная политика «больших пространств» и есть свойство империи.

Например, украинцы должны понимать, что интеграционные процессы с Россией — это не русификация, не утрата национальных ценностей, а наоборот. Это единственная возможность сохранить Украину как особенную и специфическую этнокультурную и религиозную общность, как народ, как единое пространство. Это сложно объяснять, но объяснять надо.

В. Тимошенко: *Традиционно ядерное оружие сохраняло мировое статус-кво и являлось гарантией мира на земле. Является ли сегодня ядерное оружие инструментом мира?*

А. Дугин: Ядерное оружие может сохранить мир, но не само по себе. Ядерное оружие — это лишь средство, лишь продолжение политики. Сущность войны остается незыблемой, как это сформулировал Клаузевиц, — «война есть продолжение политики». Ядерное оружие возникло как продолжение «холодной войны» и так же является продолжением политики того перио-

да. Ядерное оружие и сегодня, по сути, есть инерция политики развалившегося двухполюсного мира.

Сейчас, если мы согласимся на однополярный мир, то ядерное оружие будет только у США, остальные ракеты и ядерные боеприпасы распилят под видом гуманитарной помощи — под веселую музычку Бориса Моисеева — как награда за самоуничтожение. Тогда ядерное оружие будет продолжением политики однополярного мира, мы же на самом деле должны говорить о ядерной многополярности. Ядерному потенциалу США противопоставляется мировой ядерный потенциал.

Следовательно, Россия должна не только сохранять, но и наращивать свою ядерную мощь. России необходимо включиться в процесс пролиферации ядерного оружия в других евразийских странах. Передать российские технологии ядерного оружия Ирану, Индии, арабскому миру, Европе. Залог нашей безопасности — ядерная многополярность — тогда ряд крупных держав или цивилизационных блоков — «больших пространств» — будет обладать ядерным оружием и проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, сдерживая потенциальную агрессию со стороны США и других ядерных держав собственным потенциалом. Ядерная Европа, ядерная Азия, ядерный Китай, свободная ядерная Япония — вот залог новой мирной политики и ядра системы безопасности многополярного мира. Ядерное оружие является продолжением нашей ценностной и политической системы. Мы отстоим наши духовные, сакральные ценности ядерным средствами или оружием нового поколения. Тот, кто не заботится о своей ядерной безопасности и не тратит на нее средства в критический момент истории, тот будет рабом. Надо уметь себя защитить. Хочешь мира — готовься к войне.

В. Тимошенко: *Но новое мышление Горбачева как раз и фиксирует невозможность решать политические проблемы ядерным оружием.*

А. Дугин: Горбачев — предатель и отщепенец, он разрушил великое государство. В результате его безответственных высказываний и преступных действий весь мир оказался под пятой американской диктатуры. Горбачев — это антиавторитет в чем бы то ни было, позорный и жалкий тип.

В. Тимошенко: *Россия не должна участвовать в глобальных процессах, но присоединиться к антиглобалистам?*

А. Дугин: Вокруг нас идет передел мира. Мы должны стать субъектом, а не объектом мировой политики, а то, рано или поздно, нам выставят условия, которые мы не сможем не принять. Россия должна сегодня участвовать в глобальных процессах. Это возможно в рамках многополярного мира. Многополярный мир тоже предполагает глобализацию, но региональную, для нас, например, в рамках СНГ. Повторяю, в многополярном мире нет России, Украины или Белоруссии по отдельности. В многополярном мире есть только Евразийский Союз, единая Европа, объединенная Азия и т. д. Изменения в мире неизбежны. Брутальные, жесткие, жестокие, немедленные и драматические. Я повторяю: неизбежны. России надо принять либо одну модель, либо другую. В многополярном мире мы сохраняем историческую преемственность и сохраняем идентичность в новой евразийской форме, в однополярном мире мы обречены на уничтожение, на геополитическую ликвидацию.

В. Тимошенко: *Сколько понадобится социального времени, чтобы в мире произошли те изменения, о которых вы говорите?*

А. Дугин: Геополитические циклы долгие. Они прослеживаются в пространстве столетий. То, что для меня как геополитика было вчера, для многих — незапамятная древность. Но сегодня у человечества нет запаса геополитического времени, которое могло бы длиться одно-два десятилетия. События, о которых мы говорили, происходят уже сейчас. Мы это видим, ощущаем на себе. С точки зрения геополитики «сегодня» или «вчера» не играет никакой роли. Когда произошел слом двуполярного мира? В 1989-м — вместе с падением Берлинской стены, в 1991-м — при распаде СССР или в 2003-м — при начале агрессии против Ирака? И тогда, и тогда, и тогда...

С геополитической точки зрения — это одно и то же событие, одно мгновение. Времени у нас в запасе больше нет. Совсем. Чем дальше мы откладываем решение глобального уравнения, тем хуже наше положение. Пришло время выбора.

Приложение 3

Новое Средневековье?

Интервью А. Дугина информационно-аналитическому порталу «OPEC.RU». 08.11.2005

— Александр Гельевич, события последних дней во Франции не могут не беспокоить. Сейчас проблема уже начала распространяться на соседние с Францией страны. Особенно тревожно это выглядит, если учитывать, что в чем-то та социально-этническая структура, которая есть во Франции, свойственна и России. Каков ваш взгляд на проблемы Европы, и возможно ли повторение подобного на российской почве?

А. Дугин: Проблемы Европы имеют множество аспектов.

Во-первых, существует глобально порочное либеральное представление о человеке как об индивидууме. Основная проблема Европы заключается в ее политической антропологии, приравнивающей человека к индивидууму и рассматривающей человека в концепции Локка как чистый лист бумаги, на который все наносится путем социального воспитания. Тем самым полностью игнорируется этническая, религиозная, культурная, расовая и другая идентичность, которая рассматривается, как нечто второстепенное. Соответственно, на этой политической антропологии основана структура общества, и вводится главенствующее понятие «гражданина», которое является политическим выражением этой антропологии.

Гражданин — это индивидуум, получивший ряд бумаг и удостоверений для проживания в той или иной стране, в том или ином обществе. Эта концепция гражданина или гражданского общества, антропологическая концепция, основанная на индивидуализме, рано или поздно дает фундаментальный сбой.

Она дает его сейчас. Именно это происходит во Франции и начинает происходит в других странах Европы. Это абсолютно ложное учение, которое ничего хорошего не несет, и сейчас оно воочию демонстрирует свою несостоятельность и никчемность. Согласно этой модели политической антропологии, любой человек любого цвета кожи, любой культуры, любого языка, попадая

в западное общество, становится рядовым элементом этого общества, точно таким же, как и все остальные. И вся законодательная база европейских стран связана с этой политической антропологией. То есть все претензии предъявляются к индивидууму как к гражданину, как к некой атомарной личности, в отрыве от того, что это за гражданин, какую религию он исповедует, к какому этносу принадлежит. Французское представление о национальности — это представление о гражданстве. Африканец, араб, русский, кто угодно — все будут «французы», их nationalité будет «français» — в паспорте и в жизни. Таково представление о политической антропологии.

Но это так только для западного общества. А для «незападного» — например, для восточного человека — это не так. В теории получается, что когда представители арабского, африканского, китайского, японского мира попадают в европейские условия, они становятся французскими гражданами, «французами» с юридической точки зрения, безупречными французами, абсолютными французами, которых никак нельзя отличить от других французов, испокон веков живущих во Франции. Между ними нет ни малейшего формального юридического различия — так строится западное общество. Но они, конечно же, никакими «французами» в культурном, историческом, психологическом, ментальном смысле не становятся, они остаются мусульманами или африканцами, китайцами и так далее. И ведут они себя, как мусульмане, африканцы, китайцы и т. д. И живут они по законам своей культурной идентичности, а не по законам общеевропейского гражданского общества, поскольку культурная и религиозная идентичность намного серьезней, фундаментальней и глубже, чем нормативы и коды гражданского общества. Европейское право, основанное на игнорировании этой идентичности, сейчас рушится, подвергается эрозии в своих корнях, поскольку скопилась критическая масса приезжих из других стран, которые никак не интегрируются в европейское общество или интегрируются очень поверхностно. Сохраняя свою культурную идентичность, они оказываются неуправляемыми в этой ситуации. И создают анклавы самобытного существования, которому легко наплевать на все неформальные социальные императивы, отражающие опыт коренных

французов. Ведь помимо формального требования всегда существуют неформальные, исторические элементы права, устоев, нравов. Настоящие, коренные французы помимо социальной модели, которая проговорена и описана в формальных кодексах, несут в себе и неформальную сторону, которая гораздо шире. А вот арабы совершенно не несут этой неформальной части, поскольку их исторический опыт, устои — иные. И вот когда критическая масса инокультурных элементов достигает определенного пика, происходит сбой всей системы.

То, что сегодня происходит в Европе, — это фундаментальный сбой всей европейской политической антропологии. Это ее конец. Выйти из этого момента путем простого умиротворения разбушевавшихся арабов невозможно. Произошел сбой на уровне парадигмы. Так же, как у нас в конце 1980 — начале 1990-х годов, в конце советской власти, вдруг стало ясно, что советская парадигма больше не действует, не действует — и все. Ее можно штопать, пытаться сохранить, но ей, по большому счету, пришел конец. Вот так же на наших глазах в сегодняшней Европе приходит конец западноевропейской политической антропологии. На поверхности снова появляются те факторы, которые были запрятаны глубоко и давно. Снова на поверхность всплывает то, что считалось преодоленным, забытым, уничтоженным еще на заре Нового времени — фактор этноса, фактор культуры, фактор религии. В светской Франции этнос и религия могут существовать только как индивидуальное предпочтение гражданина, без какого бы то ни было коллективного и социального измерения. Как социального явления, как коллективной идентичности, религии не существует. И вся французская история последних столетий — это триумф lacite, «светскости».

И вдруг не всплеск своей собственной религии, не католичество и не протестантизм, а именно наличие исламской миграции возвращает Францию к тому состоянию, которое французы уже давно пережили и преодолели, плюнули и забыли, — к фактору религиозной идентичности. Это началось с запрета ношения платков в школе девочкам-мусульманкам. И уже в этом скандале французы поняли, что что-то страшное происходит в их парадигме, потому что большое количество их граждан плюют на мен-

тальность, культурные формы и светские нормы коренных французов и не собираются их соблюдать.

Политическая антропология светской Европы трещит по швам, и, вообще говоря, это ее конец. Соответственно, Европа должна перейти к другим формам, к другой политической антропологии, а к какой — пока непонятно. Потому что в последние десятилетия, за последние полвека, европейская идентичность оттачивалась как раз через критику других форм политической антропологии, в частности этнической, приравнивая ее к печальному опыту национал-социализма. Сейчас та же самая этническая идентичность предъявлена Европе, но уже не на основе своего национализма, а на основании модели поведения иммигрантов, которые не учли опыт «денацификации», которые его не прошли, для них он является чуждым. По сути дела, именно они, иммигранты, могут обвинить европейские государства в «национал-социализме», хотя сами эти государства спят и видят, чтобы избавиться от последних элементов того, что хоть как-то отдаленно напоминает европейский, собственный коренной национализм, который полностью дискредитирован, очернен и осужден в Европе. Теперь же Европа столкнулась с национализмом среди иммигрантов, который не «демонизируется» автоматически обращением к гитлеровскому опыту. Вот тут-то и возникает абсолютный крах европейской парадигмы.

Иными словами, я думаю, что на наших глазах пришел конец Европы, пришел быстрее, чем многие ожидали, и именно той Европы, которую мы знали последние столетия. И какой будет новая Европа и будет ли она вообще, решится теперь заново. На наших глазах будет происходить что-то невероятное. Удар нанесен в центр системы, как в свое время удар по СССР был нанесен по компартии, которая стала от страха жечь свои партбилеты. Точно так же удар сейчас нанесен по основе европейского самосознания. Это святая святых европейской идентичности — и вдруг оказывается, что это нездоровый субъект, что он умирает. Европа сегодня умирает.

А нам это последний знак. Слава Богу, что мы не такая европейская страна, как Франция или Германия. И сейчас наше отставание от Европы — это наше главное преимущество. Безусловно,

если мы пойдем по европейскому пути, то мы очень быстро придем к схожей ситуации. Но в том-то и дело, что для России еще не поздно правильно расшифровать этот урок. Надо плюнуть на Запад, надо сказать — «какое счастье, что мы не проделали еще несколько шагов в этом направлении». Надо забыть о кошмарном сне, который называется «западная цивилизация», «глобализация», «политкорректность», «либерализм», «права человека». Надо забыть весь этот страшный бред. Надо строить нашу российскую государственность, надо экзальтировать нашу национальную идентичность, не то чтобы поднимать молодежь на правые марши — надо поднимать всю страну, всю нацию на то, чтобы немедленно укреплять нашу собственную этническую, этнокультурную идентичность, православную и русскую, если мы хотим сохраниться от этой эрозии. Нам необходимо вводить нормы этнокультурной гигиены. Немедленно, исходя именно из опыта Европы, поскольку опыт Европы — это конец Европы.

Это все будет погашено, рано или поздно все это остановится, но для политологов, для людей, которые понимают в вопросах политической философии, — это знак, в котором невозможно ошибиться. Мы пережили кризис советской системы, и тот, кто был в это время в здравом уме, помнит, как это происходило, этот бесценный и страшный опыт падения цивилизации. То, что происходит сейчас в Европе, — это падение цивилизации. И нам нужно немедленно плюнуть на Запад, плюнуть самым серьезным образом, погнать в шею в пригороды Парижа остатки наших атлантистов, правозащитников, либералов и западников, пусть они там рассуждают о «правах человека» и о том, «кому в России наступают на горло». И конечно, надо снять последнее табу на национальное возрождение в России. Немедленно снять табу, поскольку до сих пор перед любым проявлением русского национализма ставятся препоны, происходит его демонизация, раздается вой, писк, визг, лай, смрад, начинается паника в верхах, бьется в истерике пресса. Это видно на примере «Правого марша» 4 ноября, который был очень корректный, тихий и скромный, по сравнению с аналогичными европейскими маршами, с тем, что происходит в Германии или Голландии, когда десятки тысяч людей с перегретым этническим чувством высыпают на улицы и громят все на своем пути.

Поэтому тот визг и тот шок, в которые поверг наш скромный «Правый марш» 4 ноября власти и СМИ — это абсолютно неадекватная реакция на фоне того, что происходит во Франции.

Во Франции соблюдали права человека, заглушали собственную этническую идентичность. Дособлюдались и дозаглушались. То, что происходит во Франции, означает гражданскую войну. Они получили то, что заслуживают. И мы получим то же, если сделаем хотя бы еще один шаг в сторону Европы, в сторону Запада. Это начнется и у нас.

Конечно, тут приложила руку и Америка, которая мстит Европе за ее колеблющуюся позицию в отношении поддержки их авантюр. Америка влияет на это. Но и у нас она будет влиять! Вы что, думаете, наши диаспоры, наши этнические группы, которыми пропитаны наши города и поселки, они что, так уже имунны для влияния американских фондов, НПО и правозащитных групп и грантов? Ничего подобного, они так же подконтрольны им, там давно отлажены механизмы манипуляции.

Поэтому нам все это угрожает в не меньшей степени, и последний звонок для российской государственности раздался: можно скорчить либеральную мину, общедемократическую рожу, мол, все обойдется. Не обойдется. Нам необходимо пересмотреть свое отношение к этнической проблеме в России.

— *Но альтернатива западному типу цивилизации, этническое, религиозное самосознание — не есть ли это возвращение в Средневековье?*

А. Дугин: Да, есть — и пожалуйста! Кризис современного западного общества, исчерпанность парадигмы Просвещения и есть приглашение к возврату в Средневековье. Да, нам нужно строить новое Средневековье, модерн свою повестку дня исчерпал. Парадигма модерна отходит в прошлое. Безвозвратно. А разве не к Средневековью мы возвращаемся после краха советской системы?! Разве не к Средневековью взывает повышение роли церкви в нашем обществе, повышение национальной идеи?! Мы стремительно выходим из парадигмы модерна, но именно парадигма модерна в свое время дала свою пристрастную и чисто негативную оценку Средневековья как «дикости», «варварства», «тьмы», «мрака». Но это было не что иное, как политическая про-

паганда, «черный пиар». Средневековье подверглось черному пиару в эпоху Возрождения и особенно в эпоху Просвещения. На самом же деле Средневековье, если смотреть другими глазами, — это блестящий, прекрасный золотой век мировой культуры, это самобытный уникальный расцвет традиционной политической антропологии. Это вера, это подвиг, это сила, это великие люди, это прекрасные дамы, это удивительные приключения. Средневековье — это золотой век человечества. Такой красоты искусства, такого напряжения человеческого духа, такой широты подвигов и действий, такого напряжения человеческой драмы и полноты духа, как в Средневековье, такого расцвета религии и духовной культуры не знала, пожалуй, ни одна другая эпоха. И поэтому возврат в Средневековье — это прекрасно! На самом деле в современном мире будет либо возврат к Средневековью, добровольный, сознательный, и причем к своему Средневековью, либо мы попадем в чужое Средневековье, например в исламское Средневековье. Это очень близко к реальности. Вопрос не в том — к Средневековью или нет (ответ только один — к Средневековью — да, конец модерну — да). Но к какому Средневековью — к своему или к чужому? Именно в этом вопрос для России.

У нас есть свое Средневековье, блистательное Средневековье московского царства Ивана Грозного, опричнины, доктрины Москвы — Третьего Рима, симфонии властей и переноса православной миссии спасения мира от византийской империи на Москву. Это наше Средневековье, к нему и надо возвращаться, иначе мы окажемся где-то на периферии халифата или просто в глобальной помойке, потому что в противном случае нам уготовано место в отбросовых формах Средневековья в качестве порабощенных народов, свалки отходов, полуобитаемых пустынь с одичалыми аборигенами... Либо свое свободное Нео-Средневековье с новой русской империей, либо мы будем просто отбросами чужого Средневековья.

Например, американского Средневековья — потому что Америка тоже строит свое Средневековье, которого, кстати, у этой страны никогда не было, поэтому для них это впервые. Америка возникла уже после Средневековья, а сегодня американцы строят мировую империю, которая вполне напоминает средневековые

крестовые походы, о чем и говорит Джордж Буш. Эти ребята строят свое Средневековье, и в нем нам отведена далеко не первая роль. Вообще, альтернативы Средневековью нет, возврат к Средневековью — это и есть смысл постмодерна, это отмена, преодоление и исчерпание парадигмы модерна со всеми ее прелестями. И то, что происходит сегодня во Франции, — это последняя точка в конце модерна. Это не столкновение цивилизаций — это конец одной из цивилизаций, это конец современной западной цивилизации. Ее больше нет, она еще, конечно, агонизирует, но, по-моему, скоро последними носителями химеры этого модерна станут постаревшие сотрудники советских НИИ, которые в юности кипятили чай в колбах и до сих пор голосуют за анахронического петрушку — Явлинского. Это и есть модерн, а больше нет никакого серьезного модерна, все давно уже в Средневековье.

— А то, что сейчас происходит, — это не начало Третьей мировой? Сейчас высказываются и такие мысли.

А. Дугин: Нет, Третья мировая предполагает какие-то субъекты. Ведь это не ислам восстал, не европейский и не мировой, а просто идет эрозия, разложение современной западной цивилизации, стремительное разложение, такое же, как стремительное разложение советской системы. Это не война, здесь нет субъектов. Ислам — не субъект, он просто подхватывает то, что плохо лежит. Это живая, гибкая передаточная среда, по которой могут идти геополитические токи совершенно разной направленности. Он сам не генерирует свой ток, это система, которая в рамках современного мира, пользуясь его слабостью, не разлагается так же быстро, как остальные его модули, и в этой среде могут происходить самые разнообразные, веселые, грустные, жестокие, террористические токи. Но сам по себе ислам не обладает повесткой дня, не является субъектом, не является агрессивной, набирающей рост цивилизацией, хотя разрозненные элементы этого есть. Он интегрирован одной своей частью в этот разлагающийся модерн, но он куда более стойкий, чем этот модерн. Вот и все. Ислам не выдвигает повестку дня, просто через ислам движутся колебания, которые добивают падающую западноевропейскую систему. Я думаю, что Третья мировая война может начаться, и

где-то, наверное, она начнется, а может быть, не начнется, но пока этого нет и в помине.

Нельзя называть любой конфликт мировой войной, я против подобных формул. Были две мировые войны в XX веке, и они характерны для XX века. Мы живем в XXI веке, в котором уже не будет мировых войн, а будет что-то другое — например, постмировые войны или глобальные гражданские войны, причем с многообразными неопределенными участниками, где отдельные страны будут играть роль повстанческих армий с полевыми командирами, своего рода «князьями войны». Я думаю, что мы закончили XX век, закончили модерн. Мировые войны — это свойство модерна. А мы живем в постмодерне, значит, у нас будут поствойны. Поэтому были Первая и Вторая мировые войны, и больше нет и не будет никаких мировых войн, ни третьей, ни пятнадцатой. XX век закончился без 3-й мировой — значит, ее и не будет.

Я думаю, что сейчас будет эпоха новых крестовых походов, новых колонизаций, новых пиратов. Обратите внимание: совсем недавно у берегов Кении подвергся нападению пиратов американский круизный корабль. Настоящие пираты с «калашниковыми», обстреливающие американцев с гамбургерами в зубах, — вот оно, Средневековье. В Средневековье не было мировых войн — были крестовые походы, были захваты и развалы империй, были варвары. И то, что происходит в Париже, — это восстание варваров. Это бунты варваров внутри разлагающейся вялой системы. И европейская цивилизация, которая считала себя цивилизацией модерна, оказалась не чем иным, как догнивающей империей. Парадигмы меняются мгновенно, одно моргание глаза — и мы находимся в ином пространстве. То, что сегодня происходит в Европе, — тому подтверждение.

Раздел II
ОТ ЛОГИКИ ПАРАДИГМ К ЛОГИКЕ КОНТИНЕНТОВ: ОДНОПОЛЯРНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ vs ИНТЕГРАЦИЯ «БОЛЬШИХ ПРОСТРАНСТВ»

Глава 1. Глобализация и ее варианты

Действительная глобализация

Под глобализацией обычно понимаются две разные вещи, откуда возникает путаница понятий. Первое определение глобализации — действительная глобализация — есть осуществляющийся в реальности процесс навязывания всем странам и государствам мира западного экономического, политического, культурного, технологического и информационного кода. Такая глобализация проводится «богатым Севером» (странами НАТО), «золотым миллиардом» и направлена на укрепление их мирового господства. Это форма «нового колониализма». «Богатые» правят «бедными», «развитые» — «неразвитыми». Народы и страны при этом утрачивают остатки «суверенитета» и — либо встраиваются в систему глобализма, либо становятся «отверженными», странами-париями, «осью зла».

Экономически такая глобализация настаивает на повсеместном утверждении либеральной модели экономики, радикального монетаризма, «финансизма» (развитие фондовых рынков, венчурных фирм и т. д.).

Политически такая глобализация утверждает необходимость повсеместного утверждения светского либерал-демократического устройства, доминации идеологии «прав человека», «открытого общества», «гражданского общества». Государственность, административные системы разных держав постепенно упраздняются.

Стратегически такая глобализация означает прямой контроль ВС США и их партнеров (сателлитов) по глобализации (Англия) над всем пространством планеты.

Такая глобализация может быть названа «глобальной глобализацией» (т. к. подразумевает переход от системы суверенных стран к единому мировому государству с Мировым Правительством во главе) и «однополярной глобализацией» (т. к. главной инстанцией остается современный Запад, один из двух полюсов предыдущей двухполярной системы, одержавший победу в «холодной войне» и сохраняющий свое могущество).

В ходе такой глобализации предполагается постепенный отказ от прежних моделей международного права: отмиранию подлежат такие структуры, как ООН, НАТО и т. д. На этом месте должны быть сформированы иные структуры, предполагающие более полную концентрацию власти (экономической, политической и военной) в руках «глобальной элиты» (в дальнейшем — «мирового правительства»). В отличие от существующих сегодня международных структур, основанных на учете силового потенциала многих стран, структуры глобальной власти предполагают более четко выраженное единоначалие. Стратеги США мыслят такое мироустройство, как перенос американской политико-экономической и культурной модели на пространство всей планеты. Эта идея заложена в концепции «Соединенных Штатов Мира».

Потенциальная глобализация

Второе определение глобализации — потенциальная глобализация — есть чисто теоретический проект, распространенный в гуманитарных (чаще всего «левых», экологических, сциентистских и т. д.) кругах развитых стран. Гуманитарная глобализация мыслится как развитие диалога культур и цивилизаций после окончания противостояния двуполярного мира. В этом случае под «глобализацией»

понимается не навязывание Западом единой экономической, культурной, политической, информационной, ценностной модели всем остальным, но «глобальный обмен опытом», интенсивный диалог различных субъектов. Подобная глобализация предполагает изживание «колониального» («расистского») подхода, стремится предоставить различным народам свободу для выбора пути исторического и культурного развития.

Гуманитарная глобализация допускает многообразие социально-политических и экономических систем, имеет пацифистский характер, ведет к ядерному разоружению всех стран, включая США, или (как промежуточная фаза) созданию нескольких ядерных полюсов, ограничивающих друг друга, и может быть названа *многополярной*, в отличие от первой — *однополярной*.

Разновидностью такой глобализации можно считать «частичную», «локальную глобализацию» или «глобализацию больших пространств», подразумевающую интенсивное экономическое, политическое и социальное сближение стран с единым *цивилизационным кодом (*глобализация не в рамках всей планеты, но в рамках одной цивилизации). Примером «региональной глобализации» можно назвать современный Евросоюз или страны ЕврАзЭс.

Следует подчеркнуть, что «многополярная глобализация» представляет собой проект гуманитарной интеллигенции, а также чисто теоретическую модель, отвечающую интересам тех стран или блоков стран, которые оказываются в невыгодном положении в случае успешного осуществления другой глобализации — «однополярной», «глобальной» и «американоцентричной».

Потенциальня глобализация (т. е. такая глобализация, которой нет, но которая могла бы быть) является альтернативой действительной глобализации (т. е. такой глобализации, которая есть сейчас, но которой могло бы не быть).

По основным параметрам два значения термина «глобализация» не просто различны, но противоположны.

Антиглобализм

Антиглобализм есть система взглядов, отрицающих объективность, неизбежность и позитивное содержание процессов глобализма.

Антиглобализм направлен, в первую очередь, против «действительного глобализма», «глобализма однополярного», «американоцентричного».

Антиглобализм отвергает:

— диктатуру либеральной экономики (рассматривая многообразные социалистические альтернативы),

— неоколониальную политику Запада (США) в отношении стран «бедного Юга»,

— доминацию «либеральной демократии» — считая, что другие политические системы (например, социал-демократические или консервативно-республиканские) имеют полное право на существование,

— тезисы о превосходстве западной (американской) ценностной системы над всеми остальными,

— постановку техники над нравственностью, индивидуума над обществом, «богатства» над «бедностью»,

— безразличное отношение к окружающей среде со стороны «технологического прогресса».

Антиглобализм, таким образом, полностью противоположен глобализму в первом значении термина, но вполне совместим со «вторым типом глобализма» — «потенциальным», «гуманитарным» или «многополярным».

Позиция России в отношении глобализма

Россия должна определить свое отношение, в первую очередь, к тому глобализму, который существует в действительности, т. е. к однополярному глобализму первого типа.

В далекой перспективе вхождение в этот процесс приведет к упразднению России как великой страны и ядра особой православной цивилизации.

В средней перспективе часть российской элиты сможет интегрироваться в глобальную элиту и стать инструментом «внешнего управления» в отношении российского пространства на переходном этапе постепенной ликвидации государственности. Это касается в первую очередь экономических элит. Будучи объектом глобализации, Россия сможет выполнять технические задания регионального масштаба — подтягивать к глобализму слабо развитые традиционные общества внутри России и в рамках СНГ, а также выполнять стратегические задачи регионального масштаба в интересах США (например, противодействие консолидации исламизма, возникновению национальных движений и т. д.).

В краткосрочной перспективе соучастие в глобализации подорвет остатки суверенитета РФ, вызовет всплеск серьезного социального протеста, осложнит ситуацию с ближайшими геополитическими соседями — включая Европу и некоторые страны Азии.

Гораздо предпочтительней для России встать на антиглобалистскую позицию не в ее радикальном издании, а в мягкой версии «гуманитарного глобализма». Выгоднее всего заявить о приверженности «многополярному или «региональному глобализму». Это позволит выступать посредником между набирающими силу антиглобалистскими тенденциями и, собственно, полюсом действительного глобализма.

Россия займет в этом случае крайне выгодную для себя нишу «умеренной оппозиции», своего рода «левого центра».

Глава 2. Уроки Братиславы: от Америки нас спасет только Евразийский блок

Официальные комментарии по поводу братиславского саммита 2005 года были дежурными и малосодержательными. Независимые аналитики, не увидев в его результатах ничего особенного, отреагировали вяло. Сенсаций не про-

изошло. В последний момент американцы существенно смягчили изначальную повестку дня, отказавшись от ультимативной постановки вопроса о внешнем контроле над российским ядерным вооружением и жесткой критики Путина за «откат от норм демократии». По сути, все это было сказано Бушем на саммите, но в такой форме, которая оставила российскому президенту последнюю лазейку для того, чтобы сделать вид, что ничего особенного не произошло. На самом деле произошло. Российскому Президенту впервые очень ясно дали понять, каковы границы его полномочий во внешнеполитическом и внутриполитическом планах. Буш с ответственностью главы единственной гипердержавы фактически заявил, что Россия несвободна в региональной политике ни в отношении «ближнего зарубежья» (критика поведения России в Украине и Молдове), ни соседних стран Азии (Ирана, Сирии и Северной Кореи), а также обязана привести свою внутреннюю политику в соответствие с теми критериями, которые США считают нормативными. Иными словами, на братиславском саммите России было однозначно указано ее геополитическое место: «вот поставленные вам рамки, попытки выйти за них будут караться». Вполне в логике — «We win, you lose, sign here» («мы выигрываем, вы проигрываете, подпишитесь здесь»), которая характерна для американских ястребов-неоконсерваторов.

Москве предстоит осмыслить произошедшее. Понятно, что официальная пресса представила саммит «успехом», а те, кто разобрал, в чем дело, постарались быстрее забыть о событии. И тут кроется опасность: спокойствие масс, в целом, полезно для страны, спокойствие элит в определенных случаях может быть преступным.

Встает вопрос: как Россия дошла до Братиславы и возможности диктата со стороны американского лидера? Еще недавно СССР был мощнейшей державой, обладавшей геополитической субъектностью, настоящей суверенностью и подлинной свободой в отношении внешних сил. Да, общество стагнировало, экономика плохо развивалась, государ-

ство деградировало, но все как-то держалось. Под видом «перестройки» начался процесс ускоренного распада, и спустя 15 лет, будем называть вещи своими именами, Россия — на коленях. С ее президентом вожди Запада могут безбоязненно говорить высокомерным тоном, давать уроки демократии и пенять на то, что мы якобы делаем нечто не так в своей стране или у наших соседей. Можно, конечно, опустить руки и сказать: что ж, так вышло, не смогли, проиграли. Это было бы честно. Но к этому результату определенные силы шли победоносно, окрыленно, поднимая на дело ослабления нации широкие общественные слои. Поразительно бесстыдство тех, кто сегодня — втайне потирая руки — в самой России говорят: ну что мы теперь можем сделать, мы так слабы?! Кто сделал нас слабыми? Точнее: кто всячески противился тому, чтобы мы отчаянно пытались оставаться сильными? Оглядываясь назад, к началу демократических реформ, мы видим предательство. Если такие плоды дала демократия, то надо откровенно признать, что для современной России демократия вредна и от нее следует отказаться.

Есть простые истины: страна свободна, когда она сильна. То, что делает ее сильной, — благо, так как укрепляет ее свободу. То, что делает ее слабой, зависимой, управляемой, — зло. Неважно, как это оформлено: колонизация Западом Азии, Африки и Латинской Америки тоже проходила под лозунгами «цивилизационной миссии» и «культуртрегерства».

После Братиславы бормотания о том, что 15 лет назад Горбачев и Ельцин были правы, звучат беспомощно и нелепо. 15 лет назад было совершено нечто непоправимое и целиком негативное. С этого надо начинать свободное и объективное осмысление уроков Братиславы. Вопрос не в том, соответствует ли наша демократия американским критериям или нет, вопрос в том, свободны ли мы в выборе своей политической системы. Если нет, то демократия будет фикцией — несвободный народ не может править собой, им управляют другие. Продолжая эту реформаторскую линию,

мы будем только продолжать ослабление и десуверенизацию России.

Второй урок Братиславы сопряжен с внешней политикой. Сейчас совершенно очевидно, откуда исходит фундаментальный импульс по лишению России ее геополитической суверенности — от полюса однополярного мира, из США. Американцы движутся своим путем, методично разбирая на этом пути завалы. В их глазах мы не что иное, как завал. И они нас рано или поздно разберут. Не потому, что они злы или как-то особенно нас ненавидят, просто они идут к своей цели мирового господства, а мы у них на дороге. Это не драматизация ситуации, гораздо драматичнее закрывать глаза на правду и тешить себя иллюзиями. Зная, что пощады не будет, человек способен пробудить дух и волю и спастись даже в безнадежной ситуации. Это знали еще древние китайские стратеги: загнанная в угол армия сражается с удесятеренными силами. А нас именно загнали в угол.

Как можно избежать десуверенизации? Одним нам не вытянуть, и изоляционистские мифы — не говоря уж о националистических проектах — безответственны и опасны. Российская военная мощь несопоставима с американской, а наше общество находится в моральном упадке и растерянности. Значит, России ничего не остается, как искать союзников. Где угодно, кроме США (хотя и в США есть силы, отвергающие американский неоимпериализм — среди левых демократов-интернационалистов и правых республиканцев-изоляционистов, хотя они консолидированной силы собой не представляют). Наша свобода зависит от того, сумеем ли мы создать в самые сжатые сроки геополитический фронт, способный защитить всех его участников от надвигающейся американской диктатуры.

К России с запада, юга и востока примыкают три мощные геополитические зоны, три «больших пространства», три «цивилизации». Это Единая Европа, исламский мир и Великий Китай (Индия пока что геополитически малоактивна, хотя также тяготеет к многополярному миру и

весьма полезна для России). Все они рассматриваются американскими стратегами как возможные конкуренты или даже противники проекта американского мирового господства — «Pax Americana». Все они в чем-то похожи на Россию: США будут их терпеть только как подконтрольные и управляемые зоны. В качестве суверенных геополитических субъектов они входят в противоречие с гегемонией США. Россия жизненно заинтересована в том, чтобы сделать из них своих союзников по многополярному миру. Ни одна из этих зон не является «комплиментарной» («дополняющей») для России, со всеми у нас существуют трения и проблемы. Но мы находимся в одинаковом положении: нравится ли или не очень нравится нам и им такое партнерство, оно логически вытекает из естественного стремления стран и цивилизаций избежать американского ярма.

Сегодня некоторые американские стратеги, которым подпевают отечественные политологи, взращенные на американских фондах, рассматривают Россию как инструмент сдерживания трех «больших пространств». А сами эти пространства, в свою очередь, сдерживают Россию. Китай демографически угрожает Восточной Сибири, радикальный ислам рвется на Кавказ и в Поволжье, Евросоюз осваивает Украину и примеривается к Беларуси. Россия же пытается противодействовать и тем, и другим, и третьим. Получается, что все «большие пространства» Евразии играют по американскому сценарию и в их интересах. США поддерживают в этой игре противоположные стороны, выступая за обоих партнеров на евразийской шахматной доске.

Вашингтон полагает, что так будет продолжаться и в дальнейшем, так как инструменты его влияния в элитах евразийских государств очень эффективны. Достаточно посмотреть на политический класс России: будучи безусловно атлантистским и прозападным, наделенным «экстерриториальным сознанием», он рассматривает национальные интересы страны как дело десятое — все принесенные Путиным косметические изменения «патриотического стиля» никак

не затрагивают сущности вещей. Единственное, что остается делать Путину после Братиславы, это строить большой евразийский альянс — России, Европы, Китая и исламского мира. В политических элитах этих стран расклад сил в чемто похож на российский: чрезвычайно силен проамериканский сектор, а национально мыслящие силы разрознены, разобщены, не консолидированы. Исключение — Китай, где за счет отсутствия демократии, точнее, за счет сохранение модели «народной демократии» в противовес «либеральной» (западной), удалось сохранить консолидацию общества и единство стратегического управления страной. Но, тем не менее, геополитическое сознание в этих «больших пространствах» постепенно пробуждается, и логика свободы и независимости начинает подталкивать их к мысли о «евразийском альянсе» и многополярном клубе как о единственной реалистичной альтернативе глобальной американской доминации. Даже отдаленные признаки таких геополитических осей закономерно внушают Вашингтону ужас, так как это ставит под вопрос успех дальнейшего американского имперостроительства.

Евразийская стратегия многополярности такова: Россия и другие «большие пространства» отказываются выступать в роли марионеток США, схлестываться и конфликтовать друг с другом и формируют новый совокупный континентальный субъект — Евразию, признав друг за другом статус его коллективных участников, полноправных полюсов многополярности. В такой картине достойное место найдется и США, но не единственное и не центральное. Такой проект есть альтернативная версия глобализации: страны объединяются, но на конкретной цивилизационной основе и в ограниченном пространстве общих культурных зон (альтерглобализация).

Если представить себе многополярный мир, то в нем сама собой рассосется и пресловутая «ось зла», необходимая США для оправдания их стремления к мировому господству. «Плохие парни», отвергающие американскую гегемонию

и стремящиеся обезопасить себя ядерными технологиями (Иран, Сирия, Северная Корея, постсоветские страны), перестают быть такими уж «плохими». Оказывается, они лишь реагируют экстремальным образом на экстремальную же угрозу американского глобализма. В более умеренном евразийском контексте они увидят возможность деликатного, эффективного, корректно сформулированного пути к реализации своих целей. А значит, их «экстремизм» (мнимый или действительный) утратит свой смысл. Изменится мир, изменятся они, изменимся мы.

Хорошо, если бы Братислава научила Кремль основам геополитики. Идти в направлении слепой покорности США и глобализму дальше бессмысленно. И голову прятать в песок — не поможет. Остается довольно узкий путь — путь континентального альянса. Понятно, что и в Европе, и в Китае, и в исламском мире особой любви к нам никто не испытывает, равно как и мы к ним. И счеты давние есть, и различия в ценностных системах. Но дело уже не в эмоциях, а в холодном расчете. У России нет места ни в европейском проекте, ни в китайском, ни в исламском, но она может быть для всех них точкой опоры, важнейшим геополитическим рычагом. Этому рычагу, возможно, суждено перевернуть мир. Но не для того ли существует Россия, чтобы перевернуть его и построить для себя и для других лучшее, справедливое и свободное будущее? В этом наша миссия, наше мессианство. Было, есть и будет.

Глава 3. Антиамериканское большинство

Ничто так не популярно сегодня в России, как нелюбовь к Америке. Антиамериканизм — это тотальное увлечение. Это поветрие. Это символ веры. Антиамериканизм — это серьезно.

Антиамериканизм является надежной платформой для прочной консолидации всего российского общества. На нем

сойдутся и правый, и левый, и простолюдин, и интеллигент, и банкир, и художник, и кремлевский чиновник, и уличный бомж. Те, кто «против», составляют жалкую горсть. Те, кто «за» — большинство; это антиамериканское большинство. Это большинство такое большое, что больше «путинского большинства» (Г. Павловский). Оно включает в себя и тех, кто молчит (поэтому оно «молчаливое»), и тех, кто кричит (поэтому оно «крикливое»). К антиамериканскому большинству не относятся В. Никонов (идеологический антипод собственного героического деда), Е. Гайдар (тоже идеологический антипод деда, даже сразу двух — славянофила Бажова тоже), К. Боровой (он вел какую-то программу вместе с обезьяной на ТВ) и еще несколько сотрудников «Эха Москвы» и канала ТВС. Все.

Антиамериканизм же в современной России состоит из многих составных частей. Все они укрепляют друг друга и делают это явление тотальным.

В самом глубоком смысле современный антиамериканизм является кратким резюме русской национальной истории — церковной, государственной, культурной, творческой, социальной, царистской и советской. США сегодня не просто «одна из стран», не просто непревзойденная по экономике, технологиям и вооружению держава; это пик развития европейского человечества на путях, открытых в Новое время. США созидались заведомо как лабораторный эксперимент по искусственной культивации рафинированных либеральных ценностей европейской цивилизации, освобожденных от давления традиций, — с нулевого цикла, с ground zero. США давно догнали и перегнали Европу и довели заложенную модель до логического предела. Сегодня дистанция отрыва столь велика, что сама Европа, Старый Свет перестает узнавать себя в Новом (см. реакцию Ж. Бодрияйра на 11 сентября: «Европа выдохнула: наконец-то!»). США — это будущее европейского развития, завтрашний день. Европа уже ужасается этому и отшатывается, глядя в зеркало океана: образ ее пугает. И это осознание меняет

Европу, но не меняет Америку. Америка, как терминатор, действует по собственной автономной программе, она пришла к нам из будущего, и в этом ее страшная тайна.

Россия всегда шла своим путем, полемизируя с Европой, отшатываясь от нее уже долгие столетия так же, как сама Европа сегодня отшатывается от Штатов. Христианское сознание видит будущее в апокалиптических тонах. Запад — место, где заходит солнце, куда приземлился сброшенный с небес копьем архангела Денница. Россия отвергала Запад, мучительно искала собственную траекторию — и в Киевской Руси, и в Московском царстве, и в романовской империи, и Советском Союзе. В США сегодня воплотилось наглядно все то, чего упрямо, веками и веками, сторонилась Русь. Это индивидуализм, бытовой (субъективный) материализм, безудержный гедонизм, нарциссизм, эгоизм, консумеризм, лицемерие, фальсификация свобод, атомизация социального целого. Смысл истории России состоял в отторжении этого комплекса, в преодолении его. Либерализм был неприемлем и монархистам, и большевикам, и эсерам, и интеллигенции Серебряного века (см. А. Эткинда), и православным традиционалистам в равной степени. США — это либерализм в его окончательном оформлении. Если отвержение либерализма составляло в течение веков русскую идентичность, значит, «быть русским» сегодня тождественно «быть антиамериканцем». Антиамериканизм сегодня является важнейшей чертой нашей национальной идентичности. Поэтому мы не любим Америку.

Геополитический антиамериканизм: геополитика утверждает неснимаемый дуализм между цивилизацией Суши и цивилизацией Моря, между Континентом и Островом. Россия — центр Суши, США — воплощение Мирового Острова. Вся геополитическая история мира есть дуэль между этими полюсами — между сухопутным библейским чудовищем Бегемотом (это мы) и морским чудовищем Левиафаном (это они, американцы). Они душат нас, оккупируя стратегически береговую зону вдоль морских границ Евразии

(стратегия Анаконды) — от Западной Европы через Средиземноморье и Ближний Восток к Индии и Индокитаю. Мы стремимся прорвать блокаду и выйти к теплым морям. Это длится долгие века: англосаксы (вначале англичане, сегодня американцы) против евразийского концепта наций (ось Москва—Берлин—Париж). Многие войны последних веков, включая две мировые, — следствие этой битвы Суши и Моря. Одержав победу над Сушей в холодной войне, Море хочет нас добить. Почему мы должны любить его? Мы хотим возродиться и восстать из пепла, мы хотим вернуться в историю. Поэтому мы не любим Америку.

Экономический антиамериканизм: США стремятся быть (и оставаться) главной экономической силой планеты. Но они не могут быть (и оставаться) ею. Их экономика находится в трудном положении, ее развитие — во многом следствие приписок в отчетах и агрессивного планетарного PR. Чтобы выжить, США должны продолжать строить из себя процветающую державу. Поэтому они решают свои экономические проблемы путем политических ультиматумов другим странам и военных авантюр. Не в состоянии побеждать в экономической конкуренции Евросоюз и новые бурно развивающиеся рынки Азии, они держат Европу и Японию в зависимости от арабской нефти самым грубым силовым образом — 6-й флот США в Средиземном море и постоянные провокации конфликтов на Ближнем Востоке и в самой Европе (бомбежки Югославии). Кроме того, они еще и противодействуют естественному развитию партнерских экономических отношений стран Евразии друг с другом: русские газ и нефть (плюс ядерное оружие) легко могут сделать Европу экономически (и политически) независимой, а европейские инвестиции и высокие технологии способны ускоренно возродить российское хозяйство (с Японией — то же самое). США всячески противодействуют этому. Они хотят, чтобы мы все стагнировали, а они процветали. Поэтому мы не любим Америку.

Консервативные круги России не любят Америку, потому что транслируемая ею глобалистская культура безнрав-

ственна и порочна, она пестует извращения и подростковую олигофрению. Кровь, похоть, обман, прославление ловких мошенников и жестоких убийц, порно-стерв и прилизанных жиголо не имеет ничего общего с константами нашей собственной культуры и традиции, освещенных жертвенностью, поиском правды и справедливости. Они пропагандируют «безопасный секс» и изменение пола, оскорбляя этим наше достоинство. Они осмеивают высшие достижения человеческого духа как архаику и «дикость», реформируют религии и культы на потребу глумящимся оглупленным ордам, свирепо ищущим развлечений. Поэтому мы не любим Америку.

Левые отвергают США, потому что это *цитадель мирового капитализма*. Это — и наследие советского воспитания, и вполне современный вывод о качестве капиталистической системы, с которой мы столкнулись не в учебниках и турпоездках, а в повседневности. Тот, кто потерял в либеральных реформах все, тот, кому плохо и трудно сегодня живется, справедливо возлагают вину за свои беды на заокеанских промоутеров этого безобразия. С ними солидарны как обездоленные старой формации, так и новые loosers, молодые русские юноши и девушки, подыхающие от наркотиков, эскадроны проданных в рабство проституток, отчаявшиеся, лишенные будущего студенты, ребята из простых семей, ушедшие в криминал. «Левые» — это не только советский вчерашний день, это критический ответ на то, что есть сегодня, и несогласие с тем, что капитализм готовит нам на завтра. И ряды российских «левых» не редеют, а остаются как минимум такими же: на место выпадающего (по факту смерти), примерзшего к полу (нетопленной сытым Чубайсом) иркутской квартиры ветерана встает студент в очках и черной кожаной фуфайке или небритый тракторист под 40. Поэтому мы ненавидим Америку.

Мы не любим Америку, и мы хотим, чтобы ее не было, мы хотим закрыть ее снова, убрать в дальний ящик, замкнуть засовами двух океанов.

Но если разобраться, мы ненавидим только ту Америку, которая вламывается к нам в дом, унижает наш народ, бомбит наших друзей сербов, отнимает наши доходы, навязывает себя изо всей щелей, высокомерно учит нас жить, нагло и никого не слушая, принораливается атаковать Ирак, присылает в качестве обязательных шаблоны своей пошлейшей культуры, свои несъедобные морозные ножки. Другая Америка — одноэтажная и подземная, сонная, жирно-белая, с застрявшим между зубами полицейским хотдогом и отплясывающе чернокожая, с каньонами и гниющими автомобилями, хайвэями и полочкой «Apocalypse Culture» в книжных магазинах, с реднеками и клонированными сектантами, с черными вертолетами и синими чертями — нам *безразлична*; кто-то может ее любить, кто-то нет, это уже никакого значения не имеет. «The West is dead», как справедливо заметил Пэт Бьюкенен, кандидат в Президенты США.

В сущности, нам плевать на Америку, *мы вовсе не ненавидим ее*, но покуда она такая, как есть, все-таки какое-то нехорошее чувство живет в каждом из нас... Может быть, я ошибся, может быть, это не ненависть.

Но все равно: «yankee», пожалуйста, «go home». От греха подальше.

Глава 4. Есть ли друзья у России? Оси дружбы и ось вражды

Дружба по идеологическим признакам

Часто приходится слышать, что «у России сегодня нет союзников», что «от нас отвернулись все». Эта мысль имеет под собой определенные основания, но нуждается одновременно в более внимательном анализе.

До краха СССР и мировой коммунистической идеи Россия искала союзников, основываясь на идеологическом

признаке. Этими союзниками были те страны или политические движения и партии, которые симпатизировали коммунизму. Построение социализма в одной отдельной взятой стране породило интересную ситуацию: Советская Россия, как оплот международного коммунистического движения и столица «Третьего Интернационала», выступала в двух ипостасях: реализация конкретных национальных геополитических интересов осуществлялась во имя сверхнациональной идеи — мировой революции. Идеологический признак в определенных случаях создавал ряд серьезных препятствий для усиления влияния СССР — особенно в регионах «Третьего мира», где преобладали религиозные настроения (в частности, в Афганистане, Иране, арабском мире и т. д.), но вместе с тем расширял базу потенциальных союзников. Миллионы людей, целые страны и крупные партии во всем мире работали на СССР как на державу отнюдь не из-за симпатии к «русским», но в силу приверженности той идеологии, которая одержала победу именно в нашей стране.

Нечто подобное было справедливо и в отношении другой сверхдержавы — США. Не столько симпатия к самой Америке, сколько восхищение либерально-демократической моделью и ее эффективностью, своеобразное «очарование гиперкапитализмом» привлекало к этой стране взгляды большой части человечества. Соединенные Штаты предлагали и предлагают до сих пор миру не просто самих себя, но свою модель, которая претендует на универсальность и теоретически может быть привита в любой точке мира.

Конец СССР — утрата универсального языка

После распада СССР Россия оказалась в тяжелой ситуации: она утратила универсализм (пусть ограниченный) советского языка, но и на пути копирования американской модели столкнулась с такими сложностями, что была вынуждена, будто обжегшись, отшатнуться от США. Те, со сво-

ей стороны, и сами не спешили заключить новую демократическую Россию в свои объятия и на всякий случай недоверчиво расширяли границы НАТО все дальше на Восток, намереваясь переварить Россию только по частям и лишь после того, как она окончательно перестанет быть опасной. В такой ситуации Россия осталась одинокой: ее вчерашние противники никак не хотят становиться настоящими друзьями, а от вчерашних союзников мы сами брезгливо отвернулась. При этом универсализм социалистической идеи был отброшен, а национальная идея не выработана.

В такой ситуации трудно говорить о друзьях даже теоретически: они возникают только тогда, когда страна предлагает другим ясную и внятную общую модель, геополитический план или хотя бы — как минимум — стройную и непротиворечивую собственную национальную стратегию, по отношению к которой можно было бы определяться. Увы, ничего подобного в современной России нет, и мы одиноко стоим в непонятном и стремительно меняющемся мире. Чтобы говорить о друзьях или же окончательно отказаться от таковых, необходимо вынести базовое решение относительно самих себя. Сейчас такого решения нет, но сила событий такова, что тянуть с этим дальше невозможно.

Политика начинается там, где четко определяется пара «друг-враг». И если мы не выработаем в кратчайшие сроки своей политики, нам просто жестко навяжут чужую.

Проект «американской империи» для России абсолютно неприемлем

Какие решения теоретически возможны?

Россия может либо примкнуть к какому-то существующему над-национальному проекту, либо закрыться в глухой изоляции в рамках государства-нации, либо напрячься и выдвинуть свой собственный проект, конкурентный на фоне других наднациональных моделей.

Существующие наднациональные проекты таковы.

Первый проект: мировая американская империя, т. н. «благожелательная Империя» («benevolent Empire») Р. Кэйгана и У. Кристола. Этот проект реализуется США начиная с 90-х годов прошлого века и предполагает однополярный американоцентричный мир и всеобщее преобладание либерально-демократической американской социально-экономической и политической модели. В этой «мировой американской империи» России либо отводится самое периферийное место, либо не отводится вообще никакого.

Евразийский материк, в духе геополитических построений современных американских стратегов, видится как «объект» внешнего управления, как подконтрольная территория, которая по определению не должна обладать даже призраком самостоятельности. Американская гегемония предполагает десуверенизацию крупных региональных держав и установление над их стратегическим потенциалом прямого американского контроля. Это относится как к области стратегических вооружений и ядерных объектов (там, где они есть), так и к области экономики, где речь идет о внешнем управлении через транснациональные корпорации важнейшими секторами и особенно сферой природных ресурсов и энергоносителей.

Естественно, большинство россиян к такой перспективе отнесутся отрицательно, и даже если политическая элита по эгоистическим соображениям может на это пойти, чтобы на личной основе интегрироваться в «золотой миллиард», народ это категорически отвергнет. Судьба партии СПС, чьи идеологии в ясной форме предлагали подобный сценарий, показательна.

В рамках означенного проекта единственным «другом» теоретически могли бы быть США, но цена этой дружбы такова, что предполагает утрату со стороны России политической суверенности и геополитической субъектности, вероятно, и территориальной целостности. Такая дружба весьма своеобразна и больше напоминает «оккупацию».

Если США принять в качестве друга, это значит автоматически развязать жестокий внутрироссийский конфликт элиты с населением. В эпоху Ельцина все шло именно к этому, и только приход к власти Владимира Путина на патриотической волне предотвратил этот сценарий. Сегодня мало кто в России, кроме политических ультрамаргиналов, еще отваживается причислять США к нашим друзьям. Но если все же пойти в этом направлении, власть должна быть готова к новой волне гражданского конфликта и расчленению России. Думаю, что всерьез в этом направлении никто не думает.

Европейский проект: «в Европе нас не ждут»

Другой — несколько отличный — сценарий предлагает Единая Европа. Этот проект не столь глобален, как американский, но он выходит за рамки одной страны — даже самой крупной. Здесь на первый план выступает цивилизационный критерий: Европа мыслится как «единое большое пространство» со специфическими экономическим, культурным и политическим укладами. К этому пространству могут примкнуть некоторые близлежащие страны со сходной социально-экономической структурой, приняв европейские стандарты. Европейский план не универсален, но одновременно наднационален. Он обращен не ко всем странам, и Европа переваривает своих соседей постепенно, тщательно следя за процессом и колеблясь перед включением в проект слишком проблематичных геополитических реалий — вроде Турции.

Россия по своему геополитическому и цивилизационному формату, по своему объему и стратегической мощи в существующую Европу никак не вписывается. Это надо принять как аксиому. Но из этого отнюдь не вытекает, что Европа автоматически становится «врагом». Европейский план не включает в себя Россию, но и не навязывает ей какого-то

определенного пути. Для Европы Россия — «вещь-в-себе», нечто грозное и непонятное, от чего лучше держаться подальше. Но и агрессии в отношении России Евросоюз никак не планирует: у Брюсселя, по сути, нет в отношении нас никаких планов — ни позитивно интеграционных, ни негативно уничижительных. Европа признает нас как нечто отличное, и при определенных обстоятельствах готова с нами считаться. В принципе здесь возможна и дружба и вражда, и многое зависит от того, какой выбор сделает Москва в отношении собственного политического будущего.

Исламский проект: угроза исламизации России

Третий проект — исламский. Он, безусловно, проигрывает и американскому, и европейскому по привлекательности, экономической состоятельности и социально-политической и культурной универсальности, но обладает динамизмом, энергией и убежденностью, подчас граничащими с фанатизмом. Исламский проект пока действует на мировой периферии, проявляясь подчас в форме терроризма и зон конфликта. Но его преимущество в том, что он обладает ясными отрицательной и положительной программами — против американской гегемонии и за мировое исламское государство. Это в каком-то смысле революционный проект, его потенциальной базой является миллиард мусульман, которые бурно плодятся и все более наводняют Европу и Америку, привнося в эти зоны собственный культурно-социальный и религиозно-политический стиль.

Россия, с одной стороны, после событий 11 сентября 2001 года выступила на стороне США в коалиции против международного терроризма, но вместе с тем вступила в организацию «Исламская конференция», отметив две возможные позиции в отношении исламского проекта — от жесткого отторжения до относительного интереса. Исламская религия такова, что легко может превращаться при необхо-

димости в политическую идеологию, что придает ей особое качество и новое значение. Среди всех прочих альтернативных западным, универсальных или претендующих на универсальность идеологий она вызывает сегодня наибольший интерес, и, соответственно, наибольшие опасения глобалистов связаны именно с ней.

Россия в этой ситуации также может сделать определенный выбор: выбрав ислам в качестве союзника, она получает дополнительное пространство для расширения своего влияния в мире, но вместе с тем сама подвергается риску политической исламизации: исламский проект в чем-то столь же радикален, как и глобалистский, так как мир видится в нем политически и культурно однородным, в данном случае только под знаком «исламского государства». Выступив «врагом» ислама, Россия помогает США, но это отсылает нас к первому разобранному сценарию — дружба с США по определению не несет России никаких преимуществ, так как это игра против собственной суверенности.

Великий Китай от Тайваня до Урала

Четвертый проект — это проект китайский. Но он не универсален и не претендует на это, обращаясь исключительно к китайской нации и основываясь на уникальном демографическом, экономическом и политическом потенциале современного Китая.

Китай является преградой на пути мировой американской гегемонии, никак не вписывается в исламский проект, но напрямую ничего России предложить не может. Дружба с Китаем легко может превратиться в мирную демографическую экспансию китайцев в малозаселенные области Восточной Сибири. Вражда же не принесет никаких дивидендов, так как снова будет на руку только США — со всеми вытекающими последствиями.

Для России нет места в «больших проектах»

Итак, приходится признать, что для России нет места в существующих «больших проектах». В каждом из них существуют такие стороны, которые препятствуют ее позитивной интеграции. Это не значит, что Россия обречена на вражду со всеми «большими идеями» XXI века. Точнее сказать, что у России в такой ситуации нет «абсолютного друга», т. е. того проекта, который полностью соответствовал бы ее национальным интересам. Вместе с тем похоже, что у нее есть «абсолютный враг» — это США и американский неоимпериализм, который при любых обстоятельствах реализует свой проект за счет России и направлен строго против укрепления и даже сохранения ее суверенности и идентичности (см. книгу З. Бжезинского «Великая шахматная доска» и доктрину П. Вулфовица).

Правда, в таком положении Россия оказывается не одна, и носители остальных «больших проектов» также вступают в неизбывный конфликт с Америкой, упорно строящей свою «благожелательную Империю». Вашингтон сегодня призывает «забыть Европу» (Т. Барнетт), борется против исламского проекта в Ираке и Афганистане, планируя нападать на Иран и Сирию, все более озабочен усилением Китая. И здесь лежит самое главное обстоятельство: Россия, четко заняв место на противоположной от США стороне баррикад, получает совершенно новую модель геополитической «дружбы». Не абсолютной, но — прагматической.

«Оси дружбы»

Если Россия выбирает игру в пользу многополярного мира (а это значит строго против Вашингтонского проекта мировой доминации), она мгновенно получает собственный статус и свое легитимное место в раскладе мировых сил. Исходя из этого допущения, автоматически выстраивается си-

стема «осей дружбы», причем эта «дружба» становится тем более важной для всех ее участников, чем самостоятельнее позиция России в отношении «больших проектов».

Эти «оси дружбы» складываются следующим образом: Россия — Европа, Россия — исламский мир, Россия — Китай. Не входя ни в один проект, балансируя между полюсами, Россия заинтересована в том, чтобы поддерживать каждый из них в общей системе оппонирования однополярным устремлениям США. В таком случае национальная идентичность России определяется на основании двух факторов: противостояние американоцентричному глобализму (именно антиамериканизм, кстати, питает в значительной степени новую европейскую идентичность) и самостоятельная, независимая позиция в отношении всех крупных полюсов. Будучи антиамериканской, Россия не должна быть ни европейской, ни исламской, ни китайской, и именно в этом балансе она получает возможность выработать свой собственный «большой проект».

Вместе с тем этот потенциальный «большой проект» останется чистой химерой, если Россия не будет активно и уже сейчас помогать существующим полюсам — как бы асимметричны они ни были. Россия не отстоит своей самостоятельности и в будущем, если Евросоюз не станет независимым и мощным региональным игроком со своей собственной геополитикой, если исламский мир не консолидирует свой потенциал, а Китай не сохранит темпов развития. Успех России как полюса многополярного мира зависит напрямую от успеха развития всех остальных полюсов, причем желательно в сходном ритме, без резкого усиления какого-то одного из них. Но и сами эти полюса должны быть заинтересованы именно в функции России как точке континентального баланса геополитического мирового процесса.

По сути, истинным архитекторам европейского проекта нужна не ослабленная и маргинальная Россия, но Россия сильная и дружественная, способная выступать самостоятельной силой — и особенно перед лицом американской

экспансии. Давить на Россию в Европе выгодно только тем, кто в большей степени продвигает американские планы, нежели творит собственно европейскую политику.

Точно так же в исламе: экстремальные проекты исламизации России прямо противоречат в первую очередь интересам самого исламского мира, которому гораздо важнее иметь союзника в ее лице, нежели толкать ее к роли «регионального жандарма», действующего в интересах Америки. Китай находится в том же положении: китайская держава будет процветать вместе с дружественным российским соседом (при его стратегической и ресурсной поддержке), тогда как этническая экспансия приведет лишь к конфликту со все еще серьезной ядерной державой.

Реальный антиглобализм и игровой антиглобализм

Здесь стоит чуть подробнее остановиться на структуре тех сил, которые могли бы стать реальной основой поддержки для России в соседних с ней «больших пространствах».

Во-первых, речь идет о тех силах в Европе, Китае, исламском мире, в других странах, которые стоят на жестко антиглобалистских позициях. Важно понять, что само по себе антиглобалистское движение, заявившее о себе красочными акциями протеста с подчеркнуто хулиганским и левацким оттенком, представляют собой лишь вершину айсберга. Это скорее настроение и хэппенинг, где нашли свои применение «крайне левые» и «крайне правые» группировки, стремительно утрачивающие актуальность в новом мире. Антиглобализм как движение не имеет ни идеологии, ни организационной структуры, ни ясного политического будущего. Он выступает как барометр, как социологический тест общественного мнения, и не следует преувеличивать его реальное значение. Плюс к тому оче-

виден манипуляционный и провокационный характер этого явления, позволяющий предположить, что речь идет об упреждающей стратегии самих глобалистов, призванной заведомо дискредитировать реальные и серьезные антиглобалистские процессы. Поэтому реальный антиглобализм, который необходим России в перспективе создания системы «осей дружбы», следует искать в иных секторах.

Чтобы отличать картинный антиглобализм леваков и ультраправых от глубинного антиглобализма влиятельных политических сил, следует говорить о «многополярности», «мультиполяризме». По сути, антиглобализм, если довести его требования до логического завершения, и есть стремление к многополярности, но многополярность является второй — позитивной, созидательной фазой антиглобалистской программы, тогда как первая — разрушительная и отрицательная — ассоциируется собственно с антиглобализмом, где акцент падает на приставку «анти-».

Ось Париж—Берлин—Москва

В Евросоюзе к многополярности тяготеют различные страны и различные политические силы. Среди европейских стран ядром многополярности являются Франция (политически) и Германия (экономически): они-то, собственно, и выступают как ядро Единой Европы, как мотор европейской интеграции и одновременно идеологические архитекторы европейского единства. Наметившаяся на первой стадии американского вторжения в Ирак ось «Париж—Берлин—Москва» является прообразом континентального европейско-евразийского альянса, основанного на многополярной логике. Это и есть важнейшая предпосылка реального стратегического политико-экономического антиглобализма, который, кстати, всерьез обеспокоил США.

Не так давно влиятельный американский консервативный «think tank» — «Heritage foundation» — выпустил про-

граммный документ Джона Си Халсмана под названием «Сорвать вишенки: предотвратить возникновение постоянного франко-германо-российского альянса», где ясно изложена вся проблематика. Приведем оттуда цитату:

«Проще всего насмехаться над недавним альянсом Париж—Берлин—Москва, который противопоставил себя американской акции в Ираке. Как у друзей Дороти в сказке о «Волшебнике из страны Оз», у всех этих стран не хватает чего-то существенного, чтобы сделать их великими державами. У России — проблемы с экономикой, у Германии — с вооруженными силами, у Франции — с природными ресурсами и надежной промышленной базой.

Однако собранные воедино страны этой коалиции могут сформировать альянс, выходящий за рамки противодействия США в Ираке. Париж, со своей стороны, стремится сделать эту коалицию более далеко идущей, чем иракский кризис. Собранная воедино комбинация из Франции, Германии и России имеет все атрибуты великой силы, способной уравновешивать США на глобальном уровне. Франция в таком случае обеспечивает политическое и идеологическое лидерство, Германия — экономическую мощь, Россия — военное прикрытие».

Эта комбинация и является главной структурой антиглобалистской модели для России и, соответственно, западной «осью дружбы» по преимуществу.

Любопытно, что американские эксперты считают, что необходимо как можно скорее развалить эту конструкцию. Тот же Халсман пишет: «Чтобы не позволить зародышу этой коалиции превратиться в настоящую угрозу американской позиции в мире, администрация Буша, Госдепартамент и Совет по национальной безопасности должны использовать стратегию «собирания вишен». Госдепартамент должен настаивать на общих интересах Америки и Европы, сдерживаться от резких заявлений в адрес недовольных американскими действиями на Ближнем Востоке стран, занимать ведущие позиции в процессе дальнейших реформ в НАТО,

развивать стратегический диалог с каждой из европейских стран по отдельности и — самое важное — создать инстанцию единого принятия решений по военно-политическим вопросам в глобальном масштабе». Это означает, что стратегия глобализма состоит в срыве европейско-российской оси партнерства, для чего предпринимаются попытки усилить влияние США на каждую из стран в отдельности.

Мы видели, что США удалось на практике разрушить зародыш франко-германо-российской коалиции, но теоретически эта ось остается по-прежнему главным залогом реальной многополярности. Если Россия хочет обеспечить себе геополитическое будущее, она должна снова и снова заходить на виток создания оси Париж—Берлин—Москва, вопреки всем противодействиям изнутри и извне.

Совершенно иную позицию в отношении геополитической роли Европы занимают Англия и недавно принятые в Евросоюз страны Восточной Европы, которые следуют жестко в русле американской стратегии и всячески саботируют российско-европейский диалог. Этого следует ожидать и в дальнейшем, но последовательная геополитическая воля Москвы поможет справиться и с этим препятствием.

Европейская социал-демократия и республиканский голлизм

Политической основой в Европе для создания западной «оси дружбы» могут выступать различные левые и правые партии.

Европейская социал-демократия традиционно тяготеет к антиамериканизму, отторгая американский либерализм и англо-саксонский индивидуализм. Таким образом, сближение с европейской социал-демократией, развитие политического диалога с ней отвечает стратегии многополярности. Вместе с тем во Франции до сих пор сильны традиции политического голлизма, характерные для право-центрист-

ских политических партий. Не разделяя антилиберальных установок социалистов, они выступают за Единую Европу и сближение с Россией по иным — политико-стратегическим — соображениям: через такой континентальный союз они рассчитывают возродить политическую мощь Старого мира, вернуть ему независимость и суверенность. Это новое издание старого проекта де Голля «Великой Европы от Атлантики до Урала».

В чем-то сходная ситуация и с политическими партиями в Германии, но меньшая политическая самостоятельность Германии и послевоенная история делает их более зависимыми от американских республиканцев (германские «правые») и английских лейбористов (германские «левые»). Настоящими «промоутерами» европейско-российского альянса в Германии выступают экономические структуры: банки, крупные промышленные группы, энергетические концерны, которые осознают российский фактор скорее в формате природных ресурсов, нежели в формате политических моделей.

Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов и собственно антиглобалистское движение европейских «крайне левых» и «крайне правых», которые гораздо яснее и ярче выражают антиглобалистские идеи, хотя степень их влияния на истеблишмент часто весьма невелика.

Среди стран Евросоюза к стратегическому диалогу с Россией могут быть привлечены Италия и Испания, но потенциальные участники континентального диалога могут быть найдены и во всех остальных странах — даже в самых «глобалистских», таких как Англия или страны Восточной Европы.

Не испытывая подчас никаких особых симпатий к России как таковой, все эти политические силы могли бы при определенных обстоятельствах стать ядром фактически пророссийского влияния — не напрямую, а через антиамериканизм и стратегический континентализм.

Полюса власти в современном Китае

Совсем иначе дело обстоит в отношении Китайской Народной Республики. В этой гигантской и бурно развивающейся стране существует политический централизм, поэтому Москва может иметь дело только с коммунистическим руководством, которое полностью контролирует внешнюю и внутреннюю политику. Несмотря на политико-партийную монолитность и в Китае есть несколько центров влияния. Наиболее существенными является экономическая группа и политико-идеологическая группа. «Молодые экономисты» КНР опираются на прибрежную зону активного экономического развития, и их позиции в значительной степени связаны с интеграцией Китая в мировой рынок — в частности, в американский, который дает Китаю значительный процент доходов. Собственно политическое руководство поддерживается гигантскими массами внутриконтинентального Китая, живущего по весьма скромным стандартам и не вовлеченного в экономический рост юго-восточной береговой зоны. На равновесии этих факторов основывается «китайское чудо», так как перекос в ту или иную сторону — в «демократию» или «тоталитаризм» — дал бы неминуемо катастрофический эффект.

В обеих этих группах Россия может найти партнеров по многополярности. Политическое руководство, вслед за традициями Мао, в значительной степени продолжает скептически относиться к «северному соседу», уличенному в «ревизионизме» и «империализме». Но вместе с тем именно китайские коммунисты лучше всего осознают геополитические противоречия между Пекином и Вашингтоном, неизбежность обострения конфликта. У Китая нет места в однополярном мире, и антиглобализм (многополярность) является важнейшим пунктом внешнеполитической доктрины КНР. А в этой стране с миллиардным населением и сохранением политического централизма такой пункт является не пустым словом. Провозгласив четкую антиамериканскую

ориентацию, Москва обретает в коммунистическом руководстве Китая стратегического партнера.

Вместе с тем дальнейший экономический рост Китая во многом зависит от природных ресурсов, фундаментальный дефицит которых грозит затормозить темпы роста китайской экономики уже в ближайшие годы. Это значит, что у России и в экономической группе КНР есть субъект диалога, хотя вовлеченность китайской экономики в мировой рынок позволяет предположить, что диалог с экономической группой будет складываться непросто — не стоит недооценивать и американского влияния на Пекин.

Для Китая чрезвычайно важна Россия, как носительница ядерного потенциала и обладательница природных ресурсов. Антиглобалистский контекст позволяет найти в этом обмене максимум общих интересов (при соблюдении китайской стороной контроля над миграционными процессами на российскую территорию).

Дружба с исламом: цивилизационный аспект

Наконец исламский мир сегодня как никогда нуждается в политическом весе России. Ислам несовместим с глобализмом и американской доминацией на уровне ценностных систем: либерально-демократическая светская индивидуалистическая модель, активно навязываемая США — в том числе и исламским странам — бьет в самое сердце многовековой идеологии, культуры, этики мусульман, угрожает их идентичности. Антиамериканизм исламского мира — это в первую очередь конфликт ценностей, а не конфликт интересов, отчаянная борьба за сохранение мусульманами своей религиозной и цивилизационной идентичности. Переход России на многополярные антиглобалистские позиции откроет широкое поле российско-исламского альянса. Участниками такого альянса могут быть различные силы ислам-

ского мира — отдельные исламские государства, религиозные движения и партии, национальные и благотворительные организации и т. д. Здесь важно, чтобы Россия выступала в этом процессе с прагматических позиций — не навязывая, в отличие от США, своих предпочтений в отношении того, с какими направлениями ислама она готова сотрудничать, а с какими нет. В той мере, в какой исламский мир противостоит однополярной модели, он является объективным союзником России, по крайней мере до тех пределов, пока не затронуты интересы национальной безопасности, культурно-политической идентичности и территориальной целостности самой России.

Субъекты для многополярного диалога имеются

Итак, «оси дружбы» строятся не на пустом месте — в каждом из «больших пространств», прилегающих к России, есть политические и социальные силы, которые могут выступать несущими конструкциями для этих осей. Причем в каждом конкретном случае они имеют различную структуру — от целых стран и их правительств до отдельных политических партий, религиозных организаций и общественных объединений. Кроме того, в самих США есть немало сил и движений, отвергающих глобализм и неоимпериализм официального Вашингтона, готовых к активному и массовому протесту против однополярного мира. Эти группы есть как в левом, так и в правом секторе американского общества, а среди общественных и религиозных организаций и среди различных этнических ассоциаций (в первую очередь — латиноамериканских и афроамериканских) их не счесть. Выходит, что стоит только России всерьез провозгласить многополярность (по сути, антиглобализм) государственной стратегией, как у нее найдутся миллиарды друзей во всем мире.

Императив евразийской идеи и общий враг

Для того чтобы создать «ось дружбы» как скелет многополярного мира, Россия должна сочетать в своей национальной идеологии принцип относительной открытости с принципом относительной закрытости. Она не может быть полностью открытой ни в одну из соседних сторон (не говоря уже о США), так как это повлечет усиление влияния на нее какого-то активного «большого проекта», которые, как мы видели, ей в чистом виде противопоказаны. Но она не может и закрыться на прочный засов, не может сосредоточиться на национализме, так как утратит в этом случае инструменты для активного развития стратегических альянсов. Более того, Россия, как исключительно национальное государство в своих нынешних границах, не сможет стать полюсом даже при самых благоприятных условиях. Будучи многоэтнической и многоконфессиональной страной, при интенсивной выработке однозначного национального «я» она будет взорвана изнутри. А если учесть, что в этом взрыве будут заинтересованы внешние силы, то его масштабы могут быть фатальными.

Из этой ситуации есть один выход — евразийская идея. Она дает возможность России представлять себя не просто как оплот борьбы с глобализацией и однополярным миром, не просто как авангард многополярности, но и как носительницу универсальной миссии, «континентализма», особой культуры, сочетающей западные и восточные черты. Россия как Евразия способна предложить странам СНГ позитивный интеграционный сценарий, вести мягкий диалог с самыми различными силами на Западе и на Востоке. Евразийство для России есть сочетание сильной национальной идентичности с демократическим принципом «прав народов», терпимостью, религиозной и культурной гармонией. И во внешней политике в таком случае евразийская Россия выступает как носительница сбалансированной позиции, примиряющей и развивающей иные «большие про-

екты», как «промоутер» истинной демократии во внешней политике.

Теперь остается сделать следующий шаг и признать, что евразийский сценарий возрождает на новом историческом витке столь свойственный России в ее истории универсализм, возвышение над узко национальными интересами. Это свежее издание российского мессианства в совершенно новаторской и демократической редакции. Евразийство и есть «большой проект» для современной России, который может и должен занять свое место в цепи других мировых «больших проектов», стать центром «осей дружбы», явиться триггером становления реальной и гуманной многополярности перед угрозой наползающего со стороны Атлантики «нового Левиафана».

Общий враг скрепляет дружбу, цементирует альянс. В данном случае формулой общей для всех угрозы является экстремистский проект, сформулированный горсткой американских неоконсервативных интеллектуалов с троцкистским прошлым — «Проект нового американского века». Если Россия и другие великие державы и цивилизации современности будут действовать адекватно, этого «американского века» никогда не наступит. Вместо него воцарится многополярный мир, далеко не идеальный и не лишенный недостатков, но гораздо более свободный и справедливый — «век Евразии».

Глава 5. Семь смыслов евразийства в XXI веке

В наше время существуют слова, которые от слишком частого употребления теряют свое первоначальное значение, явления, утратившие свой исторический смысл. Содержание таких слов, как «социализм», «капитализм», «демократия», «фашизм» изменилось сегодня коренным образом. Неопределенность, возникшая с течением времени во многих терминах, совершенно не затронула понятие «евра-

зийство». Ведь это мировоззрение является формой обобщения исторического процесса. Оно не принадлежит к какому-то отдельному периоду. Конечно, идеология появляется лишь в определенный момент, и евразийство как социально-политическая идея, как философия родилось в XX веке, а в начале XXI века стало особенно актуальным. Другими словами, неопределенность этого понятия, возможность широкого толкования проистекает не из его «затертости», но из того, что оно находится в стадии зарождения и тем не менее вызывает у многих явный интерес. Все известные дефиниции евразийства либо чересчур поверхностны, либо узки, а то и просто расплывчаты. Но евразийская идея в качественном пространстве современного мира требует четких определений. Это некий синтез представлений о евразийстве, который ложится в основу дальнейших дискуссий относительно определения содержания понятия. Итак, что сегодня представляет собой евразийство и Евразия как система взглядов?

Первый уровень евразийства: пользуясь дедуктивным способом изложения, от общего к частному, заметим, что евразийство, как явление планетарное и глобальное, вовсе не привязано непосредственно к евразийскому материку как к географическому объекту.

Глобализация, главный фундаментальный процесс нынешнего мира, определяет вектор современной истории. Национально-государственное устройство переходит в глобальное; мы стоим на пороге создания планетарного государства с единой унифицированной административно-экономической системой. Однако не стоит думать, что все народы, государства, социальные направления, классы и экономические модели, из которых состоит наш огромный мир, вдруг, словно по мановению волшебной палочки, начнут активно взаимодействовать меж собой по какой-то новой логике. Это заблуждение. Глобализация представляет собой одномерное, одноплановое, векторное явление, заключенное в универсализации специфического цивилиза-

ционного подхода. Это уравнивание, подчас насильственное, искусственное, есть приведение различных социально-политических, этнических, религиозных, конфессиональных, национально-государственных укладов, социально-экономических аспектов под один шаблон. По сути это навязывание всему миру некоей единой модели, которая мыслится в качестве универсальной. Если пользоваться терминами геополитики, созданными атлантической цивилизацией, то глобализация представляет собой западноевропейский исторический тренд, достигший пика в американской системе. Таким образом, глобализация есть навязывание миру атлантической парадигмы без учета других альтернативных позиций. Американское видение ситуации заключается в том, что американская же система ценностей объявляется общечеловеческой, универсальной. Ее принципы в экономике, политике, культуре, социальной сфере, межконфессиональных отношениях признаются оптимальными и единственно верными. Либеральная «свобода от» провозглашается единственной универсально приемлемой идеологией. Все это, по мнению стратегов американской однополярной глобализации, делает победу атлантизма неизбежной. И это совершенно правильно, ведь американские стратеги ошибок не делают, они — представители правящей державы, которая имеет достаточно оснований для того, чтобы провозглашать свои идеи открыто.

В глобальном смысле евразийство есть антиглобализм — как отрицание системы, навязываемой атлантизмом, или, иными словами, альтернативная глобализация. Было бы совершенно неверно, безответственно говорить о какой-то гуманной, вероятной и желательной глобализации, в то время как мы имеем дело лишь с глобализацией атлантизма, проявляющей себя в каждой точке мира. Евразийство в широком смысле «не-атлантизм», или обратный по отношению к атлантизму геополитически-цивилизационный полюс, являющийся антиглобализмом. Такая идеология может существовать, например, в Латинской Америке, в Чер-

ной Африке или в Тихоокеанском регионе, к материку Евразия не имеющем ни малейшего отношения.

Здесь можно возразить: с какой стати называть антиглобализм на Каймановых островах или на Филиппинах евразийством? Говоря о европейском стиле, о европейской культуре, мы кроме Европы можем подразумевать и Японию, и Латинскую Америку. Ведь Европа — тоже своеобразный концепт, который из узко географического превратился в планетарный. Европейски ориентированная элита есть среди представителей всех народов и географических пространств. Таким же точно образом глобалисты и атлантисты существуют ныне во всем мире, даже в Тихом океане. Следовательно, евразийство — это созидательное имя антиглобализма.

Таким образом, евразийство — это антиглобализм, каким ему должно быть, некая позитивная философия безо всякой привязки к географии. В этом отношении евразийство представляет собой глобальный революционный концепт, то есть в наш век выполняет функцию социал-революционных движений прошлого столетия, когда в них участвовали как латиноамериканские рабочие, африканцы, европейские интеллектуалы, так и жители Японии или США.

Евразийство — это база революционной идеологии, отвергающей универсальность, единственность, безальтернативность и доминацию атлантической системы ценностей.

После того как Советский Союз был разрушен и капиталистический лагерь потерял своего противника, Ф. Фукуяма провозгласил «конец истории». Почему? Потому что для развития истории необходимо как минимум два полюса. Например, в социально-политическом отношении существует известное диалектическое напряжение между капитализмом и социализмом. Их борьба придает историческому процессу динамику, энергию. Когда советский лагерь был побежден и фактически капитулировал перед лицом Запада, растворился, самоаннигилировался, именно в этот момент Фукуяма заявил о конце истории. С диалектиче-

ской точки зрения это логично, ведь без второго полюса нет движения.

Спроецировав эту же мысль на геополитическую категорию, мы увидим, что конец истории наступит в результате абсолютной стратегической победы атлантизма над евразийством, представляющим единственную оппозицию. Мало того, американцы уже провозгласили необратимость своей почти состоявшейся победы. Евразийство, объединяющее, в глобальном смысле, противников американского триумфа, бросает вызов концу истории. Евразийцем является всякий, кто выступает против конца истории. Мы готовы бороться за иной ход исторического процесса, постулируя второй полюс, то есть евразийство в самом широком понимании.

Таким образом, евразийство на уровне планетарного тренда — это глобальный, революционный, цивилизационный концепт, который, постепенно формируясь, станет новой платформой взаимопонимания для конгломерата различных сил, отказывающихся от атлантической глобализации. Безусловно, за американской системой ценностей можно признать некоторые положительные стороны, но только не право на универсализм. Обозначая свои позиции, американцы заявляют не о том, что американская система эффективна и позитивна, с чем можно согласиться, но о том, что она универсальна, то есть приложима всюду, является общим знаменателем любой системы ценностей и, соответственно, парадигмой социально-политического, экономического и аксиологического устройства всей планеты. А это абсолютно недопустимо. Либерально-демократические ценности имеют право на существование, но лишь в локальном пространстве.

Стоит внимательно прочесть заявления самых разнообразных сил во всём мире: политиков, философов, интеллектуалов, — и мы удостоверимся, что евразийцы составляют подавляющее большинство. Кроме того, менталитет многих народов и государств, хотя они сами об этом могут не подо-

зревать, евразийский. Если подумать об этом множестве различных культур, религий, конфессий и стран, не согласных с концом истории, навязываемом нам, бодрость нашего духа возрастет, а у заокеанских стратегов, возможно, возникнут мысли о риске реализации американской концепции стратегической безопасности XXI века. Евразийство есть совокупность создаваемых нами препятствий к вестернизации. Пока эти препятствия создаются разрозненно, Америка может справиться с ними по отдельности. Но стоит их интегрировать, сплотить в некое единое, последовательное мировоззрение планетарного характера, и они сделают наши шансы на победу весьма серьезными.

Таким образом, евразийство в самом широком смысле — это чистая философская, планетарная концепция революционного толка, марксизм XXI века.

Второй уровень евразийства. Всем известна историческая оппозиция нового света по отношению к старому. Понятие «старый свет», которым обычно обозначается Европа, можно продлить гораздо шире. Это гигантское цивилизационное пространство, наполненное историей, возникающей постепенно, населенное народами, государствами, культурами, этносами и конфессиями. Старый свет — это продукт органического развития человеческой истории, по сути, синоним культуры.

Что же касается нового света, в обобщенной форме выраженного в США, то это уже не продукт органического развития культуры, но цивилизация в чистом виде. Это лабораторно, искусственно построенное общество, в основе которого лежит некий вывод рационалистического направления просвещенческой мысли. Западной Европой в ходе сложного диалектического размышления, в процессе перехода от культуры к цивилизации был создан абсолютно интеллектуальный, рационалистический продукт — цивилизационный проект. Однако как сама Европа, так и прилегающие к ней Россия и Азия, безусловно, были исполнены собственной культурно-исторической самобытностью,

множество процессов которой не укладывалось в этот цивилизационный проект. Дух европейского рационализма и просвещения, стремление выработать универсальные нормы цивилизации, преодолев собственную историю, — всё это выплеснулось в движение за Атлантику. Вспомним «Новую Атлантиду» Френсиса Бэкона, где описывается цивилизация, основанная на абсолютно рациональных принципах, помещенная в Америку.

Вообще Америка, особенно в сознании англо-саксонских эсхатологических направлений и христианских эсхатологических сект, представлялась обетованным раем; единственным местом, где должна была быть воздвигнута цитадель искусственной, механистической цивилизации, оторванной от органических корней. Ведь, следуя Шпенглеру, «старый свет» — это культура, слишком глубоко ушедшая корнями в историю, и даже Западной Европе не под силу сразу от нее избавиться. Поэтому эксперимент удался только за Атлантикой. По меткому выражению Артура Кёстлера, соленые воды Атлантического океана размыли корни европейцев. Общество было выстроено заново — но общество без культуры. Под «новым светом», не имеющим никаких аналогов, мы подразумеваем Соединенные Штаты Америки.

Проекты интеграции «старого света» существовали всегда. По мере того как «новый свет» претендовал на все большее давление, они становились многочисленней и интереснее. Примером тому может служить проект Шарля де Голля, в котором Европа простиралась от Владивостока до Дублина, от Атлантики до Тихого океана. Данная концепция интеграции «старого света» основана на утверждении ценностной системы истории и культуры, где естественное противостоит искусственному, культурное — цивилизационному. Этот проект объединения в великую Европу исходил от революционной части европейских элит. В древности нечто подобное пытались сделать Александр Великий с помощью интеграции евразийских пространств, а также Чингисхан — создатель самого крупного мирового царства.

Сама идея интеграции старого света в единое стратегическое пространство является вторым уровнем евразийства — континентализмом. Определенные духовные, интеллектуальные круги в Европе разрабатывали эту идею и в ряде случаев пытались воплотить ее в реальную политическую конструкцию. Возникло множество мистических, католических, протестантских, православных, а также светских, экономических проектов интеграции. Это второе определение евразийства как интеграции старого света привязано к географическому фактору, но тем не менее гораздо шире, нежели оно было в понимании отцов евразийства.

Третий уровень евразийства — интеграция трех больших пространств, или проект четвертой зоны. Теперь мы уже переместились в рамки географического контекста Евразии. Если присмотреться к устройству различных частей евразийского континента, к цивилизационным и историческим его особенностям, мы увидим три фундаментальные зоны, разделенные между собой меридианами, или меридиональными границами, на стыке которых происходят серьезные культурные расслоения.

Если идти с Запада, мы попадаем в европейское «большое пространство», которое геополитики называют Евроафрикой. Оно раскинулось от Северного моря до субтропической Сахары и включает в себя Средиземноморье, арабский мир и Черную Африку. Оно имеет внутри себя массу градаций, но тем не менее постоянно тяготеет к экономической и стратегической интеграции, выражающейся посредством либо колониальных захватов, либо процессом возникновения средиземноморских империй, распространяющихся к северу и к югу от Средиземного моря и вовлекающих в свою орбиту различные народы, расы, религии и культуры.

Второе «большое пространство» является для нас самым интересным, так как оно связано с Россией. Это российско-азиатский континентализм, включающий собственно территории России, территории Средней Азии, часть

стран Восточной Европы, Центральную Азию, Афганистан, отчасти Пакистан, Индию и Иран, с возможностью влияния этой зоны на Турцию. Континентальный ислам этих стран значительно отличается от арабского, они имеют совершенно иной культурный код, степень универсальности и самобытности. Конечно, на этой территории совершенно разные религиозные, социально-политические и экономические уклады, но то же можно отнести и к Евроафрике, где Европа фундаментально отличается от Африки, но в геополитической системе координат рассматривается как единое евроафриканское пространство.

Третья зона называется Тихоокеанским Сино-Ниппонским кондоминиумом, то есть совместное господство двух держав — Японии и Китая. Хоть в региональном контексте они являются антиподами, тем не менее их влияние на весь Тихоокеанский регион весьма значительно. Основные направления внешней политики этих государств: сближение с Россией и проект выполнения геополитических функций в пользу США и глобализма.

Три данных полюса показывают внутриконтинентальные цивилизационные разломы. Конечно, они довольно общие, ибо, углубляясь, можно проводить деление сколько угодно, как и обобщения. Евразийство во внутриконтинентальном пространстве представляет собой альянс трех глобальных зон, географически принадлежащих евразийскому континенту, интегрированному по оси север–юг. Данное определение является третьим уровнем евразийства. Тут важно, что это именно альянс, а не объединение. Интеграция этих пространств должна идти по меридианам, то есть с севера на юг, согласно законам геополитики.

Перейдем к четвертому уровню евразийства — это процесс российско-азиатской интеграции. Тут проявляется упомянутый ранее меридиональный характер. Затрагиваются не все части евразийского материка, а преимущественно Россия, страны Центральной Азии, Афганистан, Иран и Индия. Речь идет о создании системы осей. При-

оритетными здесь являются ось Москва—Тегеран и Москва—Дели; это две несущие конструкции евразийской меридиональной интеграции четвертого уровня. Наряду с ними существует более зыбкая ось, которая, не являясь парадигмальной, представляет все больший интерес, — это взаимоотношения по линии Москва—Анкара. Мы помним, как во время подготовки агрессии против Ирака в значительной степени евразийской и антиамериканской Турция выступила категорически против своих заокеанских партнеров, хотя потом американцам удалось погасить эти настроения. Иными словами, потенциал для такого альянса по меридиану с Россией у Турции есть.

Особое значение имеет территория Кавказа и Средней Азии, поскольку эти пространства на культурно-этническом уровне являются переходными; они родственны как сопредельным России государствам, так и дальнему зарубежью, например Афганистану, Ирану, отчасти Турции. Это пространство близко России, связано с ней русскоговорящим населением («русофонией»). Соответственно с этой частью бывших советских республик у нас существует масса культурных, исторических и генетических связей. Так возникает система полуосей, движущихся к Дели и Тегерану, одновременно выясняя позиции с Анкарой и создавая полуоси на промежуточном азиатско-кавказском пространстве.

Необходимо особо подчеркнуть, что в четвертом измерении евразийства Азия рассматривается в старой, классической географии и не включает Дальний Восток, то есть Китай, Индокитай, Корею, Японию, Филиппины, страны Тихоокеанского региона и страны Океана, которые принадлежат к совершенно иной модели.

Евразийство на пятом уровне является интеграцией постсоветского пространства. Мы уже говорим не о системе осей меридиональных, но о полуосях. Поскольку нас интересует конкретно Россия, наше будущее, мы не станем продолжать их на другие части евразийского континента, ограничившись рассмотрением этой концептуальной модели применительно к России.

Евразийство пятого уровня — это интеграция постсоветского пространства в некое подобие евразийского союза, о котором говорит президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Этот политический деятель прекрасно отдает себе отчет в том грандиозном, достойном Чингисхана начинании в деле интеграции постсоветского пространства, которое заявлено им в качестве основного вектора национальной и внешней политики. Более того, он разработал очень интересные проекты и модели, вплоть до конституции Евразийского союза. И в этом отношении любое препятствие и критика Назарбаева может исходить исключительно из атлантических источников. Ведь когда Чингисхан объединял земли, он стирал с лица земли целые города, целые цивилизации, стоявшие на его пути. Мы и поныне живем остатками его империи. Все великое требует жертв, на что-то обязательно надо закрыть глаза, иначе останется один безответственный гуманитарный треп, часто работающий на враждебные нам исторические структуры. Назарбаевская идея является не какой-то специфической казахской, тюркско-евразийской или исламской. Это идея Евразийского союза, то есть пятый уровень евразийства.

На шестом уровне евразийство внутри России представляет собой некое мировоззрение, философию, смыслом и основным значением которой являются традиционализм, стратегический центризм и федерализм.

Традиционализм — это вера в непреложную ценность прошлого, важность традиции, большое значение исторических корней. Наше происхождение является созидательным и важным фактором нашей национальной истории. Если угодно, этот традиционализм можно назвать также консерватизмом. Стоит отбросить эту систему консерватизма и традиционализма — и евразийство потеряет всякий смысл, поскольку современность и постсовременность, постмодерн, являются нашей слабой стороной. Мы не хотим препятствовать современности, но пытаемся ее в определенной мере корректировать. Таким образом, евразий-

ство внутри России выражено консерватизмом и традиционализмом.

Стратегический центризм — это необходимость сохранения единства России и поддержка концепции укрупнения субъектов федерации и особенно стратегических федеральных округов. Вы знаете, что федеральные округа введены не конституционным образом, а указом президента, то есть не имеют никакого юридического статуса. Тем не менее они выполняют важнейшую функцию объединения, сохранения единства страны, и стратегический центризм стремится легализовать, конституционализировать сам аппарат федеральных округов.

Федерализм — это общество, в котором субъектом выступает не отдельный гражданин или какое-то иное внутригосударственное образование вроде национальной республики, области или губернии, а именно этнос. С федерализмом связана концепция прав не нации, но этноса, основанная не на территории, а на культурно-религиозной составляющей. Этнофедерализм предполагает безусловное единство и неделимость территории. А этнические процессы, как бы они ни выражались и какую бы автономию этносы при этом ни получали для реализации своих интересов (языка, культуры, религии, экономического потенциала), — должны происходить в строго ограниченных рамках евразийского, российского пространства. В России этносы свободны, вольны в своих действиях, за исключением создания национал-государственных анклавов и заявлений о суверенитете той или иной территории или административного округа.

Это революционная для российской политики идея может реализоваться лишь в интеграционном процессе: просто так лишить, скажем, Татарстан всех его надежд, намеков и трендов на государственный суверенитет совершенно невозможно. Зато такая возможность появляется в рамках Евразийского союза. Скольких административных, конституционных барьеров, существующих в рамках РФ, можно избежать, если изложить эти принципы в конституции или в другом укладе,

например, в Великой Ясе Евразийского союза. Тогда все народы, вступающие в этот новейший, революционный и одновременно древнейший проект, будут иметь дело с уже установившимся этнофедеральным устройством, с единством стратегических территорий, свободой этноса. Эта идея составляет специфику современного евразийства. Ранние евразийцы мыслили гораздо более приблизительными категориями, даже с оттенком русского империализма, принимая соседние народы лишь как «полурусских», «полуправославных». Мы держимся иного мнения. Новые евразийцы, согласно Гердеру, считают каждый народ мыслью Бога. Главное, у нас должен быть единый евразийский союз, единая государственная система, обеспечивающая этим народам право на сохранение своей идентичности.

Последний, седьмой уровень евразийства относится к различным регионам России. На примере распространения идей евразийства по российским регионам можно увидеть очень интересную картину. Евразийство воспринимается везде по-разному: в одних случаях правильно, в других неправильно, в третьих случаях вообще ничего не понимают. Оно всюду внятно и убедительно, но везде разное. Допустим, для Северо-Западного округа евразийство — это интеграция с Европой без потери собственной идентичности, национального духа. К примеру, для жителей Санкт-Петербурга их город является границей между Европой на Западе и дремучей, но родной и понятной Азией на Востоке. Москва для питерцев то же, что для москвичей Казань. Удивительно, насколько большой популярностью пользуется евразийство в Санкт-Петербурге, в этом «окне в Европу».

Нечто более позитивное, более смягченное есть и во Пскове, и в Калининградской области, и в других северо-западных областях. Здесь важно превратить евразийство в противодействие санитарному кордону, сорвав атлантический план реорганизации этого пространства.

Совершенно другое отношение к евразийству можно наблюдать в Центральном округе, где народ больше волнуют социальные, нежели этнические проблемы, где русские

живут довольно компактно. Тут приходится, в каком-то смысле, заниматься просвещением масс, для этого округа евразийство — это национальный патриотизм с ярко выраженным левым началом в экономике и со спокойным отношением к представителям других этносов. Это можно назвать версией левого патриотизма.

В Южном округе евразийство как термин часто не находит понимания, за исключением Кавказа, на котором следует остановиться отдельно. Ростов и Краснодарский край — земли в значительной степени казачьи, где евразийство уже на слух воспринимается негативно. Здесь его необходимо преподнести как некую формулу специфического синтеза между индивидуальным казачьим и имперским началами. Другими словами, здесь особенно важен баланс между индивидуальным и государственным.

На Северном Кавказе картина совершенно другая. Тут не мы, а нам разъясняют сущность евразийства и понимают его совершенно верно: как интеграцию различных народов в единое государство, укрепление территориальной государственной целостности России. Интересно, что евразийство не требует адаптации к Кавказу.

В Татарстане и Башкирии существует полное понимание того, что есть евразийство. Но вместе с тем оно не лишено настроений против московского евразийства, которое якобы имеет целью лукаво усилить позиции Москвы. Не обходится тут и без некоторой доли этноцентризма. Но в целом понимание основных аспектов верное.

Русское население Поволжья, например, Нижегородская область, требует некоего коллективистского лево-патриотического начала, свойственного центральным землям, но склоняющегося к духу предпринимательства, частного хозяйства, середняческого патриотизма.

Наконец, Сибири, заселенной наряду с русскими различными древними народами, чей союз требует определенной концептуализации, присущ несомненный регионализм. Континент Сибирь — так представляется этот регион в самосознании его жителей. Евразийство должно учитывать специфику менталитета людей, которые веками бились со сти-

хией, будучи совершенно оторваны от своей базы. В этом смысле сибирский регионализм, позитивно интегрированный в российский контекст, является выражением евразийства. На вопрос: «хотите ли вы великого Российского государства, мощной империи?» — 87% жителей Сибири отвечают «да». А на вопрос: «хотите ли вы отделиться от Москвы?» — отвечают утвердительно 80%. Как бы ни было сложно уложить такие ответы в рамки рациональности, однако этот момент точно определяет самостоятельное, могучее, матерое сибирское самосознание. Мышление этих людей — безусловных сторонников великой и сильной империи, но категоричных противников Москвы и всего, что с ней связано, — может быть опасным, но евразийство не боится сложных вопросов.

На Урале существует геополитическая оппозиция электоральных предпочтений между Уралом Свердловским и Челябинским. Они превратились во внутренних антагонистов, как Япония с Китаем в Тихоокеанском регионе. Конкуренция происходит между двумя типами уральского самосознания: правым, хозяйственным, предприимчивым свердловским патриотизмом и более коллективным, мягким, более женственным челябинским регионализмом. Однако по всему региону живут много различных этносов, сосуществующих в течение веков. Следовательно, евразийство здесь совершенно понятно.

Для Дальнего Востока евразийство — это и есть интеграция с континентом, связь с Россией. Русские пришли сюда с тем, чтобы защищать рубежи империи. Сегодня существуют реальные демографические, экономические и геополитические угрозы нашей территориальной целостности, на которые нельзя закрывать глаза. В этом отношении евразийство в Приморском и Хабаровском краях, вообще на Дальнем Востоке, представляет собой идею интеграции. По сути дела это азиатская часть России, которая в евразийстве имеет залог связи с центром.

Из всего сказанного видно, насколько разнообразно, многомерно и поливалентно значение термина «евразийство

и концепты Евразии». Кроме того, что мы выделили семь уровней его дефиниций, на последнем уровне обнаруживается существование определенной дифференциации этого понятия внутри российских федеральных округов. Теперь, прежде чем произнести слово «евразийство», серьезно подумайте, ибо нельзя обращаться с ним плоско и поверхностно.

Евразийская идея, евразийское мировоззрение, идеология требуют от нас многих усилий. Вспомним, что первыми марксистами были интеллигенты, разночинцы, читатели Гегеля, изучавшие сложнейшие тома Маркса и Энгельса, вникавшие во все аспекты этого учения, во все противоречия. Невозможно представить себе скверно соображающего марксиста XIX века. Это лишь ко второй половине XX века миллионы, если не миллиарды, называвшие себя марксистами, не понимали в этом учении ничего. Известно, чем это кончилось. Поэтому плохо соображающие люди или вообще ничего не соображающие евразийской идее категорически не нужны. Пусть будет меньше, да лучше.

Необходимо точно определить нашу евразийскую идею, всю сложнейшую внутреннюю, аксиологическую, концептуальную и семантическую поливалентность этого термина. Прежде чем объяснять кому-то, надо понять самим. Для этого нужно желание, воля, время и т. д. Без этого мы лишь выплеснем нашу идеологию, не принеся никакой пользы. Евразийство слишком серьезно, чтобы относиться к нему слишком легко.

Глава 6. Русская карта

Россия как переходное государство

Сегодняшняя Россия — это государство переходное. В нынешних своих границах и с существующей политической системой она не имеет исторического будущего. Она одновременно и слишком мала, и слишком велика для то-

го, чтобы по-настоящему состояться. Если Россия станет настаивать на своей русской этнической идентичности и православной культуре, то она обречена на распад — сепаратизм последует со стороны мусульманских народов Кавказа и Поволжья, других национальных меньшинств, и печальная судьба СССР повторится. Как русское этнокультурное государство, Российская Федерация слишком велика. Но как самостоятельная геополитическая евразийская сила, как империя, какой наша страна являлась в течение веков под тем или иным идеологическим прикрытием, современная Россия слишком мала — это обрубок геополитического тела, лишенный важнейших точек контроля за пространством — ресурсов, портов, принципиальных стратегических высот. Конечно, можно представить себе теоретически, что Россия пойдет по пути кемалистской Турции и построит на обломках империи жесткое централистское национальное государство с сильной и энергичной моделью модернизации, но для этого потребуются войны и революции, предельная идеологическая мобилизация — вроде создания политической философии «младотюрков», — требуются харизматический лидер (своего рода русский Ататюрк, что дословно переводилось бы как Русский отец) и этнические чистки. В национальное государство Россию может превратить только национальная революция, но пока для нее нет никаких предпосылок.

Евразийство — оптимальный вариант

Оптимальным был бы для России евразийский вариант. По сути, это было бы возвратом к имперской модели, но в совершенно новых условиях и на новых идеологических основаниях. Наивно считать, что «империя» автоматически означает «императора», существование «колоний» и т. д. Принцип «империи», в отрыве от конкретных исторических прецедентов, состоит как раз в том, что здесь уста-

навливается единый стратегический централизированный порядок для огромных территорий, но при этом отдельные регионы сохраняют значительную степень автономии и самоуправления — самобытных правовых, языковых, экономических, религиозных устоев. «Империя» в отличие от национального государства федерирует, объединяет не граждан, но целые народы и иные политические общества, вплоть до царств или отдельных «государств», сохраняющих значительную долю независимости и автономии по отношению к имперскому центру.

Россия всегда была только империей

Россия на всем протяжении своей истории имела именно имперский уклад. Уже в Киевской Руси в единое политическое образование вошли разные племена и княжества. Позже Русь вошла в состав Монгольской империи, устроенной по тому же принципиальному признаку, а в XV веке имперские традиции Москва приняла на себя — в административном смысле от монголов и Золотой Орды, в духовном и религиозном смысле от Византии. Многие имперские черты сохранялись и в эпоху правления дома Романовых, которые после Петра Первого официально именовались императорами, а ряд имперских черт мы видим и в период СССР. На всех этапах имперский принцип получал различное идеологическое оформление, но нечто принципиальное сохранялось на всех этапах русской истории. Отсюда «универсальность» русской культуры, «всечеловечность» русского психологического типа. Русская идея изначально была сверхэтничной и интегральной, основанной на единстве типа, а не крови.

Очевидно, что каждая эпоха требует облечь эту интегрирующую волю, этот имперский импульс в новые формы. И переход от нынешней РФ как промежуточной стадии к полноценному геополитическому образованию, где были

бы восстановлены пропорции, необходимые для укрепления реального геополитического суверенитета, должен обрести новое идеологическое обеспечение. Этим обеспечением может быть только евразийство, евразийская теория.

Постсоветское пространств в евразийской оптике

Евразийской установкой определяется вектор внимания России к постсоветскому пространству в целом. По сути, речь идет о том, чтобы воссоздать единое стратегическое пространство в рамках бывшего Советского Союза — с некоторыми добавлениями (Монголия) и изъятиями (страны Балтии), но на совершенно иной мировоззренческой основе. Этот масштаб минимально необходимый для того, чтобы Россия в новой форме Евразийского союза восстановила стратегический потенциал, снова делающий ее «империей». Правда, на этот раз «империя» не будет иметь императора и не будет основываться на жесткой марксистской идеологии. Евразийский союз должен быть образован добровольным путем — через свободное волеизъявление суверенных постсоветских держав. И политическая структура этого будущего образования должна учитывать императив автономии каждой составляющей части. Для этого оптимально подходит модель «конфедерации», Staatesbund, «союза государств».

Такое объединение предполагает единый центр военного командования, общую границу, единое экономическое пространство с общей системой таможенных барьеров и транспортных тарифов, общую валюту и некоторый минимум признаваемых всеми правовых норм. Но вместе с тем каждая страна будет обладать высокой степенью свободы в выборе внутренней политики, политической и социальной организации, правовой системы (в тех вопросах, которые не противоречат общим конфедеративным нормам) и т. д.

Необходимость этого Евразийского союза ясно осознается многими главами нынешних государств СНГ, а впервые такую инициативу озвучил президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев. Многие ныне существующие структуры уже выполняют функции объединяющих инстанций. Так, в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), возглавляемое Интеграционным комитетом, входят 5 стран СНГ — оно вместе с Единым экономическим пространством (ЕЭП, куда входят Россия, Казахстан, Беларусь и Украина) является ядром единой экономической системы. Организация договора по коллективной безопасности (куда входят помимо стран ЕврАзЭС еще и Армения) — прообраз единого военного командования. Межпарламентская ассамблея стран СНГ — черновой вариант будущего евразийского парламента и т. д. Одним словом, политическая практика современной России показывает, что она движется именно в этом, евразийском, направлении. А следовательно, «имперская» модель в данном случае, с явно выраженным конфедеративно-демократическим содержанием, привлекает Москву больше, чем сомнительные перспективы «национальной государственности», а тем более путь к распаду на этнические составляющие.

США как активный игрок на постсовестком пространстве

Однако этот евразийский план для России осуществляется не в безвоздушном пространстве. Распад СССР активно поощрялся геополитическими конкурентами России с Запада, и в первую очередь из США. В этом была извечная суть Большой Игры между континентальной Россией (позже СССР) и морской атлантистской Великобританией (позже — США). Евразийская Россия, чтобы выйти к «теплым морям» и проливам, традиционно пытается увеличить свое влияние

на юго-западе от своих границ — в зоне Кавказа, Афганистана, Ирана, Турции — и на Западе — в Восточной Европе, а атлантистские страны Запада (Англия и США) стремятся к обратному — к вытеснению России из прибрежных территорий, к замыканию ее во внутриконтинентальных пространствах (в научном словаре геополитики это называется Hinterland, «внутренняя земля»). Здесь действует геополитическая аксиома, сформулированная Хэлфордом Макиндером: «тот, кто контролирует Евразию, контролирует весь мир».

Современные американские геополитики мыслят в тех же категориях. Збигнев Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» описывает евразийско-атлантистскую партию на новом этапе. Отныне американская геополитика должна, по его мнению, способствовать отдалению стран СНГ от России и, по возможности, ускорять ее собственный распад.

Итак, на русской карте налицо два симметричных, но прямо противоположных импульса: евразийский вектор расширения влияния России-Евразии на постсоветском пространстве с постепенным переходом к конфедеративному Евразийскому союзу и атлантистский вектор, направленный на то, чтобы оторвать страны СНГ от России. Показательно, что даже само образование СНГ не признается юридически официальными международными инстанциями — с подачи Вашингтона.

В этом контексте и следует рассматривать все происходящее в странах СНГ в последний год и те события, которым еще только суждено развернуться в этой зоне в ближайшем будущем. От баланса этой Большой Игры зависит и будущее России, и устойчивость единоличного американского контроля над всем пространством планеты, объявленном недавно Вашингтоном «зоной национальных интересов США».

Закат многовекторной политики в странах СНГ: начало антироссийских революций

На первом этапе, сразу после распада СССР, Запад довольствовался *многовекторной политикой* президентов стран СНГ. Это означало, что атлантисты готовы были терпеть баланс между прозападными тенденциями и инерциальными связями с Россией, которые в одночасье порвать было трудно. На такой разрыв пошли только страны Балтии, которые сразу после провозглашения независимости постарались порвать с Москвой все связи и отказались от вступления в СНГ. Большинство президентов стран СНГ сделали многовекторность основой своей политики и своей легитимности, которую признали и ослабнувшая Москва, и Запад, занятый ассимиляцией стран Восточной Европы. Но постепенно, к 2000 году, ситуация несколько изменилась, и Большая Игра приняла новый оборот.

Приход к власти президента Путина, который оказался менее сговорчивым, чем Горбачев и Ельцин в вопросе политических уступок Западу, и начало интеграционных тенденций в некоторых странах СНГ — Беларуси и Казахстане — заставили США активизировать усилия на постсоветском пространстве. Запад принялся систематически и интенсивно формировать и поддерживать политическую оппозицию антироссийского толка в странах СНГ, принялся оказывать давление на президентов с тем, чтобы от политики многовекторности перейти к однозначно прозападному и открыто антироссийскому курсу — в либеральной или националистической формах (в отличие от России, либерализм и национализм в странах СНГ шли рука об руку, и это легко объясняется геополитическими интересами США, которых интересует не столько абстрактная «политкорректность», «права человека» и «нормы демократии», сколько конкретная эффективность действий антироссийских политических сил). Атлантистские силы открыто вмешивались в полити-

ческие процессы в странах СНГ. В 2004 году в ключевых странах — Грузии и Украине — были проведены две «революции» — «революция роз» Саакашвили в Тбилиси и «оранжевая революция» Ющенко в Киеве. Шеварднадзе и Кучма были достаточно прозападными политиками, большой любви к России не испытывали, но их политическая легитимность была основана на принципе многовекторности, а Большая Игра требовала новых, более активных действий. Эти действия и произошли, причем речь шла только о том, чтобы нанести удар по геополитическим планам России по укреплению влияния на постсоветском пространстве и — самое главное! — сорвать реализацию «Евразийского союза».

Овладение геополитикой — категорический императив российской власти

Как справиться России с этими новыми шахматными ходами Запада? Каждый ход — очередная революция, наши фигуры съедены, защита проломлена. Здесь-то и приходит на помощь геополитика во всей ее полноте — в ней следует искать арсенал средств для адекватной защиты и эффективной контратаки. Не стоит забывать, что шахматы — это игра для двоих, в ней есть определенные правила, и если гроссмейстеры не идиоты, они могут выпутаться из самой сложной ситуации.

Итак, русская карта такова, что искомой целью является восстановление имперского измерения и создание «Евразийского Союза». Но в одиночку этого достичь невозможно, так как распад СССР и произошел во многом из-за опоры только на внутренние ресурсы и идеологическую жесткость Москвы. Евразийство позволяет действовать более тонко и в первую очередь подталкивает к поиску стратегических партнеров среди близких и далеких соседей. Геополитический критерий партнерства прост: *потенциально*

нашими союзниками являются все страны мира, кроме США и их наиболее убежденных сторонников (среди которых, впрочем, также можно найти наших евразийских сторонников). В лице мирового гегемона США желающие играть в большие шахматы сами с собой, не устраивают по тем или иным причинам очень и очень многих. Причем как бывших вчерашних противников по «холодной войне», так и вчерашних союзников. Судьбы социалистического и независимого Китая или капиталистической Турции (члена НАТО) в «новом мировом порядке» с американской доминацией очень схожи — всем придется согласовывать свою внутреннюю и внешнюю политику с Вашингтоном, под страхом экономических санкций или искусно провоцируемого из-за океана сепаратизма. Еще в большей степени это касается Ирана и арабских стран. Но и Евросоюз, и Япония все больше расходятся по геополитическим интересам с США. Именно здесь Россия, последовательно вставшая на евразийский путь, должна искать дополнительные козыри для изменения в свою пользу ситуации на постсоветском пространстве.

Турция, как потенциальный союзник, может отомкнуть России доступ к Средиземноморью, чего так страстно желали — но иными, силовыми методами, — русские военачальники. Иран, вступивший в евразийский альянс, обеспечивает проход к «теплым морям». Китай с его бурно развивающейся экономикой и критическим недостатком энергоносителей способен существенно вложиться в российскую экономику. Япония за доступ к восточно-сибирским ресурсам обеспечила бы развитие инфраструктуры Дальневосточного региона». «Страны ОПЕК, в рамках общей энергетической стратегии с Россией и Казахстаном, способны фундаментально надавить на США в решающий момент — конечно, взамен на поддержку арабской политики. Даже в Евросоюзе у России есть потенциальные союзники в лице Германии и Франции, которые яснее других осознают потребность в выходе Евро-

пы из-под американского диктата. Все эти игроки могут играть в пользу России-Евразии, хотя могут и против нее. Все зависит от того, как искусно Россия будет вести эту партию.

Сильная Россия, восстановившая свой имперский формат и статус «великой мировой державы», будет приемлема для каждой из стран, важных для интеграции постсоветского пространства, с выполнением определенных условий, разных для каждой из соседних стран. Эти условия вполне можно обобщить и заведомо заложить в основу нового современного издания евразийской идеологии. Кое-какие критерии напрашиваются сами собой: Россия должна принять принцип веротерпимости, уважения к различным этносам и национальностям, культурный плюрализм. Иными словами, созидаемая Евразийская империя должна быть империей демократической, строго соблюдающей принципы свободы и независимости входящих в ее состав народов и культур.

Нам сегодня для спасения страны жизненно необходимы особые навыки — страной должны управлять гроссмейстеры от геополитики, а не случайные бюрократы (даже самые патриотичные и искренние) и не циничные политтехнологи (даже самые удачливые). Ситуация была бы иной, если бы на той стороне шахматной доски — которой и является сегодня русская карта, карта русского мира и русских интересов — сидели любители. Но там находятся гроссмейстеры, которые будут дробить постсоветское пространство и дальше, организуя революцию за революцией. Сегодня на повестке дня Кыргызстан, Казахстан и Беларусь, завтра — Азербайджан, Армения и Узбекистан. Пока наконец дело не дойдет вплотную до самой России. Хотим мы этого или не хотим, но отвечать нам придется. И если наша Родина нам поистине дорога, мы обязаны осваивать азы геополитики уже сегодня. Незамедлительно. В противном случае у нас не останется вообще никакой русской карты.

«GEOPOLITICS ON-LINE»

Приложение 1

Вызовы глобализации — евразийские ответы

Интервью А. Дугина турецкому журналу «Диалог Авразия».
2001. Август

Журнал «Диалог Авразия»: *Как трактуется термин «Евразия» с точки зрения геополитики? Что такое, на ваш взгляд, евразийское пространство в географическом, политическом, культурно-историческом плане?*

А. Дугин: Евразия для меня — понятие геополитическое. Оно связано с распределением сил в той картине, которую геополитики предлагают в качестве базовой схемы. Существует борьба морской и сухопутной цивилизаций. В XX веке морская цивилизация все больше отождествляется с англосаксонским миром, атлантическим фактором. Евразийство — это тот блок, который связан с Россией, Советским Союзом или неким его аналогом — современной Россией плюс СНГ. А между этими двумя блоками — морским (атлантическим) и сухопутным (евразийским) — идет непримиримая дуэль, не зависящая от режимов. Между королевской Англией и царской Россией шла борьба двух монархий. Потом эта борьба приобрела характер противостояния капиталистического лагеря с социалистическим.

Сегодня Россия демократическая и Запад демократический. Казалось бы, тема снята. Ничего подобного: НАТО расширяется на восток, МВФ просто уничтожает и душит российскую экономику. И опять мы оказываемся среди стран-париев, что уже совсем кажется непонятным. Между тем геополитика это прекрасно объясняет. Евразия — это не географическое и не континентальное понятие. Это тот уровень развития русского народа, русской государственности, в который она вступила, начиная с возвышения Московского царства. Перед этим Евразия была империей Чингисхана.

Евразийство может быть относительным и абсолютным. Абсолютным евразийством является империя Чингисхана, и наследниками этой империи стали сначала Московское царство, а потом —

собственно Россия и СССР. Нынешняя Россия является единственным адекватным ядром этого евразийского направления.

Но Евразия не имеет четко очерченных границ. Евразия — это цивилизационная структура, это геополитический полюс. Следовательно, мы не можем говорить, что Евразия и Россия совпадают по границам. Нет, они совпадают по историческому направлению, по вектору развития. И именно на этом основана вся философия евразийцев. Традиционно они были тюркофилами, безусловно, но в очень конкретном, «чингисовском» смысле, потому что тюрки первыми создали сухопутную империю, а потом передали эстафету Московскому царству, которое, опять же пользуясь наследием Чингисхана, создало свою собственную модель. И корни России, с нашей точки зрения, лежат отнюдь не на Западе. Мы не часть Запада, мы — самостоятельный мир, больше связанный с Востоком, но с Востоком Турана, с Востоком варваров — степных кочевников — и жителей лесов, славян.

Нельзя отождествлять Евразию с государством или с этносом, например, с русским, хотя великороссы, которые появились в результате слияния восточнославянских племен с уграми и тюрками, являются наиболее приоритетным евразийским этносом, наиболее типичным. Следовательно, они наиболее соответствуют исполнению цивилизационной геополитической исторической миссии, но не потому, что «избранные», просто они «наиболее евразийские» среди всех остальных евразийцев.

Оставаясь в рамках исторической преемственности, евразийством следует называть именно это движение русской государственности, обращенное к Востоку — к Владимирской, а потом Московской Руси, к Ивану Грозному, к тюркофилии, к очень доброжелательному отношению к восточным культурам, но тем не менее к утверждению своей собственной уникальной самобытности, особенно перед лицом глобализации. Евразийцы задавались вопросом: что хуже было для России — монгольское завоевание либо польско-литовское? Ответ очевиден. Мы видим, что русские, попавшие под западное влияние, утратили свою самобытность, стали восточной периферией западного мира, а рус-

ские, которые освобождались постепенно из-под монгольского контроля, не только становились сплоченными, но и восприняли гигантский импеpостpоительный импульс независимости, суверенности, цивилизационной самобытности.

«ДА»: *Вы уже произнесли слово «глобализация». Интересным кажется рассмотреть это понятие в контексте евразийских идей. Ведь процесс, называемый глобализацией, фактически означает распространение «единственно правильной» цивилизации, которую Вы называете атлантизмом. Следует ли отсюда, что концепция глобализации мира и концепция евразийства являются антиподами?*

А. Дугин: Глобализация — это вообще очень двусмысленный термин. Создается впечатление, что говорится о разнообразных контактах между народами мира, о повсеместном диалоге. На самом деле, речь идет совершенно об ином. Меньшая часть человечества — конкретно, американская и западноевропейская часть — диктует остальным свою модель, которая является результатом ее уникального пространственного, исторического и географического развития. Вот в этом и заключается так называемая однополярная, или атлантистская, глобализация. Она представляет собой не что иное, как процесс распространения американской модели, социально-экономического и политического устройства, американского контроля, американского геополитического могущества, американского образа жизни на все регионы земли, чтобы постепенно искоренить самобытность каждого из них — не только русского, но и турецкого, и арабского, и иранского, и японского — абсолютно всех, и создать для всех единую модель, скопированную с американской. Ясно, как может относиться к этой ситуации евразийство, которое традиционно рассматривает в качестве позитива отстаивание восточными регионами независимости от универсализирующих тенденций Запада. Никогда еще Запад не был так нагл, столь дерзок и решителен в навязывании исполнения своей псевдомессианской задачи, как сегодня.

Однополярная глобализация является для евразийства главным врагом. Но евразийство противопоставляет глобализации

не проект полной закрытости или изоляционизма перед лицом этой угрозы. Евразийство осмысляет этот вызов, осознает его историческое значение, цели, причины и ориентации и предлагает преодолеть и как бы превозмочь этот импульс через новый ответ. Мы должны мобилизовать сейчас на борьбу с глобализмом потенциал всего евразийского континента. Это требует не только, скажем, опоры на патриотизм и государственность. Надо придать патриотизму новое измерение.

Против глобализационного вызова выступают и русские, и татары, и тюрки, и мусульмане, и буддисты и иудеи, следующие своим традиционным наставлениям, поскольку это для всех одинаковая смерть. Сознательные элементы самых разнообразных направлений должны сплотиться и предложить очень широкую модель сосуществования различных конфессий, различных этносов в едином стратегическом блоке, достаточно объемном для конкуренции с атлантизмом и достаточно открытым внутри себя и по отношению к своим непосредственным союзникам или стратегическим партнерам на Востоке и на Западе. Речь должна идти о проекте континентальной или частичной глобализации, противостоящей тотальной однополярной глобализации, то есть об идее многополярной глобализации. Мы готовы к диалогу культур, мы готовы полностью открыть наше евразийское общество тенденциям, идущим с Востока и Запада, но при сохранении нашей идентичности. Вот в чем состоит суть евразийского проекта. И согласитесь, он не совпадает ни с советской моделью, хотя есть переклички, ни с царской моделью, хотя тоже есть переклички, ни с демократической моделью. Это нечто новое, чего еще не было.

«ДА»: *Считаете ли вы, что существуют какие-то политические ответы на вызовы глобализации?*

А. Дугин: Конечно. Во-первых, в концепцию национальной безопасности России не без нашего влияния включен тезис о многополярном мире, как главной цели России. Это фактически означает, что наше государство, с точки зрения национальной безопасности, руководствуется евразийской моделью, потому

что концепция многополярного мира — это другое название для евразийской модели прогнозирования и реализации будущего. Мы видим, что наш президент утверждает, что Россия является евроазиатской страной. Мы видим, что он противодействует жесткому давлению Соединенных Штатов, отказывается от кредитов МВФ, ведет самостоятельную политику в рамках государства, направленную на сохранение внутренней идентичности, скрепляет почти распавшееся было тело России, противодействует агентам влияния атлантизма. Он исторг из нашего национального чрева двух самых одиозных проводников однополярной глобализации, двух олигархов-медиакратов — источников коррупции, нравственного, духовного, геополитического разложения России — Березовского и Гусинского.

Мы с огромным оптимизмом смотрим на те процессы, которые разворачиваются в России при нынешнем президенте. Он много совершил ошибок, многие вещи нас удручают, но позитивные сдвиги намного превосходят все недостатки, тем более что часть их можно списать на историческую инерцию. Мы считаем, что Россия в ближайшие годы перейдет на евразийские рельсы — ведь это единственное, что ей остается. Поразительно, что еще в начале XX века пророки евразийской идеи видели все эти закономерности. Они говорили, что коммунизм падет из-за отсутствия духовной составляющей, что советское пространство может стать жертвой атлантических западных проходимцев, но они говорили также, что в этом случае единственный путь — это евразийский путь. К сожалению, те великие люди не дожили до нашего времени, да и потом, наверное, им было бы очень грустно видеть, что происходит в России на этом этапе. Они никогда не хотели зла для своей Родины, были горячими русскими патриотами и считали, что Советская власть должна эволюционировать в евразийском мировоззренческом ключе. Это был бы бескровный выход. К сожалению, получилось не так, тем не менее этот вектор в конце концов возобладает.

Приложение 2

Однополярность и многополярность. Сколько полюсов нужно миру?

«Круглый стол» на радио «Эхо Москвы». 25.09.2003

Участвуют:

Ф. Лукьянов — главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»,

А. Дугин — лидер Международного евразийского движения, руководитель Центра геополитических экспертиз;

А. Коновалов — президент Института стратегических оценок.

Ведущий: *Тема сегодняшнего круглого стола — сколько полюсов нужно миру, — и мне бы хотелось, чтобы каждый из вас эту тему тезисно определил. Сколько полюсов нужно миру, ваше личное отношение к многополярности, о которой так много сейчас принято говорить?*

Дугин: Я глубоко убежден, что *справедливым миром был бы многополярный мир*. Смысл многополярности — это не однополярность, это альтернатива тому однополярному миру, который выстраивается на сегодняшний день, а формат этой многополярности, на мой взгляд, вполне может обсуждаться. Как минимум я вижу три дополнительных к ныне доминирующему американскому полюсу — это европейский, евразийский и тихоокеанский. Вот такая четырехполярная, если угодно, многополярность мне представляется оптимальной.

Ведущий: *А что вы подразумеваете под определением «справедливый»?*

Дугин: На мой взгляд, такое многополярное устройство мира предполагает возможность различных цивилизационных вариантов будущего, в то время как однополярная глобализация предполагает единую универсальную модель будущего для всех остальных народов, государств и наций.

Лукьянов: В силу своей работы — я редактирую политический журнал, в который пишут политологи — у меня за послед-

нее время сложилось стойкое неприятие терминов «многополярность» и «однополярность», потому что, на мой взгляд, от этого немножко уже тошнит. Все бросились рассуждать на эти темы, эта дискуссия интересная временами, но совершенно умозрительная и довольно бесплодная. А что касается того, какие полюса сейчас в мире существуют на самом деле, то это лишь два полюса. Первый — полюс успеха экономического, политического и в каком-то смысле цивилизационного, и второй — полюс провала, то есть это страны, о которых сейчас так много говорят, страны-неудачники, несостоявшиеся государства, которые просто катятся к чертовой матери. И выбор между этими двумя полюсами, если он, не дай Бог, перед нами встанет, по-моему, совершенно очевиден.

Ведущий: *А как вы тогда классифицируете тот же самый Китай? Его в таком случае можно будет отнести к разным полюсам: нельзя же называть эту страну экономически несостоятельной и говорить, что это полюс неуспеха, но в то же время вряд ли Китай можно отнести к тому же полюсу, на котором сидят США с их глобальной политикой. У вас пока получается противоречие.*

Лукьянов: Безусловно, если брать эти два полюса, то это не значит, что все страны между ними можно будет четко и однозначно распределить. Главное — направление движения. Китай однозначно движется в направлении успеха, потому что, несмотря на все проблемы, там идут разного рода реформы, динамическое развитие и тому подобное.

Коновалов: Я бы согласился с господином Лукьяновым относительно того, что многополярность и однополярность уже немножко приелись как термины. Но тем не менее дискуссия не схоластическая. Я глубочайшим образом убежден, что, во первых, мир не однополярен и не может быть таковым, а во вторых, мир вокруг нас не многополярен и не будет многополярным настолько, насколько нам бы это было нужно — необходимо считаться с реальностью. Это крайне опасная концепция, и прежде всего для России. Потому что многополярная система с динамически меняющимися полюсами нестабилизируема. За всю историю человечества его многополярные периоды обязательно за-

канчивались мировыми войнами. А в нынешних условиях мировая война — неприемлемый способ разрешения ситуации. На самом деле, к счастью, мы являемся свидетелями формирования новой биполярности, где на одном полюсе начинают группироваться государства, которые признают международное право, признают некоторые цивилизационные нормы и ценности в поведении внутри страны и в отношениях с другими государствами. И на другом полюсе формируются как страны, так и, что еще очень важно, негосударственные действующие лица, которые сейчас играют все более возрастающую роль в мировой политике. Назовем это «полюсом мирового зла». Хотя я понимаю всю условность этого наименования. И перед Россией стоит выбор: с кем мы — с Западной Европой против США или с Китаем против западного мира. Все это достаточно глупые вещи, это борьба между государствами внутри одного полюса, когда мы ослабляем себя перед лицом очень серьезной мировой опасности. И нам надо понять, что истории было угодно улыбнуться и посадить в одну лодку бывших соперников по холодной войне и предложить альтернативу — либо вы будете продолжать друг друга веслами по голове лупить и топить по одиночке, либо научитесь грести вместе в одну сторону.

Дугин: На самом деле позиция моих коллег соответствует позиции богатого Севера, того единственного полюса, который хочет представить себя безальтернативным, хочет отождествить свой экономический, исторический успех с некоей не только экономико-технологической победой, но и с цивилизационной ценностной победой, и диктует это всем в качестве универсального рецепта. Эта позиция, которую мои коллеги излагают, вполне понятна, известна, доминирует на Западе и навязывается всему миру. Но здесь был поднят вопрос о поиске исторического пути. Россия на всем протяжении своей истории позиционировала себя как некую иную версию, нежели Западная Европа, а сегодня и США. Наша национальная идея, наше, в конечном итоге, мессианство шло к иному историческому идеалу, заимствуя технологические вещи или какие-то другие, но в постоянном диалектическом обмене: Запад–Восток. И эта диалектика глу-

бинная. Россия всегда была Евразией, то есть связующей между западным и восточным элементом. Я абсолютно не согласен с тем, что на втором полюсе только какие-то провальные страны. Это другие ценностные системы, это традиционные общества, которые остались на современной карте. И элементы этого традиционного общества сохраняются не только в России, но они сохраняются и в Китае, и в Японии, и в Азии, в арабском мире и даже в самой Европе. Поэтому однополярность — это, наоборот, универсализация и нивелировка всех тех различий, которые существуют в мире и ведут, в итоге, к уничтожению народов. Однополярность несет в себе геноцид культур, и против этого ценностного вызова мы должны именно в многополярном, в двуполярном мире противостоять.

Коновалов: Мне кажется, что здесь происходит подмена понятий, когда уважаемый господин Дугин говорит о том, что происходит убийство культур, цивилизаций при смещении к однополярности... Здесь была упомянута Япония как общество очень традиционное и своеобразное, но ничем же не убитое, хотя оно явно сегодня принадлежит к тому полюсу успеха, о котором говорит господин Лукьянов. Не надо забывать о том, что никто не предлагает нам отказаться ни от своей культурной идентичности, ни от своих двух корней — Европы и Азии, — на которых будет базироваться самостоятельная цивилизация. Никто не подразумевает однополярный мир как мир, где все должно быть по-американски. Это было бы просто глупо и примитивно. Но нам надо не забывать, что это не полюса на самом деле, это центры роста, центры развития. Это совсем другое дело, можно говорить о мирной полицентричности, но ни в коем случае не о многополярности. Потому что полюса противостоят друг другу и борются друг с другом. До сих пор в истории все полярные системы разрешались мировыми войнами. Если посмотреть, где именно сегодня формируется то, что мы считаем полюсами, то окажется, что это происходит либо по границам России, либо в непосредственной близости к ним. А всякий полюс имеет свое поле политической гравитации — поле притяжения. Россия с неустоявшимися государственностью и идентичностью, с поисками самой себя... Если

эти полюса развиваются быстрее и динамичнее, чем Россия, или по крайней мере политически эти процессы более пассионарны — как в случае с исламским югом — и если их силовое поле накладывается на Россию, то в строгом соответствии с законами Ньютона и политической логикой Россию обязательно «порвет» между этими полюсами, и она не сможет удержаться как единое государство. Есть угроза глобальной экспансии некоей радикальной идеологии. Это общая угроза.

Ведущий: *Не кажется ли вам, что через 10–12 лет будет два полюса, США и Китай. Причем Китай поглотит Россию к Востоку, от Урала до Аляски?*

Лукьянов: Это распространенная точка зрения, темпы развития Китая заставляют задуматься именно об этом. Мне кажется, что 10–12 лет срок слишком оптимистичный… Мне кажется, что говорить о том, что Китай поглотит Россию, преждевременно. В многотысячелетней китайской истории примеров могущественной внешней экспансии, по-моему, не было. Существует некоторое преувеличение масштабов этой китайской угрозы, во-первых, и во-вторых, в таком случае Китай начал захват не с России, потому что, как известно, и в США, и в Канаде большие, постоянное растущие китайские диаспоры, и пока это не вызывает там серьезных проблем.

Дугин: В Австралии та же самая проблема всерьез вызывает большие опасения. Я встречался со многими австралийскими дипломатами и политическими деятелями. Хуацяо — китайские переселенцы — фактически уже составляют колоссальный процент населения Австралии. Экспансия на Юг китайского переизбыточного демографического импульса создает серьезные демографические проблемы во всем Тихоокеанском регионе. Вы правы в том, что у Китая нет исторического опыта экспансии на Север, это новое явление, но цивилизации развиваются. Мы знаем, что была такая популярная концепция в конце XIX века — «желтой угрозы», которая основывалась на допущении, что китайцы перейдут некоторое геополитическое табу, табу сакральной географии, поскольку сейчас нет щита евразийских варваров, тюркских и монгольских, которые защищали раньше. А Монголия —

это щит наших территорий от китайцев. Так вот, реальная угроза возникнет тогда, когда это табу будет преодолено, в благоприятных для этого условиях разложения нашего самосознания, в отсутствии национальной идеи, с мировоззренческой ориентацией на декадентскую западную культуру постмодерна. Кстати, уже сейчас в Иркутске половина надписей — на китайском. Эти же процессы происходят в Хабаровске, во Владивостоке — китайское население растет с катастрофической пропорцией. И как только будут нарушены эти табу, то наши малозаселенные земли не смогут этому ничего противопоставить. Действительно, Россия в опасности, причем не потому, что Китай плохой: Китай развивается по своей собственной логике, у него идет демографический и экономический рост, и, естественно, он будет стремиться к определенному расширению, к экспансии. И не потому, что они желают нам зла и хотят нас завоевать...

Коновалов: Мне кажется, что вопрос о том, не будет ли в мире два полюса — Китай и США, — все-таки не совсем верен. Китай сейчас, особенно в политическом смысле, развивается не как альтернатива США и не как страна, желающая в будущем бросить американцам серьезный вызов, особенно в области безопасности. Обратите внимание, Китай сегодня играет очень важную роль в попытках политического решения северокорейской ядерной проблемы. Он явно играет проамериканскую, пророссийскую, проюжнокорейскую и прояпонскую роль, а также и прокитайскую, т.к. у всех этих стран совпадают интересы безопасности. Ну, а насчёт демографической политики я соглашусь. Просто такие пространства не могут бесконечно пустовать. Но, к счастью для России, 70% нашей территории находится в зоне вечной мерзлоты со всеми богатствами, которые там таятся, и особой приманкой для экспансии не являются. Китайская экспансия ведь идет очень давно. Экономика Филиппин, Сингапура, Индонезии... Сколько в Индонезии было попыток вырезать китайцев? И все равно практически вся экономика в этих странах в китайских руках. И диаспора остается диаспорой. На Севере у китайцев не то что нет исторической тенденции, просто в Беркли климат лучше и условия более подходящие, зачем же осуществлять экспансию на Север?

В е д у щ и й: *Давайте теперь перейдем на другой полюс — США. Ваше мнение по поводу отношений России и США?*

К о н о в а л о в: Если взглянуть на нашу концепцию национальной безопасности 2000 года, то там есть указания на некоторые угрозы, которые в случае реализации могут страшно повлиять на нашу безопасность. Имелось в виду приближение к нашим границам военно-политических союзов, а также организация иностранных баз вблизи наших границ. Сегодня все это реализовалось, а безопасность России сейчас выше, чем несколько лет назад, и авторитет больше. Я уверен в том, что Россия ведет не прозападную и уже совсем не проамериканскую политику. И то, что США были поддержаны Россией в Афганистане, это было сделано, исходя сугубо из интересов российской безопасности. Причем впервые в нашей новейшей истории это было оплачено не кровью российских солдат, а деньгами американских налогоплательщиков. Если бы лагеря «Аль-Каиды» в Афганистане не были разгромлены, то мы бы столкнулись с проблемой в Ферганской долине. Это не наша территория, но, в определенном смысле, ближе и сложнее для решения. Я отнюдь не считаю, что Америка — это идеал для подражания. В политике она делает очень много ошибок. Ирак — это явная ошибка, не имеющая ничего общего с борьбой с международным терроризмом. И я убежден втом, что мы с США обречены на тесное сотрудничество, т. к. с точки зрения интересов национальной безопасности США, сегодня Россия — самая важная страна для обеспечения их же национальной безопасности. И если по уму, то американцам сейчас нужно рыночную экономику и демократию строить не в Ираке, а в России, бросив сюда все силы.

Д у г и н: Я категорически с такой позицией не согласен. США проводят концепцию воплощения в жизнь единой мировой империи, об этом написали прекрасно Антонио Негри и Майкл Хардт в очень популярной во всем мире книге «Империя», об этом же писали в начале века Брукс Адамс и другие американские стратеги. Идея американского мира — The Project for the New American Century, проект NAC, — который верхушка американской администрации рассматривает, как американский мир, американский век, означает стратегическую, экономическую, геополитическую, административную доминацию США над всей планетой. Конечно,

можно пойти на поводу сильного, можно встать на сторону победителя и предложить ему выполнять функцию полицая среди слабых побежденных. Но я считаю, что это цивилизационно уничтожает Россию. Иван Дыховичный показывал мне впечатляющую нацистко-пропагандистскую хронику: «Русский человек, иди, сдавайся Гитлеру, ты будешь обут, сыт, у тебя будет хорошая фабрика, ты не будешь грязным, ты будешь чистым». И на каких-то отщепенцев это, наверное, действовало...

Мне кажется, что ныне мы имеем дело с оккупацией, с колонизацией России и всего мира одной цивилизационной моделью. Можно встать на сторону сильного, есть какие-то преимущества, наверное, быть и под нацистами, но одновременно мы кастрируем наш национальный дух. Мы отказываемся от нашей национальной идеи и своего собственного национального пути, мы теряем нашу цивилизационную самобытность, точно так же, как теряют другие народы и культуры. Поэтому я полагаю, что американскому веку надо противопоставить не русский век, у нас для этого нет ресурсов, а предложить многополярный справедливый мир — не американский — где Америка будет лишь частью этого мира со своей культурой и своими ценностями. И в этом отношении нашими союзниками, союзниками России и Евразии являются все остальные народы и цивилизации.

Лукьянов: Мне кажется, что сравнение американской оккупации, по словам Александра Дугина, с нацистской совершенно неправомерно. Тут обсуждался Китай, по-моему, в данном случае замечательный образец для России, потому что Китай занимает свою очень четкую позицию, при этом успешно взаимодействует с США там, где ему это выгодно. При этом Китай занимается реформами и развитием. А вот когда он разовьется, отношения с Америкой, наверное, будут строиться иначе. На данный же момент, как мне кажется, империя ты или не империя, но хорошие отношения с США — это рамочные условия для любой страны и ее нормального развития.

Дугин: Относительно угрозы национальной безопасности — простому человеку довольно сложно воспринять, и, как правило, обыватель геополитически безответственен, поэтому национальная безопасность — это дело экспертов и професси-

оналов. Я глубоко убежден, что настоящая опасность исходит из глобалистских претензий США. Китай для нас может быть в короткой перспективе не менее опасен, но это угрозы разного уровня: обе существуют и действуют сейчас. До того, как что-то взрывается, сначала подвозят мины и готовят этот взрыв. Мы видим, что в отношении нас существуют негативные планы, грозящие нашей национальной безопасности, они претворяются в жизнь с обеих сторон: со стороны Америки более последовательно и более фундаментально, со стороны Китая это, скажем, естественный процесс. Тем не менее мы должны быть готовы к отражению обеих угроз сейчас.

Коновалов: Политологи тоже не откуда-то с Марса к нам поставляются. Они из того самого народа, из которого и обыватель, возникают, и начинают анализировать. Поэтому я бы не абсолютизировал мнение политологов, особенно в том случае, когда оно направлено на то, чтобы подогнать реальность под схему, которая уже загнана между лобной костью и серым веществом. Вот Америка — это страшная опасность. Ну какая Америка опасность? Америка — всемирный контролер и жандарм, который отстраивает мир под себя. Америка что-то сделала в Афганистане. Что они там контролируют сегодня — они контролируют пол-Кабула днем... Урожай мака вырос колоссальный, поставки наркотиков выросли колоссально. Что американцы контролируют в Ираке? Они ведут себя там крайне нервно и очень настороженно, потому что понимают, что опасность может придти отовсюду. Я бы не формулировал так, противопоставляя Америку Китаю. От Америки никакой опасности в обозримом будущем для России нет и быть не может. От Китая на какую-то разумную видимую перспективу нет угрозы военной экспансии, но есть проблема чисто демографическая. Есть пустое пространство, есть котел, разделенный мембраной. С одной стороны накачивается давление, с другой стороны откачивается вакуум. Это не опасность, но фактор, с которым надо считаться. А вообще мы принадлежим к одному полюсу, Китай мигрирует туда же к полюсу успеха и разумности.

Дугин: *Я полагаю, что по мере распространения геополитических знаний в школе, в высшей школе, сейчас, слава Богу, этот процесс идет, количество людей, которые осознают угро-*

зу, исходящую от Америки, будет увеличиваться. Но, в принципе, факт тот, что уже очень многие понимают хорошо как опасность Китая, так и, не важно на каком уровне, опасность Америки.

Приложение 3

Геополитические реалии эпохи глобализма

Интервью А. Дугина «Русскому журналу». 20.04.2004

«Русский журнал»: *В современных условиях актуальность государственных границ все больше размывается, при этом растет число зон, неподконтрольных реальному влиянию, Чечня, например. В то же время существуют реальные зоны влияния вне российских границ, например, Беларусь. Какие еще, по Вашему, неподконтрольные территории внутри границ и реальные зоны влияния вне границ существуют в России?*

А. Дугин: Геополитика — это дисциплина о подвижных и живых границах, так как в основе геополитического метода с самого его возникновения лежит идея о «государствах как формах жизни» (Рудольф Челлен — «Staat als Lebensform»). «Государство как форма жизни», как живое, «дышащее», динамическое, постоянно меняющееся существо, качественно отличается от статического, чисто административного образования, которым обыкновенно представляется государство. Геополитика считает все реальные границы живыми, динамично меняющимися полосами, сквозь которые проходит геополитическое излучение. То, что границы размыты, — это не хорошо и не плохо, создание полностью непроницаемых границ — это неосуществимая мечта тех, кто хочет приравнять жизнь к схеме, к мертвой абстракции. Граница — это эпидермический плащ, кожа Государства, она должна быть пористой.

Сегодня под вопросом не только границы и их качество, но сам организм России. У нас нет четкого консенсуса относительно того, что такое Россия. А раз этого нет, то не может быть и четких определений пределов, границ. Вопросы контроля, мас-

штаба и качества влияний как вне, так и внутри границ — все это связано с характером государственности, с формулой национальной идеи, с терминами самосознания народа.

Все это сегодня размыто, российский организм в лихорадке… Возможно, он намного шире своей нынешней «кожи», как думаем мы, евразийцы, но, может быть, ему суждено сужаться — так считают атлантисты — Волфовиц, Рамсфильд, Бжезинский и наши внутренние либералы, агенты влияния… Поэтому однозначного ответа нет.

Если сегодняшняя Россия является «недобитым остатком зверской империи», как пытались представить дело самые крайние либералы-западники, то сокращение зоны ее влияния вовне, ослабление контроля над внутренними пространствами — не только Чечней, но и другими квази-государственными образованиями типа Татарстана, Башкирии или Чувашии — процесс позитивный, а следовательно, надо критиковать «имперские амбиции», поминать «рецидивы великодержавного шовинизма» и т. д. Кстати, именно в таких терминах западная, особенно американская, аналитика до сих пор формулирует проблему «российского влияния». И сколько бы ни апеллировали сегодняшние либералы к «патриотическим» мотивам, в определенной критической точке они будут поставлены перед выбором — либо «западничество» и откровенный «геополитический деструктивизм», либо переосмысление статуса, роли и качества государства в позитивном ключе, что, в свою очередь, будет равнозначно переходу на евразийские позиции со всеми вытекающими последствиями.

С точки зрения евразийства оценки общей ситуации геополитического контроля обратные. России предопределено сохранять и расширять зоны своего влияния, и вопрос лишь в том, что необходимо четко сформулировать новую мировоззренческую базу, на основании которой можно это реализовывать. И здесь ясно, что одной апелляции к российской государственности недостаточно. Эта государственность — особенно в ее современном виде — вполне может быть совершенно безразлична и даже, вполне вероятно, неприятна и чеченцу, и татарину, и казаху, и украинцу, и даже белорусу. Материальных козырей для укрепления своих позиций у нынешней России явно недостаточно, и поэтому

зоны, которые она контролирует, — и внутренние, и внешние — это крайне нестабильные пространства. Сегодняшние зоны российского контроля, как внешние (ЕврАзЭС и некоторые страны СНГ), так и внутренние (национальные республики, Кавказ, ряд краев и областей, населенных преимущественно русским населением) — это либо нечто инерциальное и подлежащее ослаблению и декомпозиции, как в проекте Бжезинского, либо, напротив, — территории «геополитического кредита», пространства «под паром», ожидающие новой мессианской идеи, новой цели для объединения, новой «manifest destiny» — с опорой на дух, волю, структуры и технологию. В ближайшие годы неопределенность России относительно своей идентичности должна быть решена, и, в зависимости от исхода этой уникальной драматической ситуации, геополитический контроль будет либо рушиться по цепной реакции (причем и во внутренних, и во внешних поясах), либо, обретя надежную духовную, идейную и ценностную цивилизационную ось, укрепляться и расширяться, но на новых евразийских основаниях. В обоих случаях геополитическое качество и геополитическая суть этого контроля будут различными: в первом случае это будет энтропийная инерциальность остывающих энергий «имперского прошлого», во втором — сущностно новый процесс «евразийской интеграции».

Еще раз хочу подчеркнуть, что нынешний геополитический статус России есть нечто хрупкое, преходящее, эфемерное. Всерьез его изучать, осмыслять нельзя, а говорить о зонах контроля бессмысленно. Это все равно, что углубляться в анализ состояния агонизирующего организма: если он умрет, то это будет иная реальность, реальность трупа, если выздоровеет, то мы будем иметь дело с иным существом. Пока же речь идет о неустойчивом процессе, всерьез рассуждать о нем, как о чем-то долговременном и стабильном, глупо. Мы видим, что за последние годы геополитическая агония несколько стабилизировалась, есть основания надеяться на евразийское выздоровление — и в таком случае можно будет всерьез говорить о контроле — но пока это слабые и неуверенные поползновения, теоретизировать относительно этого малого колебания могут только «графоманы от аналитики».

У нынешней России есть ряд слабых геополитических зон

внутри границ — Кавказ, Татарстан, Якутия, Дальний Восток, Сибирь, Краснодарский край и ряд сильных позиций вне границ — Беларусь, Армения, Казахстан, Таджикистан, Киргизия. Для усиления слабых и сохранения сильных позиций необходимо качественное изменение геополитической самоидентификации России в самом ее ядре — в волевом и интеллектуальном центре власти. Как всегда в моменты исторической «чрезвычайной ситуации» (Ernstfall), все решения должны приниматься волюнтарно — никакой гарантийной юридической, политической, ресурсной базы для них нет. Будет воля к евразийству — найдутся юридические нормативы, политическое оформление, подтянутся и ресурсы. Не будет воли к евразийству, все постепенно, пусть синусоидально, но рассосется. В нашей ситуации тот, кто не нападает, подвергается нападению. Это — закон органической жизни. Если у нашего организма нет сил к росту, не стоит заблуждаться относительно других соседних или с другого берега организмов — у кого-то всегда есть силы к росту. И естественно, за счет того, у кого этих сил нет.

Еще раз: геополитика — это наука о жизни, витальности, об органических энергиях государств и народов. Контроль — это не что иное как замер жизненных сил нации. Евразийство ставит на максимум жизненной энергии. Может быть, именно такой подход необходим, чтобы сохранить имеющееся. Противоположная позиция, даже консервативная, в рамках РФ, неизбежно приведет (увы, уже приводит) к утрате наших позиций вовне, что при первом удобном случае не замедлит проявиться и внутри. *Тот, кто не с Евразией, тот против России*.

«РЖ»: *Что на самом деле происходит сейчас в Средней Азии? Понимают ли американцы, с чем они столкнулись, имея дело со среднеазиатскими республиками? Возможно ли поднятие экономики среднеазиатских государств и создание экономических «среднеазиатских тигров», или же эти регионы цивилизационно обречены на постоянное отставание? Были ли позиции советской власти достаточно сильны в Средней Азии, чтобы сегодня говорить об этом регионе в контексте наших исконных геополитических интересов?*

А. Дугин: Отвечу по порядку. В Средней Азии происходит

расширение стратегического пояса (сужение кольца «анаконды») атлантизма за счет пояса стратегического влияния евразийства. Совершенно ясно: у нас отнимают то, что мы не хотим сохранять и охранять.

В Средней Азии у России в последние годы был определенный геополитический резерв — республики ждали, как определит себя Россия на этот раз. Выдвинет ли интеграционный (реинтеграционный) проект? Если выдвинет, то на какой идейной, экономической, геополитической основе? И какими методами будет его осуществлять? Иными словами, это пространство было пространством «ожидания евразийства». Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев об этом прямо заявлял, предлагая идею «Евразийского союза» как своего рода тест.

Москва на это не отвечала никак. Казалось, с приходом Путина в Кремль ситуация качнулась в евразийском направлении: был учрежден ЕврАзЭС, кое-что сдвинулось. Постепенно кое-что стали наверстывать. Но в какой-то момент, причем, на мой взгляд, на полгода раньше терактов 11 сентября, что-то произошло в геополитическом «самочувствии» правителей. Процесс затормозился. А когда США ответили на теракты 11 сентября новой волной геополитической экспансии в Среднюю Азию под предлогом «борьбы с террором», инфраструктуру которого в Афганистане они же и создали несколько ранее, то геополитическая воля России вообще оказалась парализованной. Это не означает «конца евразийства», это означает, что нам мощно и вежливо откусили жизненно важные органы. Под предлогом, что и у них что-то отвалилось...

Американцы прекрасно понимают, что в Средней Азии они столкнулись с обычным азиатским «традиционным обществом», с которым атлантистская геополитика привыкла иметь дело несколько столетий. Война за Азию между Великобританией и Россией идет не первый век, и все партии в ней довольно ясно расписаны. Русские делают азиатские просторы провинцией и начинают их медлительно и тяжело осваивать и подтягивать как свою органическую часть. Англосаксы скупают элиту, ставят форпосты и предоставляют низам жить, как им заблагорассудится, экспортируя все ценное и наводняя рынки блестящими бусами и цвет-

ными фантиками. Наличие даже одной компактной американской военной базы в среднеазиатских республиках — это введение в организм особой бациллы атлантизма. Скорее всего, в ближайшее время из ниоткуда там появится «исламский радикализм», и заокеанские гости заметят, что местные правители не очень ретиво соблюдают «права человека», и будет разыгрываться классический сценарий колонизации и кока-колонизации.

Тихоокеанский регион — совершенно особый, его геополитическое местонахождение в чем-то аналогично Европе. Там нет «евразийского влияния», нет противодействующей атлантизму силы. Поэтому реальная его экономическая модернизация, хотя и весьма двусмысленная, была геополитически безопасна. Средняя Азия — совсем иное дело. Эта зона для контролируемой США поставки природных ресурсов в обход России и пространство для размещения военных объектов, потенциально направленных против той же России. Не более того. В определенных случаях в них возможен сценарий, сходный с афганским. Скупить элиту и залепить пустыню огромными рекламными щитами — как доказательство процветания — нетрудно.

Позиции Советской власти в Средней Азии геополитически были очень сильны, и на их закрепление предыдущие поколения русских людей потратили немало сил и жизней. Советская разновидность евразийства надежно вовлекла среднеазиатских руководителей в общегосударственный административный слой, наладило — с большим трудом — промышленную и социальную инфраструктуру, накормила и напоила людей. Я далек от идеализации, но сделано было немало. В духе советской идеологии слабо учитваося этно-религиозный фактор, считавшийся «преодоленным». Это было заблуждение, на котором умело сыграли перестроечные сепаратисты. Но не в этом суть. Советское мировоззрение и в русских не так уж сильно укоренилось, а сегодня стало очевидно, что под ним лишь скрывалось национальное чувство, стремление к трудной модернизации и геополитическая воля. Евразийство предлагает назвать вещи своими именами и исправить советские ошибки. А для евразийства в Средней Азии и сейчас ситуация крайне благоприятная. Однако если Россия будет только Россией, «северным соседом», то для реинтег-

рационных тенденций не будет главного аргумента — философского и мировоззренческого. Выбор между Россией и США у местных элит будет происходить по «шкурным» критериям — кто больше даст. А в таком споре у России в ближайшее время победить шансов нет. Поэтому вопрос о Средней Азии — это вопрос духовный.

«РЖ»: *Что сейчас происходит в Грузии с геополитической точки зрения? Нужна ли Грузия России «сама по себе» или нам просто требуется, чтобы там не было «третьего лишнего» (читай Америки, НАТО и т. д.)?*

А. Дугин: Ситуация с Грузией есть продолжение той же геополитической стратегии атлантизма, о которой я говорил, отвечая на предыдущий вопрос... Вот «анаконда» добралась и до Кавказа, что логично, если мы внимательно взглянем на карту. Грузия жизненно важна для евразийской России. Это братская православная держава, стратегический полюс Кавказа, ценнейшая духовная и политическая реальность, незаменимый элемент евразийской мозаики. Грузия сама — «малая Евразия», там много народов и народностей, это сложная многомерная уникальная структура, голограмма Кавказа, голограмма континента. Государством-нацией Грузия никогда не станет и не может стать — это империя в миниатюре, и она сохранится как таковая только в составе Евразии. В противном случае ее разорвут внутренние и внешние напряжения.

Ослабление евразийского подхода в отношении Грузии, геноцидальная линия горбачевского преступного плана, противопоставлявшего бывшим союзным республикам внутренний сепаратизм (Абхазия, Осетия) и ее вялое развитие в постгорбачевскую эпоху — это, пожалуй, худший сценарий развития ситуации, который, увы, утвердился еще с конца 80-х. В геополитике есть свой закон сообщающихся сосудов — количество евразийства убывает, количество атлантизма прибывает. Там, где мы неэффективны, там эффективны они. Появление американских военных в Грузии закономерно, и винить в этом одних грузин неправильно. Что сделала Россия для того, чтобы предотвратить это? Атлантистов в грузинской элите полно, и этот атлантизм проявляется в русофобии. Это естественно. Но так уж ли мало атлан-

тистов в российской элите? И они, конечно, не могут быть жизненно заинтересованы в сближении Москвы с Тбилиси — а аргументация подбиралась согласно конъюнктуре момента: то «экономически невыгодно», то «Шеварднадзе непослушен» (позже «Саакашвили агрессивнее»), то «обязательства перед Абхазией не позволяют»... Атлантизм маскируется под различные политические проекты, в зависимости от обстоятельств подыскивает самые различные «доводы».

Та форма, в которой Москва реагировала на заявление Грузии о привлечении американских военных в Панкисское ущелье, на «революцию роз» Саакашвили, на нагнетание ситуации в Южной Осетии и Абхазии, свидетельствует о двух вещах: нельзя более игнорировать российско-американский геополитический дуализм, надо как-то отвечать. А во вторых, геополитикой в России власть пока всерьез не занимается. Второе наблюдение очень тревожно.

«РЖ»: *Является ли Турция для России серьезным геополитическим игроком? На что она может реально претендовать в России: например, попытаться разными способами отнять Крым в условиях нарастающего политического кризиса на Украине? Какие еще существуют реальные зоны влияния Турции в России?*

А. Дугин: Турция — серьезный геополитический игрок. У Турции с Россией с османских времен давние счеты, Кавказ и Крым были полосой двусторонних влияний, где пролито немало крови. Россия рвалась к «теплым морям», Турция ей не давала это осуществить. Хотя Англия имела свои счеты и с Турцией, геополитически Турция объективно играла на руку атлантизму, сдерживая евразийские импульсы. Русский юг, Новороссия — это грандиозный исторический результат сложной многовековой драмы русско-турецких отношений.

Сегодня Турция все еще остается, в определенной мере, стратегическим элементом атлантизма, следовательно, особенности локальной геополитики усиливаются планетарным измерением.

Одно время Турция примеривала на себя роль спонсора «туранского проекта», это очень опасная версия антироссийского псевдоевразийства. «Пантуранизм» настаивает на расовом объ-

единении тюркских народов от Анатолии до Якутии. Это объединение является гипотетическим, но «антиславизм» и «русофобия» его вполне конкретны и способны принести реальный ущерб. «Пантуранизм» теоретически претендует на Крым, на Кавказ (Азербайджан и тюркские этносы российского Северного Кавказа — кумыков, карачаевцев, балкарцев, ногайцев), на Среднюю Азию, на татар, башкир, чувашей, якутов и других тюрков России. Все это потенциальная зона геополитических возмущений. «Пантуранизм» крайне опасен, и особенно в ситуации геополитической неопределенности России, когда Москва в некоторых ситуациях выступает в отношении тюркских этносов как своего рода «ретранслятор Запада», а не как полюс евразийской самобытности. В таком случае эти народы вполне логично могут сделать выбор в пользу того, чтобы этим «ретранслятором» выступала расово близкая Турция, которая интегрирована в Запад не только культурно, но и стратегически. Следовательно, пантуранизм представляет огромную опасность для СНГ и России, будучи носителем деструктивного геополитического импульса.

Закономерное геополитическое недоверие России к Турции должно дублироваться позитивным сценарием для нее. У Турции есть и свои трения с Западом, есть своя разновидность «восточничества», есть вполне адекватный исламский традиционализм с ярко выраженной суфийской ориентацией. В определенных аспектах Турция может быть нейтральным или даже дружественным России геополитическим элементом. Для того чтобы Россия смогла, используя евразийскую операционную систему, сделать «туранизм» союзническим фактором в рамках полноценного евразийского проекта, геополитическое самосознание власти должно быть намного более ясным и фундаментальным, в противном случае столь сложные концептуальные операции обречены на провал и могут только ухудшить ситуацию.

Вместе с тем турецкая верхушка все более осознает кризисность и тупиковость атлантистского сценария для Ближнего Востока (в частности, американского проекта «Великий Ближний Восток», где Турции отводится незавидная роль антиисламского жандарма на службе Вашингтона. Пантуранизм постепенно отхо-

дит на задний план, все больший вес набирают евразийские тенденции. В последние годы в Турции произошел настоящий евразийский бум. В поддержку евразийства высказываются не только интеллектуалы, левые круги, националисты и некоторые исламские движения, но и авторитетные представители военного руководства, влиятельные генералы, а в Турции это почти решающий фактор. Это в корне меняет все дело. Если Турция порвет с давней традицией геополитической русофобии и обратится к пророссийской политике, например, в духе Кемаля Ататюрка, она сможет стать важнейшим позитивным партнером России как на Кавказе, так и на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. К этому Анкару подталкивает и курдская проблема, и ситуация на Северном Кипре.

«РЖ»: *Если говорить об украинских интересах России, всегда ли нам нужно при этом договариваться только с украинцами? Не лучше ли по Украине договариваться с теми, кто имеет там реальное влияние, например, с Германией?*

А. Дугин: В целом это верно. Только вместо классической для традиционной геополитики «Германии» сегодня надо говорить о «Европе» в целом. Украина как она есть сегодня — это нестабильная геополитическая конструкция. Хотя бы потому, что главные реки текут там параллельно и не пересекаются. Так сторонники потамической — «речной» — теории цивилизации объяснили запаздывание в объединении Германии. Украина представляет собой как минимум четыре геополитические зоны с довольно различными векторами. Есть Восточная Украина, она евразийская органически. Есть Западная Украина, она, напротив, идентифицирует себя с Европой. Есть Крым — он также евразийский, но в ином формате, нежели Восточная Украина. И есть средняя зона — в обе стороны от русла Днепра, — которая представляет собой нестабильный баланс всех трех остальных зон. В отличие от России, где Запад и Восток геополитически однородны, на Украине противоположные полюса антагонистичны и конфликтны. Это — результат веков и механически этого не поправить.

Любой геополитический перекос Украины в ту или иную сторону автоматически ставит под угрозу ее целостность. Но и под-

держание уклончивого и неопределенного, невнятного «статус-кво» тоже не выход. Россия никогда не договорится с Украиной только как Россия. Любой перекос в сторону Москвы тут же вызовет катастрофическую реакцию на Западе — Волынь, Львов, Галиция. Если же Киев сделает рывок в сторону НАТО, может восстать восточная часть. Выход возможен только в том случае, если двусторонние отношения будут переведены на иной уровень операционного языка. Россия должна выступать не как Россия, а как Евразия, т. е. как цивилизационная матрица, а не как страна или государство-нация. С другой стороны, Россия должна четко оформить свою европейскую политику, с акцентом на общие интересы в области ресурсов, энергии, транспорта, коллективной обороны. В таком случае интеграционные процессы Украины с Россией будут гармоничны и естественны. Более того, евразийский вариант решения российско-украинского партнерства гармонизирует саму Украину, гарантируя ее целостность, превращая ее в зону евразийско-европейского геоэкономического и энергетического сотрудничества.

«РЖ»: *Насколько американцы следуют в своей геополитике советам Бжезинского? Или же он для их геополитики является слишком экстравагантной фигурой в качестве идеологического подспорья?*

А. Дугин: Бжезинский — только верхушка айсберга. Он — выразитель самых влиятельных геополитических кругов США и называет своими словами то, что другие вуалируют демагогическими фигурами речи. Бжезинский не просто крайне влиятелен, он высказывает суть американской (атлантистской) геополитики, как ее сформулировали основатели этой дисциплины — Мэхэн, Макиндер, Спикмен и др. Только полное невежество относительно геополитики как школы, метода, науки может служить оправданием скептического отношения к Бжезинскому и его идеям. Быть может, его типично польский «ressentiment» ответствен за то, что классические принципы атлантизма и имплицитной, традиционной для него, неотъемлемой ортодоксальной русофобии излагаются им с определенным злорадством. Вспомните анекдот времен «холодной войны»: Бжезинский спрашивает

у генерала Пентагона: «А сколько русских может погибнуть при взрыве этой бомбы?» «Вы имеете в виду, сколько людей может погибнуть?», — уточняет генерал. «Нет, я имею в виду, сколько русских...»

Столь же ортодоксальны, как и в случае с Бжезинским, позиции таких стратегов, как П. Вулфовиц, Р. Рамсфильд, Р. Чейни — основа стратегического планирования нынешней администрации Буша. Геополитические константы в США не зависят от того, кто находится у власти. Геополитика превыше партий. Кроме того, администрация и высшие иерархии обеих партий комплектуются и формируются в одной и той же структуре — в CFR (Council on Foreign Relations), где Бжезинский играет ключевую роль. Кстати, сын «демократа» Бжезинского является советником крайних республиканских ястребов. Все это вполне нормально и естественно. Сегодня всем рекомендую только одно — изучать геополитику.

Раздел III
ГЕОЭКОНОМИКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Глава I. Как геополитика соотносится с экономикой?

Преступная ошибка

Одной из трагических ошибок «перестройки» была неправильно сформулированная проблема выбора экономической модели. С одной стороны, это было следствием некомпетентности нашей экономической науки, не сумевшей ни защитить марксистский подход, ни объективно изложить весь спектр существующих экономических учений с тем, чтобы общество могло сознательно и обоснованно сделать свой исторический выбор. С другой стороны, нельзя упускать из виду слаженную и эффективную деятельность агентов влияния Запада, приложивших все усилия, чтобы увести общественное внимание от подлинной формулировки объективно стоявшей проблемы. Как бы то ни было, невежество в сочетании с откровенной идеологической диверсией способствовали тому, что страна была поставлена перед выбором: либо социалистическая, плановая экономика (марксизм), либо рыночная модель либерализма, либо Карл Маркс, либо Адам Смит. Третье исключалось. Этот принцип исключенного третьего оказался для России фатальным. И именно здесь следует искать корень нашей национальной и государственной катастрофы.

Для того чтобы яснее понять смысл подмены, необходимо в самых общих чертах описать существующие семейства экономических учений.

Либерализм

Одним из наиболее популярных и распространенных политэкономических учений является теория либерализма. Либерализм в экономической области означает безоговорочное доминирование принципа рынка надо всеми остальными социальными категориями, «полную свободу торговли» и знаменитый принцип «laisser faire». Следует заметить, что термин «либерализм» является двусмысленным. На уровне экономики он означает «рынок» и «свободу», на которую намекает слово «либерализм» (от латинского «libertas» — «свобода»), но прикладывается только и исключительно к свободе торговли, свободе рынка, свободе спекуляции.

Философским источником для политэкономической конструкции, ставящей во главу угла принцип «индивидуальной выгоды», «экономического эгоизма» и «невидимой руки», являются учения Т. Гоббса, Д. Локка, Д. С. Милля, Б. де Мандевилля и других теоретиков крайнего индивидуализма. Подобный философский индивидуализм, в свою очередь, развился на базе принципа «индивидуального спасения», заложенного в католической схоластике, но полное и законченное воплощение получившего в протестантской этике. Для такого религиозно-философского подхода характерно представление об индивидууме как о самостоятельной, автономной, суверенной, атомарной единице, предоставленной только самой себе и могущей поступать, как ей заблагорассудится. «Каждый человек отвечает только за самого себя». На этом основании строится как особая протестантская мораль, так и философское мировоззрение. Проекция протестантского подхода в сферу экономики порождает теорию рынка или либеральную модель. Исторически адаптацию философии индивидуализма к сфере политэкономии осуществил Адам Смит, отец-основатель научной теории капиталистического хозяйствования.

В целом же либеральная идеология получила максимальное развитие именно в протестантских странах, особенно в Англии.

Теория рынка, либерализм, несет на себе неизгладимый отпечаток той исторической, географической и религиозной среды, где он развился в законченную доктрину и приобрел черты научной теории.

От Адама Смита прямая линия идет к Австрийской (Венской) школе экономических учений (О. Бам-Баверк, К. Менгер, Л. фон Мизес), которая модернизировала и применила к современным условиям постулаты классического либерализма, некоторые формулировки которого со времен Адама Смита заметно устарели. Для Венской школы экономики характерно развитие основных установок либеральной теории, а именно:

— представления об эгоизме как основном регуляторе рынка;

— тезиса о механицизме моделей, основанном на сравнении общества с искусственно созданной машиной, состоящей из множества взаимозаменяемых элементов;

— концепции изоляции экономики от исторической реальности;

— антисоциологизма;

— антирегуляционизма и т. д.

Ярким деятелем направления, обобщившим опыт Венской школы, был Фридрих фон Хайек — ключевая фигура либеральной мысли в XX веке.

Параллельно Венской школе развивалось направление Лозаннской школы Л. Валраса и его знаменитого ученика Вильфредо Парето, развивших учение о «равновесии». Хотя Парето более известен как авангардный социолог с макиавеллистскими симпатиями, не следует забывать, что развиваемая им «теория равновесия» основана на радикально либеральных предпосылках.

И, наконец, последним этапом развития либеральной школы, которую можно рассматривать как наиболее ортодоксальную теорию капитализма, стала неолиберальная американская школа Сент-Луиса и Чикаго. Чикагскую школу возглавлял небезызвестный Мильтон Фридман. Его

учеником был Джеффри Сакс — человек, ответственный за проведение экономических реформ в России, либеральный инструктор Е. Гайдара и А. Чубайса.

Показательно, что вся либеральная линия от Д. Локка до наших «молодых реформаторов» основана на протестантской этике и англосаксонской модели хозяйства, отличной не только от азиатских или российских путей, но и от политэкономических традиций континентальной Европы.

Эту либеральную модель нашему обществу жестко навязали как альтернативу марксизму, причем дело было представлено таким образом, будто никакой иной возможности не существует вовсе.

Марксизм

Самой популярной политэкономической теорией, представляющей собой прямую антитезу либеральной доктрине, является марксизм. К. Маркс сознательно взял английских политэкономистов (А. Смит, Д. Рикардо) за отправную точку и создал учение, отрицающее основы либерализма как в философском, так и в хозяйственном, этическом, мировоззренческом и т. д. аспектах. Если у либералов в центре внимания стоял «автономный индивидуум», то Маркс центральной фигурой берет общество, коллектив, класс. Общество, по Марксу, не складывается из атомов, но само учреждает эти атомы, воспитывает и формирует их конкретное самосознание, предопределяет их социальную и жизненную траекторию, устанавливает нормы хозяйствования и законы экономической деятельности.

Марксизм противоположен либерализму во всем. Он:

— отрицает эгоизм как социальный регулятор;

— настаивает на необходимости жесткого регулирования сферы производства и распределения;

— рассматривает экономическую модель в контексте общей логики исторического развития (теория смены общественно-экономических формаций);

— отвергает этику «свободы торговли» и «эгоизма», противопоставляя им этику труда и справедливого распределения, этику коллектива;

— рассматривает Капитал и его законы как воплощение мирового зла, а экономическую эксплуатацию человека человеком считает высшей несправедливостью;

— отвергает теорию равновесия, утверждая конфликтность и принцип борьбы (в частности, классовой борьбы) движущей силой человеческой истории, и в том числе и экономической истории.

Некоторые современные французские социологи остроумно заметили, что за противоречием между либерализмом и марксизмом можно различить национальный момент. А. Смит и его учение представляют собой типичное творение англосаксонского духа, своеобразное резюме хозяйственной и философской истории Англии и протестантизма. Маркс же, несмотря на еврейское происхождение и претензии на универсальность своей мысли, высказывает комплекс идей, естественным образом вытекающих из немецкой традиции и отражающих, пусть в предельной, радикальной форме, специфику «германского» духа.

Впрочем, сами либералы и марксисты, как правило, претендуют на то, что их социально-экономические учения являются объективными рецептами, пригодными для всего человечества.

Обе экономические идеологии подчеркивают свой интернациональный характер, в перспективе ориентируются на отмирание государства и проникнуты универсалистским пафосом.

История марксисткой теории у нас известна лучше либеральной традиции, так что и повторять ее основные этапы нет смысла. Важно лишь подчеркнуть, что победа марксизма как идеологии именно в аграрной традиционалистской евроазиатской России, представляющей собой прямой антипод англосаксонскому миру как в религиозно-этическом, так и в хозяйственном смысле, вряд ли может быть простой исторической случайностью.

Третий путь в экономике

Помимо двух магистральных и противоположных друг другу экономических теорий существует еще одно громадное семейство, называемое совокупно «еретическим». «Еретичность» этого направления состоит лишь в отказе от тех общих постулатов, которые лежат в основе как либерализма, так и его последовательного и радикального отрицания, воплощенного в марксизме.

Можно назвать это семейство экономических школ «экономическими теориями третьего пути».

Тот факт, что на это направление с самого начала перестройки практически никто не обращал внимания, предпочитая говорить о выборе из двух противоположностей, на наш взгляд, является величайшим интеллектуальным преступлением. На самом деле это отнюдь не маргинальное направление в политэкономической науке. Достаточно указать на тот факт, что такие столпы современной экономической мысли, как Кейнс или Гэлбрейт, должны быть отнесены именно к «третьему типу», к «ереси». Заметим, что укор в «ереси» ничуть не умаляет эффективности предлагаемых рецептов и моделей. Речь идет лишь о конвенции, об условности, о некотором негласном договоре научного сообщества, считающего экономической ортодоксией лишь либерализм и марксизм.

Итак, в чем же заключаются основные предпосылки «третьей экономической теории»?

Ее основной особенностью является отказ от представления об экономике как о самостоятельной и самодостаточной сфере, в которой действуют особые законы, свойственные только этой сфере. Иными словами, все разновидности «третьего пути в экономике» отличаются тем, что отказывают экономике в том, чтобы быть полноценной и законченной идеологией и в главенстве над остальными науками. И либерализм, и марксизм являются не просто научными моделями, изучающими хозяйство и экономические законо-

мерности, но и мировоззрениями, со всеми вытекающими из этого последствиями. Более того, эти мировоззрения являются «экономическими мировоззрениями», претендующими на главенство и универсализм экономической парадигмы. Это и является залогом их «ортодоксальности».

«Еретики», напротив, считают экономику важным, существенным, но отнюдь не главным аспектом социально-политической реальности, одним из факторов наряду с другими. Следовательно, они утверждают зависимый, производный характер хозяйственной жизни по сравнению с другими реальностями. В отношении того, что же является главным в социально-исторической области, мнения у сторонников «экономики третьего пути» значительно расходятся. Некоторые говорят о культурном факторе, другие — о национальном, третьи — о государственном, четвертые — об этническом, пятые — о религиозном, шестые — о социологическом, седьмые — о географическом, восьмые — об историческом и т. д. Несмотря на разнообразие частных точек зрения на этот вопрос, важнее всего одно обстоятельство: существует целый ряд экономических теорий, отводящих экономике подчиненную роль, независимо от того, какой именно фактор берется в том или ином случае в качестве определяющего.

Теории «экономики третьего пути» восходят в этико-философском аспекте преимущественно к немецкой идеалистической философии, особенно к Фихте. С точки зрения сугубо хозяйственной, огромное влияние на них оказали теоретики немецкого камерализма (фон Юсти, Зоннерфеедс и т. д.) Эта линия ведет к выдающемуся экономисту, ключевой фигуре всего этого направления, Фридриху Листу. Параллельно Листу аналогичную парадигму развивал другой титан экономической мысли — Сисмонди. Лист и Сисмонди сформулировали основные положения «зависимой экономики», рассматривая ее как одно из измерений социально-географической реальности.

Полноценное развитие концепций Листа и Сисмонди осуществлялось в немецкой исторической школе (Виль-

гельм Рошер, Бруно Гильдербрандт, Карл Книс). Выдающимся теоретиком этого направления был Густав Шмоллер.

В том же направлении, параллельно экономисту Шмоллеру, формулировал социологическую теорию экономики знаменитый Макс Вебер (позже и его ученик Вернер Зомбарт).

Другой линией того же направления, хотя и основывающейся на иной философской и мировоззренческой реальности, является теория «экономической инсуляции» американца Кейнса. Для Кейнса культурно-исторический фактор не столь важен. Он оперирует довольно прагматическими категориями, но приходит к необходимости ограниченного регулирования экономики со стороны государства и ориентации последнего на промышленно-экономическую автаркию. Кейнс не рассуждает в терминах «культуры» или «нации», его интересуют исключительно соображения экономической эффективности, но, именно исходя из этих соображений, он в значительной степени сближается с позициями Листа и Сисмонди.

От Г. Шмоллера и немецких социологов «концепции экономики третьего пути» передается выдающимся теоретикам Йозефу Шумпетеру и его ученику Франсуа Перру.

Кейнс, в свою очередь, оказывает колоссальное влияние на институционалистскую экономическую школу, развивавшую принципы Торстейна Веблена. Институционализм настаивает на отказе от экономического универсализма и на необходимости привязывать изучение экономических моделей к конкретным социальным институтам, сложившимся в том или ином обществе. К институционалистам примыкают такие известные экономисты, как Митчел, Берль, Бернэм и сам Джон Кеннет Гэлбрейт.

Все эти школы в совокупности представляют собой целый спектр учений, расположенный между крайним либерализмом и ортодоксальным марксизмом. Но при этом важно подчеркнуть, что «третий путь» в экономике отнюдь не является простым компромиссом между либерализмом и марксиз-

мом, неким промежуточным, средним вариантом. Он основан на совершенно инаковых и самодостаточных мировоззренческих и научных предпосылках и поэтому может быть рассмотрен как нечто самостоятельное и законченное.

И все же применение принципов «экономики третьего пути» на практике равнозначно созданию такого типа хозяйствования, который будет иметь в себе элементы обоих ортодоксальных моделей (капитализма и социализма), только взятых в отрыве от их идеологических предпосылок, от их «экономизма».

Нетрудно сформулировать основные положения «экономики третьего пути»:

— экономическое устройство общества должно естественно вытекать из его исторической, культурной, этнической, географической, религиозной и государственной специфики, корениться в конкретике его традиционных институтов;

— между принципом экономической свободы отдельных субъектов (обеспечивающим хозяйственную динамику) и рычагами социального регулирования должен быть найден баланс, природа и объем которого устанавливаются не произвольно, но исходя из исторической и географической конкретики;

— экономическая модель должна быть рассмотрена как функция социологической модели;

— между принципом «борьбы» и принципом «равновесия» должно быть найдено промежуточное решение: например, равновесие на общесоциальном (государственном, национальном) уровне и динамичная конфликтность на уровне классов или отдельных социальных секторов;

— постоянный акцент, падающий не на микроэкономический уровень (как в либерализме) и не на макроэкономический уровень (как в госсоциализме), а на мезоэкономический срез, что подразумевает поощрение плюральных экономико-социальных институтов, выходящих за уровень частного сектора, но и не подлежащих прямому государственному регулированию;

— регионализация экономики, подстраивание хозяйственных структур под естественные условия конкретной географической и национальной среды;

— императив «автаркийности больших пространств» (термин Ф. Листа), тяготение к объединению плюральных мезоэкономических систем в общий пространственный блок с единой таможенной структурой и общей валютой;

— «социализм разных скоростей», гибкая шкала соотношений между частным и общественным уровнем в рамках одного и того же государственного образования в зависимости от особенностей его секторов.

Таковы самые общие черты «экономики третьего пути». Если основной закон либерализма и капитализма — закон рынка, а главный принцип социализма — план, то главным законом «третьей экономической теории» будет принцип зависимости экономики от общества или закон социологичности экономики.

«Экономика больших пространств» Фридриха Листа

Сделаем небольшое отступление, чтобы продемонстрировать важность и эффективность «экономики третьего пути» применительно к реальной истории. Для этого обратимся к фигуре выдающегося деятеля этого направления — Фридриху Листу.

Лист был немцем по происхождению и либералом по убеждениям. Долгое время прожив в США, он воочию наблюдал бурный рост капиталистических рыночных отношений в этой стране на заре ее развития. Именно в период пребывания Листа в Америке президент Монро сформулировал знаменитую доктрину «Америка для американцев». Это было не просто националистическое утверждение, направленное на активное и сознательное противодействие проведению Европой самостоятельной политики на Американском

континенте. Речь шла также о стратегическом и экономическом единении обеих Америк под эгидой США и превращении целого конгломерата государств в единую геополитическую систему. С доктрины Монро и начался путь США к достижению мирового господства. Надо отдать должное Фридриху Листу — он смог оценить геополитическую идею Монро по достоинству еще в зачаточном ее виде. Американский опыт очень сильно повлиял на взгляды Листа, особенно когда он снова вернулся на Родину, в Германию.

Оказавшись на родной земле и имея опыт наблюдения за экономическим и геополитическим развитием англосаксонского мира, Лист открыл важнейшую закономерность, соединяющую принцип государственности с принципом свободного рынка.

Проанализировав применение либеральной теории на практике, Лист открыл следующий закон: «повсеместное и тотальное установление принципа свободной торговли, максимальное снижение пошлин и способствование предельной рыночной либерализации на практике усиливает то общество, которое давно и успешно идет по рыночному пути, но при этом ослабляет, экономически и политически подрывает общество, которое имело иную хозяйственную историю и вступает в рыночные отношения с другими, более развитыми, странами тогда, когда внутренний рынок находится еще в зачаточном состоянии». Безусловно, Лист имел в виду наблюдения за катастрофическими последствиями для слаборазвитой, полуфеодальной Германии некритического принятия либеральных норм рыночной торговли, навязываемых Англией и ее немецкими лоббистами. Лист поместил либеральную теорию в конкретный исторический и национальный контекст и пришел к важнейшему выводу: вопреки претензиям этой теории на универсальность, она на самом деле отнюдь не так уж научна и беспристрастна, как хочет казаться: рынок — это инструмент, который функционирует по принципу обогащения богатого и разорения бедного, усиления сильного и ослабления сла-

бого. Таким образом, Лист впервые указал на необходимость сопоставления рыночной модели с конкретными историческими обстоятельствами, переведя проблематику из абстракций научной сферы в область конкретной политики. Лист предложил ставить вопрос следующим образом: мы не должны решать «рынок или не рынок», «свобода торговли или несвобода торговли». Мы должны выяснить, какими путями можно развить рыночные отношения в конкретной стране и конкретном государстве таким образом, чтобы при соприкосновении с более развитым в рыночном смысле миром не утратить политического могущества, хозяйственного и промышленного суверенитета, национальной независимости.

И Ф. Лист дал ответ на этот вопрос. Этим ответом явилась его знаменитая теория «автаркии больших пространств». Лист совершенно справедливо посчитал, что для успешного развития хозяйства государство и нация должны обладать максимально возможными территориями, объединенными общей экономической структурой. Только в таком случае можно добиться даже начальной степени экономической суверенности. Для этой цели Лист предложил объединить Австрию, Германию и Пруссию в единый «таможенный союз», в пределах которого будут интенсивно развиваться интеграционные процессы и рыночные отношения. При этом он настаивал на том, чтобы внутренние ограничения на свободу торговли в пределах союза были минимальны или вообще отменены. Но по отношению к более развитому и могущественному англосаксонскому миру, напротив, должна существовать гибкая и крайне продуманная система пошлин, не допускающая зависимости «союза» от внешних поставщиков и ориентированная на максимально возможное развитие промышленно-хозяйственных отраслей, необходимых для обеспечения полной автаркии. Вопрос экспорта был предельно либерализован и полностью соответствовал принципам «свободы торговли», импорт же, напротив, подчинялся стратегическим

интересам стран «таможенного союза» (второстепенные и не обладающие стратегическим значением товары и ресурсы допускались на внутренний рынок беспрепятственно, а пошлины на все, что могло привести к зависимости от внешнего поставщика и создавало бы тяжелые условия конкуренции для отечественных отраслей, напротив, искусственно и централизованно завышались).

Учение Листа получило название «экономического национализма». Очень показательно, что смысл доктрины Кейнса сводится приблизительно к той же самой концепции: его теория «экономической инсуляции» так же ставила во главу угла не абстрактную доктрину «свободы рынка», но стратегические интересы государства и ориентацию на автаркию и суверенитет.

Кризис «научности»

Наложение двух планов анализа — геополитического и экономического — является крайне рискованной операцией. Во-первых, привычное оперирование с двумя, а не с тремя, экономическими парадигмами делает общую схему в самой экономической науке неполной, если не сказать пристрастной. И вопреки исторической и научной очевидности семейство экономических доктрин, не вписывающихся в нормы двух основных «экономических идеологий», признанных «ортодоксальными» (либеральной и марксистской), продолжает оставаться за кадром магистрального развития экономической дискуссии. Это порождает превратную перспективу в постановке базовых вопросов экономической теории, поскольку за норму и «ортодоксальную научность» принимается нечто заведомо аномальное. Для того чтобы исправить положение, утвердив экономические модели «третьего пути» как нечто самостоятельное и научно когерентное, необходимо еще проделать серьезную и масштабную работу. Лишь после этого тройственная мо-

дель экономических парадигм, с которой мы оперируем в данном тексте, будет до конца понятна и обоснованна.

Во-вторых, в отношении геополитики до сих пор распространено мнение, что эта дисциплина не является строго научной и представляет собой лишь систему пост-фактумного объяснения определенных особенностей Realpolitik, не связанных с какой-либо строгой научной теорией. Если добавить к этому всеобщее невежество в области базовых геополитических текстов, находившихся под идеологическим запретом в нашей стране и даже на Западе подвергнувшихся серьезному изучению в академических сферах лишь в середине 1980-х годов, то наша задача становится еще более сложной. Нам предстоит наложить друг на друга две модели, каждая из которых является в глазах научного сообщества более чем спорной.

С другой стороны, очевидно, что само научное сообщество, в той стадии, в которой оно пребывает сегодня, не может претендовать ни на соблюдение ортодоксии в какой бы то ни было сфере, ни на утверждение нового ее понимания. Марксистский подход, доминировавший в советской науке, был совсем недавно отвергнут, неумолимо подверглись контестации и сами критерии научности, особенно в тех областях, которые имели отношение к социальным дисциплинам, а также к макроидеологическим конструкциям. Отныне невозможно отрицать геополитику только на том основании, что она является «буржуазной». Точно так же невозможно утверждать безусловную научность коммунистической парадигмы в ущерб всем остальным экономическим теориям. Таким образом, складывается ситуация, когда «научность» становится довольно бессодержательным критерием, не обеспеченным серьезной методологической базой, а плюрализм возможных подходов исключает само представление о «научности» или «ненаучности». Этот вопрос был поставлен Джоном Хорганом на международной конференции под выразительным названием «Конец Науки?». Большинство ученых согласились с выводом, что «наука»

в классическом (позитивистском) ее понимании более не существует как нечто самостоятельное и беспрепятственно переходит в иные, смежные с ней области — искусство, политика, коммуникативная сфера и т. д.

Как бы то ни было, в такой ситуации неординарные подходы напрашиваются сами собой, а рискованность конструкции становится не только ее отрицательной, но и положительной стороной. Возможно, именно совокупность неординарных, «гетеродоксальных» методологий и станет базовым определением «новой научности» в той динамично меняющейся ситуации, в которую мы все глубже погружаемся.

К. Маркс и Восток, А. Смит и Запад

Сопоставление принципа геополитического дуализма с тремя моделями в экономике сразу дает крайне заманчивую картину. Атлантический полюс, или остов талассократической (морской) цивилизации (Запад), явно соотносится с либерализмом, с классическим капитализмом, с Адамом Смитом и наиболее ортодоксальной линией его последователей — вплоть до Чикагской школы. Сухопутная цивилизация, евразийский континентальный ансамбль, напротив, в экономической области соответствует противоположной, антилиберальной традиции, связанной с социализмом и марксизмом.

Хотя основатели геополитики формулировали свои теории задолго до Октябрьской революции, когда еще невозможно было предугадать победу коммунистических движений в Евразии, последующее историческое развитие показало удивительную проницательность геополитиков, отождествлявших Запад и талассократию с «торговым строем», с карфагенским типом цивилизации. И хотя Римский цивилизационный полюс в начале XX века ассоциировался более с реакционными монархическими режима-

ми типа царской России, события показали, что антикапиталистическая ориентация Советской власти привела к еще более радикальному противостоянию Востока и Запада, атлантистов и евразийцев, чем при царизме.

Такое подтверждение геополитических прогнозов легло в основу понимания Западом геополитического значения «холодной войны» и предопределило ее географию, сопряженную не только со стратегическими и чисто политическими аспектами, но и с экономической моделью. Капитализм, либерализм, теории А. Смита в этой перспективе можно рассматривать как один из аспектов общего геополитического комплекса атлантизма.

Верно также и противоположное: Восток, и особенно его геополитический полюс Россия, «сердцевинная земля» («heartland»), ось евразийского ансамбля, становятся плацдармом социализма, марксизма, полярным относительно либерализма экономической теории. Именно поэтому нам представляется логичным рассмотреть социализм как аспект евразийства.

Геополитика сводит в единую и в целом непротиворечивую схему две «ортодоксальные» экономические идеологии, объясняя географическую предопределенность каждой из них, их органическую связь со структурой «качественного пространства». Такая поправка на географию сразу же переводит чисто экономическую проблематику выяснения преимуществ того или иного экономического устройства к конкретному историко-географическому контексту. Иными словами, успехи или неуспехи либерализма генетически связываются с Западом, с особостью его культурных и цивилизационных путей развития, при этом строго очерчивается контекст, в рамках которого правомочно судить об эффективности или неэффективности тех или иных версий магистральной теории либерализма. То же справедливо и для Востока, который исторически сопряжен с разнообразными версиями хозяйствования, отличными от классического либерал-капитализма, что изначально и предопре-

делило его социалистический выбор. Вместе с тем эффективность или неэффективность социалистического хозяйствования также должны быть оценены исходя из цивилизационных особенностей всего евразийского контекста.

«Береговая» экономика

Чем являются в таком случае «экономические теории третьего пути»? В геополитической картине мира между атлантистским полюсом (англо-саксонским миром, США) и евразийским полюсом (Россией, Евразией) лежит «береговая зона», промежуточные пространства, стратегически и геополитически «растянутые» между континентальным притяжением Суши и внешним вызовом Моря. Этой «береговой зоной» для Евразии является широкая полоса, простирающаяся от Западной Европы через Ближний Восток к Ирану, Индии, Китаю и Индокитаю и далее, в южные пространства Тихоокеанского ареала. Пока Америка не достигла стратегической законченности (доктрина Монро), такая же ситуация существовала и на Американском континенте, где огромные пространства «берегового характера» являлись стратегическими колониями европейских держав, в том числе и России (Аляска, некоторые провинции тихоокеанского побережья и т. д.). Но после того как США полностью установили стратегический диктат в Новом Свете (т. е. к началу XX века), под «береговыми зонами» стали понимать именно западные и южные пределы евразийского материка.

По логике нашей схемы этим «береговым зонам» должны соответствовать различные версии «экономики третьего пути», отчасти имеющие капиталистические (рыночные), а отчасти — социалистические (плановые) элементы. Современный экономист Мишель Альбер в своей знаменитой книге «Капитализм против капитализма» отмечает двойственность в структуре того, что принято называть «капиталистическим миром». С одной стороны, он выделя-

ет англо-саксонский капитализм, строго следующий либеральной ортодоксии, а с другой — говорит о «рейнско-ниппонском» варианте, имеющем многие элементы социального, национального и государственного подходов. Показательно, что в качестве европейской базы «второго», неанглосаксонского, т. е. неатлантистского, капитализма М. Альбер берет именно Германию — страну, занимающую в Европе крайне восточное положение и являющуюся восточным геополитическим пределом западной «береговой зоны» Евразии.

Иными словами, третья экономическая парадигма может соответствовать «береговым зонам», тем пространствам, которые занимают в геополитическом смысле промежуточное положение, находясь между Морем и Сушей, испытывая на себе противоположные импульсы. Конечно, «береговые зоны» неравнозначны (в некоторых случаях влияние атлантизма больше, в некоторых — меньше), но все же в качестве общего приближения такое отождествление вполне возможно. Нетрудно понять, насколько плодотворными могли бы стать попытки развить эту модель и далее, связав экономические модели разных государств с принадлежностью к конкретным геополитическим зонам.

Прояснение некоторых противоречий

Говоря о «третьем пути» в экономике, мы подчеркивали самостоятельность его идеологических и философских предпосылок, акцентировали, что речь идет не о компромиссном совмещении двух ортодоксальных макромоделей, но об органическом развитии особой оригинальной линии. Совмещение экономических моделей третьего пути с «береговой зоной» в геополитической схеме ставит несколько проблем. Разберем их поочередно.

Во-первых, в такой модели получается, что «экономика третьего пути», соответствующая «береговым зонам»,

должна относиться только к промежуточным геополитическим пространствам. В то же время в концепции Кейнса мы видим ее американскую версию и одновременно прямо или косвенно указываем на привлекательность такой конструкции для евразийской России. Это видимое противоречие требует некоторых разъяснений. В период New Deal, когда США следовали в общих чертах за идеями Кейнса, эта страна значительно отдалилась от общеатлантистской стратегической линии, замкнувшись на внутренние проблемы, которые постепенно и методично стали решаться в рамках стратегий автаркийного пространства. Еще Х. Макиндер сомневался в талассократическом призвании США, считая, что это государство может пойти не «карфагенским», но «римским» путем в геополитике. На практике это предполагало отказ от вмешательства в планетарные вопросы, рассмотрение доктрины Монро как последнего слова в американской стратегии. Кейнсианство для США было пределом возможного цивилизационного сближения с континентально-европейским, и даже евразийским, путем, и не случайно самые тесные отношения континентальной Германии и СССР с США приходятся на время президентства Рузвельта, и особенно на эпоху доминирования в Америке теории Кейнса. При Вудро Вильсоне, чей курс довел Штаты до Великой депрессии, и после отказа от концепции «экономической инсуляции» во второй половине 1930-х, США, напротив, отдалялись от евразийских моделей, сближаясь с Англией и радикально либеральными, атлантистскими геополитическими проектами.

Важно отметить здесь следующую особенность. После отказа от «New Deal» США вновь вступили на путь либерализма. До следующей Великой депрессии было рукой подать. Ситуацию спасла лишь Вторая мировая война, заставившая экономику США перестраиваться на военный лад, что снова означало усиление позиций госсектора и плана в общей структуре экономики. В 1940-х гг. все ведущие экономисты Запада (от либералов до марксистов) единодушно предсказывали новый виток тотального кризиса американ-

ской экономики сразу же после окончания войны, так как «реконверсия» логически погрузила бы страну в хаос и упадок. Но этот прогнозируемый кризис не произошел. Причина проста — отсутствие «реконверсии», которая была отложена в США на неопределенный срок в связи со скорым началом «холодной войны». Иными словами, принцип атлантистского либерализма, исповедуемый как официальная доктрина Запада, был в случае США значительно сглажен учетом реальной геополитической ситуации, в которой географический фактор и конкретика реального противостояния заставляли вносить поправки в духе экономики «третьего пути» к реальной экономической стратегии. Это не было возвратом к кейнсианству в полном объеме, но общее состояние послевоенной экономической стратегии США было довольно к этому близко. Кстати, именно этим объясняется гигантская внешняя задолженность США, которая на самом деле есть не что иное, как оформленная под кредит обязательная плата развитых европейских держав за предоставление США военной протекции по отношению к потенциальному агрессору с Востока, т. е. к СССР.

Во-вторых, к экономике третьего пути имеет смысл обратиться самой Евразии, т. е. России, не как к панацее, а как к доктрине, способной учесть важнейшие факторы, остающиеся вне сферы компетенции марксизма в силу специфики его чисто экономического редукционистского метода. Очень важна философская подоплека теории хозяйства в этой «третьей парадигме», и именно ее отсутствием в жесткой марксисткой ортодоксии можно отчасти объяснить кризис этого экономического учения. Можно говорить о крайне «левых» разновидностях «экономики третьего пути» — таких, которые предлагали русские народники (Лавров, Михайлов, братья Серно-Соловьевичи и т. д., позже левые эсеры), и в данном случае экономический социализм Маркса мог бы вполне сочетаться с органицистской философией. С другой стороны, в данную модель прекрасно вписывались бы и концепции «христианского социализма», особенно связанные с воззрениями Сергия Булгакова.

Поэтому к «третьей экономической парадигме» отнюдь не следует относиться как к безоглядному повороту Востока навстречу Западу и к ревизионистскому отказу от коммунистического радикализма (хотя под определенным углом зрения это может выглядеть именно так).

Глава 2. Геофинансы: евро vs доллар

Универсальное и национальное значение валют

Деньги — это инструмент обмена. В этом их универсальная функция, ведь обмен распространяется на всех, независимо от гражданства. А национальная валюта — это явление локальное и отражающее систему экономики данного конкретного государства. Диалектика двух ролей денег составляет нерв современных мировых финансов — это главное противоречие эпохи глобализации. Доллар в такой ситуации перерастает национальную валюту и превращается в мировую резервную валюту, т. е. становится деньгами в чистом виде — в их универсальной функции. Но, будучи вместе с тем национальной валютой конкретной страны — США, он одновременно есть выражение и показатель американской экономики. Ответ лежит только в полной и окончательной глобализации: США перерастают уровень национального государства и становятся ядром Соединенных Штатов Мира с мировым правительством. Мировой банк уже существует, Международный валютный фонд — также. Логика развития постиндустриального общества неумолимо приводит к этому — «единый мир», «единые деньги», «единая политическая система» (демократия), «единое экономическое устройство» (либерализм, рынок). В такой картине все обратимо: единая валюта представляет единое государство, единая политическая система гарантирует единое экономическое устройство и наоборот.

Евро как революция

Однако в процессе глобализации возникло явление, которое несколько выпадает из общей логики — европейская валюта, евро.

Переход стран Евросоюза на евро знаменовал собой амбициозный план иного сценария глобализации, и даже шире — иного сценария развития мировой истории. На магистральном пути долларовой глобализации и сопутствующей американизации европейцы поставили очень серьезную ловушку. Они объявили Европу с ее процветающей модернизированной экономикой особой зоной, которая не ограничена рамками национального государства (с неизбежными экономическими лимитами), но и не интегрируется напрямую в «единый мир» с очевидной американской гегемонией. Тем самым они бросили вызов не только доллару, но и «американскому мессианству», однополярному миру и «мировому правительству» (ведь только через отождествление собственных национальных интересов с глобальными США способны разрешить противоречие между планетарным масштабом своей экономической и политической экспансии и границами национальной экономики). Евро предлагало себя в будущем как альтернативная версия «мировой резервной валюты», но это подразумевало универсализацию иной социально-политической модели — не ультралиберальной, как в случае США, но скорее умеренно социал-демократической и кейнсианской в классическом европейском духе. Если бы этот вариант по какому-то стечению обстоятельств не реализовался, то пример евро и в этом случае стал бы приглашением для других региональных интеграционных структур идти тем же путем — к эмиссии стойкой региональной валюты, выражающей собой не национальную экономику, но общий знаменатель большого числа соседних государств, объединенных географией, цивилизацией, уровнем экономического развития и историческими интересами — одним словом, «общей судьбой». Это напрямую касается

тихоокеанской зоны, постсоветского пространства, арабского мира, Латинской Америки.

В такой ситуации баланс валютных торгов евро к доллару, по сути, есть захватывающий спектакль конкуренции двух альтернативных проектов глобализации: в них дана краткая формула борьбы за будущее. Доллар падает — перевес у многополярного мира, евро слабеет — позиции американской гегемонии крепнут.

Евро и доллар: антагонисты или конкуренты?

Конечно, эта схема описывает процессы в самом грубом приближении. Евро и доллар тесно переплетены между собой, так же, как существенно интегрированы европейская и американская экономические системы. Тактически евро и доллар взаимодополняют друг друга и позволяют в определенных случаях избегать надвигающихся кризисов, связанных с бурным ростом и перегревом финансовых рынков. Подобно тому, как страшно перегретый в области высоких технологий американский фондовый рынок в 2001 году был спасен от неизбежного, казалось бы, краха, перемещением многих триллионов долларов на гораздо более понятный и конкретный рынок недвижимости (отсюда, кстати, завышенные цены на жилье по всей планете), так и евро, опирающееся на устойчивую и надежную модель европейской экономики, всегда готово взять на себя часть груза от геополитических авантюр доллара, послушно следующего за перипетиями американского империализма: успех в Ираке — доллар укрепляется, неудачи — слабеет.

Конец валютного баланса

Но после референдума о европейской конституции во Франции диалектика доллар — евро перешла в новую фазу. Французы, главный оплот евроконтинентализма и, по сути,

антиамериканского конкурентного европеизма, сорвали тот проект, который изо всех сил продавливали США. Это означает, что был нарушен некий важнейший пункт в атлантическом партнерстве — пункт о том, что конкуренция между Старым и Новым Светом не должна выходить за определенные рамки. Она вышла за эти рамки, что тут же проявилось в обострении противоречий между евро и долларом. На первый план выступило то, в чем эти две валюты являются антагонистическими, противоположными друг другу по их глобальной функции. От двусмысленности соперничества спор валют перешел к откровенной вражде.

Конечно, от вежливого отказа французов евро страдает автоматически: процесс европейской интеграции под угрозой срыва, и одного этого достаточно, чтобы ослабить позицию европейской валюты. Но это только поверхностный аспект. Франция вместе с Германией является главными донорами всего ЕС, их экономической основой. Но в отличие от Германии, политически контуженной американцами после Второй мировой войны, Франция гораздо свободнее политически и способна открыто выражать то, о чем немцы не смеют и заикнуться. Отказавшись от навязанной американцами конституции, французы не отвернулись от Европы, но отвергли евроатлантизм. Теперь на повестке дня строительство «иной Европы» — евроконтинентальной, франкогерманской. И эта «иная Европа» не спешит видеть в своем составе ни проатлантистскую Анкару, ни нищих и бесполезных русофобов из числа «оранжевых» республик СНГ. Франция косвенно заявила новый курс на укрепление европейской идентичности как самостоятельной и суверенной геополитической реальности. «Иная Европа», континентальная Европа может строиться только вокруг европейской франко-германской экономики, немыслимой без евразийских ресурсов и прямого доступа к арабской нефти. Такая континентальная Европа по определению будет симпатизировать исламскому миру и России.

От «старого евро» к «новому евро»

Так все видится с точки зрения чистой теории. На практике же провал европейской конституции привел европейские страны в замешательство. Вот уже и Италия, и даже Германия призывают отказаться от евро, вернуться к национальной валюте. Сорвав американский образ Евросоюза, французы вместе с голландцами нанесли серьезный удар и по евроконтинентализму. Это сказывается и на перипетиях судьбы европейской валюты. Она сейчас переживает кризис идентичности. Драматизм ситуации в том, что евро уже не выражает евроатлантистскую модель и еще не представляет евроконтинентальную. Игра на этой двусмысленности — колебания между функциями дополнения доллара и антагониста доллара — привела евро к тупику. От этого замешательства в краткосрочной перспективе выигрывает именно укрепившийся доллар — для США и глобализации такая ситуация чрезвычайно выгодна. Однако Париж явно имел в виду иной проект, который, видимо, будет обретать зримые черты в ближайшем будущем. Не исключено, что евро будет постепенно менять свое содержание, превращаясь в особого рода франко-германскую валюту, лишенную двусмысленности более широкого «европеизма».

Может быть, события будут разворачиваться иначе и к подлинно евроконтинентальной валюте путь будет более извилистым — в нынешнем кризисе идентичности «старое евро» исчезнет, чтобы уступить место «новому евро» — с новым механизмом эмиссии и с новыми геополитическими функциями.

Глава 3. Глобализация и типы капитализма

Феномен экономической глобализации имеет длительную историю. Он отражает универсализацию рационализма, коль скоро капитализм есть материализация автономи-

зированного рассудка. (О равенстве капитала и рассудка, об экономике как проявлении ментальных и культурных кодов — см. Ж. Бодрийяр, М. Вебер, В. Зомбарт и т. д.)

Разным культурам свойственны различные типы рациональности. Каждый из этих типов предлагает разные количественные и качественные пропорции соотношения собственно рационального и иррационального, интуитивного и сакрального. Запад упорно шел по пути очищения рациональности от иррациональности (фрейдисты называют это «вытеснением» — отсюда невротичность западной культуры). С самого начала Нового времени это стало главным вектором западной научной программы. Либеральная экономика есть материальное воплощение именно очищенной, абсолютизированной рациональности, освободившейся от «сакрального» (от логики «символического обмена», по М. Моссу). Были разные попытки глобализовать типы рациональности, все они оказались лишь относительно удачными — в рамках определенных культурных ареалов, способных ассимилировать этот тип рациональности. Таковы римская, греческая ойкумены, империя Чингисхана и т. д.

Реальной «глобальной глобализацией» может быть только экономическая глобализация, основанная на коде «абсолютной рациональности». И то, что паттерном данного процесса является Запад, не случайность, но логическая закономерность. Иначе и быть не могло.

Сегодня глобализация имеет два варианта: экономическая гомогенизация «больших пространств» (как подготовительный этап к планетарной глобализации) и собственно «экономический глобализм», «глобальная глобализация».

Экономическая глобализация «больших пространств» оставляет возможность для дифференцированного развития этого процесса с учетом хозяйственной, исторической, ландшафтной и геополитической специфики данной «большой территории». «Региональная глобализация» может дать непредсказуемый результат, так как она вписана в конкретный контекст.

Если продолжить мысль о связи автономной рациональности с капитализмом, можно сказать, что «большие пространства» могут обладать различной рациональностью — предопределенной культурно и геополитически. Пример: фундаментальная мутация римского права в византизме и далее на Руси. В этом случае остается возможность, что «региональная глобализация» станет не предварительным этапом «планетарной глобализации», но совсем иным процессом — не исключено, что конфликтным и диалектическим. Относительно «региональной глобализации» можно сказать, что она допускает корреляцию с дифференцированными типами рациональности.

Планетарная глобализация исходит из всеобщего навязывания единого кода — хозяйственного (и рассудочного). Она заинтересована в том, чтобы «региональная глобализация» проходила по единым правилам. До определенного момента «региональная глобализация» может рассматриваться как прелюдия к «планетарной глобализации».

Так обстояло дело до конца «холодной войны», когда США — центр и полюс «планетарной глобализации» и производитель ее кода — способствовали экономическому объединению Европы и развитию Тихоокеанского региона (включая Китай).

После окончания «холодной войны» пропорции соотношения между «планетарной глобализацией» (глобализмом) и «региональной глобализацией» («интеграцией больших пространств») изменились. Разнородность «больших пространств» (Евросоюза и Тихоокеанского региона) стала создавать определенный диссонанс в процессе «планетарной глобализации». Ключевым пространством здесь является наличие потенциальной «четвертой зоны» — «евразийского большого пространства».

Сегодня картина выглядит следующим образом:

— американский полюс (центр планетарной глобализации) является носителем кода, в котором тенденции автономной рациональности, развитие капитализма дошли до

своего логического предела. Отсюда «новая экономика», «эвапоризация капитала», «финансизм» (Ю. М. Осипов), «турбокапитализм» (Люттвак) и «реальная доминация капитала» (К. Маркс из «Набросков» и «Экономико-философских рукописей»). Это и есть код глобализма. Планетарная глобализация — это глобальное распространение «новой экономики»;

— европейский полюс является продуктом развития капитализма предшествующего периода. Это идеально отточенный и оптимизированный образец гетероэкономики. В ней сохраняется баланс «рыночного фундаментала» — в данном случае это «интегрированное большое пространство» может быть рассмотрено и как «прелюдия планетарного глобализма», и как его фазовое отрицание, если эта рейнско-ниппонская модель (М. Альбер) будет укрепляться через оппозицию англо-саксонской модели: здесь между двумя полюсами возможны «структурные прагматические трения»;

— тихокеанский экономический полюс аналогичен европейскому (с меньшей степенью интеграции), вероятность оппозиции «планетарному глобализму» здесь подкрепляется серьезными различиями в типе рациональности («традиционные общества»), что может обнаружиться через обострение чисто экономических коллизий;

— виртуальная четвертая (евразийская) зона — ее потенциальное экономическое объединение может стать главной преградой для «планетарного глобализма». Здесь налицо глубинное отторжение основного кода глобализма, хозяйственный хаотизм, полная ценностная антитетичность рациональным и методологическим основам «новой экономики». Вместе с тем ресурсный, энергетический, военно-стратегический, политический и геополитический потенциал этой зоны столь значителен, что способен стать решающим аргументом через альянс с соседними «большими пространствами», в том случае если относительные противоречия между «планетарной глобализацией» и «регио-

нальной глобализацией» перейдут некоторый критический порог. Это прекрасно осознают архитекторы глобализма и американские стратеги, представляя «виртуальную интегрированную Евразию» как основного потенциального стратегического противника и главного врага США в XXI веке (П. Вольфовиц).

«Новая экономика» как код планетарной глобализации есть воплощение мирового зла, которое и есть «духовный антихрист».

Глава 4. Экономическая теория неоевразийства: «гипотеза Вечности», синхронизм трех укладов, интеграционный императив

«Гипотеза Вечности»

С точки зрения философии евразийства, одномерного, одностороннего прогресса в истории не существует. Широко распространенное представление о том, что мир движется поступательно, от худшего к лучшему, евразийство считает ошибочным. Развитие мира, в том числе и экономическое развитие общества, происходит циклически. И даже самые высокоразвитые культуры после цепочки катастроф возвращаются на прежний уровень, а любой прогресс сменяется фазой регресса. При таком подходе нет представления о том, что модернизация является абсолютным и единственным направлением, всегда и непременно от худшего к лучшему. Поэтому сам термин «модернизация», в том числе модернизация экономики, ставится под вопрос, начинает рассматриваться как циклическое явление. Модернизация обратима, локальна, может затрагивать лишь отдельные аспекты общества, а может меняться на прямо противоположный вектор. События на постсоветском пространстве подтверждают этот тезис: на наших глазах осуще-

ствляется архаизация многих экономических процессов. До определенного момента мы развивались в индустриальном направлении, сегодня же в одних областях перешли к предындустриальному состоянию, а в иных — к постиндустриальному.

Циклическое осмысление истории и понимание амбивалентности модернизации требуют Вечности, некоего вертикального, духовного измерения, существующего как бы перпендикулярно по отношению к повседневной реальности. Здесь следует вспомнить представление о трех мирах, которое является культовым, фольклорным, мифологическим представлением традиционного общества, сохранившимся до сегодняшнего дня у многих народов. В православной церкви также существуют три параллельных мира — ад, рай и человеческая реальность. Если спроецировать учение о трех мирах на конкретную историю, в мире возникает дополнительное вертикальное измерение, которое является символом вечности. Вечность, которая не зависит ни от чего и делает относительными все события горизонтального мира, релятивизирует время и прогресс, показывает возможность параллельных времен и напрямую приводит к циклическому мировидению.

Приняв «гипотезу Вечности» как рабочую и спроецировав ее на область экономики, евразийцы получают теорию экономических циклов, т. е. представление о круговом, а не линейном развитии хозяйственного уклада. Это переход от экономической диахронии, описываемой в категориях «раньше—позже», «уже—еще не», «развитое—недоразвитое» и т. д. с соответствующими оценками, к экономической синхронии, предлагающей рассматривать развитие как циклический процесс, где между циклами существуют аналогии без общего, единого для всех, универсального направления движения. Экономическая синхрония приводит к выводу, что одновременно в одном и том же обществе, а тем более в разных обществах, могут существовать различные технологические формации и экономические уклады. Эти уклады

качественно отличаются друг от друга, но представляют собой не ступени поступательного развития, а скорее особые фазы, подобные возрастам человеческой жизни, установить иерархию среди которых весьма проблематично. Ведь странно считать, что ребенок есть просто недоразвитый взрослый, взрослый — недоразвитый старик, а старик — несовершенный труп. Каждый возраст имеет свое качественное значение и присущие только ему критерии нормы и совершенства. Точно так же с позиции евразийской экономики нельзя утверждать, что традиционные формы хозяйствования — например, оленеводство и охотничий промысел чукчей, юкагиров или якутов — являются примитивной фазой развития, низшей по сравнению с индустриальным или постиндустриальным обществом.

Евразийцы считают, что существуют различные циклы хозяйствования, и не всегда переход от одного к другому есть прогресс. Еще точнее: прогресс в технической сфере может сопровождаться регрессом в иных аспектах хозяйственной жизни, представляющей собой объемный и многомерный процесс, сопряженный с культурой, традицией, специфическим структурированием жизненных энергий.

Люди фиксируют наиболее универсальные точки собственного развития, но сплошь и рядом после достижения некоторого критического порога отрицательные аспекты начинают перевешивать положительные, и человечество сталкивается с серьезным кризисом, который сопровождается отступлением экономической жизни к прежним уровням, а иногда и полным регрессом. В современной индустриальной и постиндустриальной экономике существуют фундаментальные кризисы и, как наиболее яркое их выражение, — экономика войн и конфликтов, которая по мере развития оружия массового поражения становится опасной для самого бытия человечества, т. е. несет в себе заряд чистого негатива.

Именно к такому страшному кризису, с точки зрения евразийства, приближается современная постиндустриальная

цивилизация: это вероятность экологической катастрофы, демографического взрыва, энергетического исчерпания недр, моральной деградации самого человеческого вида, приблизившегося вплотную к перспективе клонирования, разложение всех традиционных форм коллективов — вплоть до семьи. Автономизированная логика технического прогресса постепенно поменяла самих центральных субъектов экономической деятельности — от конкретных людей и человеческих коллективов, например наций, мы перешли к расплывчатой концепции «индивидуального множества», утратившего любые качественные определения и стоящего на пороге промышленного воспроизводства псевдочеловеческих типов. Это прекрасно вписывается в логику циклического евразийского видения: прогресс сочетается с регрессом, и за пиком подъема неотвратимо следует падение. При этом евразийцы считают, что поскольку возврат легитимен и прошлое не является негативным само по себе, можно сознательно и безболезненно в определенный момент менять курс развития и спокойно поворачивать на 180 градусов, переходя на предшествующие экономические циклы. В любом случае евразийская экономическая теория признает правомерность циклов, и это предопределяет другие, более частные выводы.

Исходя из сказанного, первый фундаментальный постулат евразийского экономического мышления можно сформулировать так: любую экономическую ситуацию следует рассматривать как циклическую, а не как развивающуюся лишь планомерно и поступательно. Чтобы оценить экономическую ситуацию, необходимо поместить ее в исторический, культурный, географический, национальный и религиозный контексты. И именно эти контексты помогают понять, с каким циклом и с какой его фазой мы имеем дело, что необходимо принимать за норму и как ее поддерживать в каждом конкретном случае.

Если подходить к любой экономической ситуации с универсальными мерками однонаправленного прогресса,

мы упускаем из виду качественные стороны, и наши действия могут привести к непоправимым и неоправданным издержкам. Так, рецепты Международного валютного фонда, примененные к архаической экономике Сомали, привели к ее полному краху, несмотря на финансовые вливания и кредиты, в результате чего эта страна, совсем недавно экспортировавшая продукты питания в Кувейт, Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты, оказалась за чертой бедности и всеобщего голода. Баланс традиционного хозяйствования был нарушен, вместо дешевых, но необходимых маиса и триго поля переквалифицировались на разведение дорогостоящих, но плохо растущих фруктов, и, в довершение всего, приватизация колодцев привела ко всеобщему голоду и полной деградации общества. На этом примере легко увидеть, чем отличается евразийский циклизм от либерального универсализма: евразийство начало бы с исследования существующей структуры сомалийской экономики и обратило бы все усилия на укрепление и поддержку существующих направлений с частичной модернизацией отдельных областей промышленности или сельского хозяйства — с чутким вниманием к общему балансу. Это потребовало бы больше времени, но дало бы надежные и позитивные результаты. Либеральные реформы по лекалам МВФ прошли стремительно, но закончились катастрофой, последствия которой ощущаются до сих пор.

«Гипотеза Вечности» делает относительной концепцию линейного времени, касающейся только одного из миров — промежуточного мира, в котором происходит развитие, в то время как в верхних и нижних мирах течет другое время, развертываются иные процессы. Привлечение этих измерений — измерения души, культуры, нравственности — в экономическую деятельность меняет всю картину.

Возьмем, например, прогресс по-американски. Мы видим высокий уровень технологий, материальный комфорт, высокие доходы, развитую индустрию развлечений. В «среднем мире» налицо развитие и прогресс. Однако если

мы посмотрим на культурное состояние общества, которое живет в условиях этого материального прогресса, то увидим здесь тревожные картины: вырождение, разложение, развращенность, утрату моральных ценностей и норм. Это уже проявления «нижнего мира», инфернальные пейзажи. Наложение этих двух миров делает прогресс и поступательное развитие экономики, техногенную цивилизацию и американскую модель в целом относительными категориями.

Экономика предындустриального общества

С учетом этих пояснений и конкретных наблюдаемых вокруг нас процессов можно сделать один важный для евразийской экономической теории вывод. Необходимо рассматривать три наиболее общие парадигмальные структуры общественно-хозяйственных отношений.

Первая: предындустриальное общество или общество премодерна. Социология определяет понятием «премодерн», «предсовременным» или «традиционным обществом» то общество, которому соответствует предындустриальный (допромышленный) экономический уклад. Здесь тоже можно выделить разные стадии, но доиндустриальный уровень развития имеет ряд постоянных характеристик — преобладание сельского хозяйства, скотоводства и охоты (включая собирательство), концентрация трудовых общин в небольших поселениях, слабое развитие товарно-денежных отношений, отсутствие накопления капитала. Если в таком обществе искусственно и ускоренно прививать рыночную инфраструктуру, «в лоб» индустриализировать его, то мы получим нечто искаженное и уродливое. Отсутствие соответствующих хозяйственных навыков будет восполняться притоком мигрантов, принадлежащих к обществам иного цикла, гармония производительных сил и производственных отношений начнет разрушаться, а социальная система — разлагаться.

Важно отметить, что процесс модернизации «традиционных обществ» отнюдь не является органичным и естественным процессом, свойственным всем культурам и народам. Хотя элементы индустриального и капиталистического уклада есть почти везде, но полноты реализации они достигли исключительно в определенном историко-географическом контексте — в Западной Европе начиная с эпохи Реформации. Культурной и идеологической опорами этих процессов послужило весьма специфическое толкование христианства протестантскими теологами, которые возвели индивидуализм и материальное благополучие в ранг религиозных добродетелей (см. работу М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» и др.). Иными словами, сам факт естественного перехода от предындустриального (традиционного) общества к индустриальному является уникальным и единичным случаем, имевшим место в Западной Европе в Новое Время. Во всех остальных случаях имела место вынужденная (искусственная) модернизация, явившаяся либо результатом прямой колонизации регионов западноевропейскими державами, либо формой защиты от посягательств все тех же западноевропейских держав. Теоретики прогресса и универсального развития абсолютизировали частный опыт экономической и социальной истории Западной Европы и приравняли его к общеобязательному и «вселенскому». Причем такой технологический и хозяйственный сценарий индустриализации теснейшим образом связан с определенной идеологической доминантой, которая отсутствовала в иных типах традиционного общества, выстроенных на совершенно иных основаниях и развивающихся по совершенно иному сценарию.

Интересны в этом отношении исследования Марселя Мосса относительно сакрального табуирования прибавочного продукта в «традиционных обществах» и требования его антиутилитарного использования — в частности, через ритуал жертв и коллективных праздников. В определенные священные дни у многих народов существовал религиоз-

ный обычай собирать с трудом и по капле накопленные плоды хозяйственной деятельности, чтобы разом — и совершенно иррационально — их уничтожить через пир, требу, жертвоприношения и т. д. В частности, наиболее выразителен ритуал «потлач», практиковавшийся у североамериканских индейцев, во время которого уничтожались дары. Считалось тем больше чести индейцу, чем более дорогую вещь он уничтожит на глазах другого индейца. С накопленными и непотраченными товарами и продуктами связывались темные легенды, они относились к «проклятой части», которая должна была быть использована в сакральных, т. е. нерациональных, непродуктивных целях, так как в противном случае она принесла бы несчастье всему коллективу.

В традиционном обществе преобладала экономика дара: если в результате хозяйственной деятельности появлялся избыток, то устраивался праздник, во время которого он либо подъедался, либо сжигался, либо ритуально преподносился богам и духам. Избыток опасен, это нарушение баланса, он становится сакрально ненужным, и его отдают в жертву производящим силам природы. Отсюда экономика жертвы. Нечто аналогичное — в частности, запрет на ростовщичество, этика нестяжательства и т. д. — существовало и в развитых монотеистических религиях. И радикальный переход к прибавочному продукту произошел только в Европе Нового времени строго параллельно — исторически и географически — распространению протестантской морали, которая превозносила накопительство, скаредность и сверхрационализацию хозяйственного процесса вопреки всем другим монотеистическим религиям и другим ветвям христианства — в первую очередь Православию и католичеству.

В определённый момент протестантские страны Европы сделали этот идеологический религиозно-этический жест, который повлек за собой переход к иному укладу и создал предпосылки для индустриального развития и окончатель-

ного преобладания товарно-денежных отношений. Остальным странам — как европейским, но не протестантским, так и неевропейским — эта индустриальная модель с некоторого момента преподносилась как нечто обязательное и универсальное. Но чтобы утвердиться в конкретном «традиционном обществе», парадигма индустриализации должна была разложить духовную основу этого общества, в частности, отменить табу на накопительство, разрушить иные аспекты непротестантской этики. Индустриализация, равно как и сама индустриальная модель, для большинства разновидностей «традиционного общества» есть продукт внешнего воздействия, а не закономерный этап органического развития. Там, где нет «вестернизации», т. е. прямого колониального вторжения Запада, нет и индустриализации — колониальной или защитной, там сохраняются нормы «традиционного общества», а товарно-денежные отношения и аналоги протестантской этики не возникают. Экономика накопления не развивается, устойчиво существует экономика дара.

Экономика «традиционного общества» рассматривается в евразийской экономической теории как вполне совершенная и законченная модель, основанная на вполне осмысленной и корректно сформулированной, легитимной системе взглядов и верований. Общества, живущие в предындустриальном порядке хозяйствования, по совокупности критериев вполне сопоставимы с иными обществами: если по уровню комфорта и технических средств они уступают, то по экологической защищенности, энергетическим аспектам жизни, духовной насыщенности и обрядовой стороне, напротив, явно превосходят современные западные и вестернизированные коллективы и страны.

Привлечение к сравнительной оценке не одного мира, а сразу «трех миров», использование «гипотезы Вечности» позволяет прийти к совершенно иным выводам в отношении тех форм традиционных обществ, которые сохранились до нашего времени. Евразийство рассматривает их

как наиболее часто встречающиеся и, следовательно, исторически оправданные и гармоничные формы хозяйствования, основанные на серьезном мировоззренческом, культурном и религиозном фундаменте. Отказ от презрительной оценки предындустриальных экономических систем, внимание к их внутреннему устройству и позитивная переоценка их структур и контекстов является важнейшим элементом евразийского экономического учения.

Модернизация и постмодернизация

Современное общество и связанный с ним индустриальный цикл экономики в чистом виде появились в Западной Европе в эпоху Просвещения. Именно там и тогда был установлен новый набор идеологических, экономических и социально-политических критериев, составляющих основу капитализма или, как критический ответ на него, — социализма. Речь шла о модернизации. Это была модернизация традиционного общества в Европе и везде, куда проникало влияние Европы. Переход от аграрного уклада к промышленному производству был связан с соответствующими изменениями: переносом центра тяжести от деревни к городу, утверждением новых стандартов и моделей распределения благ, распространением новых — по сравнению с феодальными — идейных и этических принципов. Возникает феномен накопления капитала, прекрасно описанный К. Марксом. «Промышленное» здесь осмысляется как более совершенное, чем «аграрное».

Возникает еще одно интересное обстоятельство: в традиционном обществе аграрного типа преобладает циклическая, сезонная картина мира. В индустриальном обществе начинает доминировать время как однонаправленный процесс. В аграрном обществе акцентировались постоянство и вечность, в индустриальном — движение и прогресс. Промышленное производство или промышленная модель

хозяйства начиная с первых зачатков в XVI веке к XX веку становится массовым явлением.

Индустриализация шествует по всему миру, и к концу 1970–1980-х годов ряд обществ, стоявших во главе перехода от предсовременного и предындустриального к индустриальному и современному, достигают новой стадии — постиндустриальной. Промышленность становится столь же малозначимой, как в свое время (при расцвете индустриализации) сельское хозяйство. Складывается автономная финансовая сфера, гораздо более важная, чем реальная экономика. Количество финансовых обязательств и общий оборот ценных бумаг, включая специальные фьючерсные и хеджинговые документы — свопы, опционы, опционы к опционам и т. д. — многократно превышают реальный объем тех товаров, которые на эти виртуальные средства можно приобрести. Денежная сфера и фондовый рынок ценных бумаг приобретают самостоятельный характер, почти полностью автономный от реального производства. Отдельные виртуальные трансакции — например, манипуляции с долгами стран Третьего мира — подчас превышают объемы ВВП даже крупных и развитых стран. А некоторые модернизированные и высокоразвитые в промышленном смысле страны, например Малайзия, в одночасье становятся банкротами в ходе спекулятивной фондовой игры. Вспомним кризис, который потряс мировую финансовую систему в 1998 году. Россия тогда не пострадала от этого только потому, что была совершенно не вовлечена в мировую постиндустриальную игру.

Постиндустриальный мир — это вполне конкретный экономический и социально-политический уклад, который возникает на определенной стадии развития индустриального общества. Он представляет собой определенную хозяйственную парадигму, существенно отличающуюся от парадигмы уклада индустриального мира. За определенной чертой процесс «модернизации» завершается, так как завершается искоренение последних остатков «традиционного общества» и преодолевать оказывается больше нечего.

С этого момента некорректно говорить о модернизации. Начинается постиндустриализация или постмодернизация. Это значит, что на первый план выходят критерии, методологии и принципы, существенно отличные от нормативов модерна. И снова, как в случае с неевропейскими традиционными обществами, постмодерн приходит извне, с Запада, который первым встал на путь модерна и первым обнаружил парадоксы глобализации и постмодерна. Постмодерн не вызрел нигде, кроме как на Западе, и особенно в США, и отныне Запад становится полюсом и двигателем уже не модерна, но постмодерна, распространяя на территорию планеты ту модель, до которой дошел сам, но которая никак не следовала из логики развития других неевропейских обществ, модернизировавшихся по своей собственной траектории.

Экономическая глобализация — это воплощение постиндустриальных критериев в планетарном пространстве. Ярче и успешнее всего постмодерн воплощается в культуре и в СМИ, которые довольно быстро усваивают постмодернистический код. В той мере, в какой СМИ относятся к экономическому сектору, они представляют собой элемент экономики постмодерна, наряду с индустрией телекоммуникаций, некоторых биржевых и финансовых технологий, фондового рынка, хеджирования и т. д.

Три экономических уклада современной России

Наша экономика находится сегодня в фазе регрессивного индустриального цикла, с элементами (не очень значимого в экономике, но важного в социально-культурной сфере) цикла предындустриального. Процесс экономической модернизации российского хозяйства — крайне двусмысленное и неоднозначное явление.

В советский период мы стремились конкурировать с Западом в рамках индустриальной модели. Когда Запад перешел к постиндустриальной фазе, мы растерялись, подняли

руки и рухнули. Мы даже не поняли, что происходит. И это при том, что в истории многие аграрные общества сопротивлялись индустриальной модернизации довольно жестко — вплоть до затяжных национально-освободительных войн. Сегодня в России существуют параллельно, синхронно, одновременно, почти не пересекаясь, три экономических уклада.

Одна (незначительная) часть экономики России интегрирована в финансовую экономику постмодерна, постиндустриального общества. В основном это финансовые технологии, крупные фондовые биржи. Хотя в нашей стране они еще примитивны и слабы, но постепенно интегрируются в общий мировой рынок. Это транснациональный финансовый рынок. К этой же глобальной системе — но в качестве простых поставщиков ресурсов — относятся крупные олигархические монополии, выросшие на манипуляциях с приватизированной государственной собственностью. В постиндустриальном экономическом планетарном укладе вся российская экономика — величина почти бесконечно малая. Как любят повторять либералы: «В постиндустриальном обществе, в мире постмодерна, вся Россия со всей своей экономикой, со всеми людьми и пространствами стоит меньше, чем десять секунд торгов на Нью-Йоркской бирже». И действительно, если мы посмотрим на чистые цифры, то увидим, например, что дневные манипуляции на фондовых биржах с совершенно абстрактным долгом Бразилии стоят больше, чем весь годовой бюджет России.

Программа российских олигархов и ультралибералов в том, чтобы напроситься в индивидуальном порядке в мировой клуб постиндустриальной экономики, отбросив недоразвитое и недомодернизированное российское общество как затратную и никчемную обузу. Кое-кто из олигархов интегрируется лично в этот клуб, но там они — бесконечно малая величина, а приватизированная ими задарма Россия (со всем ее индустриальным укладом, не говоря уже о предындустриальных зонах) для них, в свою очередь, — бесконечно малая величина.

Михаил Ходорковский мыслил в постиндустриальных категориях, где нет таких понятий и ценностей, как государство, народ, нация, промышленность, мыслил в категориях мировых глобальных сетей, транснациональных корпораций. Ходорковский говорил однажды, что пытался объяснить нашему президенту, что государство и власть — это анахронизм, но тот его не понял, обиделся и посадил. Но Ходорковский не сумасшедший. В его словах есть доля истины, ибо он верно описывает процесс постиндустриализации, дерзко доводя этот тренд до конца. Если Россия полностью примет логику постмодерна, вовлечется в процесс финансовой виртуальной экономики, то она превратится в бесконечно малую величину и станет простым объектом глобализации, приняв ее критерии. Согласно этим нормативам современная Россия — система индустриальная, причем не самая успешная. При переходе к постмодерну ее значение, включая политико-социальные и властные институты, население, культуру и т. д., по сути обнуляются, как приравниваются к ничто системы аграрного производства на фоне развития промышленности и капиталистических отношений.

Америка оперирует категориями постиндустриальной экономики, у которой многие миллиарды долларов ежесекундно двигаются в направлении тех секторов, которые к нам, к России, к жизни россиян не имеют никакого отношения. Триллионные суммы виртуальной финансовой экономики постмодерна почти абстракция, так как имеют мало отношения к реальному сектору, но при этом они вполне действенный фактор, так как манипуляции с этими суммами могут вполне реально влиять на систему конкретных товаров.

Экономисты либеральной школы, демонстрируя практически алхимические схемы финансовых процессов внутри этой виртуальной экономики, могут убедить кого угодно в чем угодно. Им не составляет большого труда доказать, что, с экономической точки зрения (подчеркнем — в постиндустриальных условиях), нет никакой разницы, есть Рос-

сия или нет, что бы с нами ни произошло, есть мы или нас нет. Это практически ничего не изменит в мировой и глобальной рыночной системе. Отсюда такое пренебрежение к российской экономике, к российской политике.

Единственное, чем может ответить Россия на такое уничижительное (но логически оправданное экономической схоластикой цифр) отношение, — это достать ядерную бомбу и сказать: «Если вы так будете с нами разговаривать, вот что мы может с вами со всеми сделать». Понимая такую вероятность, Запад предлагает нам распилить все ракеты и свинтить все боеголовки. И тогда нам жестко дадут понять, что мы с постмодерном не справились, а следовательно, логика экономического развития преодолела нас как «устаревшее явление», считаться с которым отныне не необходимо.

Модернизация — это суть трагедии русского народа. Вступив в модернизацию, сделавшись ее агентами и носителями, русские в значительной степени утратили связь времен, контакты с традиционным обществом, со своими корнями, с религией, верой, культурой, голосом крови. В последние века именно русские люди были носителями индустриального процесса, в то время когда другие этнические группы и народы России и СССР жили, сохраняя параметры традиционного общества, предындустриального уклада. Русские вложились в модернизацию хозяйства и заплатили за это огромную цену. Но и ее оказалось недостаточно, чтобы пройти этот путь до конца. Это если смотреть с точки зрения поступательного развития. В евразийской перспективе можно сказать, что Россия вошла в цикл модерна, но пошла в этом цикле по своему пути. В таком случае особенность российской модернизации оценивается не как абсолютный провал, а как воплощение своеобразного и неповторимого исторического маршрута, обусловленного и дополненного логикой «событий», разворачивающихся в двух «других мирах», исходя из «гипотезы Вечности».

В данный момент индустриальный цикл в России переживает кризисное состояние. Промышленность, быть мо-

жет, лишь за исключением отдельных областей ВПК, сильно деградировала и потеряла ритм развития. Сколько сил, жизней, целых народов было загублено в Советском Союзе во имя осуществления модернизации! Были достигнуты впечатляющие результаты, но сегодня весь этот подвиг сведен практически к нулю. Индустриальное развитие либо происходит, либо наступает деградация, и перед лицом внешних конкурентов, и особенно постиндустриальных технологий, все достижения девальвируются. Уровень промышленного производства явно недостаточен, чтобы справиться с переходом к постиндустриальному обществу. И российская экономика стремительно утрачивает наработанные за советский период преимущества. Отсюда переход к роли поставщика необработанных ресурсов — сырой нефти, газа, металлов и т. д. От развитой промышленной экономики Россия переходит к «зачаточной» промышленной экономике, двигаясь по индустриальному циклу модерна в «обратном» направлении — в сторону деградации.

Параллельно этому продолжают вырождаться — как бы по инерции модернизационного периода — аграрный сектор и традиционные формы хозяйства, и большие массы сельского населения — в первую очередь молодежи — перемещаются в мегаполисы и районные центры. К этому добавляются волны новых мигрантов из стран СНГ, оторванных от родных мест и от естественных хозяйственных функций. При этом села и деревни стремительно вымирают, и наряду с падением спроса на промышленных рабочих и сокращением рабочих мест в индустриальном секторе повышается роль потенциального пролетариата — непрофессионального городского населения, способного выполнять лишь неквалифицированную работу.

Таким образом, в современной России сосуществуют одновременно три формации, три парадигмы — предындустриальный сегмент «традиционного хозяйства» (преимущественно в области сельского хозяйства), деградирующий индустриальный сегмент и сегмент постиндустриальной

финансово-фондовой сферы, более или менее встроенный в глобальную экономику, но представляющий в ней микроскопический элемент. Причем в этой ситуации есть несколько полуэкономических или неэкономических факторов, которые придают ситуации совершенно особое значение: у России сохраняются значительный запас ядерного оружия, огромные территории, исключительно богатые природными ресурсами (которых столь недостает гораздо более экономически развитым странам) и исторический опыт «имперской» миссии, сформировавшей коллективную идентичность русско-советского человека. Эти три важнейших фактора едва ли могут быть лобовым образом оценены в экономическом эквиваленте — ядерное оружие, как потенциал глобального уничтожения человечества, едва ли имеет конкретную цену и стоит не меньше, по крайней мере, чем все богатства мира; стоимость природных ресурсов можно подсчитать, но их резкое сокращение сравнительно с экономическим ростом ведущих мировых держав может уже в ближайшее время сделать их главнейшей резервной валютой мировой экономики; а духовный потенциал и «имперская» идентичность русского народа способны при определенных обстоятельствах породить такие мобилизационные энергии, которые могут существенно повлиять на хозяйственные процессы — если русские снова почувствуют впереди «великую цель».

Евразийский контекстуальный подход настаивает на том, чтобы учитывать эти не совсем экономические факторы наряду с иными показателями, несмотря на то что установить прямые количественные индексы здесь вряд ли возможно. Вместе с тем фиксация влияния подобных факторов на корректное исследование истории хозяйственных процессов в России дает новый взгляд на понимание многих российских явлений, с трудом укладывающихся в классические схемы.

Евразийский постмодерн: фильтр

Что касается трех экономических формаций, наличествующих в современной России, то к ним у евразийской экономической теории существует дифференцированное отношение. С этой точки зрения самым важным будет точное определение границ каждой из этих фаз в синхронном взаимодействии.

Модернизация для евразийцев не самоцель, она необходима и позитивна в одних случаях, но вредна и разрушительна в других. Поэтому все три экономические парадигмы — предындустриальная (традиционное общество), индустриальная и постиндустриальная — вполне могут сосуществовать, причем в едином географически секторе. Это предполагает четкую дифференциацию: России необходим евразийский постмодерн (постиндустриальная составляющая), евразийский модерн (индустриальная составляющая) и евразийский премодерн (предындустриальная составляющая).

Евразийский постмодерн рассматривается как специальный экономический модуль, связывающий российскую хозяйственную систему с мировой глобальной системой. Этот модуль должен быть полупрозрачным, т. е. не только соединять, но и изолировать, это должен быть фильтр. Экономическая логика функционирования мировой финансовой системы должна быть осмыслена и освоена особой группой российских экономистов, которые будут служить своего рода интерфейсом для взаимодействия с глобальными финансовыми институтами, но они же должны следить за дозированием и качественной дифференциацией получаемых на входе информационных импульсов. Постиндустриальные технологии и энергии должны адаптироваться к российской специфике с учетом многомерного понимания хозяйственной системы — в модели «трех миров» и при принятии «гипотезы Вечности». Специалисты для этого рода занятий должны отбираться особенно тщательно, как

сотрудники разведывательных организаций, которым предстоит досконально освоить язык враждебных контекстов, но сохранить при этом верность собственной идентичности. По сути, носители евразийского постмодерна должны готовиться к функциям «двойных агентов», преломляющих в себе и в курируемых институтах — евразийских биржах, фондовых рынках, банках и ТНК — токи постмодерна и расщепляющих их на пригодное и непригодное для внутреннего использования. Нечто подобное мы видим во внешнеэкономической практике Японии и Китая: экспансия японских и китайских корпораций на планетарном уровне, их тесное переплетение с иностранными ТНК не нарушают лояльности их ядра китайским и японским национальным ценностям, служат именно фильтром для развития внутреннего потенциала в высокотехнологичном ключе. Использование такого интерфейса традиционными обществами Японии и Китая в отношении западных стран, пребывающих в ином технологическом и экономическом цикле, и сделало возможным бурный рост хозяйственных систем этих стран, при сохранении национальной идентичности. Аналогичные системы действуют в этих странах и по отношению к постмодерну, хотя постиндустриальные стратегии Запада кое в чем смогли пробить систему такой защиты, и вовлеченность японской финансовой системы в виртуальные биржевые игры стоила Японии тяжелейшего кризиса. Китай же предпочитает вообще заслоняться от постиндустриальных стратегий, ограничивая информационную экспансию Запада — законодательно запретив, к примеру, использование технологий Windows на китайской земле.

Россия должна двигаться именно в этом направлении и сосредоточить свои усилия в этой сфере на создании полноценного евразийского экономического фильтра перед лицом глобального постмодерна. Одним из конкретных направлений в этом процессе является проект «региональной глобализации» — или «глобализации больших пространств», где экономической и информационной интегра-

ции подлежит не все мировое пространство, как на том настаивает глобалистский проект, но смежные и сходные по типу территории. Такие, как Европа, страны СНГ, азиатские страны, исламский мир и т. д.

Постиндустриальный сектор российской экономики должен приоритетно заниматься сферой финансов, юридического обеспечения трансакций, вопросами валютной корзины или валютной интеграции (эмиссии новых интеграционных денег регионального формата — по аналогии с евро), информационными сетями, таможенной политикой, а также экспортом стратегического сырья и импортом жизненно важных товаров и продуктов. Здесь крайне важно владение полнотой технологий экономического постмодерна, знакомство с его духом и его методологиями. Это требует особой подготовки и особого подбора кадров — включая определенные психологические особенности и ментальные характеристики — по той же логике, по которой отбирают сотрудников спецслужб. Обучение этим дисциплинам и их исследования должны иметь избирательный и строго специализированный характер, полностью или частично закрытый от большинства. Тут важно: не государство для постиндустриальной экономики (как у Ходорковского), а постиндустриальная экономика для нашего общего цивилизационного ансамбля.

Оздоровление индустриального сектора: целевая избирательная модернизация и сырьевой фактор

На втором индустриальном уровне следует исправить ситуацию в промышленном секторе, вывести его из деградационной фазы, оздоровить и направить в позитивном направлении. Причем здесь стоит заведомо отказаться от принципа модернизации во что бы то ни стало, любой ценой. Модернизация хозяйства не самоцель, но лишь средство — причем средство скорее для защиты от внешних

вызовов, грозящих России утратой идентичности, свободы и независимости. Иными словами, модернизация производства — это лишь инструмент ответа на политический вопрос. Из такого евразийского подхода вытекает принцип избирательной модернизации. Модернизировать следует не все секторы производства, а только те, которые прагматически необходимы в данной конкретной ситуации — для обеспечения общей экономической независимости от потенциальных внешних врагов. Это означает приоритет разработок в сфере военно-промышленного комплекса, необходимый минимум промышленного производства и, что самое актуальное на сегодняшний день, построение модулей глубокой переработки сырых природных ресурсов с тем, чтобы экспортировать продукты этой переработки — желательно, в виде готовой товарной продукции. Наличие максимально длинного технологического цикла в деле переработки природных ресурсов является наиболее насущной проблемой современной российской экономики. От успеха этого начинания зависит, пойдет ли развитие промышленного сектора или деградация продолжится. В настоящий момент российская экономика ориентирована на экспорт природных ресурсов в сыром виде, на поиск коротких денег в расчете на молниеносные прибыли и т. д., и это усугубляет ее упадок. Сырьевая ориентация нынешней России и привлекательная конъюнктура цен должны быть использованы для экономического рывка.

Существующая ныне система олигархического использования экспорта природных ресурсов — с «откатом» в бюджет государства — категорически препятствует промышленному развитию. Психология олигархов отрицает долгосрочные инвестиции в переработку и создание промышленных цепей, а значит, сохранение статус-кво в российской экономике исключает движение в позитивном направлении. Чтобы изменить такое положение дел, государство должно применить силу и волю, явочным порядком обязав нефтяных, газовых и других магнатов либо инвестировать прибыли в создание полного цикла глубокой переработки,

либо подвергнуть крупных монополистов национализации. Здесь нам необходимо здоровое и просвещенное неокейнсианство. В этом суть евразийского рецепта применительно к индустриальному уровню.

Вместе с тем следует осознать фактор экспорта сырьевых ресурсов как важнейший стратегический сектор, значение которого намного превосходит количественные показатели ценовых таблиц и сухие цифры полученной прибыли. Сырье сегодня — это инструмент влияния, давления, выживания, и оно «стоит» гораздо выше, чем его «цена», а значит, гораздо больше, нежели подсобный материал. Сбывая сырье тем или иным покупателям, мы либо поддерживаем друга и стратегического партнера, либо вооружаем врага, копая самим себе яму. Геополитика природных ресурсов должна быть постоянным справочником евразийских трейдеров природных ресурсов, и получатели сырья, а также маршруты его доставки — трубопроводы и т. д. — имеют не только экономическое, но стратегическое и политическое значение. Это следует приоритетно учитывать. Главными энергетическими партнерами (потребителей российского сырья) должны стать Евросоюз и страны Азии.

Евразийская идея в решении энергетической зависимости состоит в том, чтобы наладить те маршруты (Европа и Азия), которые выгодны нашей стране в стратегическом аспекте, и реинвестировать сверхприбыль, получаемую от этого, в развитие новых технологических производств. То есть существовать в рамках модерна, но развивая индустриальный сектор промышленности в национальных интересах. Этот проект предусматривает строительство нескольких НПЗ по глубокой переработке нефти на западных границах России и на Дальнем Востоке, где в настоящее время нет ни одного серьезного комплекса такого рода. То, что существует в Башкирии и в Москве, работает целиком на внутренний рынок и едва удовлетворяет внутренний спрос. Россия поставляет на внешние рынки сырую нефть, уподобляясь архаическим бедуинам, которые живут в «традиционном обществе» и у которых нет и намека на промышленность. Рос-

сия, идя в этом направлении, стремительно деградирует. В то время как строительство подобных НПЗ способно изменить статус отечественных нефтепродуктов во много раз.

Либералы считают, что если взять стабилизационный фонд, накопленный от высоких рыночных цен на нефть, поместить его на нью-йоркскую биржу, он принесет баснословную прибыль. Правда, эти деньги оттуда не так просто вытащить, но магия цифр впечатляет. Деньги растут, показатели хорошие, и никто ничего не делает. Эти сложные операции с цифрами являются языком постиндустриальной части нынешней российской экономической элиты. Это, конечно, не простая пирамида в стиле МММ. У движения виртуальных финансов есть своя логика; это действительно система современного финансового рынка. Но во всей этой функционирующей по своим правилам группе либералов нет места для идеи России как субъекта мирового хозяйства, соответственно, у них не ставится (даже теоретически) задачи переместить эти средства стабилизационного фонда из виртуальных джунглей и инвестировать в конкретное строительство двух НПЗ или в модернизацию той или иной стратегически важной отрасли промышленности. Но это уже политический вопрос, а не экономический. Евразийская экономическая теория настаивает на том, чтобы подобные политические вопросы решались в ключе конкретных национальных интересов, а не абстрактных либеральных схем.

Традиционное хозяйство: код национальной идентичности

Третий уровень — традиционное хозяйство, аграрный сектор, предындустриальное производство. Отдавая себе отчет в заведомой убыточности (по критериям и промышленного производства, и тем более постиндустриального уклада) сектора традиционного хозяйства, понимая, что это является бесконечно малой величиной, которой можно пренебречь с точки зрения чисто экономических показате-

лей как в индустриальном, так и в постиндустриальном контексте, необходимо все же сохранять и развивать этот уровень, но уже с точки зрения морально-нравственной, культурно-духовной. Кстати, этот сектор является абсолютно убыточным в США и в Европе, бесконечно малым с позиции чисто экономических показателей, и тем не менее он щедро дотируется из бюджета этих (вполне либеральных и постиндустриальных) стран. Формально гораздо выгоднее покупать все, что производится в секторе сельского хозяйства, за пределами США, Франции и т. д. — в Мексике, в странах Третьего мира, где дешевая рабочая сила, аренда земли и т. д. Но даже американцы сохраняют это убыточное, дотируемое сельское хозяйство. Почему они его дотируют? Если бы они руководствовались только экономической выгодой и перестали его дотировать, оно просто бы исчезло. Как исчезло сегодня промышленное производство в Европе и в Америке. Есть такой процесс, который широко обсуждается в американской и европейской экономике, — делокализация, то есть вынос промышленного производства за пределы Европы и Америки. Сегодня именно в Китае, Гонконге, Сингапуре производится все то, чем владеют американцы. Кстати, 70% американского населения работают в третичном секторе — в секторе услуг. Страна, по сути, ничего не производит и существует за счет финансовых технологий и делокализированной промышленности. Но американское правительство прекрасно понимает, что американские фермеры — это носители американского духа, особого культурного, психологического и социального типа, который необходим для консолидации США как государства, пусть не по экономическим, но по политическим и культурным причинам.

Евразийство в еще большей степени позитивно оценивает занятие традиционными формами хозяйства — в первую очередь сельскохозяйственный труд, скотоводство, охоту, ремесла и т. д. В этом проявляется код национальной идентичности, передается от поколения к поколению осевой элемент народной культуры, воплощенной в ритме

и структуре труда. Это экологично, нравственно, духовно и бесценно для пестования народного духа и народного самосознания. Применять к этой сфере «традиционного общества» критерии и требования индустриальной или тем более постиндустриальной парадигмы бессмысленно и вредно. При необходимости этот уровень хозяйства должен просто дотироваться, а оптимальным было бы создание для циркуляции товаров, производимых здесь, естественной среды — вплоть до воссоздания натурального обмена и экономики дара и жертвы. Этот сектор экономики в общем контексте призван выполнять культурную и даже культовую функцию. Кстати, в раннем израильском обществе, где был силен мессианский дух, эту «сотериологическую» функцию призваны были выполнять кибуцы. Даже если люди получили бы экономическую возможность не работать, нравственный долг и само солярное пассионарное устройство человеческой личности заставило бы их трудиться. Свободный труд — это не труд под воздействием нужды, но труд, осознанный как этический императив, как естественный выплеск внутренних сил.

Труд — это моральная обязанность, а жизнь на дотациях — это не жизнь, а разложение. Поэтому мы считаем, что труд в рамках традиционного хозяйства — это этическая (и этническая одновременно) обязанность; это позволяет одновременно прокормить себя и гармонично существовать в конкретной исторической и этнической общине, в сакрализированном космосе. И к этому традиционному циклу нельзя применять критерии других циклов.

Экономическая теория не имеет единого постоянного критерия: ни критерия развития, ни критерия общего эквивалента. И в этом отношении национальные интересы или политические задачи стоят выше, чем экономика. Если мы говорим, что главным субъектом хозяйствования должен быть народ, тогда у нас возникает и ценность традиционного производства (как ритуальная структура общественного бытия), и ценность индустриального развития экономики

(необходимого для защиты от внешних угроз), и создание постиндустриальных сегментов (как фильтра и интерфейса для взаимодействия с глобальными финансово-информационными сетями).

Три экономические логики и проблема фазовых переходов

Итак, евразийская экономическая теория утверждает, что есть не одна экономика и экономическая логика, а три: первая — логика экономики постмодерна, вторая — логика экономики модерна и модернизации, и третья — логика экономики традиционного общества, то есть премодерна. На самом деле признание правомочности и возможности синхронного сосуществования всех этих логик составляет уникальность евразийской экономической мысли. Соответственно из этого следует, что надо давать не одно, а три экономических образования, разделять экономические проблемы на три типа задач и решать их тремя разными способами. И ни в коем случае их не смешивать. Самое сложное при этом найти между ними фазы перехода. Выяснить, как перейти от одного уклада к другому, где границы одного явления, а где — другого. Мы думаем и действуем не в безвоздушном пространстве, но в условиях предсказанного многими видными экономистами глобального кризиса финансовой системы, который уже подходит к своему пику. Это ставит перед нами совершенно новую задачу. Разработать эту многоукладную, многоуровневую или трехуровневую экономическую модель нужно еще и для того, чтобы сохранить Россию в условиях глобального экономического коллапса, которым чревато ускоренное движение в постиндустриальном режиме. Весьма вероятно, что процессы глобальной финансовой системы начнут в скором времени давать сбои.

По многим признакам они будут давать этот сбой и в политическом, и в финансовом, и в экономическом, и в моральном смысле. Так, существует глубочайшее противоре-

чие между функцией доллара как мировой резервной валюты и как национальной валюты США. Когда это макроэкономическое, глобальное противоречие достигнет критической черты, произойдет колоссальный экономический кризис — кризис мировой финансовой системы, основанной на мировой резервной валюте — долларе. Это случится тогда, когда разрыв между виртуальными деньгами и ценными бумагами, с одной стороны, и реальным производством и товарным покрытием — с другой, достигнет критического уровня. Сохранение индустриального и предындустриального хозяйственных циклов в России становится залогом спасения и выживания в этих условиях.

К теории евразийской интеграции

Другим важнейшим элементом евразийского экономического мышления является теория интеграции большого пространства, или «экономика больших пространств». Россия сама по себе, как и многие другие отдельные государства в условиях складывающегося однополярного мира и экономической глобализации, больше не в состоянии де-факто обеспечивать собственный суверенитет. Единственно приемлемой альтернативой этому остается создание «больших пространств» — особых зон, расположенных рядом друг с другом, со схожим уровнем модернизации экономического уклада.

На практике для России, Индии, Ирана, Китая, стран СНГ это означает создание особой экономической зоны на востоке евразийского материка, которая была бы аналогом Евросоюза, но с учетом иной фазы экономического развития тех государств, которые формируют костяк евразийского «единого экономического пространства». Поодиночке они не способны конкурировать с Западом, но совокупно их ресурсный, интеллектуальный, демографический потенциал вполне конкурентоспособен. Объединив усилия, они вполне могут развиваться самостоятельно, помогая друг

другу довести процесс модернизации до логического конца и перейти к постиндустриальной фазе (к постмодерну), не утрачивая при этом своей национальной идентичности, не растворяясь в глобализме и не превращаясь в колониальный придаток стран «богатого Севера».

Единая Евразия в таком случае способна стать важнейшим полюсом многополярного мира, партнером Европы и США, мотором развития для других регионов, уступающих евразийским странам по уровню развития. Речь не идет о полной изоляции даже этого «большого пространства» от Запада или Японии с их более высоким технологическим укладом, отношения будут развиваться, а сотрудничество — наращиваться. Однако евразийская зона будет сохранять качество независимого конкурентоспособного субъекта, строго следящего за тем, чтобы экономическое развитие осуществлялось равномерно, пока естественные процессы индустриализации Евразии не перейдут плавно и последовательно к постиндустриальной фазе. Это экономика евразийского постмодерна, который по ряду критериев — особенно культурных, социальных, политических, психологических и др. — будет существенно отличаться от постмодерна глобалистского и западного.

Глава 5. Геополитика газа на новой карте евразийского материка

Газ в мировой экономике

Этот вопрос является очень серьезным. Но при его рассмотрении следует начать с более простых вещей, а именно с того, что газ представляет собой важнейший источник энергии. По сути дела, газ — это, так сказать, «дубль нефти». Например, американские энергетические системы многих заводов, промышленных станций, теплостанций могут работать и от жидкого топлива, и от газа. Такая двойная система

свойственна также многим крупным промышленным европейским центрам.

С энергетической точки зрения, фактор нефти очевиден. Всем понятно, что это тот мотор, без которого нет современной экономики. Газ же в структуре экономики и энергоресурсов выступает как дублер нефти. Но если рынок нефти является демонополизированным и здесь действительно действуют рыночные принципы, то газовые корпорации, как правило, являются монополиями во всех странах Европы, кроме Дании, где существует микроскопическая, почти фиктивная конкуренция между газовыми корпорациями.

Почему же существует свободный рынок нефти и почти полная монополия на газ? Можно прочитать несколько тысяч страниц специальных анализов и найти лишь то объяснение, что газ и все, что с ним связано, имеет повышенную степень угрозы, что работа с ним влечет за собой возможность взрывов, возможность каких-то технических неполадок, которые могут привести к масштабным катастрофам экономического, экологического и физического характера. Но дело не только в этом.

Как правило, наша цивилизация, наша экономика говорит на двойном языке, существуют двойные стандарты. На внешнем уровне декларируются либеральные принципы — свободная конкуренция, рыночный подход, демократия и т. д. Но для того чтобы в какой-то момент эти процессы не приняли катастрофического характера, в нашей цивилизации существует определенный сегмент, который действует по совершенно другим принципам.

То есть если дело с демократией или рынком заходит не «туда», то существуют такие механизмы, которые корректируют этот процесс или просто (при необходимости) заменяют его. Это то, что произошло, например, во время теракта 11 сентября в США, когда была запущена дополнительная система управления страной, где уже нет ни демократии, ни рынка, ничего, а действуют совершенно иные принципы управления обществом и экономикой.

Согласно этой гипотезе, газ выполняет функцию некоего запасного энергетического дубля. Если в нефтяной сфере произойдет некий коллапс, связанный с рыночными механизмами или с определенными политическими трениями, то газ выступит в данном случае неким резервным продуктом энергетики, и мировая экономика, экономика западных стран в первую очередь, не рухнет в один момент.

Иными словами, газовая отрасль является строго монопольной не случайно — газ является резервной энергией мировой экономики. Это очень важная характеристика, и поэтому геополитика газа принципиально отличается от геополитики нефти. Геополитика газа принадлежит к более серьезным экономическим циклам, чем геополитика нефти, и колебания в газовой сфере тоже идут совершенно иными темпами и с иной частотой, нежели в нефтяной отрасли.

Газ и нефть — вещи очень разные. Нефть более гибкая, газ более постоянный, более неподвижный, более фиксированный, более монополизированный. Ценообразование в сфере газовой промышленности гораздо менее прозрачно, чем процесс ценообразования в сфере нефтяной промышленности. Ценообразование продуктов природного газа тесно связанно с другими продуктами, с параллельными энергоресурсами: углем и нефтью. Газ дублирует те процессы, которые происходят на рынке других энергоносителей.

Геополитика сегодняшнего дня

Через исследование сферы газа мы выходим на очень принципиальную фундаментальную картину геополитического устройства мира.

Когда мы говорим о геополитике, мы должны помнить, что слово «геополитика» — не пустой термин. Это не некоторая абстракция и не синоним международных отношений. Геополитика — это дисциплина, у которой есть свои собственные системы координат, своя методология и своя

модель видения реальности, видения смысла тех процессов, которые развертываются в сегодняшнем мире. С точки зрения геополитики существует борьба или оппозиция между двумя типами цивилизаций, между цивилизацией Моря и цивилизацией Суши, между атлантизмом и евразийством, между англо-саксонским полюсом и евразийским. Это вписано в основу геополитического мировоззрения: не снимаемые противоречия, конкуренция, оппозиция, война, битва, столкновение, соревнование — как угодно — между атлантическим и евразийским полюсом составляет движущую силу основных процессов мировой политики. Это аксиома геополитики. Если мы говорим, что это не так, или думаем, что это не совсем так, или мы с этим не согласны, или не слышали ничего об этом, то мы слово «геополитика» не употребляем. Поэтому, когда мы говорим о геополитике газа, мы говорим о том, как система газоснабжения, добычи газа, транспортировки и рынка потребления газа вписывается в эту геополитическую модель.

В современном мире происходят фундаментальные геополитические процессы, связанные с созданием однополярного мира, который является результатом окончания холодной войны, когда существовало противостояние двух лагерей: западного и восточного, точно и строго соответствовавшее традиционной модели противостояния Моря и Суши. По результатам холодной войны была закреплена победа одного из этих полюсов, атлантического полюса, причем важно не то, что одна система победила другую, важно другое — одна геополитическая модель победила другую и осталась единственным полюсом.

Сегодня мир представляет собой однополярную реальность, где существует центр однополярного мира (США) и существует система слоев. Самый ближайший — трансатлантический слой, второй слой — страны третьего мира, в центре четвертого слоя, который в геополитике атлантизма называется «черной дырой» (вспомните книгу Бжезинского), находится Россия как основа евразийского прост-

ранства. Иными словами, однополярный мир создается за счет ослабления той реальности, которая ему противостояла, — евразийского геополитического пространства, и все больше и больше частей этого пространства евразийского материка интегрируется или ставится под контроль однополярного мира. Это фундаментальный процесс современных геополитических преобразований, переход от двуполярности к однополярности, от баланса стратегического влияния к смещению мира совершенно в иной плоскости.

Мы знаем, что есть системы, которые основаны на двух полюсах. Например, плюс и минус, черный и белый; это круговые системы, где есть полюс и периферия. То же самое и в геополитике. В однополярной же ситуации евразийский континент, по сути, из субъекта превращается в объект.

Мотор прошлого противостояния — второй полюс, который был воплощен в Советском Союзе, а сегодня в расчлененном виде продолжает свое существование в России, — является «козлом отпущения» этого процесса, перехода от двуполярной модели к однополярной. Это и есть фундаментальный геополитический процесс, который сегодня происходит в мире.

Но известно, что с геополитической точки зрения до сих пор справедлива формула Хэлфорда Макиндера, основателя этой науки. Согласно этой формуле, тот, кто контролирует Heartland (это территория России), тот контролирует Евразию, а тот, кто контролирует Евразию, контролирует весь мир.

Конечно, такую прямую, классическую геополитическую картину сегодня мы встречаем только у самых ортодоксальных геополитиков, таких как Збигнев Бжезинский. Чаще всего американская стратегическая мысль, американские дипломаты мыслят немного в иных категориях, но очень-очень сходных. Если мы поймем логику их геополитического видения, то поймем многие закономерности, связанные с рынком газа и с теми процессами, которые происходят в этой сфере.

С точки зрения стратегической доктрины США существуют три сосредоточенные на евразийском пространстве реальности, которые ограничивают американскую гегемонию к 2050 году. Это, в первую очередь, Китай, который становится самостоятельным полюсом и имеет для этого очень серьезные основания: экономические, демографические, культурные, политические. Это исламский мир, который является политическим антагонистом однополярного мира и отвергает однополярный мир из-за несовместимости исламских ценностей с ценностями системы однополярного мира (либерально-демократическими и американскими). И существует Евросоюз, который претендует на то, чтобы стать новым геополитическим субъектом с собственной политикой, собственными энергетическими интересами, заинтересованный в прямых контактах с арабским миром и доступе к арабским энергоносителям без всякого посредничества США. Этот европейский полюс все более осознает себя как антагонист однополярного мира. И, безусловно, самой главной в этой евразийской системе является территория стран СНГ, и в первую очередь — Российской Федерации.

Делая «update» и «upgrade» классической геополитической теории, мы получаем следующую картину: для полного утверждения однополярного мира Соединенным Штатам Америки и их атлантическим союзникам необходимо получить контроль над этими тремя пространствами — Европой, исламским миром и Китаем — и не допустить их самостоятельного конкурентного возвышения, и поскольку в значительной степени Россия играет геополитически и стратегически центральную роль, то воспрепятствовать становлению России новым мощным геополитическим образованием, способным к самостоятельному волеизъявлению, и, соответственно, разделить Евразийский континент на четыре базовых больших пространства. Эта задача сформулирована еще в 1992 году Полом Волфовицем и Льюисом Скутером Либи в их докладе о том, что угрожает интересам США в XXI веке. Самая главная угроза — возможность возникновения евразийского альянса на евразийском материке, т. е. некий аль-

тернативный сценарий, который сорвет строительство однополярного мира. То есть если между этими четырьмя большими пространствами плюс «боковые» пространства, такие как Индия, которая сама по себе представляет целый континент, и Юго-Восточная Азия, возникнет стратегическое партнерство и сотрудничество, то однополярный мир потерпит фиаско. Таким образом, пространство Евразии оказывается в центре внимания двух фундаментальных мировых сил.

В этой связи нельзя не обратить внимания на создание фонда «Евразия», который базируется в Америке, а в России действует под именем «Новая Евразия», и сейчас американский посол господин Вершбоу активно развивает сетевые структуры этого фонда на территории Кавказа под предлогом борьбы с фундаментализмом, в Западной и Восточной Сибири — под предлогом изучения процессов демографии китайской миграции и т. д. Иными словами, США в высшей степени интересуются Евразией как объектом в рамках атлантической геополитики. Речь идет о контроле над этим объектом и поддержании Евразии именно в качестве объекта. Существует противоположная евразийская позиция, где Евразия мыслится как субъект и где выстраивается альтернативная контрстратегия. Эта контрстратегия состоит в том, чтобы найти общие точки соприкосновения между всеми большими пространствами евразийского материка, для того чтобы сбалансировать американский полюс и создать некое равновесие.

Когда происходило вторжение американцев в Ирак, американский консервативный фонд «Heritage Foundation» опубликовал очень важную интересную статью некоего господина Халстона под названием «Стратегия собирания вишен», где он уподоблял проявившийся в тот момент франко-германо-российский альянс, ось Париж—Берлин—Москва, выразившую несогласие с американской агрессией, компании Дороти из сказки «Волшебник страны Оз». В компании Дороти были существа, каждый из которых был лишен какого-то фундаментального качества: у Страшилы были соломенные мозги, у Железного Дровосека не было сердца,

а у Льва не было храбрости, т. е. каждый из них был ущербен, но, будучи вместе собранными в команду вокруг Дороти, они могли осуществлять те задачи, которые перед ними стояли, и достичь желаемого. И вот автор статьи уподобил Францию, Германию и Россию этим друзьям Дороти: у Германии нет внешней политики, нет армии; французская экономика в кризисе; Россия вообще находится в полуобморочном состоянии, но тем не менее если сложить все эти потенциалы трех «друзей Дороти», то для американцев получается вполне серьезная опасность. Их задача была не допустить, развалить этот альянс любой ценой. Внушали, что он не нужен, лишний, бестолковый, все равно ничего не светит от этого, что он вообще не альянс вовсе, и постепенно с задачей справились.

Атлантическая геополитика, понимая, что альянс Европы, России, Китая, исламского мира, других больших пространств евразийского материка может составить серьезнейшую конкуренцию и сорвать планы мировой доминации однополярного мира, делает все возможное, чтобы не допустить такого альянса.

Итак, Большая Игра в современном издании, как, кстати, говорили о Большой Игре между Российской империей и англо-саксами в XIX веке, позиционна на всем Евразийском пространстве. Суть по большому счету не меняется, меняется время, меняются государства. Большая Игра XXI века — это игра между евразийцами и атлантистами.

Атлантисты играют на то, чтобы не дать четырем главным большим пространствам евразийского материка образовать некую коалицию, которая могла бы координировать свои стратегические позиции и тем самым сорвать полную доминацию, полный контроль США над всем миром, сорвать процесс глобализации и утвердить многополярный мир. Это атлантическая сторона большой игры, это тот, кто играет в шахматы с той стороны. С этой же стороны играют евразийцы. Их задача — сделать нечто полновесное из нескольких больших пространств Евразии, каждое из которых имеет какой-то недостаток, как в истории про Дороти и ее

друзей. У России нет приличной экономики и политической воли, у Китая недостаток ресурсов, у Европы тоже недостаток ресурсов, у исламского мира есть мощная пассионарная идеология, есть ресурсы, но тоже нет экономики, нет адекватного взаимопонимания, т. е. каждый из участников евразийского альянса имеет фундаментальные недостатки, и евразийская задача заключается в том, чтобы преодолеть эти недостатки и складывать этот потенциал, создавать предпосылки многополярного, а не однополярного мира. Вот смысл Большой Игры, смысл геополитики XXI века.

Газ и геополитика

Как все это проецируется на газовую сферу? Здесь сразу заметен один очень интересный момент: основные запасы газа, которые, как мы выяснили, являются резервной энергетикой мира, находятся как раз в евразийском материке, это 70% газовых запасов. Первое место по запасам газа занимает Россия, второе — Иран, дальше — Саудовская Аравия. Также большие запасы есть в Туркмении, Казахстане и т. д. На самом деле газовые месторождения есть, конечно, и в других регионах мира, но основной массив находится именно на евразийском пространстве, т. е. в труднодоступных для морского вторжения территориях. А потребители газа в большинстве своем находятся на периферии Евразийского материка.

Если мы посмотрим на экономику Евразии отвлеченно, с точки зрения чисто экономической, не отягченной никакими политическими и национальными соображениями, мы увидим, что баланс газового рынка привел бы к очень быстрому гармоничному и стабильному развитию всех евразийских пространств. Представим себе, что Россия никак политически не сдерживается в поставках газа в Европу, Китай, а также в Турцию. Благодаря такому чисто теоретическому подходу экономики этих стран, особенно энергозависимая экономика Европы и экономика Китая, которые и так

достаточно активны, получают дополнительную стабильную базу для очень интенсивного, мощного и стабильного развития, т. е. у них появляется гарантия будущего.

Если рассматривать российский газ как стратегический потенциал, предполагая, что в России существует вменяемое правительство, а не невменяемое, как сегодня, то колоссальные средства, получаемые за счет продажи и поставки газа, могли бы идти на экономическое развитие, инвестироваться в развитие высоких технологий, в создание нового поколения экономики, модернизации и постмодернизации особых определенных областей, а не разворовываться, как это происходит сегодня. Грамотное использование газовых ресурсов позволило бы произвести некое уравнивание тех потенциалов, которые существуют в разных сегментах евразийского материка.

Либеральный рынок газа в рамках евразийского материка как раз и являлся бы воплощенным последовательным евразийством. Единая газовая энергосистема Евразии, которая могла бы возникнуть, если отвлечься от геополитических и неэкономических, негазовых факторов, но которая соответствует нынешнему положению дел между предложением и спросом, этот рыночный фундаментал сам по себе создал бы сегодня оптимальные условия для развития экономики всех евразийских государств. Но именно этому стремятся любым образом, не по экономическим, не по рыночным соображениям, а используя разные другие формы нерыночного воздействия, помешать США. Именно такого развития газовой энергетики и не надо глобализму, не надо однополярному миру.

Санитарные кордоны

Каким образом они стремятся предотвратить такое развитие событий? Для этого применяется традиционная для атлантистов стратегия санитарных кордонов, опробованная

Англией еще в Большой Игре XIX — начала XX века. Речь идет о том, что когда на Евразийском континенте возникают два союзника, объединение которых представляет собой серьезную угрозу для третьего, атлантического полюса, тогда между этими союзниками создаются санитарные кордоны — определенная зона, которая не близка ни одному из этих союзников и представляет собой некую расширенную конфликтную территорию, с помощью которой искусственно создается и поддерживается противостояние между участниками стратегического континентального альянса.

Именно такая зона и именно с такими геополитическими целями создается сегодня между Европой и Россией. Европа и Россия по объективным причинам, с точки зрения всех геополитических соображений, просто обречены на определенное сближение. У Европы есть то, что нужно России, а у России есть то, что нужно Европе. Свободный рыночный обмен между ними, в том числе определенными технологиями, ресурсами, потенциалом безопасности — это то, что естественными образом вписывается в интересы обоих пространств, но не вписывается в интересы США. И чтобы не допустить такого опасного для США сближения Европы и России, создается то, что называется «Новой Европой» — это восточно-европейские страны, срочно и эксклюзивно принятые в Евросоюз и в НАТО, которые при этом больше ориентируются на Вашингтон, чем на Берлин, Брюссель или Париж. По отношению к России они выступают в жесткой оппозиции, это бывшие страны Восточного лагеря. Этот санитарный кордон сейчас расширяется на наших глазах. К нему, безусловно, принадлежат страны Балтии, а также теперь уже и «оранжевая» Украина. Мы знаем, что именно страны «Новой Европы» являются главными антироссийскими активистами на всех европейских совещаниях и постоянно требуют самых жестких мер против России.

Такой же санитарный кордон создается и на Кавказе. Здесь цель стратегии атлантистов — посеять раздор между Россией и исламским миром, который волей-неволей реа-

гирует на то, что происходит на населенном преимущественно мусульманами российском Кавказе.

Нечто подобное происходит также в Центральной и Средней Азии. Между Россией и Китаем такого санитарного кордона почти нет, но Синьцзян и Тибет, в принципе, — это потенциальные кандидаты на то, чтобы выступить в качестве санитарного кордона. Здесь еще, конечно, негативно сказывается фактор китайской демографии — заселение китайцами Восточной Сибири и Дальнего Востока. Все это опять же создает напряжение и проблемы, которые препятствуют естественному развитию отношений между Россией и Китаем.

Таким образом, система санитарных кордонов, как главнейший инструмент Большой Игры классического стиля, сегодня опять активнейшим образом введена в действие. Санитарный кордон, который располагается поясом от стран Балтии по границам России до Дальнего Востока через Кавказ и Центральную Азию, является главным инструментом атлантического однополярного управления геополитическими процессами на евразийском континенте. С помощью этого кордона предотвращается сближение России с Европой, исламским миром и Китаем. А именно это сближение является залогом превращения Евразии как континента из объекта внешней манипуляции в субъект.

Газ как средство интеграции

Здесь мы подходим вплотную к газовой проблематике, поскольку газ является той фундаментальной инфраструктурой, которая в большой степени аффектирует этот альянс. Дело в том, что российский газ является залогом российско-европейских и российско-китайских отношений. Через газ осуществляется фундаментальный диалог между этими тремя пространствами. Эти три крупных пространства связаны газом, и именно для того, чтобы не допустить

этой связи, используются санитарные кордоны, которые располагаются между этими странами.

Здесь возникает еще один крайне любопытный вопрос. Именно газ является главным аргументом в решении вопроса о сохранении или распаде СНГ. Если СНГ реализует евразийскую модель, то все страны, которые зависят напрямую от российского газа, — Украина, Белоруссия, Молдова, будучи мостом между Россией и Европой, т. е. выполняя евразийскую функцию соединения, становятся зоной взаимного развития. Через российский газ и сближение России с Европой они автоматически получают оба фундаментальных для их развития экономических фактора: российскую энергетику и европейские технологии. В этом и заключался смысл создания ЕврАзЭС и ЕЭП — в том, чтобы превратить эти страны в соучастников евразийского развития. Это то, что нужно Европе (которая боится открыто заявить о своих реальных интересах), это нужно России, но не нужно американцам. И поэтому ситуация относительно поставок российского газа на Украину, в Белоруссию и вообще все, что связано с этими вопросами, приобретает совершенно иное значение и становится из интегрирующего фактора дезинтегрирующим.

Сходная ситуация складывается и в отношении российско-китайского газового партнерства. За всеми вопросами относительно маршрута газопровода и цен на газ в российско-китайских отношениях стоит определенная политическая модель. Российский газ гарантирует Китаю фундаментальный экономический, в том числе военно-технологический рост. Россия, для того чтобы пойти на это, сама должна руководствоваться строго геополитическими интересами. Китай также должен осознавать, что в качестве асимметричного хода необходимо определенным образом регулировать, а, может быть, вообще повернуть вспять процессы демографической миграции на Дальний Восток и в Восточную Сибирь. Это не благопожелание, а логика настоящих дипломатических переговоров. Для того чтобы прийти к пра-

вильной модели, необходимо найти общую базу в интересах каждой из сторон. Американцы активно противодействуют этому, подталкивая Китай через свои методы влияния к активному демографическому освоению Восточной Сибири и Дальнего Востока и обещая русским в Москве поддержку против этого процесса: мол, когда дело дойдет до конфликта, то мы военным образом вас, русских, поддержим, о чем американские эмиссары постоянно говорят в Москве.

Та же самая проблема газа существует и применительно к Кавказу. Тематика Кавказа как такового создает определенный зазор между интересами России и политического ислама, но на другом уровне. Исламские страны и Россия являются поставщиками, а не потребителями газа, и наш альянс должен быть основан на понимании общности наших геополитических целей. В таком случае можно будет договариваться о совместных квотах, тарифах и политике поставки природного газа в сторону потребителей, выступая не как конкуренты, а как союзники, распределяя рынки, маршруты газопроводов, стремясь совместно к извлечению максимальной экономической выгоды. Но атлантисты всячески стремятся сорвать с помощью санитарных кордонов возможность такой координации.

Если задача однополярного мира — с помощью санитарных кордонов заблокировать естественный рынок газовых продуктов Евразии, то стратегия многополярного мира, евразийского мира заключается прямо в противоположном — необходимо разблокировать, растворить санитарные кордоны, и для того чтобы сделать это, следует предпринять несколько шагов.

Необходимо наделить область поставок газа статусом важнейшего геополитического инструмента России. «Газпром» должен быть осознан не как экономическое или промышленное явление, а как важнейший политический и геополитический институт и ресурс российского правительства, российской власти.

Необходимо найти в странах евразийского континента: в Европе, Китае, исламском мире, — а также в Индии, Японии

и других азиатских странах адекватных партнеров, субъектов, осознающих центральность газовой темы в евразийской стратегии. Это очень важно, потому что аргументация и правильный выбор партнера может очень сильно влиять на процессы.

В срочном порядке необходимо создать систему евразийских газовых консорциумов для разработки новых газовых месторождений в Евразии и с широким использованием концессий. В особенности в разведанных запасах в России. Всем известно, что 80% текущей добычи, проданного газа пригодится на три-четыре самых крупных российских месторождения: Уренгойское, Ямбургское, Медвежье, Вянгапурское, — и там повсюду началась фаза падающей добычи, соответственно разведка новых месторождений — задача стратегически важная для каждого евразийского центра силы.

Необходимо проложить новые газопроводные маршруты, призванные уйти от зависимости всего цикла газоснабжения, от санитарных кордонов. Это принципиальный вопрос. Если между реальными силовыми субъектами евразийской геополитики будет установлена прямая газовая коммуникация, как бы она ни была дорога, это стократно окупится, в то время как прохождение газопроводов через Украину, например, показывает свою уязвимость, потому что это и есть санитарный кордон. С Ющенко и «оранжевыми» процессами мы попали в геополитическую ловушку с газом.

Необходимо согласовывать ценовую тарифную политику со всеми евразийскими странами-производителями и поставщиками природного газа: с Ираном, Саудовской Аравией, Туркменистаном, Казахстаном, Азербайджаном и т. д. Может быть, следует подумать в будущем о создании газового аналога ОПЕК, организации, которая занималась бы выработкой консолидированной стратегии, где экономические факторы увязывались бы с глобальными геополитическими интересами.

Газовый фактор на постсоветском пространстве

Можно сказать, что сейчас в вопросе газоснабжения Россия относится к странам СНГ в духе постсоветской инерции. Здесь экономические и политические интересы переплетаются, как и везде, с геополитикой природных ресурсов, но ясного представления, ясной парадигмы и модели переплетения этих интересов в поставках российского газа в ближнее зарубежье нет, эта модель отсутствует. Это дает огромное пространство для политических и экономических спекуляций. Когда эти вещи ясно не определены и не работают ни чисто экономические, ни чисто политические законы, они перемешаны, возникает огромное пространство для неправедной наживы различного рода посредников, менеджеров и прочих, которые между экономикой и политикой играют в темные игры. Необходимо сформулировать эту модель.

Такое состояние в газовом секторе в отношениях России со странами СНГ будет в любом случае изменено, и в самое ближайшее время. Изменение возможно в двух направлениях. Либо Россия, устав от невнятной собственной позиции в отношении стран СНГ, заставит все страны СНГ платить за газ его полную стоимость по мировым стандартам, что сорвет в итоге любые интеграционные процессы на постсоветском пространстве, которые и так уже на ладан дышат. Либо будет выстроена четкая евразийская модель: газ в обмен на интеграцию. Приблизительно по такому принципу: хотите платить за газ меньше — вступайте в ЕврАзЭС и ЕЭП со всеми интеграционными обязательствами и не мешайте проводить евразийскую политику в отношении других пространств, т. е. откажитесь от функций санитарного кордона, и тогда вы получите газ в пять раз дешевле. Не откажетесь от функций санитарного кордона — мы прекратим отдавать газ по льготной цене. Это было бы логично и по-евразийски и давало бы реальную возможность для успешного развития экономик стран СНГ. В противном случае все будет достаточно сурово.

Но мы сейчас не делаем ни того, ни другого, и это становится уже совершенно противоречиво.

С другими поставщиками газа из СНГ следует также работать по интеграционной схеме. Подчас выгоднее осуществлять поставки газа в перекрестном режиме или на основе общей системы владения трубопроводами и компрессорными станциями. Здесь, кстати, можно выработать особую модель широкой системы льгот для участников евразийской газовой сети, для тех стран, которые поддерживают политические интеграционные процессы, как, например, Казахстан, и вовлекая через газ и очевидное понимание общих интересов в этой сфере в интеграционные процессы такие страны, как Туркменистан.

Итак, газ является важнейшим инструментом интеграции постсоветского пространства в некое наднациональное евразийское образование в духе идей Нурсултана Назарбаева.

Газ в отношениях с Европой

Потребность в газе в Европе возрастает. Наш газ — гарант развития геополитической субъектности Европы. Именно рыночный фундаментал евразийского газа есть стабильный силовой фактор, значение которого в отношениях России с Европой следует осознать, оно гораздо глубже текущей конъюнктуры спроса и предложения.

Модели и методологии поставок российского газа в Европу — это гораздо серьезнее, нежели закрытие или незакрытие бюджета. Это будущее нашей страны, будущее нашего континента, будущее человечества. Правильная модель работы с российским газом в Европе означает создание предпосылок многополярного мира, неправильная модель работы с российским газом в Европе означает подыгрыш тем, кто хочет строить однополярный мир.

Газ — самый прочный фундамент российско-европейских отношений.

Газ в отношениях с Китаем

Для Китая доступ к восточно-сибирским ресурсам вообще жизненно важен. Китай взял на себя такую ответственность, он взял такие темпы развития, а энергоресурсов у него настолько мало, что в XXI веке он может существовать в этом процессе, лишь имея доступ к сибирским ресурсам. И будет Китай к этому стремиться — не мытьем так катаньем, и он абсолютно прав, потому что это его внутренний императив развития.

Другое дело, что Россия, если будет озабочена столь же серьезно проблемами стратегического планирования, как Китайская Народная Республика, где с этим очень все правильно и хорошо обстоит, должна будет выработать свою модель того, как Китаю предложить использовать эти ресурсы. На каких условиях и в каком формате это возможно? Безусловно, если этот процесс будет протекать в наших интересах и под нашим контролем, то речь не будет идти о территориальных сецессиях и демографической экспансии. Мы, например, можем предложить китайцам распространяться на юг — там очень много незаселенных пространств, и без демографической экспансии предложим им модель стабильного доступа к сибирским ресурсам. Таким образом, Россия смогла бы получить от этого процесса экономическую выгоду.

Надо смотреть правде в глаза: от Китая мы никуда не уйдем, это наш ближайший сосед, и в нынешнем состоянии он нуждается в новом оформлении отношений с нами на серьезной геополитической почве. И газ может стать надежным фундаментом российско-китайских отношений.

Рынок СПГ

Сжиженный газ представляет собой некий новый формат газовых поставок. Сжиженный газ, безусловно, является и будет являться энергоресурсом, гораздо более ликвидным

с точки зрения передачи от поставщика к потребителю, и рынок его будет безусловно расширяться. Транспортировка его несравнимо проще, компактней. Я думаю, что освоение этого рынка СПГ — сжиженного природного газа — является важнейшим инструментом экономического рывка России. Если мы правильным образом обратим внимание на эту сферу, то сможем диверсифицировать поставки газа, что очень важно для нас. СПГ — это то же самое в газовой отрасли, что развитие флота для сухопутной державы в стратегической сфере. Без флота мы не можем обеспечить мобильность на отдаленных территориях, без развития сферы сжиженного газа в новых условиях геоэкономических войн мы не сможем обеспечить надежного развития в этой области.

Газовый фактор во внутренней политике РФ

Для России газ — это тоже важнейший геополитический фактор. Например, возьмем такое явление, как шесть ценовых зон на газ в РФ: чем дальше от центров добычи, тем больше цена. Понятно, что речь идет о заведомой мине социального значения, подведенной под отдаленные от газовых месторождений территории, и, соответственно, об угрозе территориальной целостности России. С другой стороны, газификация российского пространства — это залог экономического и социально-инфраструктурного развития.

Газ внутри России также выполняет огромную функцию. Газовая сеть может быть и должна быть инструментом интеграции всего российского пространства, но в каких-то условиях, если не будет достаточной гибкости и если обеспечение газом не будет соотнесено с социально-политическими процессами и критериями, может служить и инструментом распада России. Это очень принципиально.

Либерализация цен, тарифов на газ должна проходить крайне осторожно, еще более осторожно, чем в любых других областях. Понятно, что цены на нефть либерализовы-

вать тоже крайне опасно, но газ — это тот стратегический фундаментал, с которым надо быть особенно осторожным. Это очень принципиальный вопрос, поскольку газовая сфера является фундаментальной подземной составляющей российской геополитической системы.

Очень важно сделать экспорт газа прибыльным и инвестировать средства в развитие не только самой отрасли, но и вообще в развитие рынка и высоких технологий. Если Россия останется только в статусе поставщика природных ресурсов, долго мы не протянем. Мы должны использовать наши энергетические преимущества в наличии природных ресурсов для того, чтобы начать серьезное построение эффективной и современной национальной экономики.

«Газпром» — синоним России

«Газпром», по сути, — это синоним России в геоэкономическом смысле, и поэтому стратегическое планирование, геополитическая экспертиза проектов и постоянный политический консалтинг и аналитика высочайшего уровня должны быть нормой существования «Газпрома». Сегодня всем специалистам очевидно, что это далеко не так. Конечно, можно было бы подозревать, что там сидят умные высоколобые аналитики и делают что-то, что никому не известно, и хорошо, что никому не известно, но, к сожалению, это только имидж, а в реальности все обстоит гораздо более печально, и за скрытостью, непрозрачностью «Газпрома» стоят совсем другие, гораздо менее благородные мотивации.

Необходимо, чтобы связка между президентом, российской властью и «Газпромом» основывалась на продуманной и четко выстроенной стратегической парадигме, поскольку «Газпром» решает государственные задачи, а государство сплошь и рядом решает задачи «Газпрома». Это абсолютно правильно, но какова формула этого взаимодействия, никто

не знает, поскольку дело решается, как правило, путем личных переговоров. Кто что говорит, кому говорит — никаким логическим, идеологическим и геополитическим критериям и клише не соответствует. Хорошо, что иногда власть и «Газпром» говорят друг другу хорошее. А иногда ведь и что придется... Но зависеть от случайного фактора в такой сложной геополитической ситуации, в которой мы оказались, крайне не хотелось бы.

«GEOPOLITICS ON-LINE»

Приложение 1

Призраки роста, демодернизация экономики и вирус ультралиберализма

Интервью А. Дугина информационно-аналитическому порталу «OPEC.RU». 08.02.2005

— Александр Гельевич, Россия занимает девятое место по темпам роста экономики среди стран СНГ. Это, в общем-то, понятно, поскольку остальные страны растут с гораздо более низкой точки, поскольку в свое время экономический провал там был глубже, чем в России. Однако во многом именно Россия определяет для этих стран благоприятную внешнюю конъюнктуру, которая позволяет достигать таких темпов роста. Одновременно есть мнение, что идея единого экономического пространства сейчас благополучно умерла. Но если есть такие экономические связи, своеобразный экономический анклав, то, может быть, все-таки как-то можно это институционализировать?

А. Дугин: Россия и остальные страны СНГ находятся в разных исторических ситуациях. Дело в том, что страны СНГ, даже самые неудачные из них, кроме, может быть, Грузии и Таджикистана, движутся в направлении модернизации национальной экономики. Периферийное пространство СССР было модернизировано в меньшей степени, нежели Российская Федерация, центральная

часть СССР, и сейчас эти страны занимаются процессом модернизации собственных экономик. Такой курс взят везде. Кто-то действует в хороших условиях, когда существует большой ресурсный потенциал, как в Казахстане, кто-то развивается в более сложных условиях, но все эти страны вкладывают энергию только в это.

Россия — единственная из стран СНГ, которая в принципе не занимается модернизацией национальной экономики. Основной курс экономического процесса в России направлен на сырьевой сектор, с одной стороны, и на внедрение на уровне надстройки разрозненных элементов информационного общества, экономического постмодерна — в виде сетевых, финансовых, информационных технологий. А собственно промышленность — средний сектор — в России стремительно исчезает, деградирует. Именно эта фундаментальная асимметрия отличает Россию от других стран СНГ и ответственна за пробуксовывание полноценного экономического развития.

Основная прибыль от продажи непереработанного сырья оседает за рубежом или кормит узкую социальную прослойку, связанную с экспортом природных ресурсов, — в этой области экономические показатели высокие, но так как прибыль никак не инвестируется в реальный сектор, то промышленность не развивается и, наоборот, деградирует. Также высоки показатели прибыли в экономических сегментах информационного и финансового сектора, но эти показатели сопряжены с интеграцией в глобальные сети и, по сути, имеют транснациональную природу, слабо влияющую на промышленность. Российские банки не выполняют главной банковской задачи: предоставление кредитов для предпринимательской деятельности в реальном секторе. С такими банковскими процентами и одновременно такими рисками это просто невозможно. Следовательно, финансовая сфера занимается чем-то иным, нежели кредитованием национальной промышленности. Информационные технологии и массмедиа образуют довольно доходный рынок, но также развивающийся без всякой корреляции с промышленным производством — это виртуальная экономика.

Поэтому сравнивать экономики стран СНГ и экономику России не совсем корректно. Необходимо учитывать качественное

различие. Россия живет, с одной стороны, в архаической предындустриальной стадии экспорта сырьевых ресурсов, и это главное для бюджета России, а с другой стороны, за счет информационных и финансовых технологий коряво и против своих интересов вписана в глобализм. Россия атипична, в то время как большинство других стран СНГ последовательно, хотя и не быстро поднимаются к индустриальному состоянию, находятся на разных этапах именно промышленной модернизации. Поэтому качественная разница экономических укладов между Россией и странами СНГ, а также разница в объеме ресурсов и структуре промышленности не позволяют их корректно сравнивать. Эта асимметрия сказывается на темпах экономического развития и экономического роста.

Поставленная президентом задача удвоения ВВП фактически снята с повестки дня, отменена, успешно просаботирована. Эта идея могла бы реализоваться либо в условиях неправдоподобного, фантастического роста цен на нефть, либо требует модернизации экономики и развития высоких технологий. Но российское либеральное правительство и состояние общества ни при каких условиях не могут не только справиться с модернизацией российской экономики, но и поставить этой задачи. С самого начала идея удвоения ВВП выглядела как насмешка, как пустой звук. Если бы о ней говорилось всерьез, то за словами должны были бы последовать дела — в частности, отказ от ультралиберализма и изменение государственной идеологии в сторону мобилизации, национальной идеи, быстрой ротации элит. Этого не последовало, а крайне благоприятные цены на нефть все равно не были достаточны, чтобы реализовать намеченное.

Отсюда, на мой взгляд, и различие в темпах роста. В России нет реальной экономики. Есть ресурсодобывающий и ресурсопоставляющий сектор, и есть фрагменты постиндустриальной инфраструктуры. Эта постиндустриальная структура действительно интегрирует Россию в глобализм, но только на уровне сознания интеллигенции мегаполисов и информационных потоков. Это — виртуальная интеграция, без реальной экономической основы. На фоне ощущения причастности к глобализации происходит

дальнейший отрыв реальной экономики от западных стандартов. Происходят иллюзорная, виртуальная, номинальная глобализация, с одной стороны, и реальная стремительная деградация экономического сектора, с другой стороны. В такой ситуации нет ни базы, ни модели, ни ощутимого основания, ни экономического фундамента для экономического роста. Нынешняя экономика России представляется предельно хрупкой, тогда как слабенькие, хиленькие экономики стран СНГ, тем не менее, развиваются достаточно логично и последовательно, хотя и с огромным отставанием от стран Запада.

Поэтому Единое экономическое пространство было проектом объединения всех укладов стран СНГ в единую картину, где должны были сочетаться ресурсопоставляющий сегмент (по сути экономика доиндустриального общества), информационный сегмент (постиндустриальный уклад) и индустриальный сегмент, который в большей степени, чем в России, воплощен именно в странах СНГ, например, на Украине, производящей станки, или в Беларуси, производящей трактора. Сочетание этих трех укладов в едином евразийском экономическом пространстве должно было позитивно и органично повлиять на всех субъектов-участников.

На первом уровне это должно было бы консолидировать ресурсодобывающую стратегию стран СНГ, с введением единых тарифов, общей ценовой политикой, договоренностью о формах и маршрутах поставки энергоресурсов. Далее, логика развития национальной промышленности индустриальных обществ должна была затронуть и саму Россию, заставить ее развивать внутри Российской Федерации все модули реальной экономики, которые связаны с производствами в странах СНГ. А это, в свою очередь, привязало бы к производственному сектору постиндустриальную информационную структуру, которая в России катастрофически оторвалась от реального экономического и социально-политического базиса. Таким образом, идея Единого экономического пространства была призвана стабилизировать и гармонизировать довольно сложные и даже катастрофические отчасти процессы в экономике всего постсоветского мира.

Действительно, в краткосрочной перспективе российская экономика по цифрам несколько проигрывала бы. В среднесроч-

ной же перспективе выгоды каждой из сторон уравнивались бы, а в долгосрочной перспективе именно Россия получала бы самые главные козыри, извлекая дивиденды из органичной и планомерно развивающейся устойчивой евразийской экономической структуры. Поэтому вопрос о Едином экономическом пространстве и экономической интеграции постсоветского пространства имеет фундаментальное значение для России, является важнейшим конкурентным преимуществом и представляет собой даже не просто экономическую целесообразность, но наиглавнейший политический императив.

Наши геополитические противники прекрасно понимают все, о чем я только что говорил, и ставят своей целью не допустить реализации этого проекта. Мы видим, что на Украине этот проект был сорван, по перспективе экономической интеграции был нанесен политический удар. Теперь о Едином экономическом пространстве как об организации четырех государств — России, Казахстана, Украины и Беларуси — можно забыть. Москве было жизненно важно провести евразийского, пророссийского кандидата на пост президента Украины. Этого не произошло, и Украина выбыла из игры. Ющенко говорит однозначно, что с ЕЭП практически закончено.

Остается структура ЕврАзЭС. Это уже гораздо более узкий формат. По сути, процесс экономической гармонизации постсоветского пространства получил политический удар, от которого трудно будет оправиться. Система органичного и позитивного развития постсоветского пространства в экономическом направлении получила политический удар на украинских выборах, она заминирована и взорвана. Это была подрывная акция против экономического возрождения России и стран СНГ. Я думаю, что этот момент более существенный, чем может показаться, и он, увы, необратим.

На это Россия должна, безусловно, ответить выработкой новой политики в отношении США, которые и стоят за вытеснением России с постсоветского пространства, немедленной интеграцией того, что пока еще можно интегрировать, отложив в сторону все остальные соображения. Но самое главное даже не это,

поскольку во многом причина всех провалов — это наличие пятой колонны, проамериканской колонны в самой России, которая саботирует любые позитивные экономические и политические процессы в нашей стране, срывает все позитивные и конструктивные проекты и начинания президента. Эта группа американской агентуры влияния в лице референтов, аналитиков, ультралибералов не позволяет поднять вопрос о необходимости настоящей модернизации реального сектора российской экономики, что позволило бы гораздо проще осуществлять в том числе и интеграционные процессы. Пока либералы находятся в правительстве, пока атлантистская агентура влияния окружает президента Путина, влияет на него, пользуясь заимствованными с Запада либерально-демократическими, ультралиберальными моделями, Россия будет в тупике, будет парализована и обречена на то, чтобы реализовывать дисгармоничную, катастрофическую модель экспорта природных ресурсов (это предындустриальное состояние) и столь же катастрофическое развитие постиндустриального сектора в лице виртуальной глобализации, которая не приносит позитивных экономических выгод глобализации, но зато насыщает российское общество ее теневыми сторонами, отбросами глобализации. В ходе такого однобокого и дисгармоничного процесса виртуальной глобализации Россия получает все недостатки глобализации и не получает никаких преимуществ. Это разлагает нашу страну, наше общество, нашу экономику. Сам факт наличия в нефтяном секторе или в секторе информационных услуг зарплат по 3–4 тыс. долларов, в то время когда работа в реальном секторе и социальное обеспечение — льготы, пенсии — на много порядков ниже, порождает деструктивный дисбаланс, парализует экономическое развитие. Происходит своего рода геноцид реального сектора экономики. Этот дисбаланс, связанный с переразвитием двух секторов — предындустриального и постиндустриального — на фоне фатальной деградации сектора индустриального, порождает в стране социально-экономический штиль, чреватый бурей и хаосом. Значение и стоимость реального труда и реальной экономической инициативы, безусловно, фундаментально занижены. Это убива-

ет российскую экономику, и продолжение такого курса в скором времени сделает Россию окончательно неконкурентоспособной, в то время как отдельные страны СНГ могут этого избежать. Несмотря на то что сейчас им выгодно сотрудничать с Россией, в среднесрочной перспективе, если Россия не изменит своей стратегии (а это уже будет чревато распадом самого российского государства, российской экономики), эта выгода будет менее очевидной. Поэтому время, отпущенное нам на интеграцию, стремительно утекает.

Россия ведет себя просто самоубийственно, и это проклятие, этот вирус может распространиться и на остальные страны СНГ. Я думаю, что беда именно в России, а не в этих странах. И Украину мы проиграли не только потому, что столкнулись с сильным противником, которого не ожидали, но и потому, что на Украину послали политтехнологов антигосударственной, антироссийской ориентации, взращенных американскими фондами. т. е. мы послали одних выкормышей Вашингтона противодействовать другим. Крах был запрограммирован в подборе подобранных Кремлем кадров, посланных в Киев. Не случайно русофобский постмодернист Марат Гельман почти официально представлял несколько лет в администрации Кучмы «руку Москвы». Такими «руками» Москва могла только отрезать себе самой ухо. Что она и сделала. Остальные кадры «технологов» были из той же серии. По сути, против украинских «оранжевых» послали российских «оранжевых». И что мы еще могли ожидать? А результат вполне конкретен: единое экономическое пространство уничтожено, не родившись.

Это уже признак некоей танатофилии Кремля. Кремль, видимо, хочет катастрофы, он сам хочет быть подорванным «оранжевой революцией». Я не могу по-другому объяснить действия власти в экономике. Я не допускаю мысли, что наши правители законченные идиоты и не понимают смысла происходящего. А раз они не законченные идиоты, то есть только одно объяснение — это стремление к смерти, к гибели и катастрофе. Кстати, в русском сознании это довольно характерная константа, периодически повторяющаяся — нигилизм, тяга к смерти, фатальное притяжение суицида, самосознание декаданса.

В экономическом секторе правительства есть пятая колонна, она и ответственна за все деструктивные процессы. Но кто дает ей зеленый свет в лице высшей власти? Страной и экономикой правят люди, которых выбирает народ. Получается, что народ выбирает собственную смерть. Это мрачная ситуация, и именно с этим связан уже необратимый подрыв Единого экономического пространства, а также прогноз самых кошмарных сценариев и в экономике, и в политической сфере на ближайшие годы. Я думаю, что ситуация для России неуклонно приобретает откровенно апокалиптический характер. Хотя по многим экономическим показателям и по наивным социологическим исследованиям этого еще пока не видно. Очень похоже падали советский лагерь и СССР. Не ждет ли та же страшная участь и саму Россию? Не дай Бог. Но чтобы предотвратить роковой исход, надо действовать уже сейчас, радикально и незамедлительно. Россию на самом деле нужно спасать.

Приложение 2

«Россию могут спасти только фанатики...»

Интервью А. Дугина информационно-аналитическому порталу «OPEC.RU». 23.06.2005

— Александр Гельевич, российская пресса и телевидение сейчас активно обсуждают доклад ОЭСР «Россия — строительство правил для рынка». «Независимая газета» пишет, что правительство заплатило ОЭСР за этот доклад 250 тыс. долларов, но при этом вместо желаемого результата получило черный PR, поскольку ОЭСР очень жестко раскритиковала то, что происходит в России. Подчеркивается и коррупция, и неэффективность госаппарата. Но так ли плох такой результат для правительства России? Ведь критика конструктивна, рекомендации вполне разумны. И, кстати, в некоторых странах исследования ОЭСР принимались как программа действий для власти.

А. Дугин: На самом деле ситуация в российской экономике, на мой взгляд, гораздо хуже, чем описано в этом докладе. В России вообще нет экономики. В любой стране, в которой главным источником бюджета является экспорт природных ресурсов, экономики как таковой, в полном смысле слова, не бывает. По одной простой причине: если одно крайне примитивное действие приносит много денег и сразу, то абсолютно нерезонно и совершенно бессмысленно заниматься чем-то долгим, сложным, что приносит гораздо меньше денег в конечном итоге. Соответственно, логика становления сырьевых экономик исключает саму возможность экономической модернизации. Сверхприбыль, которая получается от экспорта природных ресурсов, может тратиться поразному. Но самое глупое, как кажется экономическим элитам в этих экспортных обществах, — это вкладывать средства в менее прибыльные и трудные сектора, то есть в свою собственную экономику, хотя бы потому, что она заведомо менее прибыльна, нежели экспорт природных ресурсов. Это не то что драматизация, это объективный диагноз современной российской экономической ситуации. Все остальное — и коррупция, и слабое государство, и «сильное» чиновничество, и странности в развитии рынка — все это производные отсутствия экономики как таковой, отсутствия экономической политики в России. В России не просто нет экономической политики. Я скажу больше: в России не может быть экономической политики, это просто лишнее. Страна, которая обладает серьезными ресурсами, страна с краткосрочной психологией, при наличии такой колоссальной конъюнктуры, таких цен на нефть и 40-процентной зависимостью Европы от российского газа — такая страна не будет заниматься экономикой. Никогда. В такой стране могут существовать определенные инвестиции отчислений от сверхприбыли — в том числе и в экономическую сферу, но это подчиняется не экономической, а скорее политической или политтехнологической логике. К реальному экономическому развитию все это никакого отношения не имеет. Это логика турбулентного циркулирования краткосрочных, «горячих» денег, которые напрямую и легко выкачиваются из недр. Пока это сверхобогащающее выкачивание происходит беспроблемно

для правящей элиты, все остальное будет лишь прикрытием для этого процесса. Российская экономика — это виртуальный симулякр, абстрактный концепт, дымовая завеса над процессом извлечения и немедленной продажи сырьевой базы страны, пока такая конъюнктура, такая возможность сохраняется. Все, что происходит в России, — разговоры о модернизации, о государстве и бизнесе, о социальной ответственности бизнеса — является прикрытием для грубого порноэкономического процесса. В России существуют только нефть и ее прямые производные — нефтеденьги или газоденьги, которые и составляют основу бюджета, основу социальных процессов, основу политических процессов. Сероводороды — это и есть код жизни в современной России.

Критиковать это или не критиковать, восхищаться этим или проклинать, пользоваться вовсю или аскетически отстраняться — совершенно все равно, потому что изменить такую ситуацию невозможно. Если, конечно, не произойдет катастрофы, например, распада России.

При любом правительстве, при любом раскладе сил — все будет одинаковым по сути.

Какую альтернативу можно предложить такому статус-кво? Это неожиданный, революционный (или катастрофический) приход к власти группы фанатиков, одержимых какой-то идеологемой, которая выше жажды наживы, вне притягательности простейших коррупционных стратегий разложения. В либеральном обществе никакой идеологемы выше жажды наживы не существует. Поэтому верность либеральному курсу, активное противодействие всем иным альтернативным моделям идеологии сдерживает такой исход.

Россию могут спасти только фанатики. Например, фанатики православной идеи. Именно фанатики, а не просто православные люди. Нужен кто-то, кто с маниакальным упорством будет верить, настаивать, провозглашать и осуществлять истину: «Православие выше, чем деньги». Только такие люди способны изменить инерциальный сценарий, осуществив колоссальные потрясения. Это можно сделать только во имя национальной идеи и через полноценный террор, через репрессии. Если всевластие денег как уни-

версальной ценности и всеобщего эквивалента будет укрощено на уровне личной или групповой психологии и если такая группа сможет консолидироваться и укрепиться в России, возникнет субъект альтернативной стратегии, контр-элита. Только такая пассионарная контр-элита способна укротить наркотическую нефтегазозависимость российской экономики.

Интересно посмотреть, как дело обстоит в других странах—экспортерах сырья. Например, в Саудовской Аравии такой идеократической надстройкой выступают исламисты-ваххабиты, которые принуждают общество придерживаться жестких религиозных ценностей, несмотря на экспортный характер экономики. Сверхприбыли реинвестируются в исламистскую идентичность, в исламское общество, в мусульманскую экспансию, в проекты «мирового халифата». В Иране, например, другая версия, шиитская версия исламской идеократии. В Ираке при Хусейне был исламский социализм, баасизм, тоже идеократия, но иного рода. Во всех случаях речь идет об идеологической надстройке с сильнейшим религиозным, национальным и социальным (т. е. нелиберальным) компонентом, который сдерживает, ограничивает и отчасти компенсирует экономический паразитизм и вырождение политических элит.

В России это тоже теоретически возможно, но маловероятно. Пока никаких ясных признаков поворота к идеократии нет. В рамках либерализма и демократии такого поворота и не произойдет: ведь по определению здесь табуированы и демонизированы национальная идея, религиозные императивы, политический фанатизм, идеологизированные группы, рвущиеся к власти не для того, чтобы пользоваться ее благами, а для того, чтобы осуществлять проект. Социалистическая идеократия дискредитирована. Есть только слабый шанс прихода к власти на фоне внезапной социальной, технологической или политической катастрофы какой-то группы фанатиков. Но пока не просматривается даже слабых признаков существования такой группы. Кругом либо пародии, либо симулякры…

Соответственно, при сохранении статус-кво российская экономика будет оставаться нефтеориентированной, а паразитиро-

вание на природных ресурсах не будет компенсироваться никаким национальным проектом. В такой перспективе у российской экономики — дальнейшее разложение, а параллельно — разложение общества, культуры, государственности. И эти процессы гораздо более катастрофичны, нежели те частности, которые критикуют западные эксперты.

Я думаю, что Запад больше всего боится именно идеократического переворота в России, поэтому заведомо и превентивно критикуются даже отдаленные предпосылки к созданию такой идеократии в России. Запад сейчас заинтересован в сохранении в российской экономике статус-кво. Да будь она в 100 раз криминальнее, пусть хоть каждый день будут убивать банкиров или бизнесменов — это, по сути дела, Запад особенно не тронет. Тронет, как только он различит первые признаки идеократической революции. Пока таких признаков нет, и я думаю, что Запад спокоен, а его рекомендации в отношении российской экономики, в первую очередь, политические. Я хорошо знаю западных экспертов, в том числе и в экономической сфере: это абсолютно идеологизированные люди. Они обладают своей собственной либерально-демократической моделью и советуют нам только то, что вписывается в эти рамки, и то, что соответствует их собственным интересам. Поэтому я думаю, что не стоит демонизировать этот доклад ОЭСР, в России ситуация в тысячу раз хуже, чем в нем сказано.

Рекомендации эти технически рациональны, но касаются деталей. А то, что у нас царствует абсолютная коррупция, — это страшно. Коррупция пронизывает мозжечок, средостение, нервные узлы государства, центры принятия решений. Коррупция — это не просто болезнь общества… Сейчас уже непонятно, это раковая опухоль на живом теле или просто остатки живой ткани в раковом пространстве. Коррупционный канцер стал субъектом российского бытия, люди без этого не делают ни шага. Процесс получения денег (благ) и процесс воровства и лжи в современной российской ситуации строго идентичны. Я думаю, что этого никак не изменить, и Запад заинтересован скорее в приукрашивании этих тенденций и критике всего того, что могло бы быть

действительно направлено к некоему оздоровлению ситуации. Запад исключает только одно — возможность идеократической революции в России. А коль скоро это так, то он критикует любые экономические предпосылки, которые могут вести к идеократической революции, и в принципе старается сохранить статус-кво. Это отражено и в докладе, о котором мы говорим. Но это частный аспект...

— А с вашей точки зрения, для будущего России и ее блага идеократия — это единственный возможный и правильный путь?

А. Дугин: Да, Россию спасет только идеократия, в противном случае России просто не будет, Россия исчезнет. Сейчас Россия разлагается. Это смысл ее современного бытия.

Но не стоит забывать: процесс разложения может быть комфортным, приятным и уютным; он может приносить прибыль, приносить удовольствие, порождать галлюцинативное очарование... Процесс греха, грехопадения, разврата может доставлять наслаждение и удовольствие. Когда мы приходим от более высокого уровня энергии и организации на менее высокие, высвобождаются огромные силы, колоссальный потенциал. Это и есть наслаждение от греха, в этом и состоит привлекательность грехопадения, здесь кроется фасцинация коррупции, удаль воровства, дерзость разрушения, сладость распада. И эта энергия распада является комфортной и прибыльной для тех, кто отождествляется с этим процессом. Также грехопадение является захватывающим мероприятием: освобождаются высокие напряжения, скрытые токи, которые вызывают острое эфемерное наслаждение. Россия и ее экономика сегодня энтропируют. Скольжение в бездну не очень заметно, чувствуется лишь головокружение...

Идеократия — это, напротив, движение к здоровью, к существованию, к жизни, но оно требует колоссальных усилий, затрат, аскезы, сопротивления силам тяготения. Идеократия — это социально-политическая и экономическая негэнтропия. Поддерживание порядка в любой системе — это огромные затраты энергии для того, чтобы эта система держалась.

Но наше общество не готово к новому идеократическому мероприятию, а раз так, то оно обречено на уничтожение, распад, разложение, энтропию. Россия не выстоит при нынешнем положении дел. Россия сегодня — это просто некая территория, откуда берут нефть и газ и впаривают в эфир обезумевших Петросянов. Это только территория с сероводородами; это уже не страна, это не государство, это некий фантом.

Я переживаю это с огромной болью, потому что я на другой стороне, стороне порядка, организации, на стороне жизни, на стороне идеократии. Но силы танатоса, разложения и греха — в том числе и в экономике (ведь экономика — это некий показатель, выражение более глубоких социально-политических установок) — сегодня преобладают. Никаких перспектив у России при продолжении нынешнего экономического курса нет, даже и курса никакого нет. Сменится правительство — ничего не изменится, можно сменить президента — тоже ничего не изменится. Вопрос только в том, будет или нет идеократическая революция фанатиков. Я в ней жизненно заинтересован, я считаю, что это единственный выход и единственное благо. Но при этом я вынужден констатировать, что объективных предпосылок для того, чтобы это произошло, пока нет.

Вот такая трагическая ситуация. Без этого мы исчезнем, хотя это маловероятно. Поэтому я идентифицирую ситуацию как катастрофическую. А то чувство устойчивости, стабильности и успокоенности, которое испытывают политические элиты и зомбированные телемассы, — это вещь эфемерная.

— Но, с другой стороны, распад одного образования неизбежно ведет к появлению на этом месте чего-то нового.

А. Дугин: Не всегда. Распался Советский Союз — на его месте появились периферийные национальные государства, которые еще хоть как-то пытаются освоиться в мире, цепляются за историческое бытие, и осталась черная дыра на месте России, где не появилось ничего. Точно так же, когда будет распадаться Россия, я допускаю возможность появления энергетических ядер на ее периферии, скажем, в национальных республиках, у которых есть потенциал для идеократии, связанный с этносом, с культурой, с религией. Но после распада России в ее центре опять

ничего не возникнет, и будет такая же ситуация, как с Советским Союзом. То есть где-то на периферии возникнет что-то новое, но центр опять будет парализован. Ужас в том, что в процессе коррупции политическим классом России, всем в целом, совокупно, без единого исключения, перейдены все рамки, все границы, все ограничительные моменты. Каждый осуществил такое количество преступлений, произвел такое количество лжи, соучаствовал в таком количестве насилия, что возврата из этого нет. Повязанность дерьмом еще более эффективна, чем повязанность кровью. Из-под этого мрака может выбраться только маленькая группа фанатиков-идеократов, но я пока даже близко не вижу их формирования. Общество очень быстро, хотя подчас незаметно, гниет, оно уничтожается, распускается. Это самоликвидация России, и в экономике эти процессы совершенно очевидны. И ничего другого при этой конъюнктуре цен на нефть не может быть. Нас погубили цены на нефть. Если бы нефть была 8-10 долларов за баррель, то, я думаю, в России началась бы реальная модернизация экономики, была бы выработана национальная идея, политический класс быстро бы поменялся и пришли бы совершено другие люди. 60 долларов за баррель — это смерть, это наркотик, это нас погубит. От этого спасения нет, рано или поздно это погубит и Иран, и других поставщиков нефти и газа, которые, к счастью для них, оказались на более архаичном, более энергетически высоком уровне религиозного фанатизма. Если что-то еще и удерживает других экспортеров сырья от разложения — это идеократия, религиозный фанатизм. В России прямо противоположная ситуация, соответственно, мы обречены. 60 долларов — это приговор. Это вердикт разложения, это отсутствие экономики и открытая возможность для любой трагедии — экономической, национальной, религиозной. При 60 долларов за баррель российская нефтегазовая элита, у которой есть реальная власть, пойдет на все, она сделает все что угодно. Она поставит любой спектакль и подберет любых актеров. И бездна покажется обезумевшим телезрителям цветущим садом, а гибель — веселой вечеринкой.

Приложение 3

Ратификация Киотского протокола: антиамериканский экологический фронт

Интервью А. Дугина информационно-аналитическому порталу «OPEC.RU». 16.09.2004

— Александр Гельевич, в пятницу на встрече с послами 25 государств–членов ЕС Михаил Фрадков опроверг появившуюся в ряде СМИ информацию о негативном отношении Москвы к ратификации Киотского протокола. Он отметил, что консультации продолжаются и сейчас завершается работа на уровне экспертов. Однако «Время новостей» пишет, что в проекте доклада премьер-министра президенту Киотский протокол называется «несправедливым» и «научно не обоснованным». То есть понятно, что ратификация Киотского протокола — чисто политическая проблема. А с Вашей точки зрения, какие существуют «за» и «против» для ратификации Киотского протокола? И какую позицию занимаете лично Вы?

А. Дугин: Я полагаю, что проблема Киотского протокола и подписание этого протокола по экологии и ограничению определенных видов промышленных выбросов — проблема символическая и политическая. Инициаторы подписания Киотского протокола — страны Евросоюза. Идея заботы об окружающей среде является одним из идеологических элементов европейской социальной политики, наряду с правами человека, социальной обеспеченностью и т. д. Если говорить об общем стиле европейского сообщества, то гуманитарные, экологические, социальные заботы, заботы об окружающей среде — это неотъемлемая часть политического имиджа Европы. Европы, которая, по словам американского политолога Кэплана, все больше тяготеет к кантианской модели, в отличие от Америки, которая тяготеет к модели гоббсианской. Вот этой открытой, гуманной, демократической и гражданской Европе присуще заботиться об окружающей среде. Не столько на деле, сколько на словах, но это роли не играет, поскольку речь идет о политическом выражении европейской идентичности. Европу поддерживают и Япония, кото-

рая стала жертвой ядерной агрессии со стороны США, и многие страны третьего мира, у которых экологическое состояние совсем катастрофическое, поскольку туда в современном мире перенесена основная тяжесть индустриального производства, и больше всего страдает от этого разделения труда в глобальном масштабе тихоокеанский регион. Итак, Европа является политическим инициатором подписания Киотского протокола.

Позицию США в этом вопросе мы знаем. Она очень показательна, особенно республиканская позиция. Она совершенно безразлична к гуманитарной европейской идентичности. США (особенно при республиканцах) вызывающим образом отказываются подписывать что бы то ни было в этом роде, ограничивать как бы то ни было свое индустриальное производство. Хотя пункты Киотского протокола затрагивают американскую промышленность в весьма незначительной степени. Но Америка не хочет считаться с Европой, и это американский эгоистический ковбойский стиль в политике.

Теперь позиция России по отношению к этому символическому действию. Большого вреда российской промышленности подписание Киотского протокола не принесет, в общем и целом, хотя какие-то ограничения, конечно, потребуются. Вопрос лишь в том, стоит ли двигаться в этом направлении — в сторону европейского мира — или поступить, как США, проигнорировав его. Это принципиальный вопрос, который идет гораздо дальше, чем подписание самого Киотского протокола. Это выбор Россией одного из двух полюсов нынешнего Запада — либо атлантическая Америка с Англией, либо континентальная Европа. Киотский протокол — это политический акт, детище — может быть, наивное, смешное и даже неискреннее — именно континентальной Европы. Это «кантианская» затея, в терминах Кэплана, но никак не «гоббсианская». И за теми, кто выступает за подписание Киотского протокола в России, стоят не столько экологи, значение которых у нас равно нулю, сколько европеисты. У нас есть маленькое, хиленькое лобби европеистов, хотя сам президент у нас в значительной степени европеист. Подписать Киотский договор — это их проект.

Но у нас вокруг президента, во властных элитах, существует огромное, мощное, непоколебимое атлантическое лобби, гораздо более консолидированное, чем европеистское, играющее активно собственную партию, взращенное на американских (в первую очередь, консервативных и республиканских) фондах (Херитидж, Рэнд-копрорейшн и т. д.), внедренное к нам во власть в начале 90-х годов, если не раньше. Это проамериканское лобби постоянно контактирует с президентом, и ему настойчиво внушается, что «нужно подражать Америке», «следовать за Америкой», «слушаться Америку». А раз Америка плюет на Киотский протокол, чтобы, не дай Бог, не повысить политический вес Европы, то Россия тоже должна на него плевать. Это атлантистское лобби действует сейчас активно, часто грубо, бессмысленно и вопреки всякой элементарной логике (не говоря уже о соблюдении национальных интересов). Но как бы то ни было, это лобби у нас сильно, и оно приводит свои аргументы, почему у Кремля нет совершенно никаких экономических или экологических резонов подписывать Киотский протокол. Отчасти это правильно, потому что это только наложение на Россию определенных обязательств без каких-то позитивных последствий. Но это ведь только политическая программа, и поддержка ее зависит от характера и содержания нашей европейской политики.

Теперь о Фрадкове. Сам Фрадков, безусловно, европеист. Это хотелось бы подчеркнуть: у нас премьер — европеист. Поэтому понятно его стремление сблизиться с Европой. Он работал в Евросоюзе, он европеист по своим взглядам, и он европеист по своему складу. Его экономический стиль тоже в некоторой степени европеистский — корректная умеренная социал-демократическая модель, умеренное кейнсианство. Естественно, что он эту линию пытается провести в том числе и в символических политических действиях, таких как подписание Киотского протокола. Но он — европеист, который окружен проамериканскими и либеральными фигурами. Вся реальная экономика у нас в руках ультраамериканистов, ультралибералов и имеет антиевропейскую ориентацию. Практически весь экономический сектор правительства РФ — это либералы-американофилы, американская агентура влияния. Собственно, конфликт в правительстве

развивается в последнее время именно по этой линии — это конфликт Фрадкова, европеиста и умеренного социал-демократа, с проамериканским либеральным сектором (Греф, Кудрин). К сожалению, проамериканский сектор не утрачивает своих позиций на протяжении всего времени правления Путина, хотя было бы логично сместить этих либералов на периферию.

Путин делает в этом направлении спорадические действия, но запала не хватает для того, чтобы довести начатое до конца, и снова выбор осуществляется между ультралиберальными и проамериканскими фигурами: либо Греф, либо Илларионов, хотя идейно они практически неразличимы.

Суммируя все вышесказанное: как геополитик и евразиец, я, безусловно, стою за ратификацию Киотского протокола. Да, эта экологическая демагогия не очень серьезная вещь. Но задача России — любыми способами и любой ценой сближаться с континентальной Европой: в данном случае цена не очень высокая, и мы можем и уступить. А выгоды, напротив, очень серьезные: укрепление оси Париж — Берлин — Москва, резкое улучшение образа России в Европе, развитие континентального партнерства. Было бы авангардным начать и совместные стратегические инициативы стран «экологического клуба» (Европа, Россия, третий мир) по защите от «эгоистических янки», несущих угрозу природе Земли и всему человечеству и бравирующих наплевательским отношением к окружающей среде. Антиамериканский экологический фронт, евразийский блок.

С геополитической точки зрения это очень важный акт. Это понимает Фрадков, и, естественно, его саботирует и торпедирует проамериканское, проатлантическое окружение президента, в том числе экономический сектор в правительстве.

Это основное противоречие политики России, которое проявляется и в мелочах, и в крупных проектах, и в экономической полемике, и во внутренней политике, и во всем остальном. Спор европеистов и атлантистов в окружении Путина — это самое главное не только во внешней, но и во внутренней политике, а подписание или неподписание Киотского протокола является одним из небольших эпизодов в этой позиционной игре с очень высокими историческими ставками.

Раздел IV
ГЕОПОЛИТИКА АСИММЕТРИЧНЫХ УГРОЗ: ВОЙНЫ ПОСТМОДЕРНА

Глава 1. Терроризм: еретики XXI века

Социально-политическая функция

Терроризм — метод политического действия, свойственный тем группам и секторам политического (национального, религиозного) спектра, которые в силу определенных обстоятельств не способны добиться своих целей (или просто заявить о себе, сообщить о своей точке зрения в желаемом масштабе), действуя в рамках закона. Условие появления терроризма — определенный зазор между серьезными ограничениями в социально-политической сфере и относительной мягкостью правоохранительной системы, поэтому для существования этого явления максимально благоприятны общества с либерально-демократическим устройством.

Политическая эффективность терроризма бывает различной. Иногда цели, поставленные террористами, достигаются. В других случаях система справляется с вызовом. Примеры неэффективного терроризма — ИРА, ЭТА, германский РАФ, Курдская рабочая партия; эффективного — действия чеченских боевиков в Буденновске (и последовавший за ними Хасавюрт), ООП в Израиле, исламских боевиков в Кашмире, эсеров в России накануне революции 1905 года.

Террористические образования варьируются от крупных этнических и религиозных объединений, входящих в состав еще более крупного государственного организма (в этом случае террористы осознают свою деятельность как такти-

ческое направление в национально-освободительной войне) до террористов-одиночек, решающихся на отчаянный шаг, чтобы реализовать свою неосуществимую нормальными способами психологическую или политическую программу (например Освальд — убийца Кеннеди, Игаль Амир — убийца Рабина и т. д.). Довольно часто террористические организации представляют собой сообщество представителей небольших маргинальных политических партий или сект. В таком случае в них зачастую присутствует феномен «коллективного гипноза»: реальность они воспринимают через призму своих догм. Порой к террористическим методам прибегают и правительства определенных государств в ходе горячего (или холодного) противостояния с враждебными державами. Данную разновидность терроризма принято называть «диверсионной деятельностью».

Геополитические аспекты

Геополитика исходит из видения конфликтной природы политической географии современного мира. Она рассматривает не столько противоречия между государствами, сколько противоречия между цивилизациями и, шире, между типами цивилизаций.

Геополитика выдвигает в качестве основного положения существование двух полярных субъектов мировой политической истории: атлантизм и евразийство, Море и Сушу. Геополитический анализ любой проблемы становится верным лишь в том случае, если осуществляется приведение рассматриваемой ситуации к изначальному геополитическому дуализму. Говорить о геополитической подоплеке терроризма значит говорить о тех случаях, когда террористическая деятельность используется в интересах одного из двух мировых полюсов против другого.

Геополитика утверждает, что приоритетная зона столкновения интересов двух полюсов — береговая зона (рим-

ланд), простирающаяся по евразийскому материку от Западной Европы к Дальнему Востоку, захватывая Средиземноморье, Центральную Азию и Индию. Здесь нагляднее всего дает о себе знать противоречие между геополитическими векторами. Эта зона, а также другие периферийные зоны мировой политики, такие как Африка или Латинская Америка, представляют собой полосу потенциальных конфликтов. Ведь по правилам геополитической игры и атлантизм, и евразийство стремятся усилить свои позиции — естественно, за счет ослабления позиций соперника. Не случайно именно эта географическая зона является ареной наиболее радикальных террористических действий.

В период холодной войны геополитический, по сути, террор выражался в идеологических формах — противостоянии двух систем. После распада Варшавского договора и СССР идеологическое оформление было упразднено, но геополитическое содержание игры за контроль над береговой зоной сохранилось, на этот раз с серьезным перевесом атлантистского полюса. В связи с этим геополитические процессы и соответствующая им расстановка сил сегодня претерпевают важные качественные изменения. Продолжая логику атлантистской стратегии, США изолируют и оказывают давление на те политические образования, которые на предшествующем этапе входили в несущую конструкцию евразийской геополитики или могут быть потенциально интегрированы в евразийский блок на новом этапе, если этот блок начнет укреплять свои позиции.

Один из таких геополитических инструментов — исламский фундаментализм, или исламизм (особенно ваххабизм), который был использован Западом для противодействия просоветским режимам в исламском мире или тем версиям политизированного ислама, которые, основываясь на традиционных масхабах (юридических школах толкования) и шиизме, стремились отстоять определенную независимость как от Запада, так и от социалистического Востока. Таким образом, в основе радикальных версий современно-

го исламизма лежит атлантический геополитический вектор, а следовательно, это направление терроризма есть генетическая производная атлантизма. К этой же категории относятся наиболее непримиримые террористические группы чеченских повстанцев или вчерашних афганских талибов. Отсюда следует, что структура террористической сети исламизма укоренена в спецслужбах Запада и является развитием геополитической логики борьбы за контроль над римландом.

Однако резкое ослабление стратегических позиций восточного полюса (евразийства) качественно изменило баланс сил в этой сфере. В частности, ослабли, а то и вообще рассеялись радикальные политические и террористические организации, которые ранее были инструментом геополитики Евразии. Так, с арены политической жизни сошел крайне левый сектор террора, в недавнем прошлом довольно влиятельный и опасный, особенно в странах Ближнего Востока, в Африке и Латинской Америке. Лишившись мощной поддержки со стороны, структуры евразийского терроризма постепенно рассосались, либо были законсервированы.

В такой ситуации сохранение сети атлантического терроризма при распылении организаций с противоположными геополитическими целями привело к определенному функциональному изменению. Можно сказать, что нацеленный на довольно масштабное противостояние с противоположным полюсом атлантистский террор, благодаря накопленной инерции и быстрой самоликвидации евразийского стратегического пространства, обратился против тех, кто его породил, оснастил и финансировал.

Таким образом, произошла существенная мутация террора: в однополярном, пусть номинально, мире обнаружился симметричный ему фактор влияния, получивший название «международный терроризм» и новую функциональную нагрузку. Отныне этот термин стал обозначать радикальные действия всех противников однополярного глобализма. В то же время речь идет не о законченном факте, а о диалектиче-

ском процессе. Несмотря на небывалое могущество атлантического полюса и слабость полюса евразийского, окончательного триумфа однополярности пока не произошло и возможность восстановления в новом масштабе сухопутного евразийского фокуса остается одной из вероятностей. А так как геополитическая теория утверждает, что определенный баланс в этом вопросе является исторической константой, евразийские тенденции проявляются повсеместно — хотя бы как препятствие для глобализации. Однако выход терроризма в оппозицию к своим организаторам не может быть признан абсолютным, так как определенный антиевразийский потенциал этого явления все же сохраняется. Аль-Каида и Бен Ладен (созданные ЦРУ) продолжают служить стратегическим интересам атлантизма, даже позиционируя себя как его непримиримые враги. Вспомним, что последствиями терактов 11 сентября в Америке стали закрепление американского военного присутствия в Центральной Азии и усиление влияния США в береговой зоне.

Психология терроризма

К террористической деятельности склонны люди особого типа. Их отличают большая психическая активность, яркие лидерские качества, неспособность к компромиссам, презрение к материальным ценностям и комфорту. Это, как правило, представители «контр-элиты» (по В. Парето), которые не могут достичь высокого положения, но обладают большой концентрацией психической энергии, решительностью, презрением к опасности и смерти. В некоторых случаях эти качества граничат с психическим расстройством, переходят в патологию. Но статистика показывает, что клинические отклонения психики наблюдаются у меньшинства тех, кто профессионально занимается террором. Сложность выполняемой задачи требует вполне рациональной и стабильной манеры поведения.

Террориста отличают презрение к жизни, отсутствие осознания границы между жизнью и смертью. Это проявляется в отношении не только к чужой, но и к собственной жизни. Поэтому среди террористов так много религиозных фанатиков, сектантов, мистиков, иногда они также активно употребляют психоделические вещества. Показательно, что духовный пастырь ранней ИРА Мод Гонн была активисткой английского эзотерического братства «Голден Даун», куда входили также поэт Йейтс, литератор Брэм Стоукер и т. д. Многие современные активисты итальянских «Красных бригад» — практикующие оккультисты.

Демонизация терроризма

Рассмотрение этого явления как глобальной угрозы (демонизация) характерно для бытовой мифологии либерал-демократических обществ светского типа. В этом проявляется особенность самой политической системы. Психологически, политически, типологически — фигура террориста представляется в таких обществах воплощением «чужого», «враждебного», «иного». Террорист — идеальный образ для социального апартеида, пария. Все составляющие терроризма (от политических, геополитических до психологических) принадлежат к комплексу установок, жестко вынесенных за скобки социальными нормативами.

По мере успехов глобализации атлантического полюса и соответствующей либеральной системы ценностей категория терроризма будет постепенно эволюционировать, распространяться на все социально-политические, религиозные, конфессиональные группы и даже психические типы, которые не вписываются в либерально-демократическую цивилизационную парадигму. Если однополярные тенденции будут развиваться и далее в ущерб геополитическому балансу, понятие международного терроризма может стать самостоятельной социально-политической и цивилизацион-

ной категорией. Но в таком случае это явление существенно изменит свое содержание. Постепенно образ террориста (Карлоса, Бен Ладена или Хаттаба) может превратиться в аналог того, чем в эпоху Инквизиции были колдуны.

В однополярном либеральном мире, если он окончательно и бесповоротно утвердится, борьба с «международным терроризмом» станет, по сути, борьбой с теми человеческими измерениями, которые выходят за границу либеральных нормативов «открытого общества».

Глава 2. Терроризм в медийном пространстве

Современный терроризм как явление

Современный терроризм имеет ряд особенностей по сравнению с предшествующими политическими эпохами, поэтому следует дать основные характеристики терроризма как явления в целом. У терроризма всегда идейные и политические корни, которые питают конкретную террористическую практику, наравне со специфическими психологическими и социальными условиями, в которых живут потенциальные исполнители терактов. Психологический тип террориста определяется способностью пойти на насильственные действия против мирных граждан ради осуществления части политического или идеологического проекта. Именно наличие такого проекта существенно отличает террориста от криминального преступника.

Геополитический контекст — еще одна и самая существенная база для возникновения терроризма, так как радикальность этого политического средства сплошь и рядом сопряжена с решением великими державами серьезных геополитических задач, намного превышающих формальную сторону теракта, требования его исполнителей и т. д. Геополитический подтекст терроризма может быть совершенно отличным от той политической модели, которой вдохнов-

ляются сами террористы, и в данном случае они оказываются слепым и бессознательным орудием тех геополитических сил, о существовании которых сами они подчас не догадываются.

СМИ как фундаментальный элемент террористического сценария

Современное общество характеризуется повышенным значением информации. Многие политические, мировоззренческие, социальные и даже экономические процессы неразрывно связаны с системой средств массовой информации. Террористическая деятельность по самой своей природе направлена на то, чтобы произвести эффект на широкие общественные слои, к которым у террористов нет прямого доступа, повлиять на политические инстанции через «общественное мнение», погружаемое в состояние шока. В некотором смысле террористы, осуществляя свои деяния, покупают себе такой кровавой ценой «эфирное время». Смысл теракта состоит именно в том, чтобы быть немедленно и широко протранслированным. По логике террористического мышления теракт — это безотказный метод донесения информации о политических позициях с максимально широким успехом. Несколько утрируя, можно сказать, что теракт осуществляется в первую очередь для того, чтобы о нем сообщили СМИ. Сами СМИ не могут игнорировать значительные происшествия или экстремальные ситуации, поэтому в момент совершения теракта они становятся заложниками своей внутренней структуры. Жесткое ограничение информации о событии, о котором более всего хотят знать граждане информационного общества, противоречит самой природе и смыслу современных СМИ. Это создает серьезную проблему. Теракты будут совершаться до тех пор, пока их освещают основные СМИ. Последние, в свою очередь, будут продолжать показывать и рассказывать о терактах, пока они остаются в фокусе внимания информационного общества.

СМИ vs государство

События на Дубровке, в Беслане, Нальчике очередной раз доказали, что потенциальным пострадавшим от этого взаимодополняемого тандема (СМИ — терроризм) может стать государство, без вмешательства которого, в конечном итоге, все общество становится участником «реального шоу». Главный недостаток такого зрелища — вполне настоящие жертвы...

Неудивительно, что закон «О поведении СМИ в чрезвычайной ситуации» не так давно стал главной темой общественного обсуждения, инициатором и основным участником которого выступило государство. Однако стоит заметить, что обсуждаемые поправки к закону о СМИ многими были расценены не иначе, как попытка брутальными средствами решить деликатную проблему. Именно этот фактор объясняет позицию Индустриального комитета и Президента России, наложившего вето на этот закон. Слишком тонкая область, чтобы уповать здесь на формализованные решения. Куда как более приемлемой на этом фоне кажется идея подписания «соглашения» или «пакта» между властью и СМИ — о координации взаимоотношений и своего рода кодексе поведения работников СМИ в критической ситуации.

Многими предлагается взять в качестве образца модель взаимоотношений между прессой и властью в Израиле, хотя при ближайшем рассмотрении становится очевидно, что это далеко не пример для подражания. Израильские СМИ сплошь и рядом ведут ту же антигосударственную политику, что и большинство российских. И если следовать этому примеру, то в конце концов мы вообще можем лишиться государственной целостности. Да и можно ли брать пример с политической системы, где последовательные патриоты за изложение своих державных взглядов рискуют быть брошенными за решетку, как это произошло с Авигдором Эскиным, известным израильским журналистом и политиком?

Один серьезный представитель израильского истеблишмента рассказывал как-то о прохождении военных курсов

группой израильских журналистов. На свой вопрос, какова главная задача журналиста, он получил приблизительно такой ответ: критиковать преступное, человеконенавистническое израильское государство, вскрывать лживость чиновников, преступления и беспредел ЦАХАЛа, людоедство религиозных ортодоксов. Знакомо, не правда ли? Мой визави тогда выдвинул гипотезу, что сама журналистская профессия формирует этих людей такими. Журналист общается с теми, кто принимает общественно значимые решения и является главным участником наиболее значимых ситуаций. Журналист всегда на первом фланге, но никогда не в качестве субъекта ситуации. Отсюда психическое раздвоение, т. е. собственно «шизофрения» — по-гречески дословно «раскол сознания» — профессиональная болезнь работников СМИ. Постепенно они начинают ненавидеть тех, кто является субъектом, и встают к ним в оппозицию. Кроме того, к этой профессии тянутся люди со специфическими наклонностями. Поэтому, чтобы говорить о примирении журналистов с государством и властью, нужно, в первую очередь, ставить вопрос о выведении какой-то иной «расы», изменении антропологических наклонностей и ментальных установок работников СМИ.

Кроме того, современные массмедиа по своей «всеохватной» природе тяготеют к глобализму и мондиализации, понимаемой как создание всемирной независимой системы СМИ. Уже тем самым они оказываются в определенной мере в противоречии со своей национальной администрацией, властью, которая по определению действует в контексте, ограниченном национальными интересами. Устремления СМИ всегда гораздо шире, поэтому они стремятся ускользнуть от контроля со стороны власти. Это заложено в космополитической природе современных СМИ, которая до определенной степени совпадает с их технологией.

Ускользая от контроля со стороны власти, СМИ автоматически становятся лакомой приманкой для террористов всех мастей. Теракт является зрелищем, а зрелище,

оторванное от содержания, — это приоритетная стихия СМИ. Неудивительно, что террористы пользуются мондиальной системой СМИ в своих целях. Современный террор немыслим, просто не существует без современных СМИ. Поэтому СМИ, следуя за автономной логикой своего развития, всегда будут провоцировать террор самим фактом своего существования и обслуживать конкретные теракты в силу своей природы. Вместе с тем попытки национальной администрации ограничить процесс мондиализации СМИ не учитывают логику и вектор их развития. Власть пытается не переориентировать процесс, но просто его купировать или хотя бы затормозить. Этот путь заведомо обречен, так как полный успех торможения должен был бы означать полный отказ от самого существования СМИ, что, в принципе, малореалистично.

Возможный выход подсказывает арабская телевещательная компания «Аль-Джазира». Это пример частичной медийной мондиализации. С одной стороны, «Аль-Джазира» обращается к огромной массе мусульманского населения планеты, которая разделяет некие общие цивилизационные установки и конвенции. Но с другой — эти установки намного превосходят рамки национальных государств, и телекомпания не колеблется вступать в конфликт с тем или иным исламским государством, сохраняя свою популярность в подавляющей массе мусульманских регионов. «Аль-Джазира» не соблюдает национальных границ, но четко ориентируется на цивилизационные рамки. России следует сделать то же самое. Наше телевидение должно быть не узконациональным, но евразийским в цивилизационном смысле слова. В евразийскую зону входят наряду с Россией страны СНГ, тот же Израиль, русские диаспоры во всем мире, значительная часть православных народов, тюркские регионы и т. д. Пока же вопрос будет ставиться в дуальной перспективе: СМИ vs Государство — вопрос будет представлять из себя сплошной безысходный тупик.

Содержательное наполнение контртеррористической стратегии

В означенной ситуации терроризму, и в частности, «международному терроризму» может быть противопоставлена только последовательная и системная стратегия. Недостаточно бороться с террористами уже после того, как они совершили злодеяние, необходимо пресекать теракты в корне. Эта профилактика терроризма является невидимой, но важнейшей работой, подчас неблагодарной, так как участники произошедшего теракта по логике информационного общества становятся героями, а люди, не позволившие теракту случиться, остаются никому не известными. Для такой профилактики повышенное внимание необходимо уделять исследованию современных политических идеологий, конфессиональных систем и социальных учений, наполнению социальных процессов содержанием, прививать уважение к традициям, обычаям как своего, так и других народов. Эта «гуманитарная» и «философская» область на поверку оказывается важнейшим фактором, способным в решающий момент повлиять на совершение или несовершение теракта, развитие или, наоборот, сокращение террористической деятельности. Борьба с идеологической базой потенциального терроризма должна вестись на идеологическом уровне; одними запретами и гонениями проблемы не решить. Однако не следует забывать, что главным элементом контртеррористической стратегии является геополитическая подоплека террора, который остается устойчивым явлением, потому что имеет «внешнюю поддержку» и является объектом манипуляции со стороны третьей силы, геополитического заказчика, часто преследующего собственные интересы. Геополитическая профилактика терроризма и геополитический уровень противодействия ему требует организованной и компетентной структуры, способной оперировать геополитическими методиками. Для решения

именно такой задачи стратегического партнерства в сфере безопасности в свое время и была создана Организация Договора о коллективной безопасности.

Роль СМИ как инструмента контртеррористической стратегии

Учитывая медиакратический смысл осуществления теракта, СМИ не могут быть посторонними и отстраненными наблюдателями дуэли террористической системы и контртеррористической структуры. Будучи по определению на стороне большинства, общества, СМИ должны позиционироваться однозначно на стороне контртеррористического фронта. В то же время это не означает выполнения служебных функций у спецслужб или иных организаций, профессионально занятых профилактикой терроризма и борьбой с ним, т.к. в информационном обществе роль и функции СМИ слишком серьезны, чтобы быть простым транслятором той или иной позиции. Только в случае сознательной вовлеченности СМИ смогут сочетать свое естественное стремление к удовлетворению интереса общества относительно основных событий и социальную ответственность перед этим же обществом за его безопасность и защиту от насилия и актов террора. Иными словами, СМИ должны постоянно помнить о своих педагогических задачах. Зрители не только пассивно поглощают информацию, они формируются на ее основании. В этом аспекте СМИ в новой ситуации должны уделять особое внимание психологическому, идейному и геополитическому просвещению людей. В свободном демократическом обществе речь, естественно, не идет о навязывании какой-то одной точки зрения. Задача СМИ — проинформировать о существовании различных версий и вариантов идеологий и иных социально-политических моделей. При этом следует особое внимание уде-

лить просвещению в области геополитики. В современном мире международные процессы подчас настолько запутаны, что зритель, слушатель или читатель с трудом способен связать концы с концами из простейшего выпуска новостей. Стремительное развитие человечества требует постоянных и тщательных пояснений. В противном случае обилие информации порождает интеллектуальный хаос, который весьма способствует распространению идей и течений, способных стать основой террористической практики. Ведь террористы, как правило, имеют довольно четкие и ясные убеждения, в отличие от обычных людей, чьи представления крайне расплывчаты. Многих это и подкупает в радикальных кругах, в том числе религиозного толка: невнятность общего потока информации контрастирует с ясностью экстремистских теорий. Погоня за рейтингом и развлекательностью со стороны СМИ приводят к притуплению этического начала, к культивации поверхностности и бессодержательности, к атрофии нравственности, к фрагментарности восприятия, к распространению циничного, утилитарного и эфемерного отношения к жизни. В таком медийном контексте террорист воспринимается как настоящий герой, «сверхчеловек», несущий пробуждение и истину «спящим обывателям» с промытыми бессодержательным информационным потоком мозгами.

Взаимодействие со СМИ

Оставляя за собой право стремиться к рейтинговости и развлекательности, СМИ вместе с тем могли бы взять на себя функции предотвращения терроризма. Решиться на теракт ради его освещения в СМИ террористов заставляет убежденность, что никаких иных выходов на публичную арену у них не осталось. И здесь СМИ могут сыграть важнейшую роль: в тонко продуманном контексте и с опреде-

ленными ограничениями возможность высказаться следует предоставлять носителям самых разных взглядов и убеждений, независимо от того, разделяются ли их позиции большинством или нет. Другим важным аспектом является поведение СМИ в момент совершения терактов. Здесь важно тонкое сочетание определенных формальных ограничений (какой-то минимум запретов все же необходим, так как бесконтрольность в этом вопросе может привести к человеческим жертвам) и, что самое главное, наличие добровольной «Антитеррористической хартии работников СМИ», которая воплощала бы в себе обязательства ведущих национальных СМИ о кодексе поведения во время осуществления терактов. Речь идет о необходимости добровольных обязательств отказа от предоставления людям, совершившим теракт, выхода на информационное поле, о неразглашении информации о действиях антитеррористических сил, о моратории на политические, конфессиональные, этнические и другие комментарии в момент ситуации теракта и сразу после него. Выработка подобной консолидированной и оперативной модели освящения событий вокруг теракта с учетом позиции органов национальной безопасности и других антитеррористических организаций и становится основной задачей ОДКБ. По сути, речь идет о создании целой антитеррористической системы, основанной на базе контртеррористических организаций, таких как МВД, ФСБ, Минобороны, МЧС, силовых структур стран участниц ОДКБ, с одной стороны, СМИ — с другой и экспертного сообщества — с третьей.

Надгосударственные функции в профилактике террора

В глобализирующемся мире террористические сообщества по-своему используют открывающиеся преимущества. Симметрично этому обстоятельству контртеррористиче-

ская система должна быть также открытой и не ограничиваться рамками национальных государств. Хотя терроризм является вызовом всем народам и странам Земли, к сожалению, еще есть государства, которые рассматривают это чудовищное оружие как экстремальный, но допустимый элемент политической игры. Такой подход должен осуждаться общественным мнением, у кого бы мы его ни обнаруживали — мировой гипердержавы или тоталитарного государства, принадлежащего к «оси зла». Для нас военно-политическая консолидация контртеррористической деятельности применима, в первую очередь, в масштабе СНГ и особенно стран, входящих в ЕврАзЭС и, соответственно, в ОДКБ. Собственно, ОДКБ и есть та организация, которая призвана реализовывать проекты системной борьбы с терроризмом в евразийском масштабе. Это нисколько не исключает партнерства с другими странами СНГ, не вошедшими пока в ОДКБ, а также с США, Евросоюзом, странами НАТО, странами Азии, Африки, Латинской Америки и т. д. Но минимальное пространство единого контртеррористического фронта, с которого следовало бы начать, — это именно Евразия, чью значительную часть покрывает ОДКБ. В этой связи следует максимально соединить организационные, научные, стратегические, информационные усилия стран–участниц ОДКБ, чтобы сформировать единый и не знающий внутренних границ в пределах стран–участниц «контртеррористический штаб». Совокупно в странах–участницах ОДКБ имеется колоссальный опыт трагических конфликтов, напрямую сопряженных с терроризмом. Поэтому имеющийся опыт борьбы с этим злом в его различных обличиях может оказать неоценимую услугу всему сообществу наших стран. Параллельно этому следует привлечь внимание СМИ тех стран, которые входят в ОДКБ, к серьезности поставленной проблемы, интегрировать их усилия по борьбе с терроризмом в общей медийной стратегии. В этой связи следует рассматривать инициативу ОДКБ

по проведению в конце апреля международного антитеррористического Медиафорума в качестве первого шага к развертыванию планомерной стратегии противостояния этому мировому злу, который и должен выявить готовность СМИ к всестороннему сотрудничеству в деле достижения общей безопасности.

Глава 3. Теракты в Лондоне — повод для размышлений

Час расплаты

В 2005 году Великобритания заступила на председательское место в Евросоюзе, выиграла в Сингапуре конкурс на проведение Олимпиады 2012 года, приняла на своей территории глав стран «Большой восьмерки». И стала целью серии терактов, унесших жизнь десятков людей. Более полувека — со времени окончания Второй мировой — Лондон не сталкивался с подобными атаками. Именно «атакой» можно назвать то, что произошло в столице Великобритании 7 июля. В политике, да и не только в политике, существует странная закономерность: за большие успехи приходится платить большую цену. И подчас цена победы бывает слишком большой.

Весь мир сопереживает сегодня несчастным жертвам терактов, все приносят им соболезнования. Это верно, это по-христиански — сопереживать и приносить соболезнования. Но в данной ситуации нельзя не заметить, что жертвы среди мирного афганского и особенно иракского населения, взрывы и разорванные тела младенцев в этих странах почему-то трогают мировую общественность меньше. Кажется, что «богатый Север» ценит жизни своих граждан больше, чем жизни «бедного Юга».

Если подтвердится исламистский источник терактов, то перво-наперво это будет означать, что Лондон расплачивается за поддержку американского вторжения в Афганистан и Ирак, за лояльность заокеанскому партнеру в ситуации, когда остальные европейские державы — да и сам Совет Безопасности ООН — предпочли воздержаться, остаться в стороне.

Коль скоро Тони Блэр убедил нацию поддержать США в качестве мирового арбитра, присвоившего себе право вмешиваться в дела суверенных государств, он должен был предусмотреть возможность расплаты. Но произошло то, что в современном мире происходит с завидной регулярностью: политик принял решение, а расплатились за него простые люди.

Сегодня эту мысль высказывают и многие англичане. До них наконец начинает доходить, к чему приводит политика поддержки США, указывающих всему миру, как надо жить. В частности, Гилад Ацмон, лондонский музыкант с мировым именем и публицист, сказал: «Минуту назад я выслушал слова Тони Блэра о «решимости» нашей нации защищать наши ценности. И что эта «решимость» превосходит «их» решимость сеять смерть и разрушение. Я спрашиваю себя, о каких ценностях говорит Блэр. Очевидно, он имеет в виду продолжение бандитского присвоения арабской нефти. Но это ценность для Блэра, человека, который начал войну без санкции Совета Безопасности ООН, а не для меня. Нравится нам или нет, мы должны признать, что террор — это послание, и лучше бы нам вчитаться в него повнимательнее. Тогда выяснится, что, во-первых, мы, англичане, так же уязвимы, как и все остальные. А во-вторых, что мы обязаны предоставить возможность другим народам свободно жить в согласии с их собственными ценностями и верованиями. И в-третьих, никогда не отдавать больше наши голоса военным преступникам, втянувшим нашу страну и наш народ в несправедливую войну».

Двойные стандарты в классификации терроризма

Случившееся 7 июля в Лондоне поставило и вопрос о двойных стандартах в классификации терроризма. В России постоянно вызывало недоумение странное, мягко говоря, отношения Великобритании к чеченским террористам, практикующим в своей борьбе против России те же самые методы, с которыми теперь столкнулся и Лондон. Теперь англичане должны по-новому взглянуть на то, что их страна стала прибежищем террориста Закаева.

Британские спецслужбы еще с XVIII века использовали радикальные исламские секты для решения своих геополитических задач. У истоков ваххабизма стоял английский шпион Хемфер, помогая возникновению этого реформаторского движения в исламе, как две капли воды напоминающего крайние формы протестантизма. Естественно, это делалось исключительно для реализации английских интересов на Ближнем Востоке. В начале XX века другой английский шпион Лоуренс Аравийский немало способствовал возникновению радикального арабского национализма, который в конце концов развалил Оттоманскую Турцию. Английская разведка МИ-6 до сих пор активно действует в Афганистане, Турции, арабском мире, на нашем Северном Кавказе. И чеченские сепаратисты — важнейший элемент этой сети влияния.

Англичане работают более тонко, чем прямодушные американцы. Опыт мировой колониальной империи их многому научил. Они никогда не рубят связей даже с самыми одиозными группировками, стараются вникнуть в тонкости этнических и религиозных проблем. «Восток — дело тонкое» — английская поговорка. Колониальная поговорка. Шпионская поговорка, если угодно.

«Двойной стандарт» в оценке радикальных течений, особенно исламских, — это английское ноу-хау, концепт МИ-6. И сейчас англичане сталкиваются с последствием та-

кой тактики. И не где-нибудь, а у себя дома. Англия давно стала центром радикального ислама в Европе, центром разветвленной мировой исламистской сети. До поры до времени англичане использовали это в своих интересах, сдавая иногда сегменты этой сети внаем американским партнерам. Которым — к слову сказать — они на протяжении XX века постепенно перепродали почти всю свою колониальную империю.

Президент Путин давно говорил, что борьба с терроризмом общее дело. Но США и Англия считали иначе. Сохранит ли Лондон ту же позицию и далее? Я думаю, что сохранит.

След «Большой восьмерки»

Проведенное у нас социологическое исследование относительно «двойных стандартов» в отношении терроризма и его оценок показало, что 65 процентов опрошенных виновниками терактов в Лондоне считают непосредственно террористов, 20 процентов — «Большую восьмерку», и 15 процентов, как обычно, «затруднились ответить». Обвиняющие террористов 65 процентов, по сути, лишь повторили то, что они слышали от российских СМИ. Эта точка зрения понятна. Но интересно, что именно имели в виду те 20 процентов, кто возложил вину на саму «Большую восьмерку»?

Видимо, у многих постепенно закрадывается подозрение о конспирологической подоплеке всей этой истории с международным терроризмом. А не дело ли это рук самих англо-американских спецслужб? С другой стороны, есть, наверное, среди этих 20 процентов и те, кто считают, что «богатый Север» и особенно англо-саксонские страны заслужили такое отношение.

Теракты в Лондоне нельзя понять в отрыве от саммита «Большой восьмерки». Нет сомнений, что его авторы подгадали свой кровавый спектакль именно к саммиту в Глениглсе.

На саммите обсуждались две главные темы: помощь Африке и проблема климата. В научном языке существует особый термин «экстерналитиз» («externalities»). Он обозначает области, которые не имеют отношения к основным экономическим и политическим вопросам и тенденциям, — то, что лежит на периферии внимания, что-то «внешнее». До «экстерналитиз» у серьезных политиков редко доходят руки, ими обычно занимаются различные неправительственные организации, гуманитарные фонды и социальные энтузиасты. «Экстерналитиз» — это неинтересно, убыточно и вообще неприятно и обременительно для серьезных лидеров серьезных стран, с серьезными целями и задачами. Но иногда, исходя из требований политической корректности, надо заниматься и этим. Саммит был посвящен именно «экстерналитиз».

Инициатором такой повестки дня выступил Лондон. В этом году Англия приняла председательство в ЕС и сейчас стремится на разных уровнях выработать стиль своего временного верховодства над Европой. По сути нынешнее заседание «Большой восьмерки» задумывалось как презентация нового английского стиля в международной политике. Основные моменты этого стиля сформулированы в интервью «Файнэншл таймс» английским премьер-министром Тони Блэром накануне его приезда в Глениглс.

Блэр не скрывает, что у африканско-климатической повестки дня на саммите будут серьезные оппоненты. Он назвал их «сомневающиеся с Востока» и «сомневающиеся с Запада». Речь идет о Франции (для Англии это почти Азия) и о США. По сути Франция — это политический флагман европейского континентализма, а США — ядро атлантистской однополярности. Главная задача «нового английского стиля» — выдержать определенный баланс между ними.

Тематика Африки и помощи странам Черного континента в борьбе со СПИДом, эпидемиями, голодом, насилием и коррупцией, несмотря на свою периферийность, все же

имеет определенную стратегическую подоплеку. Все дело в том, что гуманитарная и социальная помощь со стороны стран Запада является сплошь и рядом формой неоколониального контроля, осуществляющегося через скупку африканских постколониальных элит. «Сверхцель» этой помощи — доступ к природным ресурсам, особенно к нефти, страсти вокруг которой все более накаляются.

Сегодня вся четче здесь вырисовываются противоречия между американо-английскими интересами в Африке и политикой континентальной Европы, озвучиваемой Парижем. «Сомневающихся с Востока» (т. е. Ширака) планировалось убедить социальной патетикой. Чтобы Шираку пришлось оправдываться: мол, его критика английского плана для Африки не является следствием «европейского эгоизма» и «французского национализма», опасающегося конкуренции дешевых африканских продуктов питания.

«Сомневающиеся с Запада», США, ставили под сомнение английскую озабоченность проблемами климата. Напомню, что отказ от подписания Киотского протокола — это не личная позиция Буша, но единодушное голосование сената. В США существует полный консенсус относительно этого вида «экстерналитиз»: природу губить можно и нужно. Этот вывод прямо вытекает из либеральной экономической теории, где разумным и полезным признается только то, что приносит краткосрочную выгоду. Европейское сообщество придерживается прямо противоположной точки зрения на этот счет, давно превратив экологическую проблематику в одну из важнейших составляющих современной европейской идентичности.

Саммит в Глениглзе замышлялся как великобританский бенефис. Лондон хотел сделать заявку на новый стиль, который рекомендуется перенять и остальным. Смысл его — в преимущественном обсуждении «второстепенных» задач («экстерналитиз») гуманитарного и экологического характера. И вместе с тем это означает балансирование между Вашингтоном и Парижем, между атлантизмом и евроконтинентализмом.

Если саммит «большой восьмерки» и не был сорван технически, то презентация «нового английского стиля» уж точно не состоялась. Террористам удалось добиться того, чего не смогли сделать антиглобалисты.

Антиглобалисты в интересном положении

Антиглобалисты, приехавшие в Англию для традиционных акций протеста против «заговора» неоколониальных держав, оказались в довольно сложном положении. Традиционным тезисом их борьбы с «богатым Севером» и его лидерами является укор в том, что они полностью игнорируют проблему «бедного Юга» и «экологии». На этой волне в ряды антиглобалистов вливаются вполне благопристойные и далекие от экстремизма люди, видя в этой критике здравый смысл и справедливое негодование. Но вот в Глениглсе сами «глобалисты» ставят в центре внимания «экстерналитиз» — «бедную и больную Африку» и «климатические катастрофы».

А в результате терактов в метро волей-неволей напрашивается отождествление красочной агрессии анархистов из движения «No Global» с реальным масштабом террора в подземках и автобусах Лондона. Я полагаю, что с этого момента антиглобалистское движение пойдет на спад. Наиболее убежденные его апологеты радикализируются, а более умеренные отшатнутся.

О спорт, ты — мир

На олимпийском вопросе следует остановиться немного подробнее. Спорт становится также политическим инструментом. Выбор МОКом в Сингапуре Англии местом проведения Олимпийских игр 2012 года был политическим решением. Отсев претендентов показывал, какая страна будет

в центре внимания в ближайшем будущем. И выбор Англии точно соответствовал ориентации на «новый английский стиль» в мировой политике. Мы предсказывали именно такое решение МОКа — по крайней мере было очевидно, что потуги Москвы в этом вопросе тщетны. Мы повторимся: да, Олимпиаду надо заслужить. Великобритания ее заслужила. Но какой ценой?

Кто стоит за спиной «Аль-Каиды»?

Терроризм не является самостоятельным явлением, это лишь последняя стадия ожесточенной борьбы, самая страшная, наглядная и жестокая. Истоки террора нельзя упрощенно сводить к существованию особого психологического типа — злодея, маньяка и фанатика — или к идеологиям религиозно-экстремистского толка. Корни терроризма очень глубоки и ведут к самым различным, подчас противоположным явлениям. Если следовать генералу Клаузевицу, «война — это продолжение политики»; террор же в таком случае — это продолжение войны, чаще всего той тайной войны, которая ведется подспудно и дает о себе знать лишь в чудовищных картинах свершившегося теракта.

У каждого теракта есть политическое послание. И мы, по справедливому замечанию Гилада Ацмона, должны расшифровать его. Причем у каждого теракта это послание особое, связанное с конкретностью места и времени.

В нашем политическом языке последнее время прочно утвердилось понятие «международный терроризм». Причем с исламским лицом. С одной стороны, есть все основания для подобного обобщения. Но с другой — наблюдается странная закономерность. Это понятие вброшено в мировое общественное мнение именно тогда, когда американцы вплотную приступили к строительству однополярного мира. В таком мире есть только одно мировое правительство — в Вашингтоне, и национальные интересы Америки

простираются на территорию всей планеты, как объявлено в современной стратегической доктрине США. Отсюда и присвоенное американцами право на одностороннее вторжение в суверенные государства, если Вашингтон посчитает, что что-то в них угрожает безопасности США.

Тут-то и появляется «международный терроризм» как образ главного врага однополярности. В двухполюсном мире враги были разные: для Запада это был советский лагерь, для советского — западный. Но после окончания «холодной войны» потребовался новый враг. Он должен был быть глобальным, но в то же время не привязанным ни к одной конкретной стране, территории. Это давало основание американцам рассматривать свои вооруженные силы и вооруженные силы своих союзников — в первую очередь, англичан — как «мировую полицию». Для такой «мировой полиции» не существовало границ и суверенных государств. Борьба с «международным терроризмом» позволяла пренебречь этими формальностями.

События в Ираке показали, как работает такая схема. Суверенное государство обвиняется — голословно — в связях с международным терроризмом, и это становится предлогом для вторжения.

«Международный терроризм» не просто удобное, но совершенно необходимое явление для тех, кто стремится выстроить американскую планетарную империю. Чтобы американцы воспринимались как носители «универсального добра», должно существовать «универсальное зло».

Такие выводы у многих противников однополярного мира породили подозрения в том, что «международный терроризм» имеет инструментальный характер. Или даже что это есть элемент циничной и страшной пиар-стратегии США по установлению мирового господства. Намеки на это звучали и в самой Америке — особенно в период предвыборной компании. Например, в нашумевшем фильме Майкла Мура «Фаренгейт 9/11». Доказательств этому, конечно, не найти. Но в то же время и у Вашингтона нет ника-

ких доказательств, подтверждающих причастность Саддама Хусейна к «Аль-Каиде». Исполнение терактов редко осуществляется его прямыми заказчиками — как правило, вся операция разделяется на несколько фаз, и непосредственные исполнители сплошь и рядом не догадываются о реальных целях авторов этих кровавых преступлений. Поэтому люди с фанатичным пассионарным темпераментом легко становятся жертвами холодной игры тех сил, к которым они сами не испытывают никаких симпатий или даже считают своими врагами.

Как бы то ни было, терроризм — явление неприемлемое. Особенно в контексте православной культуры и этики, на которых должно основываться наше общество. Впрочем, ни одна традиционная религия не несет в себе прямой апологии террора против невинного гражданского населения. Хотя, увы, история всех обществ, в том числе и религиозных, знает множество примеров жестокости и несправедливости.

Противодействие терроризму необходимо. Но если мы возьмем это как самоцель, едва ли эффект будет достигнут. Надо стремиться к построению справедливой международной политико-социальной системы, в которой разные народы и религии имели бы возможность свободно жить по своим правилам и отстаивать свои ценности. Только так мы победим это зло.

Глава 4. Малый шайтан исламо-фашизма (рецензия на статью Ф. Фукуямы «Исламо-фашизм»)

Репрезентативность Фукуямы

К Фукуяме следует прислушиваться. Он выдвигает тезисы, которые резонируют с одним из преобладающих концептуальных трендов в стратегическом руководстве

США. Неоднократно я подчеркивал, что Фукуяма провозглашает ответственные вещи. Его анализ поверхностен, но таково историческое сознание и стратегическое планирование лидеров современного мира, их операционная система. Критика Фукуямы представляется мне делом банальным и малоинтересным. Более продуктивно воспринять его тезисы со всей серьезностью.

Геополитическая корректность метафоры исламизм=фашизм

Обратим внимание на главный тезис-концепт: метафора исламизм=фашизм, исламофашизм. Можем ли мы принять эту метафору как действенную объяснительную модель?

В моей статье «Парадигма Конца» есть аналогичное сопоставление: «...ислам, или пресловутый „исламский фундаментализм“, начинает выполнять функцию не существующего в современности фашизма. Мы видели, насколько двусмысленна была роль фашизма на всех уровнях реальной эсхатологической дуэли. Было бы крайне опасно воспроизводить аналогичную ситуацию, но на сей раз с „исламом“»*.

Фактически Фукуяма делает в своем тексте именно это. Хорошо бы обратить внимание на даты. Фукуяма написал эту статью летом 2002-го, вышеприведенные слова из моей статьи написаны в 1997-м.

Фашизм, как и исламизм, есть попытка увести внимание от реальной эсхатологической пары атлантизм/евразийство, труд/капитал, русские/англосаксы, Суша/Море, Запад/Восток.

Исламизм как современный субститут фашизма в глобальной перспективе есть важнейшая реальность для уста-

* (http://arctogaia.com/public/rv/2.shtml).

новления реальной однополярности. Однополярность нуждается в виртуальном полюсе, в фигуре, олицетворяющей негативный имидж периферии. Важна также экстерриториальность понятия исламизм — он «где-то на юге», но он повсюду, это омнипрезентная тень «бедного Юга», пугающая обывателей «богатого Севера».

Я рекомендую внимательным образом продумать статью «Парадигма Конца», ее тщательное прочтение даст ключ к конструкции Фукуямы.

Метафизическая и гносеологическая некорректность метафоры исламизм=фашизм

Исламизм позиционируется у Фукуямы как «антитеза модернити». То есть «исламо-фашизм» рассматривается как ложный субститут евразийства.

Давайте посмотрим внимательнее: исламизм есть ислам, очищенный от традиционализма, т. е. от евразийства, или, иначе, от влияния «парадигмы Сферы» (см. Дугин А. Эволюция парадигмальных оснований науки. М., 2002). На самом деле, исламофашизм есть строгий возврат к радикальному креационизму, к рафинированной и ясной «парадигме Луча». Но эта парадигма в ее чистом виде не есть отрицание модернити («парадигма Сферы»), но пролегомены к модернити.

Кстати, «фашизм» (ни обобщенно, ни иносказательно, ни аппроксимативно) ничего такого в себе не нес. Здесь ценность метафоры Фукуямы обнуляется. Фашизм предлагал вернуться к архаическому, т. е. к «парадигме Сферы». Другое дело, как мало он в этом преуспел и как скоро сбился с пути, но в центре метафизической критики фашизма был именно креационизм. Исламизм же, напротив, позиционирует себя как прямую антитезу «парадигме Сферы».

Исламизм апеллирует не к антимодернити, но к прелиминарным стадиям модернити. Это некий редуцирован-

ный рационализм, не насыщенный трагическим опытом интенсивного периода развития «парадигмы Отрезка», когда проницательные европейцы в XX веке вслед за Ницше стали пристально исследовать онтологические складки нигилизма. Тот мир, в котором живет сегодня Запад, — это уже не совсем модернити, это пограничная стадия между модернити и постмодернити. Рациональность этого периода специфична, в ней наглые императивные и декретные максимы автономного рассудка энонсируются иронично и вскользь.

Я не говорю, что мы вышли в новую рациональность постмодерна, я говорю, что рациональность этого периода размыта. Не преодолена, но видоизменена. То, что казалось очевидным, стало прозрачным. Транспарентность выпарила плотную доказательность. Явно поспешно говорить, что евразийство проступило сквозь химеры рассудка (тело освободилось от интеллекта, в терминах Лакана). Но все же едва ли кто с Запада, кроме полных идиотов (типа озападненных людей Востока), способен говорить о модернити без острой, веселой, смертельной слюны в уголке губ.

Наивный, вполне кальвинистский дискурс исламизма Хасана Аль-Банны, Маудуди и т. д., электронно-иллюстрированный клоуном Бен Ладеном, — это некое спасение для модернити. Модернити, расплавленное в своем аутогенном уксусе, как бы окатывается холодной водой. «Говорит радио Бен Ладен духовный! Я пришел взять у вас назад Французскую революцию!» Как так? — недоумевает обыватель, я сам ее превратил в содомитский клип, по-гинзбурговски грустно-интеллигентски изощрился в ее переложении на стиль регги, а тут из небытия появляется эта агрессивная, давно преодоленная реформаторская гниль...

Исламизм есть точная копия Реформации, в нем нет ничего средневекового, архаического, по-настоящему фундаментального. Это начисто лишенное экстенсивного изящества ядовитой нигилистической мысли, тупое и надежное брожение плохо смазанного провинциального рассудка —

очевидное, как Конт, агрессивно кальвинистское в своей самоуверенной нелепой дури.

Никакая не антитеза модернити, скорее попытка безнадежно отставших догнать ее ход в примитивных, провинциальных, отвратительно нацменовских формах.

Исламизм отрицает традицию, отрицает ислам как традицию, он пытается вылезти из нее. Шиа, ат-тасаввуф, любые намеки на национальные обычаи — все это исламисты ненавидят лютой ненавистью. Они бегут от этого как от постыдного безрассудного состояния.

Антитеза модернити («парадигме Отрезка») — лишь евразийство («парадигма Сферы»).

Метафора исламизма как фашизма есть концептуальный инструмент глобализации

Исламофашизм (исламизм) структурно необходим атлантизму и однополярному глобализму. Это его важнейший концептуальный инструмент. Когда глобализм формулирует ситуацию так: либо модернити-Запад, либо антимодернити-исламофашизм, — он делает невозможным настоящий выбор. Альтернатива однополярному миру не исламистская химера «Islamic World State», но многополярный мир, где традиции живут в очерченных пульсирующих кругах. Но Фукуяма не хочет оставлять никому пространства для реального выбора. Кто отвергает исламофашизм, тот автоматически встает на сторону Запада, кто отвергает Запад — милости просим к цэрэушной голограмме Бен Ладена.

США хотят заключить нас в границы между наглым немытым детством модернити в лице редуцированной, примитивной семитской креационистской метафизики и старческим маразмом модернити в форме покрытого трупными пятнами Дэниэла Бэлла. А все то, что в современной цивилизации не попадает в это прокрустово ложе, подвергается скатомизации.

Евразийство радикально отвергает такую постановку вопроса. Евразийство считает модернити неудачной аберрацией. Это было ослепительно, но эффект прошел. Всего хорошего, пакуйте декорации, у нас иная повестка дня.

Исламизм — малый шайтан, мондиализм — большой.

Глава 5. Теория сетецентричных войн

Новая (сетевая) теория войны принята военным руководством США

Новая концепция ведения войн («emerging theory of war») разработана Офисом реформирования ВС секретаря обороны (Office of Force Transformation) под управлением вице-адмирала Артура К. Сибровски (Cebrowski). Она активно внедряется сегодня в практику ведения боевых действий США в Ираке и Афганистане, тестируется на учениях и симуляторах. Разработчики этой теории убеждены, что в ближайшем будущем эта теория «если не заменит собой традиционную теорию войны, то существенно и необратимо качественно изменит ее». Обращение к этой концепции стало общим местом в докладах министра обороны США Дональда Рамсфильда, подсекретаря безопасности Пола Вулфовица и других высших военных чиновников США.

Три цикла цивилизации и три модели военной стратегии

Сетецентричная теория войны основана на фундаментальном делении циклов человеческой истории на три фазы — Аграрную, Промышленную и Информационную эпохи, каждой из которых соответствуют особые модели стратегии. Этим эпохам строго соответствуют социологические понятия — премодерн, модерн и постмодерн. Информаци-

онная эпоха — это период постмодерна, который проходит сегодня, когда развитые общества Запада (в первую очередь, США) переходят к качественно новой фазе. Теория сетецентричных войн представляет собой модель военной стратегии в условиях постмодерна. Как модели новой экономики, основанные на информации и высоких технологиях, сегодня доказывают свое превосходство над традиционными капиталистическими и социалистическими моделями промышленной эпохи, так и сетецентричные войны претендуют на качественное превосходство над прежними стратегическими концепциями индустриальной эпохи (модерна). Теория сетецентричных войн представляет собой перенос основных моментов постмодернистского подхода на сферу военной науки.

Что такое «сеть» в военном смысле?

Ключевым понятием для всей этой теории является термин «сеть». В современном американском языке помимо существительного «the network» — «сеть» — появился неологизм — глагол «to network», что приблизительно переводится как «охватить сетью», «внедрить сеть в», «подключить к сети». Смысл «сети», «сетевого принципа» состоит в том, что главным элементом всей модели является «обмен информацией» — максимальное расширение форм производства этой информации, доступа к ней, ее распределения, обратной связи. «Сеть» представляет собой новое пространство — информационное пространство, в котором и развертываются основные стратегические операции — как разведывательного, так и военного характера, а также их медийное, дипломатическое, экономическое и техническое обеспечение. «Сеть» в таком широком понимании включает в себя одновременно различные составляющие, которые ранее рассматривались строго раздельно. Боевые единицы, система связи, информационное обеспечение операции, формирование общественного мнения, дипломатические

шаги, социальные процессы, разведка и контрразведка, этнопсихология, религиозная и коллективная психология, экономическое обеспечение, академическая наука, технические инновации и т. д. — все это отныне видится как взаимосвязанные элементы единой «сети», между которыми должен осуществляться постоянный информационный обмен. Смысл военной реформы в рамках «новой теории войны» информационной эпохи состоит в одном: создание *мощной и всеобъемлющей сети*, которая концептуально заменяет собой ранее существовавшие модели и концепции военной стратегии, интегрирует их в единую систему. Война становится сетевым явлением, а военные действия — разновидностью сетевых процессов. Регулярная армия, все виды разведок, технические открытия и высокие технологии, журналистика и дипломатия, экономические процессы и социальные трансформации, гражданское население и кадровые военные, регулярные части и отдельные слабо оформленные группы — все это интегрируется в единую сеть, по которой циркулирует информация. Создание такой сети составляет сущность военной реформы ВС США.

Операции базовых эффектов («Effects-based operations» — EBO) — центр «сетецентричных войн»

Центральной задачей ведения всех «сетевых войн» является проведение «операций базовых эффектов» («Effects-based operations»), далее ОБЭ. Это важнейшая концепция во всей данной теории. ОБЭ определяются как «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны». (Цит. по: Edward A. Smith, Jr. Effects-based Operations. Applying Network-centric Warfare in Peace, Crisis and War, Washington, DC:DoD CCRP, 2002.)

ОБЭ означает заведомое установление полного и абсолютного контроля над всеми участниками актуальных или

возможных боевых действий и тотальное манипулирование ими во всех ситуациях — и тогда, когда война ведется, и тогда, когда она назревает, и тогда, когда царит мир. В этом вся суть «сетевой войны» — она не имеет начала и конца, она ведется постоянно, и ее цель обеспечить тем, кто ее ведет, способность всестороннего управления всеми действующими силами человечества. Это означает, что внедрение «сети» представляет собой лишение стран, народов, армий и правительств мира какой бы то ни было самостоятельности, суверенности и субъектности, превращение их в жестко управляемые, запрограммированные механизмы. За скромной «технической» аббревиатурой «ОБЭ» стоит план прямого планетарного контроля, мирового господства нового типа, когда управлению подлежат не отдельные субъекты, а их содержание, их мотивации, действия, намерения и т. д. Это проект глобальной манипуляции и тотального контроля в мировом масштабе.

Это видно из определения ОБЭ. Задачей такой «операции» является формирование структуры поведения не только друзей, но и нейтральных сил и врагов, т. е. и враги, и занимающие нейтральную позицию силы, по сути, заведомо подчиняются навязанному сценарию, действуют не по своей воле, но по воле тех, кто осуществляет ОБЭ, т. е. США. Если враги, друзья и нейтральные силы в любом случае делают именно то, чего хотят от них американцы, они превращаются в управляемых (манипулируемых) марионеток — еще до того, как следует окончательное поражение. Это выигрыш битвы до ее начала. ОБЭ в равной мере применяются в период военных действий, в моменты кризиса и в периоды мира, что подчеркивает тотальный характер сетевых войн — они запускаются не только в момент напряженного противостояния и в отношении противника, как классические войны промышленного периода, но и в периоды мира и кризиса, и не только в отношении противника, но и в отношении союзника или нейтральных сил. Цель сетевых войн — ОБЭ, а цель ОБЭ — абсолютный контроль над всеми участниками исторического процесса в мировом масштабе.

Влияние на теорию «сетевой войны» структурных изменений в других областях американского общества

На появление первых концепций «сетецентричных войн» повлияли изменения в разных секторах американского общества — в экономике, бизнесе, технологиях и т. д. Можно выделить три направления трансформаций, которые легли в основу этих концепций:

• перенос внимания от концепта «платформы» к «сети»;

• переход от рассмотрения отдельных субъектов (единиц) к рассмотрению их как части непрерывно адаптирующейся экосистемы;

• важность осуществления стратегического выбора в условиях адаптации и выживания в изменяющихся экосистемах.

В военно-стратегическом смысле это означает:

• переход от отдельных единиц (солдат, батальон, часть, огневая точка, боевая единица и т. д.) к обобщающим системам;

• рассмотрение военных операций в широком информационном, социальном, ландшафтном и иных контекстах;

• повышение скорости принятия решений и мгновенная обратная связь, влияющая на этот процесс во время ведения военных операций или подготовки к ним.

Цели и методы введения сетевого подхода в систему ВС США

Целью перехода к сетецентричным военным моделям являются:

• обеспечение наличия союзников и друзей;

• внушение всем мысли об отказе и бессмысленности военной конкуренции с США;

• предупреждение угроз и агрессивных действий против США,

• а если до этого дойдет дело, то быстрая и решительная победа над противником.

А достигаться это должно через конкретные преимущества, которые дает сетевой подход:

• лучшая синхронизация событий и их последствий на поле боя;

• достижения большей скорости передачи команд;

• повышение жертв среди противников, сокращение жертв среди собственных войск и рост личной ответственности военных во время проведения военной операции и подготовки к ней.

Основные принципы сетецентричных операций — информационное превосходство

В первую очередь следует сражаться за информационное превосходство:

• искусственно увеличить потребность противника в информации и одновременно сократить для него доступ к ней;

• обеспечить широкий доступ к информации своих через сетевые механизмы и инструменты обратной связи, надежно защитив их от внедрения противника;

• сократить собственную потребность в статичной информации через обеспечение доступа к широкому спектру оперативного и динамичного информирования.

«Всеобщая осведомленность»

«Всеобщая осведомленность» («shared awareness») достигается через:

• построение общей сводной информационной сети, выстраиваемой и постоянно обновляемой через сырые

и обработанные данные, поставляемые разведкой и иными инстанциями;

• превращение пользователей информации одновременно в поставщиков информации, способных активировать незамедлительно обратную связь;

• максимальная защита доступа к этой сети от противника с одновременной максимальной доступностью ее для подавляющего числа своих.

Скорость командования

Скорость командования должна быть увеличена в критической пропорции, чтобы:

• через адаптацию к условиям боя сокращать скорость принятия решений и их передачи, переводя это качество в конкретное оперативное преимущество;

• в ускоренном темпе блокировать реализацию стратегических решений противника и обеспечить заведомое превосходство в соревновании на уровне решений.

Самосинхронизация

Самосинхронизация призвана обеспечить возможность базовых боевых подразделений действовать практически в автономном режиме, формулировать самим и решать оперативные задачи на основе «всеобщей осведомленности» и понимания «намерения командира». Для этого следует:

• повысить значение инициативы для повышения общей скорости ведения операции;

• соучаствовать в реализации «намерения командира», где «намерение командира» отличается от формального приказа и представляет собой осознание скорее финального замысла операции, нежели строгое следование буквальной стороне приказа;

• быстро адаптироваться к важным изменениям на поле битвы и устранить логику пошаговых операциий традиционной военной стратегии.

Распределенные силы

Задача сетецентричных войн перераспределить силы от линейной конфигурации на поле боевых действий к ведению точечных операций. Для этого следует:

• преимущественно перейти от формы физического занятия обширного пространства к функциональному контролю над наиболее важными стратегически элементами;

• перейти к нелинейным действиям во времени и пространстве, но так чтобы в нужный момент иметь возможность сосредоточить критически важный объем сил в конкретном месте;

• усилить тесное взаимодействие разведки, операционного командования и логистики для реализации точных эффектов и обеспечения временного преимущества с помощью рассеянных сил.

Демассификация

Принцип демассификации отличает войны постмодерна от войн модерна, где почти все решало количество боевых единиц. Демассификация основана на:

• использовании информации для достижения желаемых эффектов, ограничивая необходимость сосредоточения крупных сил в конкретном месте;

• увеличении скорости и темпа перемещения на поле действий, чтобы затруднить возможность противника к поражению цели.

Глубокое сенсорное проникновение

Этот принцип сетецентричной войны представляет собой требование увеличения количества и развития качества датчиков информации как в районе боевых действий, так и вне его. Это проникновение обеспечивается за счет:

• объединения в единую систему данных, получаемых разведкой, наблюдением и системами распознавания;

• использования сенсоров как главных маневренных элементов;

• использования датчиков и точек наблюдения как инструмента морального воздействия;

• снабжения каждого орудия и каждой боевой единицы (платформы) разнообразными датчиками и информационными сенсорами — от отдельного бойца до спутника.

Изменение стартовых условий ведения военных действий

Уже классическая военная стратегия обнаружила, что развертывание войны напрямую зависит от стартовых условий. От того, в каком контексте и при каком балансе сил начнется война, во многом зависит, как будут развертываться дальнейшие события. Поэтому задача сетевых войн:

• заранее повлиять на стартовые условия войны, заложить в них такую структуру, которая заведомо приведет американскую сторону к победе;

• спровоцировать сочетание во времени и в пространстве ряда событий, которые призваны повлиять на потенциального противника и блокировать его ответную инициативу.

Сжатые операции

Сжатые, или компрессионные, операции — это такие операции, в которых преодолеваются структурные и процедурные разграничения между различными военными службами и обеспечивается полный доступ к разнородной информации даже на низшем уровне боевых единиц. Для этого:

• повышается скорость развертывания и применения боевой силы, а также обеспечения боеприпасами;

• отменяется фрагментация процессов (организация, развертывание, использование, обеспечение и т. д.) и функциональных областей (операций, разведки, логистики и т. д.);

• отменяются структурные разграничения на низовых базовых группах.

Структура 4 областей сетецентричных войн

Теория сетевых войн утверждает, что современные конфликты развертываются в четырех смежных областях человеческой структуры: в физической, информационной, когнитивной (рассудочной) и социальной. Каждая из них имеет важное самостоятельное значение, но решающий эффект в сетевых войнах достигается синергией (однонаправленным действием различных сил) всех этих элементов.

Физическая область

Физическая область — это традиционная область войны, в которой происходит столкновение физических сил во времени и в пространстве. Эта область включает в себя среды ведения боевых действий (море, суша, воздух, космическое пространство), боевые единицы (платформы) и физические носители коммуникационных сетей. Этот аспект лучше всего поддается измерению и ранее служил основой при опре-

делении силы армии и способности вести боевые действия. В информационную эпоху это становится не столь очевидным, и следует рассматривать физический аспект как некий предельный эффект действия сетевых технологий, основная часть которых расположена в иных областях, но которые проецируют на физическую область свои эффекты.

Информационная область

Информационная область — это сфера, где создается, обрабатывается и распределяется информация. Эта область покрывает системы передачи информации, базовые сенсоры (датчики), модели обработки информации и т. д. Это преимущественная среда эпохи сетевых войн, которая выделилась в самостоятельную категорию — «информосферу» — наряду с физическими средами и приобрела важнейшее, если не центральное значение. Информационная область в эпоху сетевых войн связывает между собой все уровни ведения войны и является приоритетной. Преимущества или недостатки в накоплении, передаче, обработке и охране информации приобретают постепенно решающее значение.

Когнитивная область

Когнитивной областью является сознание бойца. Именно она является тем пространством, где преимущественно осуществляется ОБЭ. Все основные войны и битвы развертываются и выигрываются именно в этой сфере. Именно в когнитивной области располагаются такие явления, как «намерение командира», доктрина, тактика, техника и процедуры. Сетецентричные войны придают этому фактору огромное значение, хотя процессы, происходящие в этой сфере, измерить значительно сложнее, чем в области физической. Но их ценность и эффективность подчас намного важнее.

Социальная область

Социальная область представляет собой поле взаимодействия людей. Здесь преобладают исторические, культурные, религиозные ценности, психологические установки, этнические особенности. В социальном пространстве развертываются отношения между людьми, выстраиваются естественные иерархии в группах — лидеры, ведомые и т. д., — складываются системы групповых отношений. Социальная область является контекстом сетевых войн, которую следует принимать во внимание самым тщательным образом.

Пересечение областей

Войны информационной эпохи основаны на сознательной интеграции всех четырех областей. Из них и создается сеть, которая лежит в основе ведения военных действий.

Сферы пересечения этих областей имеют принципиальное значение. Настройка всех факторов сети в гармоничном сочетании усиливает военный эффект от действия вооруженных сил, а сознательные действия, направленные против противника, напротив, расстраивают его ряды, разводят эти области между собой, лишая тем самым важнейшего фактора превосходства.

Глава 6. Сетевая война против России

Сетецентричная война сегодня ведется против России

Объективный анализ теории сетецентричных войн и сетецентричных операций, в центре которых лежат ОБЭ (операции базового эффекта), приводит к ряду важнейших выводов, касающихся России.

Сама сущность сетевой войны, описанной в документах Департамента обороны США, основана на установлении мирового господства США на основе сетевых технологий, которые служат главным инструментом установления этого господства. Показательно, что ОБЭ в такой теории должны вестись всегда (война, кризис, мир) и в отношении всех без исключения (противников, нейтральных сил или друзей). Это означает, что, кем бы ни считали Россию США, против нее ведется полноценная и фундаментальная «сетевая война». Смысл ОБЭ, как показано выше, состоит в «совокупности действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны». Значит, нашу модель поведения тщательно и последовательно формирует внешняя сила. Это значит, что против нас ведутся военные действия нового поколения — информационной эпохи.

Задачей сетецентричных войн для США является «внушение всем мысли об отказе и бессмысленности военной конкуренции с США», а это означает, что любые попытки России выстроить систему стратегической безопасности исходя из своих собственных интересов и с опорой на сохранение и укрепление своей геополитической субъектности будут срываться в результате последовательных, тщательно просчитанных сетецентричных операций. По сути создание «сети» в том смысле, в каком это имеют в виду стратеги Пентагона, — это выстраивание системы глобальной доминации США над всем миром, т. е. постмодернистический аналог колонизации и подчинения, только осуществленные в новых условиях, в новых формах и с помощью новых средств. Здесь не обязательно прямая оккупация, массовый ввод войск или захват территорий. Излишни армейские действия и огромные военные траты. Сеть — более гибкое оружие, она манипулирует насилием и военной силой только в крайних случаях, и основные результаты достигаются в контекстуальном влиянии на широкую совокупность факторов — информационных, социальных, когнитивных и т. д.

Здесь не следует заблуждаться: США строят американскую сеть, сеть с отсутствием четкой локализации главного командного пункта, действующую в их интересах. Сетевую войну ведут именно США, и ведут ее против всех остальных стран и народов — как против врагов, так и против друзей и нейтральных сил. Установление внешнего контроля и внешнее управление действиями и есть порабощение — только в эпоху постмодерна оно оформлено в иные образы, нежели в индустриальную эпоху. Но «сеть» — это не что иное как система ведения войны и военных действий, даже если она подается как «благо» и «пик технического развития».

Первый вывод из знакомства с теорией сетецентричных войн: эта война ведется против России и направлена, как и всякая война, на ее покорение, подчинение и порабощение, в каких бы терминах это ни преподносилось.

Сегменты американской сети в российском обществе

Факт ведения сетевой войны против России заставляет по-новому осмыслить многие процессы, протекающие в российском обществе. Раз мы подвергаемся сетевому воздействию и раз существует могущественная, технологически развитая и эффективная инстанция, занятая этим, то многие явления российской жизни — в социальном, политическом, информационном и иных смыслах — объясняются этими внешними влияниями, вполне структурированными, неслучайными и направленными к конкретной цели. Сетевые войны постоянно апеллируют к контексту, к когнитивным, информационным и психологическим факторам. Кроме того, центральность задачи влияния на «стартовые условия войны» указывает на огромную заинтересованность США в манипуляциях социальными процессами еще тогда, когда перспективы реального столкновения и близко нет.

Отсюда сама собой напрашивается вполне конкретная задача: выявление сегментов американской «сети» в российском обществе, исследование системы влияний, импульсов и манипуляций в информационной и социальной сферах, а также в иных областях, являющихся приоритетными зонами воздействия в среде «сетецентричных операций».

Совершенно очевидно, что российские спецслужбы, политические институты, системы обороны, силовые министерства и ведомства концептуально остаются в рамках стратегий эпохи модерна, индустриального общества. Более того, в России практически не идет процесс национальной модернизации, а по инерции эксплуатируются остатки советской экономики и природные ресурсы, что, по сути, означает регресс даже в отношении промышленных общественных парадигм — в сторону ресурсного придатка и примитивных стратегий аграрной эпохи. Такие структуры принципиально неспособны не только эффективно справиться с вызовом постмодернистических сетевых технологий, которые задействованы в сетевой войне против России, ведущейся активно и на нашей территории, но и корректно распознать сам факт ее ведения. Используемые сетевые технологии слишком тонки и рафинированы для устарелых систем функционирования спецслужб, которые беззащитны и совершенно неэффективны против системных действий со стороны США.

Сегменты американской глобалистской сети свободно пронизывают все российское общество — от простого телезрителя до Кремля, Белого дома, политической элиты и верхушки силовых министерств и ведомств, не встречая ни малейшего противодействия. Множество процессов и явлений в российской жизни, которые кажутся спонтанными, на самом деле являются прямыми следствиями использования против нас отлаженных технологий нового поколения.

Сегментами этой глобалистской сети выступает прямое проамериканское лобби экспертов, политологов, аналитиков, технологов, которые окружают власть плотным кольцом. Многочисленные американские фонды активно дей-

ствуют, подключая к своей сети интеллектуальную элиту. Представители крупного российского капитала и высшего чиновничества естественным образом интегрируются в западный мир, где хранят свои сбережения. Средства массовой информации облучают читателей и телезрителей потоками визуальной и смысловой информации, выстроенной по американским лекалам. И большинство этих процессов невозможно квалифицировать как действия «внешней агентуры», как это было в индустриальную эпоху. Технологии информационного века не улавливаются классическими системами и методиками индустриальных спецслужб.

«Оранжевая» угроза — сетевая угроза

В последние годы сетевые войны стали все более очевидными. В жесткой форме («hard») они ведутся США в Ираке и Афганистане, готовятся в Иране и Сирии. В мягкой форме («soft») они апробируются в Грузии, на Украине, в Молдове. На постсоветском пространстве они однозначно направлены против России и ее интересов. «Оранжевая» революция в Киеве — типичный пример именно таких технологий. Задача отрыва Украины от России решается энергично, упорно, с использованием множества факторов, причем без применения классических силовых методов. Результат сам падает в руки.

Важнейшим инструментом этого процесса является «оранжевая» сеть. Она создана по всем правилам ведения «сетецентричных операций». Задачей ОБЭ на Украине было наглядное формирование систем поведения всех сторон — Ющенко, Януковича, Кучмы, элит, масс, политтехнологов, экономических кланов, высших чиновников, этнических и социальных групп. Каждый участник драматической украинской осени-2004 был манипулируем. Кто-то напрямую, кто-то косвенно, кто-то через Россию, кто-то через Европу, кто-то через экономические рычаги, кто-то через религиозные (часто протестантские) круги и т. д. «Оранжевые» про-

цессы — это откровенное всплытие сетецентричных операций. После этого не замечать их невозможно.

Провал России и пророссийских сил на Украине был предопределен до начала всей ситуации, так как между собой столкнулись силы, совершенно не симметричные — индустриальные технологии против информационных (постиндустриальных). Именно «оранжевая» революция в Киеве показала всю бездну российского отставания и весь объем американского превосходства. На пути к мировому сетевому господству США сделали еще один выразительный и внушительный шаг.

Теперь уже нет сомнений, что сходная участь ожидает в 2008-м и саму Россию. По логике ведения сетецентричных войн ее постигнет та же участь. При этом важно, что это произойдет даже в том случае, если Россия останется в статусе «нейтральной» державы или даже друга США. ОБЭ, как явствует из новой теории войны, ведутся против всех и всегда. К 2008 году в России естественным образом назревает кризис. И поведением ее в этот период займутся и уже активно занимаются американские архитекторы сетевых войн. Для этого будут задействованы основные сегменты внутри самой России, будет оказано влияние на социальные, информационные и когнитивные процессы, всем будут отведены свои роли и всем придется их исполнять — и «оранжевым», и их противникам, и оппозиции, и охранительным структурам, и обывателям (даже их пассивность и отчужденность может быть использована в сетевых войнах — как малые токи используются в компьютерных технологиях, и в частности, в микропроцессорах).

Евразийская сеть — единственный ответ

Единственным теоретически стройным ответом со стороны России, если она, конечно, намерена сопротивляться и отстаивать свою суверенность, т. е. готова принять вызов сетецентричной войны и участвовать в ней, была бы разра-

ботка симметричной сетевой стратегии — с параллельным и стремительным апгрейдом отдельных сторон государства — управления, спецслужб, академической науки, технопарков и информационной сферы — в сторону ускоренной постмодернизации. Определенная часть российской государственности должна быть волюнтаристически и в авральном порядке очищена от сегментов американской сети, переведена в экстраординарный режим работы, наделена чрезвычайными полномочиями и брошена на создание адекватной сетевой структуры, способной хотя бы частично противодействовать американскому вызову.

Это потребует создания специальной группы, куда должны войти отдельные высокопоставленные чиновники, лучшие пассионарные кадры различных спецслужб, интеллектуалы, ученые, инженеры, политологи, корпус патриотически настроенных журналистов и деятелей культуры. Задачей этой группы должна стать разработка модели евразийской сети, вобравшей в себя основные элементы американского постмодерна и информационного подхода, но направленной симметрично против вектора ее воздействия. Это значит, что необходимо произвести срочную и чрезвычайную «постмодернизацию» российских ВС, спецслужб, политических институтов, информационных систем, коммуникаций и т. д., разработать систему собственных ОБЭ, которые применили бы сетевые технологии против тех, кто их создал и стремится сегодня использовать в своих целях.

Это невероятно трудная задача, но, не решив ее или даже не поставив ее, Россия в 2008 году (если не раньше) обречена потерпеть поражение от «оранжевых» сетевых технологий, с которыми она по определению не справится. В согласии с сетевой стратегией здесь будет использована совокупность таких разнородных факторов, действующих синергетически, что даже отследить их взаимосвязь и конечную цель не сумеет ни одна инстанция управления.

Сетевую войну можно выиграть только сетевыми средствами, адаптировав к собственным условиям и целям эффективные и стремительно развивающиеся технологии.

К 2008 году Россия станет объектом сетецентричных операций со стороны США

2008 год — узкий момент в политической жизни России. Для обеспечения социально-политической стабильности и преемственности потребуются определенные усилия. Окончательная стратегия этого перехода российской властью пока не определена. Это делает всю ситуацию уязвимой.

По логике сетевых войн эта ситуация заведомо определяется как «кризис».

США рассматривают данную ситуацию как требующую прямого сетевого контроля с их стороны, хотя бы потому, что стратегический, ресурсный и политический потенциал России до сих пор представляет собой существенный фактор для обеспечения национальных интересов Америки. Поэтому США будут стараться влиять на этот процесс с помощью различных инструментов. Логично предположить, что они задействуют в этой ситуации серию сетецентричных операций (NCO), применяемых к условиям кризиса.

По логике сетевых войн ОБЭ (Операции Базового Эффекта) ведутся «против друзей, врагов и нейтральных держав во всех ситуациях (мира, войны и кризиса) с тем, чтобы манипулировать их поведением», влиять на их стартовые условия, подчинять их действия интересам США. Соответственно Россия в период от настоящего времени до 2008 года будет с неизбежностью объектом сетецентричных операций, направленных на манипулирование ее поведением в условиях кризиса (как бы ни рассматривал Вашингтон российскую власть — как дружественную, нейтральную или враждебную, — сетецентричные операции будут проводиться в любом случае).

Геополитическая цель «оранжевых» процессов

В пространстве СНГ геополитическая логика стратегии США проявлена сегодня весьма наглядно: события в Грузии, на Украине, в Молдове, Кыргызстане показывают, что США серьезно ориентированы на вытеснение российского влияния на постсоветском пространстве. «Оранжевые» революции ставят своей целью выдавить Россию из СНГ, привести в этих странах к власти прозападных, проамериканских политиков, готовых окончательно оторваться от Москвы, т. е. довершить произошедший в 1991-м распад единого пространства СССР. Для достижения этих целей США прибегают к сетевым технологиям, создавая многомерные сетевые структуры, которые приводятся в движение в критический момент — независимо от формальных политических институтов, электоральных показателей и общепринятых процедур. Если мягкий сценарий легитимной передачи власти не проходит, они добиваются своего иными способами. Но не путчами, переворотами и революциями (как в эпоху модерна), а сетевыми возмущениями — комбинирующими информационные факторы, культурные и психологические коды, гуманитарные фонды, асимметричные альянсы разнородных НПО и неформальных объединений, мобилизацию радикальных групп молодежи и использование готовых дисциплинированных формирований (например, протестантского толка), прошедших предварительную подготовку за рубежом.

Структура «оранжевой» сети

По лекалам сетевых войн «оранжевая» сеть обладает качествами:

• высоким уровнем «всеобщей осведомленности» участников;

• высокой скоростью командного управления (остающегося всегда за кадром);

• способностью к самосинхронизации;

• продуманным распределением сил;

• демассификацией, но способностью оперативно сконцентрировать массы в нужное время и в нужном месте;

• глубоким сенсорным проникновением (сбором разнородной информации и ее оперативной обработкой);

• способностью проводить сжатые операции.

«Оранжевые» (или «розовые» в Грузии) обеспечили себе стартовые позиции в четырех областях:

• физической (кадры, собранные под проведение сетецентричных операций в самых разных сегментах общества — в основном молодежь);

• информационной (контроль над СМИ и обширные системы интернет-сайтов);

• когнитивной (психологическое воздействие — назревшие перемены и призыв к личной активности, противопоставленной коррумпированной бюрократии свергаемых режимов);

• социальной (мобилизация различных и разнородных групп населения, объединенных по этническому, культурному, социальному, религиозному, профессиональному признаку).

«Оранжевые» сети сводили эти 4 параметра воедино, действуя на каждом уровне с помощью различных стратегий — максимально диверсифицируя подходы. При этом они достигли эффективного управления сложнейшими конгломератами разрозненных и подчас противоречивых сил — левых, правых, молодежных, националистических, религиозных, профессиональных, субкультурных и т. д. Новизной здесь обладает именно способность активизации в данном месте и в данное время противоречивых и разнородных социальных групп, подчас с диаметрально противоположными взглядами — националисты и демократы, религиозные экстремисты и поборники «прав человека», либералы и сторонники диктатуры, аполитичные студенты и политические фанатики-маргиналы и т. д.

Перенос «оранжевой» стратегии на территорию России

В преддверии 2008 года есть все основания предполагать, что пространством развертывания «оранжевых» сетей станет Россия. США будут делать это по трем причинам:

• чтобы, манипулируя кризисом в России, воспрепятствовать дальнейшим шагам по распространению и возврату влияния Москвы на постсоветском пространстве;

• чтобы контролировать политическую ситуацию в России в период кризиса, предотвращая возможный сдвиг в сторону патриотизма и выхода на конфронтацию с США;

• чтобы при необходимости перейти к следующей фазе развала постсоветского пространства уже в самой России и способствовать процессу распада самой РФ (проект З. Бжезинского).

В США есть политические силы, которые видят американо-российские отношения по-разному — от стремления немедленно разрушить Россию до стремления использовать ее в качестве младшего и послушного партнера в интересах США в евразийском регионе. Но все эти силы по логике ОБЭ в равной мере согласны с необходимостью усиления структурного влияния на Россию, а значит, все они едины в отношении необходимости проведения против России сетецентричных войн и сетецентричных операций. Проводя эти войны, у США в любой момент будет возможность сменить один сценарий на другой, перейдя от варианта распада к мягкому влиянию или от мягкого давления к жесткому революционному перевороту. Многое будет зависеть от способности установления контроля над ядерными объектами и другими стратегическими центрами, которые могут оказать существенное влияние на безопасность США и мировую экологию. В остальном сетецентричные операции позволяют подстраиваться под изменяющиеся условия в оперативном режиме.

В любом случае «оранжевые» сетевые стратегии будут перенесены на территорию России, и мы с неизбежностью с ними столкнемся.

«Оранжевые» процессы на Северном Кавказе

Пространство Северного Кавказа является приоритетной зоной ведения сетевых войн. Этот регион населен разными народами (потенциальные зоны разлома):

• с многими чертами традиционного общества (социальная неразвитость);

• с самобытными религиозными традициями (ислам, суфизм);

• с тяжелой экономической обстановкой;

• с множеством административных проблем в руководстве республик;

• со сложным для контроля ландшафтом.

В этом регионе есть центр активного сепаратизма — Чечня, развернуты исламистские сети радикального ислама, к нему примыкает Грузия, находящаяся под полным контролем США, и Азербайджан, где влияние США возрастает.

Северный Кавказ пронизан линиями конфликтов между этносами, религиями, административными конструкциями, кланами и группировками, элитами, неформальными движениями. Все сегменты Северного Кавказа разнородны и противоречивы (на манипуляциях с этой мозаикой основывали свою власть на Кавказе русские цари и советские руководители).

Все эти элементы будут учитываться и соединяться в структуре сетецентричных операций, разворачивающихся по мере приближения к 2008 году. Координатором этих процессов будут США, но в каждом конкретном случае будут использоваться дополнительные инструменты — в том числе иностранные, федеральные и региональные НПО, фонды, этнические объединения и движения, структуры радикального ислама, криминальные группировки и т. д.

«Оранжевые» сети сочетают для проведения сжатых операций и элементов ОБЭ несочетаемые элементы, которые подчас работают на заданный эффект, не подозревая об этом.

«Оранжевая» сеть на Северном Кавказе будет иметь следующие элементы:

• экстерриториальный центр управления (расположен на территории США с системой промежуточных центров);

• экстерриториальный центр информационного обеспечения (расположен вне территории РФ и координирует международные СМИ, фонды и НПО, собирающие информацию о регионе, обрабатывающие ее и вбрасывающие нужные сюжеты в мировые СМИ для получения желаемого эффекта);

• российский центр влияния (группа «оранжевых» в руководстве федеральных российских политических структур и СМИ, влияющих по заданному сценарию на освещение кавказской тематики и подконтрольные им региональные СМИ);

• федеральные политические силы, создающие требуемый градус напряжения кавказской тематики (они могут действовать под знаменем «русского национализма» или «державности» для провокации ответной реакции на Северном Кавказе);

• региональные политические силы, провоцирующие политические коллизии (как с национальной, религиозной спецификой, так и русские, казачьи, националистические);

• сеть гуманитарных фондов и НПО, курируемые США, европейскими странами, Турцией и арабскими странами, собирающие информацию, распределяющие гранты на исследования, финансирующие определенные гражданские, образовательные и социальные инициативы в регионе;

• национальные и националистические движения (состоящие из коренных народов, диаспор, общин мигрантов);

• сегменты традиционных религий (ислам, православие, суфизм, импортированные религии — протестантизм);

• секты (в первую очередь, исламские — салафизм, ваххабизм, но также иеговисты, харизматы, хаббардисты и т. д.);

• террористические организации на базе джамаатов и салафитских ячеек;

• финансовые сети теневого бизнеса и системы типа «хавала» (передача денег из разных стран на основании личного поручительства определенных фигур) и телефонной связи;

• отдельные кланы в местной власти;

• криминальные сообщества и преступные группировки;

• молодежные и студенческие организации, клубы;

• базовые инфраструктуры сетевой природы (библиотеки, почтовые отделения, медпункты, страховые конторы и т. д.);

• отдельные эмиссары, курирующие сегменты сетей — однородных и разнородных.

«Оранжевая» сеть на Северном Кавказе призвана:

— на физическом уровне:

• обеспечить критическую массу людей, готовых принять активное участие в протестных акциях (под разными лозунгами и с разными целями — в зависимости от обстоятельств и регионов);

• мобилизовать для точечных действий террористические ячейки;

— на информационном уровне:

• поднимать градус социальной активности;

• нагнетать обстановку;

• раздувать существующие реальные проблемы;

• обострять психологическую обстановку вокруг конфликтных ситуаций;

• обеспечить прямые коммуникации между различными сетевыми организациями, придерживающимися наиболее радикальных взглядов;

— на когнитивном уровне:

• повлиять на сознание людей, подтолкнув их к убеждению, что ситуацию надо менять радикальными способами, что «дальше так нельзя», что «жить стало невыносимо»;

— на социальном уровне:

• активизировать и мобилизовать этнические, социальные, административные и религиозные группы населения

Северного Кавказа, подталкивая их к решению насущных проблем радикальными методами в ситуации назревающего хаоса.

Когда «оранжевым» удастся дестабилизировать ситуацию на Северном Кавказе, с помощью этого управляемого кризиса можно будет влиять на ситуацию во всей России, подталкивая процессы на федеральном уровне в нужном ключе. В зависимости от конкретного сценария развертывания событий эти процессы могут дойти до сепаратизма отдельных республик и областей Северного Кавказа, а могут остановиться в стадии «относительного хаоса».

«GEOPOLITICS ON-LINE»

Приложение 1

«Золотой миллиард» атакует

Интервью А. Дугина газете «Московский комсомолец». 21.03.2003

«МК»: *Что такое, по-вашему, сейчас терроризм?*

А. Дугин: Террор ни в коем случае не является вещью в себе. Как не является вещью в себе и международный терроризм. Он лишь объяснение различных процессов, происходящих в мировой политической реальности. Террор — это метод, к которому прибегают в каких-то исключительных обстоятельствах политические, национальные, религиозные силы, не имеющие возможности донести свои идеи и требования до широких масс. Это небольшие идеологические, религиозные, этнические группы, которые не имеют доступа к парламентской практике или средствам массовой информации. Соответственно с помощью террора они решают те политические задачи, которые иные силы решают другими способами.

«МК»: *Существуют ли какие-то предпосылки, при которых организация от легальных методов борьбы переходит к террористическим?*

А. Дугин: Главное условие появления терроризма — зазор между жесткими ограничениями в политике и относительной мягкостью правоохранительной системы. Поэтому для существования терроризма лучше всего подходит общество с либерально-демократическим устройством.

«МК»: *Есть ли какая-либо классификация террористических организаций?*

А. Дугин: Да. Террористические образования варьируются от мощных религиозных, этнических объединений, которые входят в состав крупного государства, до террористов-одиночек. В первом случае террор используется как один из элементов ведения национально-освободительной войны (курды в Турции или ИРА — Ирландская республиканская армия). Одиночки же решаются на отчаянный шаг, чтобы реализовать свою политическую программу или психологические комплексы. Например, Освальд — убийца Кеннеди, Игаль Амир — убийца Рабина.

«МК»: *Каковы эти люди, готовые заниматься террором?*

А. Дугин: Они отличаются большой психической активностью. Им свойственны лидерские качества, неспособность к каким-либо компромиссам, презрение к материальным ценностям и комфорту. Это, как правило, люди, которые не могут достичь высокого положения, но обладают большой концентрацией психической энергии, решительностью, презрением к опасности и смерти. В некоторых случаях эти качества граничат с психическим расстройством, переходят в патологию. У террориста отсутствует осознание границы между жизнью и смертью. Это проявляется в отношении не только к чужой, но и к собственной жизни. Потому среди террористов так много религиозных фанатиков, сектантов, мистиков, иногда они также активно употребляют психоделические вещества.

«МК»: *Прибегают ли к терроризму власти?*

А. Дугин: В эпоху холодной войны и даже до нее терроризм использовался в ходе противостояния крупных держав и блоков на каком-то промежуточном поле. Как правило, теракты не осуществлялись на территории противостоящих сторон, а происходили в третьих странах, где имелось влияние обеих

сил. Существовала некая молчаливая конвенция — где можно применять террор. А за плечами террористов обязательно стояла одна из двух сверхдержав. Советский Союз поддерживал леворадикальные группировки в Латинской и Центральной Америке, а также на Ближнем Востоке. США поддерживала другую модель терроризма, так называемых «либерти файтерз» («борцов за свободу»), радикальных сторонников либерализма, например, «контрас» в Никарагуа или антисоветские силы в Анголе. Одной из подобных групп, сформированных ЦРУ и поддерживаемых официальным Вашингтоном, были радикальные исламисты. Они были вскормлены во время холодной войны как конкретный инструмент американского геополитического влияния в третьих странах — вне СССР и соцлагеря.

«МК»: *Сейчас получается, что исламисты взрывают своих хозяев?*

А. Дугин: Что касается нынешнего радикального исламизма, который по молчаливому согласию мирового сообщества признан главным виновником взрывов в Москве и в Вашингтоне, то на самом деле он как был инструментом американской геополитики, так и остался. В какой степени он стал автономен от своих хозяев — это вопрос сложный, но согласно множеству свидетельств Бен Ладен и близкие ему структуры буквально до самого последнего времени курировались американскими и англосаксонскими спецслужбами.

«МК»: *То есть международного терроризма не существует? Только подконтрольные американским спецслужбам исламисты?*

А. Дугин: Здесь очень много непонятного, но совершенно четко можно сказать, что никакой структуры международных террористов с ясными целями и задачами, которая действовала бы от собственного лица, просто не существует. Ранее был террор двуполярный, теперь, после распада СССР и исчезновения одной сверхдержавы, терроризм стал однополярным. Вполне возможно, что одни части ЦРУ не стыкуются с другими. Именно в этом, по моему мнению, и следует искать объяснение ряду фактов террора.

«МК»: *Хорошо, но почему в определенный момент был всплеск террора в России, затем — 11 сентября в США, потом — долгое затишье?*

А. Дугин: Вопрос, который вы задали, является лишь подтверждением моей концепции. Если бы мы имели дело с международным терроризмом как с самостоятельной силой, то разве он остановился бы на теракте в Нью-Йорке или взрыве нескольких домов в Москве? Теракты бы обязательно продолжились. Если какая-то организация имеет подобные возможности, то ей ничего не стоит, проведя одну операцию, провести и другую. Я хочу подчеркнуть, что после теракта 11 сентября Америка выиграла во всех отношениях: политически, экономически, морально. И фактически после этого американцы предложили всему миру дилемму: либо вы с нами, либо с террористами.

«МК»: *А в Москве?*

А. Дугин: Я бы не стал столь категорично высказываться по поводу искусственной природы взрывов в российской столице, хотя существует много подобных гипотез. Я хочу сказать, что вся система чеченского терроризма и ваххабитского движения ведет туда же, за пределы исламского мира. Можно предположить, что и здесь, так же как ко всему сепаратистскому процессу в России, имели отношение западные спецслужбы.

«МК»: *То есть получается, что фактически заказчиком всех терактов являются Соединенные Штаты?*

А. Дугин: С такой определенностью я бы **этого** не сказал. Но обратимся к фактам. Во-первых, радикальный исламизм возник в эпоху холодной волны как оружие США. Во-вторых, настоящая серьезная террористическая сеть может существовать только при мощной структурной поддержке спецслужб, которые курируют террористов и используют для своей цели. Единственной настолько организованной спецслужбой является ЦРУ и только ЦРУ. Как в экономическом и военном плане мощь США не сопоставима с другими странами, такое же единовластие имеет место быть и среди спецслужб. Это аксиома. Другой же момент: что развивалось в недрах Центрального разведывательного управления, в какой степени исламисты независимы сейчас от своих создателей, об этом можно только гадать. Известно лишь, что Бен Ладен за месяц до терактов в Нью-Йорке был замечен в Кувейте со свои куратором из ЦРУ, и сообщение об этом прошло в ряде информагентств…

«МК»: *После терактов в Москве и Волгодонске заговорили об участии в них ФСБ, а после взрывов в Нью-Йорке существовала версия об организации их белой национал-радикальной силой, называющейся «Милиция» (Militia) ...*

А. Дугин: Потенциал маргиналов из «Милиции» крайне ограничен для того, чтобы осуществить такое яркое действо. Хотя где-нибудь в штате Монтана они могут что-нибудь и устроить, но 11 сентября — это не их масштаб. Что же касается ФСБ, то никаких доказательств их участия во взрывах я не видел. Многие говорят, что это очевидно и сейчас мы все продемонстрируем, но ограничивается все демонстрацией чистого листа бумаги или пленки с видами московских дворов и мрачным закадровым голосом. Нужно понимать, что сейчас ни один сотрудник ФСБ не способен этого сделать в принципе. Даже в эпоху всевластья компартии, когда у КГБ были развязаны руки, ничего подобного не делалось, что говорить о нынешнем времени! Уже давно российские спецслужбы не сознают себя спасителями режима. Другое дело, что президенту это развязало руки для консолидации народа по операции в Чечне, хотя оказалось выгодно и нам, потому что был временно остановлен дальнейший распад России. Ведь банды Басаева в тот момент вторглись на территорию Дагестана, и остановить их можно было, только имея серьезные аргументы. Но это простое совпадение.

«МК»: *То есть в России — совпадение, а в США нет?*

А. Дугин: Да. И в России, и в США все слишком прозрачно, террористы просто физически не остались бы не замечены, но в ФСБ на теракты не способны ни при каких обстоятельствах.

«МК»: *Пусть так. Расскажите, что вы думаете об усиленно нагнетаемой последнее время истерии вокруг самого понятия «международный терроризм». Почему сейчас идет активное формирование общественного мнения, что терроризм — это абсолютное зло?*

А. Дугин: Сегодня нам пытаются объяснить, что есть хорошие люди и плохие террористы. Ранее злом друг для друга были две империи, теперь же разворачивается противостояние центра и периферии, так называемого золотого миллиарда и всех

остальных. Под терроризмом как раз понимается непослушная, агрессивная сторона периферии. На самом деле никакого отношения к терроризму периферия не имеет, более того, то, что мы видим сегодня в виде терактов, — это даже не голос периферии. И вот нынешние идеи о коалиции против международного терроризма, об объединении для борьбы с мировым злом на самом деле являются мифами глобализации. Миф о терроризме с его красочными демонстрациями создан, чтобы описать напряжение между золотым миллиардом и остальным миром. Самое интересное, что вместе со всем третьим миром на периферии оказалась и Россия, поэтому когда наше руководство говорит о борьбе с международным терроризмом, оно не понимает, что под этим термином косвенно имеемся в виду и мы. Ведь тот, кто не является центром, в любой момент может быть обвинен во всех смертных грехах, как это было с талибами в Афганистане или сейчас происходит с Ираком.

«МК»: *Мы должны развенчать миф о международном терроризме и выйти из всех коалиций?*

А. Дугин: Конечно, мы должны бежать от тех мифов, которые нам навязывают. Термин «международный терроризм» в России звучит некорректно. Употребление этого словосочетания каким-то политиком должно стать равносильным его признанию в том, что он сторонник расчленения России. Где терроризм? Давайте бороться с террором, смотреть, какая международная система ему покровительствует и куда ведут от него нити. Если мы каждый теракт проследим от исполнителя до заказчика, тогда многие очень сильно удивятся...

«МК»: *Как вы полагаете, по каким направлениям может развиваться терроризм в XXI веке?*

А. Дугин: Если модель однополярности будет развиваться, то фактор международного терроризма окажется в центре внимания цивилизации. Терроризм станет орудием Соединенных Штатов, посредством которого они будут держать всю остальную цивилизацию под контролем. Например, несколько терактов может произойти в Европе, которая очень неохотно поддерживает англосаксонскую коалицию в Ираке. В качестве иллюстрации

для запугивания европейских обывателей было бы неплохо устроить там пару взрывов, приписав их Саддаму Хусейну, то же самое может последовать и в России с указкой на Ирак. И на нынешнем этапе это может превратиться в правило: как только в том или ином пространстве земного шара возникает идея консолидированного противостояния однополярному миру — там происходит какой-то теракт. Иными словами, терроризм станет ярким, понятным и убедительным инструментом легитимизации однополярного мира. Потому как ни у кого не останется сомнений в выборе: или США, или террор. Буш ведет именно к этому после 11 сентября.

«МК»: *И все же о будущем терроризма…*

А. Дугин: Думаю, что неспровоцированного террора в будущем либо вообще не будет, либо он будет микроскопический. Если же все-таки мир преодолеет однополярность и станет многополярным и появятся несколько центров силы, то можно будет говорить о новом, неинструментальном значении террора. Но это слишком гипотетическая и далекая перспектива.

«МК»: *Возможен ли в России политический терроризм на нынешнем этапе и в перспективе?*

А. Дугин: Только когда он будет выгоден определенной внешней силе, обладающей более чем серьезными возможностями. Российским политтеррористам необходима внешняя опора. Поэтому я предполагаю, что в ближайшее время Россия будет избавлена от политического террора. Политические силы, народы, корпорации, которые могли бы при определенных обстоятельствах использовать терроризм, — где-то в очень далеком будущем.

«МК»: *А ныне существующие: НБП, комсомольцы?*

А. Дугин: Но это просто хулиганство в лучшем случае. Неадекватность подростков, детский сад.

«МК»: *Но суд над Лимоновым за организацию восстания в Казахстане — это серьезно.*

А. Дугин: Ну, есть вещи, которые не обсуждаются: Владимир Жириновский, Борис Моисеев. Можно поговорить на тему, в чем феномен Бориса Моисеева, но я не хочу. Из той же серии

и восстание Лимонова в Казахстане. Иногда обезьяны выдают себя за людей, люди — за обезьян, и кто-то верит: это наше общество, — но всерьез обсуждать это я не готов. Единственный вопрос, который возникает: зачем нужно было заниматься борьбой с Лимоновым российским спецслужбам?

«МК»: *И зачем?*

А. Дугин: Думаю, что у некоторых сотрудников ФСБ крайне формальное представление о борьбе с политическим экстремизмом. Нужно было кому-то что-то продемонстрировать, и вот появилось дело Лимонова. То же самое, что детям в песочнице выдать автоматы и сказать: вы тут пытались поднять восстание. Люди же неполноценные, неадекватные — творческие личности. Это, кстати, отчасти является показателем деградации российских спецслужб, просто недостойно, как бить детей или мучить животных...

Приложение 2

Цивилизация в единственном или во множественном числе?

Беседа на радио «BBC». 17.10.2002

Участвуют:

Евгений Волк — Московское представительство американского фонда «Наследие»;

Александр Дугин — философ, лидер Международного евразийского движения

Ведущий: *После событий 11 сентября 2001 года особо старались не акцентировать тему противостояния христианской и мусульманской цивилизаций, потому что было решено из-за действий определенной группы террористов не оскорблять весь мусульманский мир. Однако сейчас, после последнего теракта на острове Бали, «Times» прямо говорит о войне радикального ислама против западной цивилизации.*

Волк: На мой взгляд, речь идет именно о серьезном конфликте цивилизаций. И хотя, может быть, обобщение здесь не-

уместно, говорить о противостоянии всего христианского мира и всего мусульманского мира, безусловно, неправомерно. Речь идет скорее о конфликте экстремистского крыла мусульманского мира с демократическим крылом мира иудео-христианского.

Этот конфликт возник не вчера и не сегодня. Об этом конфликте говорилось не одно десятилетие. О нем говорили многие политологи в бывшем Советском Союзе, когда негативные явления стали назревать в среднеазиатских и закавказских республиках бывшего Советского Союза. Тогда эти предостережения не принимались во внимание. Сейчас и Россия, и Соединенные Штаты, и многие другие страны мира, которые, на мой взгляд, принадлежат к западному христианскому миру, сталкиваются с вполне реальной и очень серьезной угрозой, которая требует решительных и незамедлительных действий.

Ведущий: *Хотелось бы уточнить: почему так неохотно продолжали эту дискуссию в прошлом году? То, что нужно было собрать некую коалицию накануне войны в Афганистане, сыграло определенную роль или что-то другое?*

Волк: На мой взгляд, здесь сыграл роль целый ряд факторов: это и конкретные конъюнктурные политические потребности, диктуемые необходимостью сплочения государств с самыми разными политическими ориентациями; это, безусловно, и традиционная либеральная западная политкорректность, которая не позволяет обижать слабых, обижать малых, обижать тех, кто думает иначе. Иногда такая политкорректность идет в ущерб интересам безопасности и национальным интересам тех народов, чьи интересы эти либеральные политики представляют.

Дугин: Я считаю, что это совершенно неправильный подход. Здесь речь идет ни в коем случае не о конфликте цивилизаций, а о тех издержках, которые вызывает строительство однополярного мира.

Напомню слова Жана Бодрийяра, французского философа — не мусульманина, не экстремиста, не исламиста, — который утверждал, что терактам в Вашингтоне втайне радовались европейцы. Единоличная гегемония Соединенных Штатов Америки не нравится никому. И тот факт, что радикальный ислам взял на

себя миссию бросить этой гегемонии вызов, не означает, что все несогласные с этой однополярной реальностью поддерживает радикальный ислам.

Против американской однополярности выступает — скрыто, мягко, тайно — целый спектр международных политических сил. И радикальный исламизм среди них является самой слабой и непредставительной. Это скорее козел отпущения в данном вопросе.

Я напомню, что даже между Европой и США возникают геополитические противоречия. И уж конечно, Россия — со своей специфической исторической миссией, со своей цивилизационной особостью, со своей православной культурой и исламским традиционным обществом — совершенно никакого отношения к западной, иудео-христианской и тем более англо-саксонской, протестантской американской модели не имеет.

Не забудем, что исламисты были созданы самой Америкой — Центральным разведывательным управлением США — для противостояния просоветским или нейтральным режимам в арабском мире. Не будем забывать также и о том, кто вооружил радикальный ислам и кто им пользовался в течение многих десятилетий. И если теперь это тайное оружие американской политики обратилось против них самих — значит, они полностью этого заслуживают. Не надо было выстраивать эту террористическую систему, чтобы потом получить от нее ответный удар.

Волк: У меня сразу вызывает реакцию отторжения ряд таких ключевых слов, которые являются типичными для конспирологических моделей восприятия мира, то есть основанных на теории заговора — будь то тайные действия ЦРУ, скажем, или концепция однополярного мира.

Концепция однополярного мира — это дитя Примакова, дитя антиамериканизма в российской политической элите, дитя тех доктрин, которые были взращены в Советском Союзе: брежневской доктрины ограниченного суверенитета, предусматривающего подавление любой политической воли в рамках Варшавского договора, дитя доктрины финляндизации, то есть подавления политической воли стран Западной Европы к сопротивлению ком-

мунизму. Все эти лозунговые, знаковые слова — они всегда выводят на одну и ту же деликатную тему — о корнях евразийства, о корнях тех схем, которые сейчас продвигаются и провозглашают самость, особость России по сравнению с Западом.

На мой взгляд, Россия — естественная часть западной цивилизации. Об этом, кстати, говорит и Путин в своей книге «От первого лица». И как мы ни посмотрим, и культура России и особенно культура современной России XIX–XX веков, безусловно, складывалась в тесной интеграции с культурой Запада. Герои Толстого и Пушкина говорят на французском, а не на китайском или на татарском языке.

Разумеется, Россия — многонациональная страна. Но замечу, менее многонациональная, чем тот же Советский Союз. И подавляющее большинство неправославных или не этнически русских народов все же интегрируется постепенно в западную, европейскую цивилизацию. Мы мало видим примеров расцвета каких-то национальных культур, которые бы противостояли расцвету российской культуры, русскоязычной по существу...

Д у г и н: Как раз напротив, именно это сейчас и происходит. И тот же Путин сказал, что «Россия — это евразийская страна» — это его слова. И именно Владимир Путин является инициатором создания ЕврАзЭС, он поддерживает многие евразийские начинания, и, кстати, наше Евразийское движение рассматривает его именно как евразийского президента.

Что касается национальных культур, то если что-то в нынешней России и развивается, так это национальные культуры. Мы наблюдаем тенденции возвращения к национально-религиозным корням, а никоим образом не стремление к какой-то светской западной культуре. И мало того, если Россия не выдвинет универсальную миссию мирового масштаба, миссию выстраивания многополярного и справедливого мира — где каждый народ, каждая цивилизация и каждая система ценностей, не только западная, сможет свободно развиваться, если Россия откажется от выполнения своего исторического предназначения — она просто исчезнет.

В о л к: Тем не менее, что любопытно, в Татарстане ставится вопрос о переходе на латиницу, а не, скажем, на арабский алфавит...

Д у г и н: Как реакция на наше западничество. Они ориентированы на Турцию. Турция тоже находится под влиянием Запада...

В е д у щ и й: *Кстати, член НАТО и потенциальный член Европейского Союза...*

Д у г и н: Совершенно верно. И тем не менее, это форма, может быть, искаженная, а я противник перехода на латиницу, противник утери Россией своей геополитической мощи.

Однако, к сожалению, сегодня в России есть сторонники полной и безоговорочной интеграции в однополярный мир, который, кстати, является не каким-то примаковским мифом, а вытекает напрямую из нынешней доктрины США, предполагающей превентивные удары там, где нарушаются американские национальные интересы.

Однополярный мир де-факто существует. Есть его сторонники, но есть и противники. И среди этих противников отнюдь не только традиционалисты — чеченцы, татары или представители традиционных религиозных конфессий. Среди них огромное количество простых россиян — обычных людей, которые смотрят фильм «Брат-2», считают, что у России свой собственный путь, что не в деньгах сила, а в правде, в духе, в справедливости, в верности корням, традициям и чести.

В о л к: Мне кажется, что для большинства россиян вопрос национальной идеи, национальной идентификации сейчас, в общем-то, безразличен. В условиях, когда треть населения живет ниже уровня бедности, когда вопросы ежедневного выживания перед большинством наших сограждан стоят гораздо более остро, мне кажется, что такие теоретические построения — это больше удел московской элиты.

В е д у щ и й: *Я бы хотел обратиться к Александру Дугину и вернуть его к тому, о чем он сказал. Вы сказали, что Путин — евразийский президент. Конечно, географически Россия — евразийская страна, и тем не менее общепринятое мнение, что в сентябре 2001 года, когда президент России выступил с заявлением о поддержке Соединенных Штатов, он сделал своего рода цивилизационный выбор в пользу тесного сотрудничества с Западом и перехода России к созданию тесного альянса с Западом.*

В этой связи как воспринимать тогда ваш разговор о евразийстве как основе политики президента?

Дугин: Многим бы хотелось, чтобы Путин сделал такой исторический выбор, чтобы этот выбор стал неотменимым. Но реально Россия — гигантская евразийская континентальная страна, которая движется по своей исторической траектории в течение многих веков. Разные силы постоянно пытаются сдвинуть ее на Запад — вспомним хотя бы Троцкого с провозглашением образования Соединенных Штатов Европы, — но еще ни у кого этого не получилось и никогда не получится. Никакого реального сближения с Западом и встраивания России в процесс глобализации без утраты собственной государственности в принципе не может быть. Мы, в значительной степени, цивилизационные антиподы.

Путин был вынужден определенным образом в указанной вами конкретной ситуации солидаризоваться с Западом для решения, как тогда казалось некоторым его советникам, афганской проблемы. И сейчас мы пожинаем плоды фатальной ошибки этого неверного курса. В Ираке, в отличие от Афганистана, где у нас был общий враг — талибы, которых создали сами американцы, — у нас таких общих интересов нет. Поэтому теперь мы вынуждены либо отстаивать свои национальные интересы в Ираке, либо идти вразрез со своими национальными интересами, продолжая поддерживать Запад. И вот теперь-то Путин действительно стоит перед судьбоносным выбором.

Ведущий: *Вы говорите, что Россия — антипод западной цивилизации. В таком случае какая у нас-то цивилизация?*

Дугин: Цивилизация у нас евразийская.

Ведущий: *А что такое евразийская цивилизация?*

Дугин: Вот с этого и надо было начинать... Евразийская цивилизация представляет собой совершенно уникальную, многомерную, развивающуюся исторически общественную систему, сохранившую в себе особый тип отношений, представляющую особый тип традиционного общества, основанного на устоях, жестко противоположных тем ценностным системам, в парадигмах которых развивался и развивается Запад. Начиная с Византийской эпохи, с раскола Церквей, восточная Церковь пошла по

совершенно иному пути — пути сохранения изначальной традиции. Русь двигалась к Востоку, сливалась с татарскими массами, интегрировалась с тюркскими народами, в процессе чего эта евразийская цивилизация окончательно выработала свой самостоятельный, неповторимый лик. Это наша миссия — нести миру особую истину, особый свет — свет с Востока.

Ведущий: *Насколько я понимаю, к моменту, когда закончилась царская эпоха в России, Россия как раз таки уже интегрировалась в мировое сообщество. Это потом большевики закрыли страну, пошли своим, особым путем. Кончилось все это очень плохо, и ту нищету, которую мы имеем сейчас, все-таки, наверное, мы получили в наследие от этой закрытой системы. Вы нас призываете к этой самой закрытости?*

Дугин: Нищету мы получили от западников-реформаторов.

Ведущий: *Минуточку, Вы хотите сказать, что в 90-м году, когда не было либералов и не было вот этих самых рыночных реформ, народ жил очень хорошо?*

Дугин: Даже тогда народ жил более справедливо, более социально равномерно, чем сейчас...

Ведущий: *То есть все были нищими?!*

Дугин: Ну и что? На самом деле в этом моральное и нравственное успокоение для многих. Сегодня мы видим микроскопическое меньшинство, которое выиграло от реформ, и огромные народные массы, которые от них пострадали. Спросите их!

Ведущий: *У меня вопрос сейчас к Евгению Волку. Евгений, для тех, кто придерживается теории, что Россия должна объединиться с Западом еще теснее, что она его интегральная часть и так далее, — последний год, как мне кажется, не принес, в общем-то, каких-то особых позитивных результатов. Не кажется ли вам, что развитие конфликта Запада с радикальным исламом многих заставляет опасаться того, что в этой связи может быть нанесен удар и по России, в то время, как ее борьба находится, как многие говорят, в стороне от борьбы Соединенных Штатов?*

Волк: На мой взгляд, наоборот, за последнее время как раз-таки и проявились все плюсы сближения России с Западом. Например, удалось развязать афганский узел, не потеряв при этом

ни одного солдата, решив эту проблему американскими руками, руками их союзников по НАТО. На мой взгляд, нет сейчас серьезных расхождений и по Ираку. Большинство понимает, что Саддам Хусейн, если отбросить политическую корректность, — это сукин сын, хоть он и наш сукин сын. И Россия была готова его сдать. Поэтому, честно говоря, концепция евразийства мне, в нынешней ситуации, представляется достаточно искусственной, особенно если взглянуть на ее исторические корни.

У многих российских интеллигентов есть все-таки подспудное подозрение, что идея евразийства — это изобретение ОГПУ, так же как и операция «Трест», которая была выдумана в начале 20-х годов...

Дугин: ...так же, как и Москва — Третий Рим, Русская Православная Церковь...

Волк: ...для того, чтобы контролировать интеллигенцию в зарубежной эмиграции, поставив ее себе на службу, вернуть часть интеллигенции, поставить ее на службу Советам. И сейчас возрождение евразийства в качестве национальной идеи видится примерно так же, как и создание Либерально-демократической партии со стороны КГБ на рубеже 80–90-х годов для противодействия нарастающей российской демократии.

Разумеется, все это факторы внутренней политики, это понятно. Но если иметь в виду долгосрочную перспективу, то мне кажется, что Россия все-таки обречена на взаимодействие с Западом. Можно это назвать однополярным миром, можно назвать это проамериканизмом, глобализмом, но в реальности проблемы мира таковы, что без США, без сотрудничества с ними — решать их практически невозможно. И России для того, чтобы утвердить свои национальные интересы, территориальную целостность, суверенитет, — необходимо с Западом тесно сотрудничать и идти вместе...

Дугин: Относительно решения афганской проблемы я хотел бы добавить, что, помимо этого, Россия получила еще американские военные базы в странах СНГ, что категорически противоречит нашим стратегическим интересам.

И потом, никто и не говорит, что с Америкой надо вступать в жесткую конфронтацию. Другое дело, что Америка должна огра-

ничить свой стратегический потенциал американским континентом, предоставив другим цивилизациям — в том числе и европейской цивилизации, у которой с Россией все больше и больше совместных интересов, — возможность идти своим путем, вырабатывая многополярную концепцию и идеологию многополярного мира.

Волк: То есть разорвав трансатлантическую связь, которая существовала больше пятидесяти лет?

Дугин: Она сама рвется. Конец двухполярного мира автоматически освобождает Европу от необходимости такой связи, выдвигает Европу как новый геополитический субъект мировой политики. Это очень серьезная тема, России безусловно нужно идти на Запад, поддерживать Запад — но как Европу, как Брюссель, как Бонн, поскольку наши интересы комплементарны европейским в этой области.

Ведущий: *Если же действительно война цивилизаций — я имею в виду войну цивилизаций христианской и мусульманской, — о которой сейчас говорят, все-таки началась после теракта на острове Бали, какую роль в этой войне должна играть Россия, на какой стороне она должна находиться?*

Дугин: Во-первых, я считаю, что война цивилизаций не началась... Может быть, и начнется, но уж точно не по тому сценарию, который сейчас предлагается... Есть такая формула технического анализа: «majority is always wrong» — большинство всегда ошибается. Если все говорят о войне цивилизаций, значит, ее точно не будет. И я полагаю, что в этом отношении Россия должна следовать своим собственным национальным интересам.

Что касается радикального исламизма, то он был и остается врагом России во всех отношениях. Мы должны бороться с радикальным исламизмом всеми возможными способами. Хочу сказать, что жертвами радикального исламизма сегодня становятся не только американцы, но и представители традиционного ислама. И в этом отношении, совместно ли с Америкой, или вместе с традиционным исламом, но мы должны действовать против радикального исламизма.

Ведущий: *Скажите, а как отличить традиционный ислам от радикального, как вообще заставить умеренных мусульман*

как-то действовать, ведь радикалы действуют, а умеренные молчат и сидят в стороне?

Дугин: Между ними разница, как между агрессивной сектой, которая всегда действует более активно, и традиционной религиозной конфессией. Разница не только в методе — исламские радикалы практикуют террор, — но и в различии доктрины. Исламские радикалы отрицают все четыре традиционных исламских масхаба, составляющих основу традиционной исламской ортодоксии. Это секта, и в радикальном исламизме мы имеем дело не с представителями всего арабского или исламского мира, мы имеем дело с представителями агрессивной секты, наподобие секты Сёко Асахары.

Приложение 3

«Я могу судить по результату...»

Беседа А. Дугина с шефом московского бюро «Аль-Джазиры» Акрамом Хузамом на православном телеканале «СПАС», программа «Вехи». 2005. Август

Александр Дугин: Добрый вечер. Сегодня у нас в студии шеф московского бюро телеканала «Аль-Джазира» г-н Акрам Хузам.

Акрам Хузам: Добрый вечер!

Александр Дугин: Скажите, г-н Хузам, сейчас наблюдается обострение между исламским и западным мирами. Террористические акты в Лондоне и в других странах обостряют эти отношения. Как вы видите эту проблему? Как сам арабский мир воспринимает увеличение напряженности?

Акрам Хузам: Ну, во-первых, я не согласен с вашим утверждением о том, что обостряются отношения между исламским миром и западным миром, потому что исламский мир очень разнообразен, и вообще нет такого термина «исламский мир». Есть исламские страны. Они воспринимают эту проблему по-разному. Есть страны, которые полностью находятся под контролем политики США и Англии. Есть страны, которые пытаются сопротивляться. Поэтому однозначного ответа на ваш вопрос нет. И воспринимается то, что происходит в последнее время, —

теракты в Лондоне, в других странах — тоже по-разному. Есть исламисты-романтики, которые думают, что только таким образом можно победить Запад. Есть наемники, которые получают деньги и которых используют для того, чтобы совершить тот или иной теракт. И есть нормальные люди, которые вообще против насилия, против убийства ни в чем не повинных людей.

Александр Дугин: Но есть еще исламисты-провокаторы, которые работают против ислама, дискредитируют его.

Акрам Хузам: Безусловно, есть такие провокаторы. И, знаете, я откровенно вам скажу, что и внутри самого ислама не все ладно... Не случайно, что три халифата были уничтожены самими мусульманами. Это тоже своего рода террор. Если посмотреть суру Аль-Бакара, то через каждые две-три страницы мы обнаружим призывы «убивай», «уничтожай». Это лежит в основе ислама. Я не буду говорить по поводу различных школ, таких, как, например, в Пакистане, которые очень отрицательно влияют на развитие молодежи. Взять трехлетнего ребенка и начинать вдалбливать в его голову слова «убивай», «уничтожай» другого человека, православного, христианина...

Александр Дугин: То есть в исламе есть такое направление?

Акрам Хузам: На мой взгляд, есть. Я повторю, не случайно три халифата были уничтожены самими мусульманами. Нужно разобраться с этими школами, которые до сих пор собираются убивать других, не понимая, что мы живем в XXI веке, что времена халифатов давным-давно закончились и уже никогда не могут вернуться, потому что это не отвечает современности.

Александр Дугин: Скажите, с вашей точки зрения, в какой степени за теракты в Лондоне несут ответственность реальные радикальные исламские группировки, а в какой степени это может относиться к серии провокаций, направленных для осуществления каких-то геополитических целей?

Акрам Хузам: Исполнители — это, безусловно, радикальные исламисты. Всем известно, что в Лондоне находится совершенно легальный центр радикального ислама. Поэтому нет ничего удивительного, если лондонские правоохранительные органы скажут, что они могут доказать причастность радикальных му-

сульман к этому теракту. Вопрос в том, кто заказчик? У меня, допустим, нет средств, чтобы доказать, что это спецслужбы США или Англии. Но я могу судить по результату. Например, результатом теракта 11 сентября стало то, что США захватили Афганистан, разместили свои базы в Средней Азии и потом захватили Ирак. По результату я могу судить, что это было выгодно США. То же самое с терактами в Лондоне. Это выгодно Бушу, потому что в Ираке он уже зашел в тупик. Это выгодно Блэру, потому что он тоже никак не может оправдать эту войну. Теперь они могут сказать, что все эти мусульмане плохие, они террористы и поэтому эту часть мира нужно уничтожить, нужно внести туда «демократию». Посмотрите на американскую «демократию» в Ираке, на то, что там сейчас происходит. Я абсолютно не защищаю такого диктатора, как Саддам Хусейн, но если посмотреть, сколько сейчас погибает мирных людей в Ираке, то, прошу прощения, можно плевать на такую «демократию».

Александр Дугин: Скажите, г-н Хузам, арабский мир, чьим общим выразителем является ваша телекомпания «Аль-Джазира», в глубине души он все-таки солидарен с «Аль-Каидой», Бен Ладеном и его радикальной борьбой против Запада? Или же все-таки их деятельность рассматривается как некий дискредитирующий элемент?

Акрам Хузам: Могу сказать с уверенностью, что это тоже провокация. Может быть, в Саудовской Аравии где-то 50% населения могли поддержать «Аль-Каиду», но арабский мир — это не только Саудовская Аравия. Я родом из Сирии и знаю, что большинство людей там против «Аль-Каиды», если она вообще существует, а не была создана как миф. Я знаю, что в Ираке ненавидят такие методы, то же самое в Египте, Алжире и других странах. Последний опрос, проведенный в Пакистане, показал, что «Аль-Каиду» поддерживает 49% населения, но в Ливане такая поддержка всего 18%.

Александр Дугин: Но 49%, согласитесь, для такой мощной страны, как Пакистан, — это много.

Акрам Хузам: Но надо знать, что исламские школы, о которых я говорил раньше, действуют там давно и серьезно. Они ведут мощную пропаганду и, естественно, влияют на сознание людей.

Александр Дугин: В последние годы часто «международный терроризм» ассоциируют с исламской традицией. Мы, конечно, знаем этнический терроризм — басков, ирландцев, курдов. С вашей точки зрения, феномен исламского фактора в «международном терроризме» связан каким-то образом с исламским учением? Или же это совершенно постороннее явление и с таким же успехом можно было бы представить себе «международный терроризм» с другой идеологией, например, с христианской?

Акрам Хузам: Я могу сказать, что есть такие элементы. Еще раз возвращаясь к учению Корана и других книг, там часто встречаются слова «уничтожай», «убивай». Второй момент — ислам, каким он был первоначально, уже давно умер. Что осталось от ислама? Осталось 57 трактовок ислама, т. е. каждое государство трактует ислам по-своему. Ваххабиты, или радикальные исламские организации, — они тоже трактуют ислам по-своему. Я приведу пример. В Саудовской Аравии очень жесткие моральные традиции. Например, мужчина и женщина до свадьбы не встречаются. Радикалы берут молодежь, которая вообще не видела женщин, и обещают им, что у них в раю будет гурия, и когда завербованный таким образом взрывает себя (это не сказка, это все факты), он начинает кричать: «Гурия! Гурия!» Этот момент используют организаторы терактов.

Кто эти организаторы, я не могу указать на 100%. То же самое — в Кувейте. Мне многие об этом рассказывали, кто все своими глазами видел. То же самое я видел, когда был в лагере Хаттаба в Чечне, в 1997 году. Я там встретил романтиков, которые считают, что у них в Алжире ад и они таким образом сражаются за справедливость в мире. Их взяли, когда им было 10–12 лет, и начали обрабатывать, и после такой обработки ими можно управлять как угодно. Они могут взорвать себя, они могут бросить бомбу на тысячи мирных людей. Есть специальные центры, которые всем известны, — в Пакистане, в Саудовской Аравии, в Афганистане. Эти центры были созданы еще во времена СССР, чтобы противостоять этой «империи зла». «Империя зла» повержена, и что мы сегодня получили? Хаос. Мир стал ужасным.

Александр Дугин: Но «империя зла» — это же не исламский термин, это термин американский.

Акрам Хузам: Конечно. Сейчас американцы говорят, что «империя зла» — это исламский мир.

Александр Дугин: Г-н Хузам, в арабском мире есть ведь не только мусульмане, есть также арабы-христиане. Ваша телекомпания «Аль-Джазира» помогает формированию арабского и исламского самосознания, отсюда ее популярность и мировое распространение; учитывает ли она позиции — политические, этнические, социальные — христианского меньшинства в арабском мире?

Акрам Хузам: Вы знаете, мы несём людям информацию, новости. У нас нет такой задачи, чтобы учитывать интересы христианского меньшинства или мусульманского большинства. Я помню, когда умер папа римский, у нас был постоянный прямой эфир, и никто не думал, что это католик и его не нужно показывать. Это информация. То же самое было 9 мая — целый час был прямой эфир из Москвы. Просто потому, что есть такое событие, которое собрало большинство мировых руководителей. Что касается религиозных передач, то у нас есть одна такая программа — «Жизнь и шариат». Но в новостях, которые идут каждый час, вы встретите православного, католика, иудея, буддиста и т. д. У нас нет такого, что вот это — радикальный исламист и его не надо показывать, или это — ужасный православный и его не надо показывать. Такого нет. Наша информационная политика такова, что нужно предоставлять эфир для разных людей, если это представляет собой информацию, а не пропаганду.

Александр Дугин: Скажите, а каково сейчас отношение в арабском мире к России? Как видят Россию современные арабы?

Акрам Хузам: В арабских странах, в целом, нет антипатии к России, я такого не встречал. А я в нашем регионе довольно популярный человек, встречаюсь с очень разными людьми — и с президентами, и с министрами и т. д. Я не замечал никакой антипатии. Но большинство людей вспоминают СССР. Это факт. Даже министры вспоминают СССР.

Александр Дугин: С ностальгией?

Акрам Хузам: С ностальгией. Потому что тогда люди чувствовали в мире баланс. И вот слово «Россия» звучит с большим вопросом: вот если бы был Советский Союз, то США не смогли бы действовать в мире так, как они действуют сейчас. Эти разговоры

встречаются в каждом доме, в каждой квартире. Я помню, когда в нашей телекомпании появился г-н Путин, я взял у него большое интервью. Но вот я возвращаюсь из штаб-квартиры в аэропорт Доха в Катаре, и меня встречает большой шейх, вот с такой бородой. И он мне говорит: вы меня заставили полюбить Путина. Откуда это? Что это? Видимо, то, как Путин рассказал об отношениях между Россией и арабскими странами, так повлияло на этого шейха, который, может быть, до этого — я не могу сказать, что ненавидел, но такой симпатии не было.

Что нам теперь нужно? Нужна и со стороны арабских стран, и со стороны России последовательность. Она сейчас отсутствует, к сожалению. То есть появляется Лавров каждые полгода или каждые два года. Но этого очень мало. Ну, пусть не сам Лавров приезжает, пусть его помощники, но чтобы они были там постоянно. Дальше — культурные отношения, которые могут сблизить людей. Я помню, раньше, в советские времена, к нам приезжал и Большой театр, и грузинский театр, и молдавский театр, и т. д. Люди ходили туда с удовольствием. Есть у вас такой великий, я считаю, сериал «Семнадцать мгновений весны». Я помню, когда у нас его показывали — на улицах вообще пусто было, потому что все смотрели этот фильм. Сейчас такая культурная связь отсутствует. Это большой минус в работе российских и арабских культурных организаций.

Александр Дугин: В исламском мире религия играет очень серьезную роль. Везде разную, и трудно говорить о каком-то единообразном воздействии, но какое бы арабское или исламское государство мы ни взяли — везде религиозный фактор очень серьезен либо в оппозиции, либо во власти, либо в культуре. В современной России не так. Православное самосознание только начинает давать о себе знать, только начинает активно влиять на общество. Как, с вашей точки зрения, будут развиваться отношения России с мусульманским миром, по мере того как этот процесс в самой России будет развиваться, когда Россия будет становиться все более и более православной, возвращаться к православным корням, православному самосознанию? Усилит ли это конфликты или, наоборот, приведет к какому-то позитивному диалогу?

Акрам Хузам: Вы знаете, я материалист. В каком плане — если учитывать интересы России в нашем регионе, интересы арабских стран в России, то я думаю, что проблем не будет. Не важно — православный или мусульманин. Посмотрите, у большинства властей в арабских странах прекрасные отношения с администрацией Буша. Помню последний визит эмира Абдуллы в США. После этого визита в Саудовской Аравии не было ни одного теракта. Большой вопрос для меня, почему так вдруг?.. Поэтому, что касается отношений России и арабских стран, главное — конкретно определить, что мы хотим. На мой взгляд, до сих пор этого нет, т. е. нет стратегии. Что Россия конкретно хочет от Персидского залива? Может она сотрудничать со странами Персидского залива в области газа и нефти или нет? Что Россия хочет от Сирии, от Египта? Хочет она продавать оружие или нет? Я приведу такой пример. Была объявлена сделка с Сирией по поводу ракет... забыл, как они называются. Вдруг ваш министр обороны заявляет, что вы не вели никаких переговоров. А на самом деле переговоры были.

Александр Дугин: Американцы надавили.

Акрам Хузам: Да. Одновременно заявили, что это не противоречит международным обязательствам. Извините, пожалуйста, но если это не противоречит международным обязательствам, то почему вы не согласились продать в Сирию такие ракеты? Это непонятно. И это отрицательно влияет на развитие отношений. Религиозный фактор, на мой взгляд, абсолютно не играет никакой роли. Когда Путин приезжал в Египет, то он взял с собой некоторых представителей исламских общин России. Я считаю, что это не было нужно. Что, он хочет доказать, что мусульмане здесь хорошо живут? Для Мубарака важно, какие контракты будут, какие будут выгоды для его страны.

Александр Дугин: То есть религия религией, а конкретные практические интересы идут в первую голову?

Акрам Хузам: Абсолютно верно. Причем не только в отношениях между Россией и арабскими странами. Вот сейчас, допустим, президент Алжира объясняется в любви к России, а потом Путин узнает, что все контракты подписаны с США. Тогда зачем

объяснения в любви, если далее все контракты — с США? Поэтому здесь нужно смотреть, какие конкретно шаги необходимо предпринимать, чтобы осуществить контракты с этими странами. Самое главное — определить стратегию.

Александр Дугин: Здесь Русская Православная Церковь, как ни странно, может сыграть очень важную роль. У России сейчас нет национальной идеи, наша идентичность размыта, и государство не справляется с этим. Чиновники и госаппарат не могут сформулировать эту идею. И инициатива по такой формулировке переходит постепенно к Православной церкви. В зависимости от того, как Православная церковь будет осознавать свою миссию в мире, какие приоритеты выделит, кого назначит врагом на современном этапе, а кого — союзником, от этого, возможно, в какой-то степени будет зависеть та более последовательная и более системная политика России, которая сменит нынешний прагматический курс, потому что сейчас большинство политологов смотрит уже после 2008 года.

Понятно, что до 2008 года едва ли от такой прагматики и синкретизма в международной политике мы отойдем. Но бесконечно так двигаться нельзя. Мы делаем один шаг в сторону США, другой шаг — против США, постоянно проигрываем в международной ситуации либо выигрываем какие-то тактические вопросы. Так вот, формулировка этого постоянного курса, который сейчас необходим России, видимо, будет зависеть в значительной степени от позиции Русской Православной Церкви. И тогда этот фактор будет очень серьезным. Как РПЦ сформулирует свое отношение к исламу? Например, объявит ислам врагом на основе догматических расхождений или, наоборот, рассмотрит его как цивилизационного союзника?

Акрам Хузам: Вы хотите мне сказать, что Православная церковь в России — это независимый, свободный институт? В православии нет такого представления, что ислам — это враг православия. В католической церкви нет такого, чтобы считать православие или ислам врагом католицизма. Я никак не могу согласиться с вами, что Православная церковь может сыграть главную роль...

Александр Дугин: Важную, пусть не главную.

Акрам Хузам: Ну, важную роль. Я думаю, что религия здесь вообще не важна. Православие, ислам и католицизм пусть играют свою важную роль в воспитании людей.

Александр Дугин: Стоп. В исламе религия играет огромную политическую роль.

Акрам Хузам: А вы видите, какие проблемы в нашем регионе? Это как раз оттого, что ислам играет главную роль. Посмотрите на Европу. Когда они отделили религию от государства, там в жизни пошел большой прогресс.

Александр Дугин: Ну, какой прогресс? Материальный, но не духовный прогресс. У них там вырождение, однополые браки, аборты… Это разве прогресс?

Акрам Хузам: Я скажу, какой прогресс. Техническая революция произошла только благодаря этому разделению. Судьи там — это независимый институт, благодаря именно этой революции. Самое главное, что человек там, независимо от его убеждений, остается человеком.

Александр Дугин: Это так в теории, а на самом-то деле это не так. Это все двойные стандарты, это лицемерие. Современная цивилизация далека от идеала.

Акрам Хузам: Я могу сказать, что это наблюдается только в определенных местах. Посмотрите, до начала военных действий в Ираке против политики в Англии вышли 5 миллионов. После терактов в Испании вышли 8 миллионов.

Александр Дугин: Вышли, но тем не менее их не послушали. Какая же это демократия?

Акрам Хузам: Нет, демократия и состоит в том, что эти 8 или 5 миллионов вышли и высказали свою точку зрения.

Александр Дугин: Но что толку высказывать, если ее никто не слушает? Блэр что хотел, то и сделал.

Акрам Хузам: Что значит «толк»? Во-первых, когда накопятся эти моменты, я думаю, что это заставит и руководство Англии, и руководство США изменить свою политику. Это вопрос демократии.

Александр Дугин: Хорошо. Благодарю вас, г-н Хузам, за то, что вы были с нами. До встречи в нашей студии.

Вместо заключения:

РОССИЯ И МИР В 2050 ГОДУ. ГЕОПОЛИТИКА ПОСТМОДЕРНА

Многие парадигмальные тренды, которым суждено определить образ мира в 2050 году, уже давно приведены в действие. Их анализу, собственно, и была посвящена настоящая книга. Основные проблемы, стоящие перед человечеством,

1. Угроза «конца света» со стороны глобализма.
2. Проблема антихриста (даджала, эрев-рав, кали-юги) и ее связь с глобализмом.
3. Угроза уничтожения суверенных идентичностей (культур, наций, религий, государств, этносов и т. д.) под давлением глобализма.
4. Угроза замены человечества биомеханоидами — клонами и киборгами, создаваемыми как «люди без подсознания и расы», как истинные «автономные индивидуумы» и «tabula rasa» глобалистами.

Ключевые вызовы России.

1. Угроза распада государственности, утраты суверенности, тотального кризиса идентичности.
2. Проблема евразийской революции.
3. Проблема геополитического предательства проглобалистских элит и тотального нравственного разложения правящего класса.

4. Угроза демографического уничтожения русского этноса.

Однако в порядке прогностического эксперимента можно пойти дальше и, отталкиваясь от исходных методологических установок и сформулированных выше проблем, предложить футуристический очерк планетарной истории на ближайшие 40–50 лет.

США и их сторонники по глобализации, атлантизму и однополярному миру в конце концов открыто заявят о создании «мирового правительства» и попытаются навязать свою волю всем без исключения странам. Эта попытка окончится крахом, разрушив уже на первоначальном этапе существующие сегодня международно-правовые институты «старого образца», такие как ООН, НАТО и т. д.

Императив сохранения собственной национально-государственной и культурно-религиозной идентичности перед лицом однополярной унификации фундаментально изменят статус ядерного оружия, спровоцируют его форсированное создание во многих странах. Пролиферация ядерного оружия станет единственно возможной формой глобальной самообороны. Ядерное оружие будет у Кореи, Ирана, Турции, Японии, арабских стран, стран Латинской и Центральной Америки, у держав тихоокеанского региона.

Начнутся суровые войны между региональными державами, спровоцированные атлантистами, и вести их будут сознательные сторонники и противники атлантизма. До 2050 года будет несколько раз применено ядерное оружие, причем с колоссальными человеческими потерями. Экологические проблемы обострятся до катастрофических масштабов. Они станут бичом человечества и причиной гибели его значительной части. Многие заболеют неизвестными доселе болезнями.

Наркобизнес достигнет в какой-то момент неслыханных масштабов, и эрзац мирового правительства внезапно

легализует наркотики, погрузив слабую часть человечества в морфический гипноз, интенсифицируемый виртуальными технологиями и артефактами информационного общества. Евразийская революция будет направлена против наркомании и наркотрафика, за возврат к архаическим и религиозным практикам экстаза, на худой конец к водке.

«Международными террористами» глобалисты объявят в какой-то момент всех сторонников евразийского учения. Образ евразийцев будет искажен в глобалистских СМИ, но евразийская революция все равно победит и расставит все на свои места, обнаружив, что истинными «международными террористами» являются США и их пособники по строительству однополярного мира. Тогда все перевернется с головы на ноги. Окажется, что Бен Ладена и «Аль-Каиды» никогда не существовало и что это была глобальная медийная голограмма, призванная запугать противников глобализации. Начнется новая мировая война. Однако это будет мировая гражданская война.

Будет осуществлено клонирование человека. Клоны и киборги станут основой армии глобализма. С ними будут воевать евразийские повстанцы. Серия геополитических революций прокатится по всему миру в ходе провала глобализационного проекта. На поверхность выйдут как социальные, так и национальные, религиозные и иные энергии. Разрыв между бедными и богатыми будет сглажен в ходе планетарных восстаний, которые начнутся в момент высшего кризиса глобализма и приведут к резкому падению уровня жизни людей Запада и существенному повышению этого уровня в странах третьего мира.

Эра медиакратии настанет в момент пика глобализации, а потом пузырь «общества спектакля» лопнет, и информационные потоки займут в общей политической системе иное место. Национальные СМИ останутся, но будут архаизированы — глиняные таблички, свитки, рукописные папирусы с иероглификой и т. д. Электронные СМИ будут только зональными и с точечной, целевой таргетинговой трансляцией — для специального класса элит, обслуживающих

стратегические организмы. Обычное население будет довольствоваться локальными изданиями — деревенский информационный листок, — а также общинными собраниями и слухами.

К 2050 году независимых государств в их актуальной форме практически не останется. Неизбежная трансформация национально-государственного суверенитета в условиях глобализации на фоне планетарного кризиса и геополитических революций приведет к появлению нескольких крупных государств-цивилизаций, государств-континентов, конкурирующих между собой (как у Оруэлла в «1984»). Ключевыми геополитическими игроками будут четыре «больших пространства» со сложной внутренней структуризацией.

1. Пан-Америка. В эту зону войдут три державы — Северная Америка (США+Канада), Центральная Америка и Южная Америка.

2. Евроафрика — Евросоюз, Арабский Халифат и Черная Африка.

3. Евразия — Малая Евразия (Россия + страны СНГ), Исламская континентальная империя (Иран, Турция, Пакистан), Индия.

4. Тихоокеанский кондоминиум — Китай, Япония, а также отдельные тихоокеанские «большие пространства» Малайзия, Индонезия, Австралия.

У каждой зоны будет своя валюта, койне, свод законов, органы стратегического военно-политического и экономического управления.

Нынешняя единственная супердержава США сохранится, но претерпит существенные изменения, в ходе которых ее влияние на мировые процессы существенно ослабнет. Это произойдет после серии катастроф, которые постигнут США в ходе строительства однополярного мира. Очень велика вероятность ядерных катаклизмов на территории самих США, как в результате технологических катастроф в эпоху всеобщего хаоса, так и терактов со стороны антиглобалистских сил в период геополитических революций

(подрывы атомных станций, применение «грязных бомб» и т. д.). Изнутри американское общество будет раздираемо биполяризмом между WASP'ами, с одной стороны, и латинокатоликами + афроамериканцами, с другой. Со временем, после стабилизации обстановки и отказа США от «планетарных амбиций», возможна их интеграция с Канадой в форме конфедеративного государства.

Китай сохранит и усилит свое влияние на близлежащие территории, причем вероятна экспансия не только на российский север, но и в других направлениях, в том числе — на юг (заселение Австралии и т. д.).

Евросоюз также усилится, став основой Евроафрики.

Арабские государства объединятся в различные интеграционные блоки внутри «больших пространств» — Евроафрики (Исламский Халифат) и Евразии (исламская континентальная империя).

Израиль после серии кровопролитных ближневосточных войн перестанет существовать как национальное государство и будет превращен в особую культурно-религиозную зону, автономию с международно-правовым статусом.

Российская Федерация в актуальной форме не сохранится. Она станет большей частью Малой Евразии (РФ + СНГ) и ядром Большой Евразии (РФ + СНГ + Иран + Турция + Индия + Афганистан + Пакистан). Российско-советская империя возродится в виде Евразийского Союза и Евразийского Альянса, во главе которого будет стоять «сверхчеловек», поднявшийся над своей кровью и национальностью, — возможно, славяно-тюркского или славяно-кавказского происхождения. Человек евразийской крови. Будущая идеология и политический режим — евразийская идеократия наднационального толка вверху и региональная демократия этнархического толка внизу.

Важнейшей мировой идеологией станет евразийство. Оно приобретет мировой масштаб в ходе восстания народов и стран против глобализации, а позже станет матрицей отдельных интеграционных идеологий каждой из зон — по логике пан-идей, с соответствующей модификацией. Евра-

зийство в 2050-м будет подобно ленинизму в 60-х в СССР или либерализму в США в 90-х. Это будет ортодоксия, отправляясь от которой будут строиться более конкретные модели.

Прямые деспотии или жестко авторитарные режимы исчезнут. Традиционная форма европейской демократии также уйдет в прошлое, ее элементы сохранятся в североамериканской зоне и, отчасти, с существенными поправками, в Евросоюзе. В остальных зонах возобладают иные политические системы. Общим местом во всех политических системах будет жесткий стратегический централизм плюс широкая степень локальной автономии. Модели локального управления будут выбираться народами самостоятельно, с учетом их культурно-исторического опыта, в том числе основанного и на иерархии — светской, этнической, племенной или религиозной. Постмодерн на уровне мегаполисов и метрополий «больших пространств» будет дублироваться архаикой премодерна на локальном уровне. Политические партии в их нынешнем виде исчезнут, нечто подобное им, но с большим религиозным уклоном, сохранится в США и Евросоюзе.

ТНК сохранятся и станут хребтом евразийской экономики, но в относительно локальном масштабе, на уровне континентальной экономической интеграции. Глобальные ТНК исчезнут вместе с крахом глобализма.

Население и пропорции между расами и отдельными этническими сообществами сохранится на уровне 2005 года, так как огромная часть человечества погибнет в эпоху антиглобалистских революций, где будут участвовать целые народы и нации. Многие погибнут, а жесткие столкновения между атлантистами-глобалистами и евразийцами-многополярниками приведут к экологической и технологической катастрофе, появлению новых вирусов и болезней.

Атеисты и неверующие исчезнут, потрясенные апокалиптическими событиями, разворачивающимися вокруг них. Количество мусульман резко возрастет. Увеличится число сторонников неортодоксальных неоспиритуалисти-

ческих сект. В Европе будет доминировать евроислам с анклавами католико-протестантского меньшинства.

Смертная казнь будет активно распространена, даже за не очень серьезные преступления. Человеческая жизнь потеряет сегодняшнее значение, на первый план выйдут иные ценности — более напоминающие Средневековье.

Семья станет одной из главных ячеек евразийской революции против атлантистской пролиферации всеобщей педерастии. Но это будет нео-семья, как продукт консервативно-революционной эротической практики, которая явится формой сексуального протеста против глобалистской практики смены пола, гомосексуализма и клонирования.

Основные проблемы, которые будут стоять к 2050 году.

Перед человечеством:

1) угроза гибели от последствий периода большой планетарной гражданской войны и серии евразийских революций;

2) угроза реваншизма со стороны павших армий глобалистов и подручных им клонов;

3) проблема «отложенного» конца света и его логической неизбежности.

Перед Россией:

1) угроза потерять великоросскую идентичность в ходе осуществления континентального управления Малой и Большой Евразией;

2) угроза сокращения православной общины перед лицом носителей иных конфессий — ислама, конфуцианства, индуизма, буддизма и т. д.;

3) проблема геополитического контроля над южными «большими пространствами» и смежными зонами — особенно в Центральной Азии;

4) проблема конкуренции с Евро-Африканской и Тихоокеанской зонами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научно-популярное издание

Дугин Александр Гельевич

ГЕОПОЛИТИКА ПОСТМОДЕРНА
ВРЕМЕНА НОВЫХ ИМПЕРИЙ
Очерки геополитики XXI века

Ответственный редактор *Николай Лесин*
Литературный редактор *Алексей Шельвах*
Художественный редактор *Александр Яковлев*
Технический редактор *Любовь Никитина*
Корректор *Анна Лобанова*
Верстка *Любови Копченовой*

Подписано в печать 07.11.2007.
Формат издания 84×108 1/32. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 3000 экз.
Изд. № 70366. Заказ № .

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург, наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
E-mail: info@amphora.ru

Отпечатано с диапозитивов в ОАО «Лениздат».
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

По вопросам поставок обращайтесь:

ЗАО Торговый дом «Амфора»

123060, Москва,
ул. Берзарина, д. 36, строение 2
(рядом со ст. метро «Октябрьское поле»)
Тел./факс: (499) 192-83-81, 192-86-84;
(495) 944-96-76, 946-95-00
E-mail: secret@amphtd.ru

ЗАО Торговый дом «Амфора»

198096, Санкт-Петербург, Кронштадтская ул., д. 11
Тел./факс: (812) 335-34-72, 783-50-13
E-mail: amphora_torg@ptmail.ru